МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»
В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКЕ

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО И
УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

VI Международной научно-практической конференции

Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях

23-24 апреля 2026 года
г. Донецк

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДОНБАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

МАТЕРИАЛЫ
VI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

23-24 апреля 2026 года

г. Донецк – 2026

УДК 67.99(2)8

Редакционная коллегия:

Мироненко Сергей Юрьевич – проректор по научной работе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», канд. юрид. наук, доцент (г. Донецк);

Собин Дмитрий Владимирович – заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», канд. юрид. наук (г. Донецк);

Мамона Татьяна Михайловна – старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» (г. Донецк);

Козачёк Евгения Сергеевна – старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» (г. Донецк);

Гром Екатерина Анатольевна – старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» (г. Донецк);

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: Материалы VI международной научно-практической конференции, 23-24 апреля 2026 года, / отв. ред. Собин Д.В. – Донбасский государственный университет юстиции. – Донецк, 2026. – 328 с.

Сборник содержит материалы VI международной научно-практической конференции. Анализируются проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях.

Материалы представлены в авторской редакции. Ответственность за содержание докладов и тезисов несут авторы.

©Авторы тезисов и докладов, 2026

Уважаемые участники научно-практической конференции,
дорогие коллеги, гости, друзья!

Приветствуем Вас на VI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях», проводимой на базе одного из ведущих юридических вузов на юге России – Донбасского государственного университета юстиции.

Более десяти лет университет осуществляет подготовку кадров для сферы юриспруденции, поддерживает полилог с действующими профессионалами и научными деятелями, активно продвигая ценности образования, укрепляя связи с коллегами из регионов, изучая и развивая правовое поле России.

Нам есть, чем гордиться. Прошедший 2025 год порадовал изобилием научных мероприятий, проводимых как в стенах ДГУЮ, так и при участии его представителей за пределами университета. Результаты первого Донбасского юридического форума, круглых столов и конференций в очередной раз подтвердили потенциал и ресурсность профессиональных кадров Донбасса и готовность брать новые высоты.

Сегодня мы собрались, чтобы традиционно обсудить проблемы современной уголовно-правовой доктрины и практики, обменяться мнениями, взглядами и опытом. Непрерывная динамика законодательства, неоднозначные тенденции гуманизации уголовного права и расширения сферы криминализации, необходимость в укреплении международного сотрудничества в борьбе с преступностью и многие другие аспекты требуют научно-обоснованных подходов. Надеемся, что сегодняшняя конференция станет универсальным инструментом для продуктивного полилога, укрепления научных связей среди участников, выработки текущих и стратегических решений.

Проректор по научной работе
Донбасского государственного университета юстиции
кандидат юридических наук, доцент
С. Ю. Мироненко

СЕКЦИЯ 1

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 343.85

Авдеев В. А.
доктор юрид. наук, профессор, профессор Высшей школы права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет», г. Ханты-Мансийск
Авдеева О. А.
доктор юрид. наук, доцент, профессор кафедры основ государственности и цивилистики федерального казенного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Восточно-Сибирский институт МВД России», г. Иркутск

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ

Аннотация. В статье анализируется уголовно-правовая политика РФ в контексте специфики ключевых направлений ее реализации в условиях современных угроз и вызовов. Особое внимание уделено новым тенденциям уголовно-правовой политики в сфере криминализации деяний и пенализации с учетом меняющегося мироустройства и трансформации международных отношений, обеспечивающим суверенитет и различные виды национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: международное право, национальная система права, уголовно-правовая политика, национальная безопасность.

Avdeev V. A., Avdeeva O. A.

CRIMINAL LAW POLICY: CURRENT ISSUES OF IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF MODERN THREATS

Annotation. The article analyzes the criminal law policy of the Russian Federation in the context of its implementation amid modern threats and challenges. Special attention is paid to new trends in state legal policy in the field of criminalization of acts and penalization, taking into account the changing world order of newly formed international relations in the context of ensuring the sovereignty and national security of the Russian Federation.

Keywords: international law, national legal system, state policy, criminal law

policy, national security.

Модернизация российской политической системы и национальной системы права сопровождается признанием России в качестве социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Основными направлениями развития государства являются самостоятельно осуществляемая политика, укрепление суверенитета, обороноспособности и обеспечение политической стабильности, внутреннего единства, развитие экономики и наращивание промышленного потенциала.

Современный этап государственно-правового строительства отличается новыми направлениями внешнеполитического курса. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года актуализации подлежат ключевые направления, цели и задачи внешнеполитической деятельности государства. Расширение взаимовыгодного международного сотрудничества, поддержание глобальной безопасности и обеспечение мирного развития государств предполагает определение внешнеполитических национальных интересов России [1].

В Стратегии национальной безопасности 2021 г. отмечается, что внешняя политика РФ направлена на повышение устойчивости международных отношений, основанных на принципах равной, всеобщей и неделимой безопасности, углубление международного взаимодействия для решения глобальных и региональных проблем с учетом координирующей роли ООН и Совета Безопасности. Реализация военной политики ориентирована на обеспечение защищенности России от военных угроз и опасностей. Стратегическими национальными приоритетами признаются: развитие человеческого потенциала и сбережение народа России; оборона государства; общественная, государственная, информационная, экономическая, экологическая безопасность; взаимовыгодное международное сотрудничество и стратегическая стабильность [2]. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года в области национальной безопасности среди ключевых направлений определены такие направления, как: сбалансированное пространственное и региональное государственное развитие; обеспечение безопасности экономической деятельности; развитие человеческого потенциала [3].

Современная уголовно-правовая политика разрабатывается и реализуется в условиях глобализации международной жизни. Основной целью уголовно-правовой политики признается повышение эффективности механизма уголовно-правового воздействия на социально значимые, регулируемые и охраняемые государством общественные отношения. Основополагающей целью уголовно-правовой политики следует считать формирование правовых основ обеспечения правомерного поведения граждан РФ с учетом сознательно-волевого восприятия ими общественной опасности и полезности совершаемых действий, основанного на соизмерении личных интересов с интересами общества и государства.

Современный этап государственно-правового развития, связанный с

возникновением новых угроз и вызовов, сопровождается поэтапной новеллизацией уголовного закона в области криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации). Ввиду актуальности данного процесса основные направления реализации уголовно-правовой политики подлежали исследованию на страницах юридической литературы [4-6]. Специалисты отмечают стратегическую роль в уголовно-правовой политике намеченных государством основных направлений противодействия преступности [7-11].

Исследуя вопросы, связанные с научным прогнозированием тенденций развития преступности в современных реалиях, выявлением основных детерминант новых видов преступлений, разработкой и осуществлением опережающих мер в области противодействия преступности, стоит обратить внимание на следующие показатели. Согласно данным официальной статистики МВД РФ, в исследуемый период регистрации подлежала следующая численность преступлений: 2016 г. – 2160063; 2017 г. – 2058476; 2018 г. – 1991532; 2019 г. – 2024337; 2020 г. - 2044221; 2021 г. - 2004404; 2022 г. – 1966795; 2023 г. - 1947161; 2024 г. - 1911258; 2025 г. - 1771174. Наметившаяся тенденция неуклонного снижения в 2021-2025 гг. общей численности зарегистрированных преступлений сопровождается одновременным ростом отдельных их видов. Так, в 2025 г. наметился рост тяжких и особо тяжких преступлений (1,7%), преступлений экономической направленности (1,7%), налоговых преступлений (3,1%), преступлений террористического характера (59,4%), преступлений экстремистской направленности (30,4%), преступлений коррупционной направленности (12,3%), организации незаконной миграции (20,4%). Отмечен рост зарегистрированных случаев хулиганства и вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий соответственно на 13,4% и 16,2%. Подтверждением причиняемого преступлениями физического, морального и материального вреда являются следующие показатели официальной статистики. Материальный ущерб в рассматриваемый период составил: 2016 г. - 562,62; 2017 г. - 408,49; 2018 г. - 563,1; 2019 г. - 627,69; 2020 г. - 512,83; ; 2021 г. – 834,47; 2022 г. – 748,31; 2023 г. – 587,57; 2024 г. – 627,91; 2025 г. – 767,83 млрд. рублей. Анализ данных официальной статистики показывает, что в 2024-2025 гг. имеет место неуклонный рост причиненного совершенными преступлениями материального ущерба.

Анализа заслуживают показатели рецидивной преступности среди отбывших наказание осужденных лиц, характеризующиеся стабильно высоким удельным весом. Показатель выявления за вновь реализованное преступное деяние лиц, ранее совершавших преступления составил в 2025 году 53,2%. Что касается уголовной ответственности, то в первом полугодии 2025 г. общая численность осужденных составила 215749 человек. Каждому четвертому из числа привлеченных к уголовной ответственности было назначено лишение свободы (26,33%), каждому пятому - условное осуждение к лишению свободы (21,42%), каждому шестому - штраф (17,1%), каждому восьмому - обязательные работы (12,49%), каждому двенадцатому - исправительные работы (8,63%), каждому двадцатому - ограничение свободы

(5,01%). Принудительные работы были назначены 4,63% осужденных. Удельный вес условно осужденных к иным мерам составил 1,04%. Минимальными являются показатели осужденных к пожизненному лишению свободы (0,025%), содержанию в дисциплинарной воинской части (0,005%), ограничению по военной службе (0,0037%).

Особого внимания в рамках реализуемой уголовно-правовой политики заслуживает новеллизация норм уголовного закона. Анализ криминализации (декриминализации) деяний показал, что актуализируется тенденция, сопряженная с введением в уголовный закон в 2016-2025 гг. значительного числа новых составов преступлений и исключением единичных составов. Процесс криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации) отражается на изменении редакций отдельных норм, обеспечивающих функционирование механизма уголовно-правового регулирования. Введению в уголовный закон подлежат новые составы преступлений, регламентируемые в ст. 201^2, 201^3, 207^1, 207^2, 207^3, 222^2, 243^4, 264^2, 264^3, 274^2, 275^1, 280^4, 282^4, 283^2, 280^3, 284^2, 285^5, 285^6, 352^1, 356^1 УК РФ.

Заслуживает внимания регламентация нового состава преступления – нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280^2 УК РФ). Преступными и наказуемыми признаны деяния, предусмотренные ст. 281^1-281^3 УК РФ и устанавливающие уголовную ответственность за содействие диверсионной деятельности, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, организацию диверсионного сообщества и участие в нем.

Криминализации подлежали: занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210^1 УК РФ); воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124^1 УК РФ); подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200^7 УК РФ); незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171^5 УК РФ). Введена уголовная ответственность за дачу заведомо ложного заключения эксперта в области государственных закупок (ст. 200^6 УК РФ). Усилению подлежала уголовная ответственность за фальсификацию учетных документов и отчетности финансовых организаций (ст. 172^1, 172^3 УК РФ).

Обращение к Федеральному закону от 17.11.2025 г. № 420-ФЗ показало, что конкретные изменения и дополнения редакционного характера внесены в содержание норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса. Совершенствованию подлежали нормы, регламентированные ст. 20, 35, 64, 73, 78, 79, 83, 92, 205^1, 281^1 УК РФ. В настоящее время уголовная ответственность с 14 лет предусмотрена за ряд дополнительных составов преступлений, регламентированных, в частности, в главах 24, 29 УК РФ. В перечень преступлений, возраст уголовной ответственности за совершение которых наступает с 14 лет, включены: содействие террористической деятельности; организация деятельности террористической организации; диверсия; содействие диверсионной деятельности; прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности; организация и участие в диверсионном сообществе и др. В результате перечень составов преступлений по ч. 2 ст. 20 УК РФ расширился до тридцати семи наименований,

ответственность за которые наступает по достижении четырнадцати лет. Таким образом, современная уголовно-правовая политика ориентирована на законодательную регламентацию более строгих мер ответственности за совершение преступлений, посягающих на общественную безопасность, основы конституционного строя и безопасность государства.

Анализируя новеллизацию нормы, предусмотренной в ч. 5 ст. 35 УК РФ, стоит отметить введение дополнительных составов преступлений, подлежащих регламентации в ст. 205^5, 281^3, 282^1 УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность соответственно для создавшего организованную группу или преступное сообщество лица либо их участников. Редакционные дополнения, внесенные в содержание ч. 3 ст. 64 УК РФ, ориентированы на расширение перечня преступлений террористического характера, исключающих возможность снижения наказания для виновных лиц ниже установленного законом предела. Внесенные дополнения в п. «$а^1$» ч. 1 ст. 73 УК РФ связаны с определением перечня составов преступлений, совершение которых исключает вероятность назначения условного осуждения. На основании ч. 5 ст. 78 и ч. 4 ст. 83 УК РФ расширен перечень преступлений, совершение которых исключает применение сроков давности для освобождения от уголовной ответственности и наказания. С учетом п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ введены дополнительные составы преступлений, предусматривающие возможность применения к осужденному условно-досрочного освобождения лишь после отбытия трех четвертей назначенного срока наказания. Исходя из содержания ч. 5 ст. 92 УК РФ расширению подлежит перечень составов преступлений, исключающих возможность освобождения от наказания несовершеннолетних осужденных к лишению свободы за совершение преступлений средней тяжести или тяжкого преступления с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Изменение диспозиций норм, предусмотренных ч. 2 ст. 205^1, ч. 2 ст. 281^1 УК РФ, предопределило установление повышенной ответственности за склонение несовершеннолетнего к террористической или диверсионной деятельности, в частности, виновному грозит от десяти до двадцати лет лишения свободы или пожизненное лишение свободы.

Нельзя не отметить особенности новеллизации, связанные с принятием Федерального закона от 29.12.2025 г. № 534-ФЗ, направленного на модификацию положений, закрепленных в ст. 337-339 УК РФ. Оптимизация и адекватизация уголовно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с совершением преступлений против военной службы, ориентирована на последовательную криминализацию и пенализацию деяний. Например, перечень квалифицированных видов указанных составов преступлений дополнен новыми видами. В содержание ст. 337 УК РФ дополнительно вводятся новые квалифицированные и особо квалифицированные виды состава самовольного оставления части или места службы, предусмотренные ч. 2.2, ч. 3.2, ч. 6 анализируемой статьи. Изменена редакция ч. 3.1 ст. 337 УК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что актуализация научных исследований в области национальной уголовно-

правовой политики предопределена как новеллизацией норм уголовного законодательства, вызванной необходимостью своевременного урегулирования сфер, характеризующихся нарастанием ввиду новых угроз и вызовов уровня социально-правового конфликта, так изменениями, связанными с трансформацией международной политики и международных отношений. Вместе с тем оправданным представляется наряду с адекватизацией мер уголовно-правового характера активизация деятельности законодателя, ориентированной на разработку опережающей модели уголовно-правового регулирования. В целях дальнейшего совершенствования законотворчества в области уголовно-правового регулирования необходимым является актуализация Концепции уголовно-правовой политики, позволяющая с учетом правового прогнозирования и правового моделирования определить стратегические направления по предотвращению (минимизации) процесса криминализации отдельных сфер общественных отношений.

В качестве приоритетных направлений в области уголовно-правовой политики предлагается определить: 1) научное прогнозирование тенденций развития преступности, выявление ее основных детерминант, разработку и осуществление доктринально обоснованных опережающих мер в области противодействия преступности; 2) согласованность деятельности государственных органов, представителей гражданского общества, направленной на противодействие преступности; 3) повышение эффективности противодействия преступности на основе взаимосвязи аналитических, уголовно-правовых, организационно-практических, информационно-ориентационных и других мер.

Список использованных источников

1. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 14. – Ст. 2406.

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2021. - № 27 (Ч. II). - Ст. 5351.

3. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2017. - № 20. - Ст. 2902.

4. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Суверенитет государства и правовые меры обеспечения мира и безопасности в национальном праве (ретроспективный анализ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2025. - № 1 (112). - С. 9-25.

5. Амиянц К. А., Захарян О. А., Чемеринский К. В. Уголовно-правовая политика: понятие и содержание // Правовая политика и правовая жизнь. - 2015. - № 2. - С. 53-58.

6. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. - 579 с.

7. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика: понятие, содержание, теоретические основы // Правовая политика субъектов Российской Федерации: материалы круглого стола. Владивосток, 2002. - С. 255-258.
8. Бойко А. И. Уголовная политика: учебное пособие. Ростов н/Д, 2008. -192 с.
9. Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник научных трудов по материалам международной конференции (к 100-летию со дня рождения Н. А. Стручкова). М.: Академия управления МВД России, 2022. - 432 с.
10. Долинко В. И. Современная уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере экономической безопасности // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2019. - № 1(48). - С. 40-45.
11. Кашапова Е. С. Некоторые аспекты уголовно-правовой политики противодействия преступности в сфере высоких технологий // Закон и право. - 2018. - № 9. - С. 119-123.

УДК 343.352

Белостоцкая Е. В.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Косяк Е. Л.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ДАЧА ВЗЯТКИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация: В статье исследуется состав преступления, предусмотренного статьей 291 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются объективные и субъективные признаки дачи взятки, проблемы квалификации размера и множественности лиц. Рассматриваются современные позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации и актуальная судебная практика по исследуемому вопросу. Особое внимание уделено условиям освобождения от уголовной ответственности взяткодателя.

Ключевые слова: взятка, коррупция, должностное лицо, уголовная ответственность, квалификация преступлений, освобождение от ответственности.

Belostotskaya E. V., Kosyak E. L.

Bribery: Criminal Law Characteristics and Qualification Issues

Abstract: The article examines the crime scene provided for in Article 291 of the Criminal Code of the Russian Federation. Objective and subjective signs of giving a bribe, problems of qualifying the size and plurality of persons are analyzed. The article considers the current positions of the Russian Federation Supreme Court Plenum and current judicial practice which relate to the issue under study. Special attention is paid to the conditions for exemption from criminal liability of the bribe giver.

Keywords: bribe, corruption, official, criminal liability, qualification of crimes, exemption from liability.

Борьба с коррупционными проявлениями сегодня относится к числу приоритетных в уголовно-правовой политике России. В системе таких деяний дача взятки по ст. 291 УК РФ занимает особое положение, поскольку именно наличие контингента потенциальных взяткодателей формирует устойчивый спрос на незаконные услуги со стороны должностных лиц. Однако при кажущейся простоте состава на практике возникает много дискуссионных моментов – как точно определить момент, когда преступление считается оконченным, как отграничить предмет взятки от обычного подарка, как установить признак «заведомой незаконности».

Родовой объект рассматриваемого преступления (ст. 291 УК РФ) – это общественные отношения в сфере законной и нормативно регламентированной деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений. Дополнительным объектом, как следует из научно-практических комментариев к ст. 291 УК РФ, «могут признаваться права и законные интересы граждан либо интересы государства и общества в целом – в тех случаях, когда незаконное вознаграждение передаётся за совершение заведомо незаконных действий» [1].

Предмет взятки – ключевой элемент состава. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 9 июля 2013 года, «под ним понимаются деньги, ценные бумаги, движимое и недвижимое имущество, а также услуги имущественного характера и имущественные права, предоставляемые бесплатно либо по явно заниженной стоимости» [1; 6]. На практике нередки случаи, когда взятка маскируется под обычные гражданско-правовые сделки – договор дарения, займа или возмездного оказания услуг. Здесь главное – выявить притворный характер сделки: если на самом деле имущество дарилось не с целью дарения, а была достигнута договорённость о совершении должностным лицом конкретных действий за вознаграждение, содеянное следует квалифицировать именно как взяточничество.

С объективной стороны состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291 УК РФ, выражается в незаконной передаче субъекту преступления предмета взятки, согласно научно-практическому комментарию, «в том числе когда по указанию такого адресата ценности передаются другому физическому или юридическому лицу» [1; 6]. Дача взятки – формальный состав преступления, которое считается оконченным с момента, когда должностное лицо приняло хотя бы часть передаваемых ценностей. Если же получатель

отказался брать взятку, то действия взяткодателя квалифицируются как покушение на совершение указанного преступления (ч. 3 ст. 30, ст. 291 УК РФ).

Субъективная сторона предполагает исключительно прямой умысел. Обязательный элемент – специальная цель: «за совершение действий (бездействия)» в интересах взяткодателя или представляемых им лиц. Если такая цель отсутствует (к примеру, обычный подарок без предварительной договорённости о служебном «ответном» поведении в интересах дарителя), то уголовная ответственность по ст. 291 УК РФ исключается.

Уголовная ответственность за рассматриваемое преступление наступает с 16 лет. При этом неважно, занимает ли сам человек какую-либо должность: взяткодателем в равной мере может быть и частное лицо, и представитель организации.

В науке уголовного права продолжается полемика по вопросу разграничения дачи взятки и коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ). Основной критерий здесь – статус того, кто получает незаконное вознаграждение. При взятке это всегда должностное лицо с признаками, перечисленными в примечании к ст. 285 УК РФ. При коммерческом подкупе – лицо, выполняющее управленческие функции в негосударственной (коммерческой или иной) организации. Если взяткодатель по ошибке думал, что передаёт взятку должностному лицу, а на самом деле её принял рядовой сотрудник без необходимых полномочий, то содеянное будет квалифицироваться как покушение на дачу взятки.

Законодатель уделяет серьёзное внимание квалифицированным составам дачи взятки. Часть 2 ст. 291 УК РФ устанавливает повышенную ответственность за дачу взятки в значительном размере. Согласно примечанию к ст. 291, таковым признаётся сумма, превышающая 25 000 рублей. Часть 3 ст. 291 УК РФ вводит ответственность за дачу взятки за заведомо незаконные действия. Признак «заведомой незаконности» означает, что взяткодатель твёрдо знает: требуемое от должностного лица действие противоречит закону (например, выставление заведомо ложного медицинского диагноза, вынесение неправосудного решения, незаконное освобождение от административной ответственности).

Часть 4 ст. 291 УК РФ предусматривает ответственность за групповую взятку (по предварительному сговору либо организованной группой), а также за взятку в крупном размере – свыше 150 000 рублей. Часть 5 этой же статьи – за особо крупную взятку (свыше 1 000 000 рублей).

Обращение к судебной практике последних лет показывает, что наказание по ст. 291 УК РФ последовательно ужесточается. Так, согласно подготовленному прокуратурой Красноярского края обзору судебной практики, «в Красноярске предпринимательницу осудили по ч. 5 ст. 291 УК РФ за передачу 4,5 млн рублей начальнику тыла института МВД – она хотела обеспечить покровительство при заключении госконтрактов; итоговое наказание составило 5 лет лишения свободы условно и штраф 9 млн рублей» [2]. В обзоре судебной практики, подготовленном прокуратурой Московской области, отмечается, что «адвокат, передавший в качестве взятки два миллиона рублей за изменение меры пресечения, получил 8,5 лет колонии строгого

режима, штраф 2 млн рублей и лишение права на занятие адвокатской деятельностью сроком на 5 лет» [7].

Важным стимулом для добровольного прекращения преступной деятельности служит примечание к ст. 291 УК РФ, которое допускает полное освобождение взяткодателя от уголовной ответственности. Для этого нужно наличие хотя бы одного из двух условий в совокупности с активным способствованием раскрытию преступления:

1) вымогательство взятки со стороны должностного лица;

2) добровольное сообщение о преступлении после его совершения.

Под добровольностью понимается, что лицо не было задержано и само обратилось с заявлением. Если же взяткодателя застали с поличным, его последующее признание будет лишь смягчающим обстоятельством, но не основанием для освобождения.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что действующая редакция ст. 291 УК РФ вместе с разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24, в целом позволяет успешно квалифицировать большинство случаев дачи взятки. Тем не менее, сохраняются практические сложности: разграничение провокации взятки и законного оперативно-розыскного мероприятия, доказывание умысла при передаче имущества через посредников либо под видом обычных гражданско-правовых сделок.

Как на проблемный вопрос правоприменения, стоит обратить внимание и на диспозицию ст. 291.1 УК РФ: согласно ей уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве наступает, начиная со значительного размера взятки (25 тысяч рублей). Предлагаемый некоторыми авторами путь устранения этого пробела – квалификация действий посредника при меньшей сумме взятки по правилам ст. ст. 32, 33 УК РФ – представляется неверным, поскольку во главу угла ставится размер взятки, а не характер самого деяния. В связи с этим назрела необходимость изменить диспозицию ст. 291.1 УК РФ в сторону снижения уголовно-наказуемого размера посредничества во взяточничестве – тем более что посредничество как самостоятельное преступление имеет место и при мелком взяточничестве.

Перспективным направлением совершенствования правоприменительной практики является также унификация подходов к исчислению размера вознаграждения при оказании услуг (оплата туристических поездок, ремонтных работ, обучения). Как справедливо отмечает П.В. Никонов, «важную профилактическую роль играют расширение практики специальной конфискации и обеспечение неотвратимости наказания за коррупционные преступления» [5]. С данной позицией следует согласиться и акцентировать внимание правоприменителей на более широкое использование средств профилактики взяточничества.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954. - Текст : непосредственный.

2. Прокуратура Красноярского края. В Красноярске суд вынес обвинительный приговор предпринимательнице за взятки в размере 4,5 млн рублей сотруднику института МВД : новость от 27.10.2025. - URL: https: // epp. genproc.gov.ru/ru/proc_24/mass-media/news/archive/e6335708/ (дата обращения: 02.05.2026). - Текст : электронный.

3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019). - Текст : непосредственный.

4. Прокуратура Вологодской области. Ответственность за дачу взятки : разъяснение от 27.07.2025. - URL: https: // epp. genproc. Gov . ru / ru / proc_35 / activity/legal-education/explain/e5873875/ (дата обращения: 02.05.2026). - Текст: электронный.

5. Никонов, П. В. Теоретические и правовые основы противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения : монография / П. В. Никонов ; Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. - Иркутск : Иркутский юридический институт, 2023. - 164 с. - Текст : непосредственный.

6. Прокуратура Московской области. В Дмитрове суд вынес приговор в отношении адвоката по уголовному делу о даче взятки : новость от 11.09.2025. - RL: https: // epp. genproc. Gov . ru / ru / proc_50 / mass-media / news / archive / e7450671/ (дата обращения: 02.05.2026). - Текст : электронный.

УДК 343.2

Винокуров С. И.
канд. юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории криминологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Москва

О СООТНОШЕНИИ И РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются новые подходы к анализу, оценке и уяснению соотношения и разграничения понятий «общественно-опасное деяние» и «преступление». Отмечается сложный и противоречивый характер осмысления природы, соотношения и взаимосвязей данных понятий. Прослеживается ранее не исследованное в уголовно-правовой доктрине преобразование «общественно опасного деяния» в ходе последующих законотворческих процедур в его разновидности: «уголовный запрет», «нарушение уголовного запрета», «преступление», «иное нарушение уголовного запрета». Отдельное внимание уделяется целесообразности нового, более точного законодательного определения понятия «преступление».

Ключевые слова. Общественная опасность, общественно опасное деяние, уголовный запрет, нарушение уголовного запрета, преступление, иное нарушение уголовного запрета.

Vinokurov S. I.

ON THE CORRELATION AND DIFFERENTIATION OF THE CONCEPTS “PUBLICALLY DANGEROUS ACT” AND “CRIME” IN CRIMINAL LAW DOCTRINE

Abstract. The article discusses new approaches to the analysis and evaluation of the correlation and differentiation of the concepts of “socially dangerous act” and “crime.” It notes the complex and contradictory nature of understanding the nature, correlation, and interrelation of these concepts. The article traces the previously unexplored transformation of “socially dangerous act” into its varieties: “criminal prohibition,” “violation of a criminal prohibition,” “crime,” and “other violation of a criminal prohibition” during subsequent legislative procedures. Special attention is paid to the expediency of a new, more precise legislative definition of the concept of "crime".

Keywords. Public danger, socially dangerous act, criminal prohibition, violation of a criminal prohibition, crime, other violation of a criminal prohibition.

1. Многие серьезные изъяны ныне действующих уголовно-правовой доктрины (далее – доктрина) и уголовного закона (далее – закон) возникли, на наш взгляд, вследствие пробелов, искажений и неточностей определения в них понятий «общественно опасное деяние» и «преступление».

Так, понятие «общественно опасное деяние» многократно используется в УК РФ, однако, в уголовном законе не сформулировано. Указанное обстоятельство обусловливает самое различное толкование данного термина.

Понятие «преступление», хотя здесь и определено, но, на наш взгляд, неточно, что также искажает смысл его восприятия и оценки, а также затрудняет его разграничение с понятием «общественно опасное деяние».

В этой связи необходимо более глубоко и детально проанализировать и оценить **истоки, содержание и процедуру формулирования** заявленных в названии данной статьи понятий в целях комплексного определения их сущности, особенностей, соотношения и разграничения между собой, а также уяснения их места, роли и взаимосвязей в доктрине и законе в целом.

2. Начать анализ следует с осмысления, на наш взгляд, одного из базовых, широко используемых в доктрине и законе понятий – «общественно опасное деяние». Оно впервые было сформулировано в УК РСФСР (1922 г.). Здесь в противоположность **формальному подходу** к определению преступления, ранее принятому в Уголовном уложении царской России, советские разработчики уголовного закона, являясь убежденными сторонниками материалистической идеологии, сформулировали материальное понятие преступления. Под ним они понимали «всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя, правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» [1, 116].

2.1. Оценивая данную формулировку, следует отметить одно серьезное негативное обстоятельство. Оно заключалось в том, что введенное в УК РСФСР понятие «общественно опасное деяние», являясь революционным по своей мировоззренческой сути, тем не менее, воспринималось тогда еще весьма поверхностно, как синоним преступления. В тот период еще не осознавалось, что «общественно опасное деяние», даже угрожая основам советского строя и правопорядку, в чисто юридическом смысле не могло считаться классическим преступлением, поскольку в приведенном определении данного понятия не были указаны ни уголовный запрет общественно опасного действия (бездействия), ни угроза наказания за его нарушение. Более того, представляется, что и **нарушение** указанного запрета, воспрещенное угрозой наказания, не всегда могло квалифицироваться как преступление.

К сожалению, указанное негативное обстоятельство заложило корни последующего искаженного, на наш взгляд, восприятия понятия «преступление» как единственного результата процедуры криминализации.

Так, один из ведущих советских правоведов В.Н. Кудрявцев в одной из коллективных монографий констатировал: «результат криминализации – совокупность норм уголовного права, содержащих перечень преступлений и предусмотренных за них наказаний, а также оснований и условий привлечения виновных к уголовной ответственности и освобождения от нее» [2, 17].

Причем, данное восприятие сохранилось и в ныне действующих доктрине и законе. Об этом свидетельствуют многочисленные работы известных авторов, которые однозначно разделяют данную официальную точку зрения [3, 55-57]. Подтверждают это и названия разделов и глав Особенной части УК РФ, где используются выражения: «преступления против личности», «преступления против жизни и здоровья» и т.д.

Признание «преступления» единственным результатом процедуры криминализации привело, на наш взгляд, к серьезным негативным последствиям. Данное признание обусловило толкование указанного понятия в качестве одной из главных, отправных категорий для уяснения всех других понятий и процедур не только в доктрине и законе, но и в других отраслях знаний уголовно-правовой сферы.

В частности, в криминологии данное понятие, являясь базовым, существенно сузило (и, на наш взгляд, необоснованно) границы исследовательского поля данной науки, которое по факту представляется нам значительно более широким, поскольку его составляют, по нашему мнению, не только преступления, но и иные **нарушения уголовных запретов**, вызывающие, ввиду своей общественной опасности, необходимость активного и комплексного им противодействия.

На самом же деле, как представляется, ни уголовный запрет, ни его нарушение квалифицироваться как преступление не могут до тех пор, пока в совершенном деянии не будут установлены и доказаны в ходе судебного разбирательства все признаки состава преступления.

2.2. Еще одним серьезным недостатком введения в УК РСФСР **понятия «общественно опасное деяние»** следует признать отсутствие здесь определения предшествующего ему базового понятия – **«общественная**

опасность».

Дело в том, что любое «общественно опасное деяние», как показывает практика, хотя и является основным носителем вредоносных свойств объективной действительности, тем не менее, не исчерпывает своим содержанием всего вредоносного потенциала криминальной реальности. Указанный потенциал гораздо масштабнее и объемнее, поскольку на характер и степень опасности указанного деяния оказывают существенное негативное воздействие и другие вредоносные элементы: антиобщественные лица, криминогенные обстановка, негативные обстоятельства, наличие особо уязвимых объектов и т.д.

Следовательно, по логике, общественно опасное деяние должно было бы быть, производным от более весомого и масштабного криминогенного феномена. Именно в качестве такого феномена и должно было бы выступать явление (понятие) «общественная опасность», которое представляет собой совокупное, в высокой степени вредоносное свойство определенного множества деструктивных элементов криминальной реальности, угрожающее причинением существенного вреда охраняемым уголовным законом объектам.

Однако, в те далекие годы все наши нынешние рассуждения еще были неведомы законодателю, поскольку **понятие «общественная опасность»** отличалось исключительной новизной и отсутствием необходимой содержательной ясности. В частности, не было понятно, каковы его слагаемые и какое вредоносное качество объективной реальности вызывает угрозу причинения уголовного вреда. Поэтому адекватное восприяти**е**, осмыслени**е** и толкование данного понятия в тот период были невозможны.

При этом разработчики УК РСФСР ограничились самым общим, недостаточно точным толкованием «общественной опасности» и «общественно опасного деяния», фактически сведя их к понятию «преступление».

2.3. В настоящее время процедура признания «общественной опасности и «общественно опасного деяния» в нашем понимании выглядит совсем иначе.

Прежде всего следует указать на большую значимость самого факта признания общественной опасности. Он играет ключевую, принципиально важную, знаковую роль, поскольку все возникающие после данного признания процедуры и понятия, производные от общественной опасности, приобретают в юридическом смысле исключительно особый смысл, имеющий наивысшую степень вредоносности, не сравнимую с негативными признаками или свойствами любых других правонарушений.

При этом следует специально отметить, что, признанная законодателем «общественная опасность» пропитывает своим вредоносным свойством все другие производные от нее понятия и, прежде всего, «общественно опасное деяние» и все его разновидности. Таким образом, все последующие понятия, возникающие в процессе формирования уголовного закона, наделяются признаком общественной опасности.

2.4. Углубленный анализ понятия «общественно опасное деяние» вызывает необходимость рассмотрения особого, промежуточного этапа законотворческой деятельности, именуемого предпосылками криминализации (введением в криминализацию). Целесообразность данного подхода обусловлена

объективной невозможностью запретить явление (понятие) «общественная опасность», представленное совокупным множеством деструктивных элементов криминальной реальности.

С учетом отмеченного перед законодателем возникает объективная необходимость выбора из множества указанных деструктивных элементов одного единственного, отличающегося **двумя обязательными условиями**. Первое заключается в том, что подлежащий запрету вредоносный элемент должен обладать признаком общественной опасности и быть основным носителем угрозы причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом объектам. Второе условие определяется пригодностью данного элемента быть предметом уголовного запрета.

В качестве вредоносного элемента, отвечающего обоим условиям, законодатель выбирает **общественно опасное деяние**, которое и становится всеобщей категорией, обозначающей главного носителя общественной опасности, и служащего основанием уголовного запрета.

При этом принципиально важно отметить, что в уголовно-правовой сфере реально существует только одна признанная законодателем **всеобщая категория** понятий, характеризующая любое общественно опасное поведение в качестве **«общественно опасного деяния».** Главным отличительным негативным свойством данного понятия является то, что оно **реально угрожает причинением** (в законотворческой сфере) **либо причиняет (**в сфере правоприменения) **существенный вред охраняемым уголовным законом ценностям (объектам)**.

Указанное свойство вызывает у законодателя необходимость решительного **противодействия** любым разновидностям общественно опасного деяния. Причем, указанное противодействие реализуется в границах установленных конкретных юридических процедур, в ходе которых базовое «общественно опасное деяние» преобразуется в определенные разновидности (аналоги)**.**

Для того, чтобы определить эти разновидности, следует иметь четкое представление о системе указанных процедур. Одна из них (введение в криминализацию) уже была упомянута. Однако, наиболее сложный и противоречивый характер имеют трансформации «общественно опасного деяния» в ходе реализации еще одной процедуры – **криминализации**.

3. Указанная процедура отличается исключительной сложностью и противоречивостью. Здесь «общественно опасное деяние» **на первом этапе** преобразуется в «уголовный запрет», предусматривающий угрозу наказания за его нарушение.

Однако, угроза наказания зачастую не срабатывает и уголовные запреты нарушаются. Данное обстоятельство обусловливает выделение **второго этапа криминализации**, весьма значимого для последующего углубленного анализа содержания и особенностей прогнозируемых законодателем различных нарушений уголовного запрета. Указанный анализ необходим, в частности, для определения причин неодинаковой ответственности нарушителей уголовных запретов за свое противоправное поведение.

Одной из таких причин является то, что нарушителями могут быть самые различные индивиды.

В их числе субъекты, обладающие всеми установленными уголовным законом необходимыми личностными признаками (возраст, вменяемость, виновность и др.).

Однако, наряду с ними, в числе нарушителей могут быть и лица, не достигшие возраста привлечения к уголовной ответственности (ч. 1, 2 ст. 20 УК РФ); несовершеннолетние, отстающие в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством (ч. 3 ст. 20 УК РФ); невменяемые (ст. 21 УК РФ), невиновные (ст. 28 УК РФ). Указанные лица не могут признаваться субъектами совершения преступления, поскольку все нарушения ими уголовных запретов, не могут квалифицироваться в качестве преступлений, а, следовательно, подлежать наказанию.

Помимо личностных различий нарушителей запретов существенное значение могут иметь и содержательные особенности непосредственно самих нарушений уголовных запретов. Имеются в виду ситуации, когда в нарушениях могут отсутствовать не только необходимые субъективные признаки состава преступления, но и объективные, характеризующие, например, объект или объективную сторону соответствующего состава.

Следовательно, упомянутые выше особенности реализации уголовной ответственности применительно к различным нарушителям запретов позволяют более четко уяснить основные причины разной уголовной ответственности за, казалось бы, одни и те же нарушения. Это актуализирует научный поиск способов объяснения возникающих противоречий с помощью выделения и разграничения в любом прогнозируемом законодателем нарушении уголовного запрета составляющих его элементов. В частности, речь идет об определении в составе данного нарушения двух его разновидностей: «преступление» и «иное нарушение уголовного запрета».

Таким образом, предпринятый нами анализ позволил, на наш взгляд, обосновать адекватность определения понятия «преступление» в качестве одного из составных частей цельного понятия – «нарушение уголовного запрета».

Отсюда, представляется достаточно очевидным, что укоренившееся в доктрине и законе представление о том, что в результате криминализации однозначно рождается только исключительно одно понятие – «преступление», вызывает серьезные сомнения.

3.1. В этой связи представляется целесообразным обратить внимание на действующее в настоящее время определение понятия «преступление» в УК РФ. Данное понятие сформулировано в ч. 1 ст. 14 данного уголовного закона и гласит: **«преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»**.

Углубленный анализ данного определения показывает, что оно сформулировано таким образом, что его конструкция не исключает возможности виновного совершения общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания (уголовного запрета), которое, тем не менее, квалифицироваться в качестве преступления не может.

Имеются в виду, например, упомянутые выше деяния, совершенные

лицами, не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности, несовершеннолетними, отстающими в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, и др. Отсюда, представляется очевидным, что «виновность», введенная законодателем в качестве признака, идентифицирующего преступление, выполнить предназначенную ему роль объективно не в состоянии.

Поэтому, на наш взгляд, есть все основания полагать, что **в ч. 1 ст. 14 УК РФ дано понятие не преступления, а «уголовного запрета»**. Причем, последний может включать в себя не только преступления, но и иные, в том числе виновно совершенные общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания, которые преступлениями не являются.

Следовательно, сформулированное в УК РФ понятие преступления представляется нам неточным, требующим корректировки. С учетом сказанного преступлением, на наш взгляд, может быть признано **совершенное (совершаемое) общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, содержащее все признаки состава преступления**.

В этой связи следует также отметить, что приведенная дефиниция обусловливает необходимость введения в УК РФ новой, отдельной нормы, кратко формулирующей понятие «состав преступления».

3.2. Отдельного внимания заслуживает определение **понятия** «иное нарушение уголовного запрета», которое в настоящее время в уголовном законе отсутствует. Данный пробел обращает на себя серьезное внимание в связи с тем, что **деяния, совершенные** лицами, не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности, несовершеннолетними, отстающими в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, а также невменяемыми не получили надлежащего правовой оценки и регулирования в действующем уголовном законе.

Так, не ясна юридическая природа нарушения уголовного запрета невменяемыми, хотя этому посвящена отдельная, 15 глава УК РФ.

Нет определенности и в оценке нарушений, совершенных лицами, не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности, а также несовершеннолетними, отстающими в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством. И это при том, что данные нарушения получили значительное распространение на практике, о чем свидетельствуют отдельные публикации ряда исследователей.

Так, Н.В. Щедрин и А.А. Тупикова в своей статье отмечают, что «ежегодно в стране выявляется более 300 тыс. общественно опасных деяний несовершеннолетних, причем 100 тыс. из них совершается лицами, не достигшими возраста 14 лет, что исключает их уголовную ответственность в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации" [4, 151].

Другой автор Е.А. Антонян фиксирует, что "доля несовершеннолетних, на которую приходится основное количество вынесенных судами решений о назначении принудительных мер воспитательного воздействия, приходится на возрастную категорию 14 - 15 лет и составляет 65%» [5, 112].

Таким образом, практика противодействия нарушениям уголовных запретов, не являющихся преступлениями, в суммарном выражении весьма существенна. Причем, здесь следует дополнительно учитывать еще и латентный фактор подобных нарушений, поскольку ни доктрина, ни закон эту сферу надлежащим образом не регулируют.

В этой связи представляется целесообразным существенно активизировать исследование данной проблемы с целью ее скорейшего надлежащего правового решения. Что касается нашего представления о понятии «иное нарушение уголовного запрета», то под ним следует подразумевать любое **совершенное (совершаемое) общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, не содержащее всех признаков состава преступления**.

Таким образом, использование в законотворческой практике предложенных в данной статье новых подходов к осмыслению сущности, содержания, соотношения и разграничения понятий «общественно опасное деяние» и «преступление» будет способствовать кардинальному совершенствованию рассматриваемых доктрины и закона.

Список использованных источников

1. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). Государственное издательство юридической литературы. М., 1953. С. 116.

2. Основания уголовно-правового запрета. Академия наук СССР. Институт государства и права. Издательство «Наука». М. 1982. С. 17.

3. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: Монография. М., 2019. С. 55 – 57.

4. См.: Щедрин Н.В., Тупикова А.А. Возраст мер уголовного воздействия // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2017. N 2 (51). С. 151.

5. См.: Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex russica. 2018. N 9 (142). С. 112.

УДК 341.48

Горбовская К. И.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Гапотченко Г. Н.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
уголовно-процессуального права и криминалистики
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГЕНОЦИДУ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. Настоящая работа посвящена комплексному анализу проблематики квалификации геноцида в контексте актуальных тенденций развития отечественного уголовного законодательства. В ходе научного исследования была изучена отдельная правоприменительная практика. Применимый в работе сравнительно-правовой метод позволил обнаружить пробелы в диспозиции статьи 357 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее, УК РФ). Обуславливается необходимость дополнения перечня охраняемых законом категорий групп. Автор предлагает собственные формулировки соответствующих изменений.

Ключевые слова: геноцид, ст. 357 УК РФ, уголовная ответственность, «расчеловечивание», международное уголовное право, совершенствование законодательства, специальный умысел.

K. I. Gorbovskaya, G. N. Gapotchenko

IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGAL COUNTERACTION TO GENOCIDE: LEGISLATIVE GAPS AND WAYS TO OVERCOME THEM

Annotation. This work is devoted to a comprehensive analysis of the issues of genocide qualification in the context of current trends in the development of domestic criminal legislation. In the course of scientific research, a separate law enforcement practice was studied. The comparative legal method used in the work made it possible to identify gaps in the disposition of Article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter, the Criminal Code of the Russian Federation). It is important to supplement the range of legally protected categories of groups. The author suggests his own formulations of the relevant changes.

Keywords: genocide, Article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal liability, dehumanization, international criminal law, improvement of legislation, special intent.

Проблема противодействия геноциду является актуальной для современного уголовного права и международных отношений. Даже при существовании обширной международно-правовой основы (Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Римский статут Международного уголовного суда 1998 г.), процессы внедрения указанных норм в отечественное законодательство сопряжены с определёнными сложностями. Для Российской Федерации этот вопрос, на наш взгляд, имеет особое значение в рамках защиты мирного населения и правовой оценки событий на территории Донбасса, где действия вооруженных формирований приобретают признаки систематического уничтожения групп населения.

Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.12.2023 №

44 стало важным шагом в унификации судебной практики по теме научного исследования. Однако действующая редакция ст. 357 УК РФ содержит ряд законодательных пробелов, снижающих эффективность уголовно-правовой охраны мира и безопасности человечества. В частности, ограниченность перечня защищаемых групп и отсутствие ответственности за подстрекательство не позволяют в полной мере реализовать превентивную функцию уголовного закона.

Анализ научных исследований. В современной науке уголовного права вопросы усовершенствования законодательства о геноциде вызывают активные научные дискуссии. Вклад в разработку данной проблематики внесли такие исследователи, как Г.Л. Москалев, В.В. Седнев, А.В. Рогожкин и ряд других ученых.

Цель статьи заключается в разработке предложений по преобразованию уголовного законодательства Российской Федерации в сфере противодействия геноциду на основе анализа доктринальных источников и судебной практики. Для достижения цели поставлены задачи: проанализировать объективные и субъективные признаки состава геноцида, выявить несоответствия между международными стандартами и уголовным законодательством РФ, сформулировать авторские предложения по обновлению норм Особенной части УК РФ.

Геноцид – это действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы [9]. Действующая диспозиция ст. 357 УК РФ воспроизводит определение геноцида, закрепленное в Конвенции ООН 1948 года. Вместе с тем, за истекшие десятилетия ситуация в сфере преступности претерпела значительные трансформации. Анализ исследований некоторого зарубежного опыта и законодательства позволяет, на наш взгляд, выделить ключевые пробелы, требующие законодательного решения.

По нашему мнению, требуется рассмотреть вопрос недостаточности перечня категорий, находящихся под уголовно-правовой охраной. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. (далее, Конвенция ООН 1948 г.) и нормы УК РФ охраняют только национальные, этнические, расовые и религиозные группы. Политические и социальные группы остаются за рамками уголовно-правовой защиты, хотя история XX–XXI вв. имеет множество примеров их уничтожения. Анализ законодательства отдельных иностранных государств свидетельствует об устойчивой тенденции к расширению указанного перечня. Например, Уголовный кодекс Латвии включает «социальную группу» и «группу людей определённых общих убеждений» [11], Уголовный кодекс Республики Польша — «политические группы» [12], а Уголовный кодекс Республики Беларусь охраняет «группы, определённые на основе любого другого произвольного критерия» [10].

Мы полагаем необходимым расширить диспозицию статьи 357

Уголовного кодекса России за счёт включения в неё «социальной группы», а также «группы лиц, объединённых общими политическими взглядами». Подобное законодательное новшество, на наш взгляд, позволит устранить дефекты правового регулирования в системе уголовно-правовой защиты наиболее незащищённых категорий граждан, что будет способствовать гармонизации отечественного законодательства с актуальными международными стандартами в области защиты прав человека.

Вторым аспектом, требующим модернизации, является неполнота объективной стороны преступления. Современная практика международных трибуналов подтверждает, что систематическое сексуальное насилие может использоваться как инструмент геноцида. В решении по делу Прокурор против Жана-Поля Акаесу (1998 г.) [1]. Международный уголовный трибунал по Руанде указал, что изнасилование может представлять собой деяние геноцида, если оно совершается с намерением уничтожить группу. Данный признак в действующей редакции УК РФ прямо не закреплён, что создаёт пробел в уголовно-правовом регулировании и затрудняет квалификацию подобных деяний.

Включение в диспозицию ст. 357 УК РФ пункта о «систематическом сексуальном насилии», по нашему мнению, повысит эффективность борьбы с данным видом преступлений и обеспечит существенную реализацию норм международного права.

Отдельного внимания заслуживает проблема отсутствия ответственности за подготовку и подстрекательство. Статья III Конвенции ООН от 1948 г. предусматривает наказуемость прямого и публичного подстрекательства к геноциду. [3] В российском уголовном праве отсутствует самостоятельный состав за публичные призывы. Действующие нормы об экстремизме (ст. 282 УК РФ) не полностью охватывают общественную опасность таких деяний, так как не содержат специальной цели уничтожения группы. Мы полагаем, что введение новой ст. 357.1 УК РФ («Публичные призывы к совершению геноцида») создаст необходимый превентивный механизм и позволит пресекать преступление на ранних стадиях формирования умысла.

Анализ трудов отдельных ученых позволяет выделить некоторые ключевых направлений совершенствования ст. 357 УК РФ.

Г.Л. Москалев в своем исследовании обращает внимание на неполную имплементацию норм Конвенции ООН 1948 г. в российское законодательство. В частности, ученый обосновывает необходимость введения в Уголовный кодекс Российской Федерации самостоятельной статьи 357.1, предусматривающей ответственность за «публичные призывы к совершению геноцида» [4, с. 175]. По мнению автора, это позволит устранить пробел в праве и создать эффективный превентивный механизм противодействия преступлению на ранних стадиях формирования умысла. Кроме того, Г.Л. Москалев предлагает использовать блочную структуру нормы для дифференциации ответственности. Представляется, что данное предложение заслуживает поддержки, поскольку блочная структура действительно оптимизирует правоприменительную практику.

В.В. Седнев обращает внимание на сложности доказывания субъективной

стороны геноцида. Им обоснована целесообразность нормативного закрепления понятия «расчеловечивание» как элемента субъективной стороны преступления. Данный феномен ученый определяет как «отрицание принадлежности индивида (групп индивидов) ... к человеческому роду, лишение этих объектов прав человека... с переходом к деятельности по уничтожению "нелюдей"» [8, с. 135]. Таким образом, введение указанного термина к статье, по мнению исследователя, оптимизирует квалификацию преступления и поможет следствию в установлении специального умысла.

А. В. Рогожкин в работах, посвященных реализации норм международного права, указывает на тенденцию зарубежного законодательства к расширению перечня защищаемых групп. Ученый констатирует, что «уголовные кодексы подавляющего большинства стран мира демонстрируют... стремление к их расширенным определениям и толкованиям с учётом... национальных традиций» [7, с. 19]. Данная позиция поддерживает предложение о дополнении ст. 357 УК РФ указанием на социальные и политические группы, что соответствует современным вызовам и опыту государств (Польша, Латвия, Беларусь). Изложенные доктринальные позиции создают прочную теоретическую базу для предложенных ниже законодательных изменений.

Ключевым элементом субъективной стороны геноцида является специальный умысел (dolus specialis) — намерение уничтожить группу как таковую. В правоприменительной деятельности установление данного намерения осложняется отсутствием прямых письменных распоряжений. В юридической литературе аргументирована взаимосвязь между геноцидом и феноменом «расчеловечивания» — отрицания принадлежности пострадавших групп к человеческому роду. В.В. Седнев обосновывает необходимость рассмотрения указанного понятия в качестве элемента субъективной стороны, который понимается как «публичное непризнание принадлежности индивида или группы индивидов к человеческому роду, имеющее целью лишение их фундаментальных прав».

Полагаем, что законодательное закрепление дефиниции «расчеловечивания» в примечании к ст. 357 УК РФ способно стать существенным инструментом для органов предварительного расследования и суда при установлении мотивационной основы действий виновных лиц. Это особенно актуально в свете решений судов по установлению факта геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны, где установление умысла основывалось на анализе идеологических доктрин нацистского режима.

На основе проведённого анализа аргументируется необходимость внесения корректировок в главу 34 УК РФ по следующим направлениям:

1. Изложение статьи 357 УК РФ в новой редакции с применением блочной структуры нормы и выделением квалифицированных составов, что обеспечит дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от тяжести содеянного

2. Введение в Уголовного кодекса Российской Федерации статьи 357.1, устанавливающей ответственность за публичные призывы к действиям, направленным на уничтожение защищаемых групп.

3. Дополнение статьи 357 УК РФ примечанием, содержащим определение «расчеловечивания» как элемента субъективной стороны геноцида, выражающегося в публичном отрицании принадлежности лица к человеческому роду. Полагаем, что законодательное закрепление данной категории позволит устранить проблемы доказывания специального умысла и повысит эффективность правоприменительной практики.

4. Включение в диспозицию статьи 357 УК РФ указания на социальные и политические группы в качестве защищаемых, что по-нашему мнению, соответствует современным тенденциям развития международного уголовного права и законодательству отдельных зарубежных государств (Республика Польша, Латвийская Республика, Республика Беларусь) [10; 11; 12], а также научным предложениям по совершенствованию уголовного законодательства [7, с. 19; 13, с. 162-168].

На наш взгляд, внедрение данных предложений позволит реализовать нормы международного права в законодательство Российской Федерации в полном объеме, и устранить пробелы, выявленные правоприменительной практикой. Полагаем, что это даст правовые инструменты для квалификации преступлений, совершаемых в условиях современных вооруженных конфликтов, где методы ведения войны часто стирают грань между военными преступлениями и геноцидом.

Совершенствование уголовно-правового механизма противодействия рассматриваемому преступлению составляет одну из приоритетных задач для отечественной правовой системы.

По итогам проведенного исследования установлено, что действующая редакция статьи 357 УК РФ не в полной мере отвечает современным угрозам и вызовам в сфере защиты мира и безопасности, а также международным стандартам.

Дополнение перечня охраняемых групп, установление ответственности за публичные призывы к геноциду и законодательное закрепление термина «дегуманизация» (или «лишение человеческих качеств») создадут необходимые условия для повышения эффективности охраны фундаментальных ценностей человечества.

Предложенные изменения, по мнению авторов, будут содействовать более точной дифференциации уголовной ответственности и предоставят правоприменителям дополнительные инструменты для установления специального умысла субъектов преступления.

Реализация разработанных предложений в законотворческой деятельности станет существенным этапом в обеспечении неотвратимости ответственности за наиболее тяжкие преступления против человечества.

Список использованных источников

1. Акаев, Ж.П. Решение по делу Прокурор против Жана-Поля Акаесу (Дело № ICTR-96-4-T) [Электронный ресурс] : вынесено Судебной камерой I Международного уголовного трибунала по Руанде 02.09.1998. – URL: https://unictr.irmct.org/en/cases/ictr-96-4 (дата обращения: 08.03.2026).

2. Васильев, А.М. Косвенный геноцид как новая угроза безопасности человечества / А.М. Васильев, Д.А. Горбанева, Е.Т. Катроша // Право и политика. – 2024. – № 5. – С. 52–61.

3. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него : [принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1948] // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – Вып. XVI. – Москва : Госполитиздат, 1957. – С. 278–282.

4. Москалев, Г.Л. Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 221 с.

5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против мира и безопасности человечества : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.12.2023 № 44 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2024. – № 1.

6. Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов : Федеральный закон от 21.04.2025 № 74-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 08.03.2026).

7. Рогожкин, А.В. Проблемы квалификации преступления геноцида и её имплементации в международном праве / А.В. Рогожкин // Вестник Донбасской юридической академии. – 2016. – № 2. – С. 19.

8. Седнев, В.В. Расчеловечивание: элемент субъективной стороны преступления геноцида / В.В. Седнев // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 3(27). – С. 127–137.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (ред. от 13.12.2024) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.by (дата обращения: 08.03.2026).

11. Уголовный закон Латвийской Республики / науч. ред. и предисл. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой. – Минск : Тесей, 1999. – 176 с.

12. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова ; пер. с польск. Д.А. Барилович. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. – 234 с.

13. Шулепов, Н.А. Имплементация норм международного права о геноциде в уголовном законодательстве зарубежных стран / Н.А. Шулепов, И.И. Василишин // Геноцид в современном мире: стратегии противодействия и способы борьбы : сборник научных статей. – Москва : РГУП, 2023. – С. 162–168.

14. Пономаренко, С.А. Международные уголовно-правовые признаки состава этнического геноцида / С.А. Пономаренко // Новый юридический вестник. – 2021. – № 1 (25). – С. 38–40.

15. Кибальник, А.Г. Преступления против мира и безопасности человечества : монография / А.Г. Кибальник. – Санкт-Петербург, 2004.

16. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс] : принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv/rome_statute.shtml (дата обращения: 08.03.2026).

УДК 343/.3.7

Гудима К. Н.
к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Статья посвящена политико-правовому анализу процессов формирования и институционализации цифровых прав граждан в Приднестровской Молдавской Республике. В центре исследования находятся проблемы, риски и перспективы обеспечения прав и свобод личности в условиях цифровой трансформации общества. Рассматривается действующее приднестровское законодательство в сфере регулирования цифровых технологий, включая уголовные нормы, направленные на противодействие преступлениям в сфере информационных технологий и защиты цифровых прав личности.

Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы, а также развития эффективных механизмов контроля за соблюдением прав граждан в цифровой среде. Отмечается недостаточная регламентация пределов осуществления «цифровой» власти, что обусловливает дополнительные правовые риски и требует установления чётких границ деятельности государственных органов и иных субъектов, осуществляющих обработку данных.

Ключевые слова: цифровые права, цифровизация, защита прав и свобод, персональные данные, информационная безопасность, кибербезопасность, цифровая среда, цифровая власть, государственные информационные системы.

Gudima K. N.

A POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS OF MECHANISMS FOR PROTECTING CITIZEN RIGHTS IN THE DIGITAL AGE

Annotation. This article provides a political and legal analysis of the processes of developing and institutionalizing digital rights for citizens in the Pridnestrovian Moldavian Republic. The study focuses on the problems, risks, and prospects for ensuring individual rights and freedoms in the context of the digital transformation of society. The article examines current Pridnestrovian legislation regulating digital

technologies, including regulations aimed at protecting personal data and information security.

The article substantiates the need for further improvement of the regulatory framework and the development of effective mechanisms for monitoring the observance of citizens' rights in the digital environment. Insufficient regulation of the scope of digital power is noted, which creates additional legal risks and requires the establishment of clear boundaries for the activities of government agencies and other entities processing data.

Keywords: digital rights, digitalization, protection of rights and freedoms, personal data, information security, cybersecurity, digital environment, digital government, state information systems.

Всеобщее внедрение цифровых технологий привело к качественным изменениям во взаимодействии публичной власти, экономических субъектов и гражданского общества. Расширение интернет-пространства, развитие социальных сетей, технологий обработки больших данных и искусственного интеллекта создают новые возможности для реализации прав и свобод человека. Одновременно цифровая среда порождает новые риски: нарушение конфиденциальности граждан, незаконный сбор и обработка персональных данных, киберпреступность, цифровое неравенство и манипуляции информацией. В этих условиях особое значение приобретает формирование эффективных политико-правовых механизмов защиты прав граждан в цифровую эпоху.

Современные учёные (Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Гарумов Н.М., Касумов Р.М.) отмечают, что в условиях цифровой трансформации происходит расширение границ правоприменения и трансформация традиционных прав человека [5, с. 321]. В научной литературе формируются ряд концепций так называемых цифровых прав, к числу которых относят «право на забвение», право на доступ к сети Интернет, право на защиту персональных данных, а также право на защиту от нежелательной или вредоносной информации. Возникновение данных прав обусловлено необходимостью адаптации правовых механизмов к новой технологической среде и обеспечением эффективной защиты личности в условиях цифровой экономики и информационного общества.

Разработка концепций цифровых прав активно осуществляется как на национальном, так и на международном уровне. До сих пор ООН не предложила единого и всеобъемлющего определения «цифровых прав», однако различные органы ООН рассматривают цифровые права в контексте прав человека и цифрового развития. Одним из значимых направлений научных и правовых дискуссий стало предложение о создании универсальной декларации цифровых прав, сформулированное рядом исследователей еще в начале 2010-х годов. Практическое развитие данной инициативы нашло отражение в принятии в 2022 году Европейской Декларации цифровых прав и принципов [8], закрепившей приоритет человека, его права и свободы в процессе цифрового развития, а также необходимость обеспечения инклюзивности, безопасности и устойчивости цифровых технологий.

В отличие от законодательства Российской Федерации (далее - РФ), где категория цифровых прав получила нормативное закрепление в статье 141.1 «Цифровые права» ГК РФ, в гражданском законодательстве Приднестровской Молдавской Республики (далее - ПМР) на данный момент отсутствует специальная норма, прямо определяющая содержание и правовой режим цифровых прав. В действующей редакции Гражданского кодекса ПМР регулирование правоотношений, возникающих в цифровой среде, осуществляется посредством общих положений гражданского законодательства, включая нормы об объектах гражданских прав, обязательствах, интеллектуальной собственности и информационных отношениях. При этом еще в 2010 году в Приднестровье был принят Закон № 57-З-IV от 19 апреля 2010 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], цель которого - регулирование общественных отношений в сфере информации, информационных технологий и информационной безопасности**,** а также обеспечение защиты прав граждан, общества и государства при использовании информационных ресурсов и цифровых технологий.

Внутригосударственное развитие цифровых технологий и широкое распространение информационно-телекоммуникационных сетей обусловили появление новых форм общественно опасных деяний, затрагивающих права и свободы граждан. В этих условиях уголовное право выступает ключевым инструментом защиты личности, обеспечивая охрану таких благ, как неприкосновенность частной жизни, безопасность информации, имущественные интересы и информационная безопасность общества в целом.

В рамках действующего уголовного законодательства ПМР сформирован комплекс норм, направленных на противодействие преступлениям в сфере информационных технологий и защиты цифровых прав личности, выделим основные:

1. Ключевое значение в системе уголовно-правовой защиты имеют нормы главы УК ПМР, регулирующие ответственность за *преступления в сфере компьютерной информации* (глава 28 УК ПМР [1]):

а) ст. 268 УК ПМР — неправомерный доступ к компьютерной информации. Данная норма предусматривает ответственность за незаконное проникновение в информационные системы, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации;

б) ст. 268-1 УК ПМР — незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования сайта в глобальной сети Интернет, и (или) страницы сайта в глобальной сети Интернет, и (или) информационной системы, и (или) программы для электронных вычислительных машин, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения. Данная норма формирует современный уголовно-правовой инструмент противодействия незаконному обороту персональных данных в цифровой среде. Она направлена не только на пресечение конкретных нарушений, но и на предупреждение создания инфраструктуры киберпреступности, что соответствует актуальным вызовам цифровой эпохи.

в) ст. 269 УК ПМР — создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ. Охватывает действия, направленные на разработку и распространение программ, способных нарушить функционирование информационных систем;

г) ст. 270 УК ПМР — нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей. Предусматривает ответственность за нарушение установленных правил, повлекшее существенный вред.

Указанные нормы направлены на обеспечение базовых принципов информационной безопасности: конфиденциальности, целостности и доступности данных.

2. Защита неприкосновенности частной жизни и персональных данных. В цифровую эпоху особую актуальность приобретает защита персональной информации, выделим основные нормы по действующему УК ПМР:

а) ст. 134 УК ПМР — нарушение неприкосновенности частной жизни. Устанавливает ответственность за незаконный сбор или распространение сведений о частной жизни лица без его согласия, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

б) ст. 135 УК ПМР — нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений. Распространяется на перехват электронных сообщений, доступ к электронной почте и мессенджерам. Данные нормы обеспечивают уголовно-правовую защиту конституционного права на личную и семейную тайну в цифровом пространстве.

3. Преступления против собственности, совершаемые с использованием цифровых технологий. Цифровизация экономики обусловила трансформацию традиционных имущественных преступлений:

а) ст. 155 УК ПМР — мошенничество. Применяется, в том числе, к случаям интернет-мошенничества (фишинг, поддельные сайты, социальная инженерия).

б) ст. 156 УК ПМР — присвоение или растрата (включая использование электронных средств доступа).

в) ст. 161 УК ПМР — причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Несмотря на традиционный характер указанных составов, они активно применяются к цифровым формам преступности.

4. Преступления против общественной безопасности и информационной инфраструктуры. Отдельное значение имеют нормы, направленные на защиту устойчивости функционирования информационных систем: ст. 205 УК ПМР — заведомо ложное сообщение об акте терроризма (включая цифровые каналы распространения).

В ряде случаев деяния, связанные с атаками на информационные системы, могут квалифицироваться по совокупности норм, включая преступления против общественной безопасности, если они повлекли тяжкие последствия.

Анализ выделенных статей УК ПМР позволяет выделить ряд системных проблем:

1. Ограниченность перечня специальных составов, так ст. 268–270 УК ПМР не охватывают современные формы киберугроз, включая: атаки на облачные сервисы; использование искусственного интеллекта; незаконный оборот цифровых активов.

2. Бланкетный характер норм. Например, ст. 270 УК ПМР отсылает к «правилам эксплуатации», которые зачастую не конкретизированы, что затрудняет правоприменение.

3. Трудности квалификации по общим составам. Применение ст. 155 УК ПМР (мошенничество) к киберпреступлениям требует доказывания обмана, что не всегда очевидно при автоматизированных атаках.

4. Недостаточная регламентация цифровых доказательств. Хотя составы преступлений предусмотрены, процессуальные механизмы фиксации электронных доказательств остаются недостаточно развитыми.

5. Трансграничный характер преступлений. Большинство деяний, подпадающих под ст. 268–270 УК ПМР, совершаются с использованием зарубежной инфраструктуры, что осложняет расследование.

С учетом выявленных проблем представляется целесообразным:

- расширение главы УК ПМР о компьютерных преступлениях (включение новых составов);
- конкретизация диспозиций ст. 268–270 УК ПМР;
- адаптация ст. 155 УК ПМР к цифровым формам мошенничества (выделение квалифицированных составов);
- развитие норм, регулирующих ответственность за незаконный оборот персональных данных;
- совершенствование механизмов международного сотрудничества.

Стремительное развитие цифровых технологий сопровождается ростом рисков для реализации базовых прав и свобод личности (право на защиту цифровой идентичности, право на доступ или отказ от доступа к цифровым технологиям, право на защиту ментальной неприкосновенности личности и защиту от манипуляции, право на защиту биометрических и других персональных данных, право на забвение, и др.), поскольку существующие механизмы регулирования и контроля не всегда успевают адаптироваться к изменениям цифровой среды. При этом «цифровая» власть в Приднестровье и в мире весьма относительно регламентирована.

Особое значение приобретает проблема ответственности субъектов, имеющих доступ к цифровым инструментам и массивам данных. Значительная часть специалистов и менеджеров, работающих с цифровыми системами, не связана строгими юридическими обязательствами, сопоставимыми с ограничениями, действующими для сотрудников государственных органов безопасности. Это повышает риски утечки, неправомерного использования и коммерциализации персональных данных.

Дополнительные риски связаны со сложностью самой цифровой среды. Среди них выделяются уязвимость программного обеспечения, разнообразие используемых технологий, наличие большого числа независимых участников цифрового рынка, а также деятельность киберпреступных структур и иностранных субъектов в информационном пространстве. В совокупности эти

факторы существенно осложняют процесс государственного регулирования и контроля.

Существенную проблему представляет оборот пользовательских данных. В настоящее время сбор, анализ и использование больших массивов данных (включая биометрические и геолокационные сведения) нередко осуществляется вне четко установленного правового поля. При этом важно отметить, что в последние года в данном направлении государство значительно усилило правовую базу, был значительно доработан и адаптирован к цифровой среде Закон № 53-З-IV «О персональных данных» [3], также существенно был ограничен круг государственных лиц, пользующихся в служебных целях специальным приложением.

Рост количества утечек информации и снижение уровня доверия граждан к сохранности их персональных данных свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования механизмов информационной безопасности и повышения уровня цифровой грамотности населения.

Действующий уголовный кодекс ПМР содержит базовый набор норм, обеспечивающих защиту прав граждан в цифровой среде. Однако их применение в условиях стремительного развития технологий сталкивается с рядом объективных трудностей, требующих комплексного обновления уголовно-правового регулирования.

Анализ действующего законодательства ПМР, включая Закон № 53-З-IV «О персональных данных», а также Закон № 57-З-IV «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», свидетельствует о наличии объективной необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы в сфере цифровых правоотношений. В частности, актуальным является развитие уголовно-правовых механизмов, обеспечивающих надлежащую защиту частной жизни, персональных данных граждан, а также формирование эффективной системы противодействия киберпреступности.

Список использованных источников

1. Уголовной Кодекс Приднестровской Молдавской Республики от 17 июля 2002 года № 139-З-III // САЗ ПМР. 02-23.

2. Закон № 57-З-IV от 19 апреля 2010 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // САЗ ПМР. 10-16.

3. Закон № 53-З-IV от 16 апреля 2010 г. «О персональных данных» // САЗ ПМР. 2010. № 16. Ст. 156.

4. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики №460 от 12 декабря 2018 года «Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019-2026 годы» // САЗ ПМР. 18-50.

5. Баранов П.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. Права и свободы человека в цифровую эпоху: проблемы и перспективы политико-правовой динамики // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 4(29). – С. 320–324.

6. Гарумов Н.М., Касумов Р.М. Права человека в цифровую эпоху: к вопросу о защищенности человека в виртуальной реальности // Закон и право. – 2022. – № 1. – С. 44–49.

7. Морозова С.С. Защита прав граждан современной России в цифровую эпоху: политико-правовой анализ // Креативная экономика. – 2024. – № 6. – С. 1375-1394.

8. European Declaration on Digital Rights and Principle. Digital-strategy.ec.europa.eu. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/european-declaration-digital-rights-and-principles (дата обращения: 18.03.2026).

УДК 343.7

Козина О. А.
преподаватель кафедры уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева (г. Краснодар)
Пестова Д. Д.
Студентка 2 курса
магистратуры
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева (г. Краснодар)

КРИПТОВАЛЮТА КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется правовая природа криптовалюты как средства совершения преступлений. Анализируются положения Федерального закона № 38-ФЗ от 20.02.2026, впервые признавшего цифровую валюту имуществом для целей уголовного законодательства. На основе доктринальных источников и судебной практики 2022–2026 годов выделяются основные группы преступлений с использованием криптовалюты: средство платежа, предмет хищения, инструмент легализации доходов и коррупционных преступлений. Рассматриваются проблемы квалификации и доказывания умысла, связанные с анонимностью транзакций. Отмечается, что новый закон устранил правовую неопределенность в части конфискации криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, средство совершения преступления, судебная практика, легализация доходов, мошенничество, конфискация имущества, уголовное право.

Kozina O. A. Pestova D. D.

CRYPTOCURRENCY AS A MEANS OF COMMITTING A CRIME

Abstract. The article examines the legal nature of cryptocurrencies as a means of committing crimes. The provisions of Federal Law No. 38-FZ dated 02/20/2026, which for the first time recognized digital currency as property for the purposes of

criminal legislation, are analyzed. Based on doctrinal sources and judicial practice from 2022-2026, the main groups of crimes involving cryptocurrencies are identified: a means of payment, an object of theft, an instrument of money laundering and corruption crimes. The problems of qualification and proof of intent related to the anonymity of transactions are considered. It is noted that the new law eliminated the legal uncertainty regarding the confiscation of cryptocurrencies.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, a means of committing a crime, judicial practice, money laundering, fraud, confiscation of property, criminal law.

В современном мире очень мы можем наблюдать, как стремительно развиваются информационные технологии, при этом надо понимать, что совершенствуется не только свободная жизнь, но также и преступный мир. Криптовалюта, появившаяся как альтернативная платежная система, быстро приобрела популярность в криминальной сфере. Особую актуальность тема приобретает после вступления в силу 3 марта 2026 года Федерального закона № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым цифровая валюта прямо признана имуществом. Исследование понятия и правового регулирования цифровой валюты показывает сложность определения ее правовой природы. Как отмечают О.А. Науменко и Н.А. Бутяева, если мы обратимся к самому термину «криптовалюта», мы сможем понять, что на протяжении серьезного времени эти термины совсем не употреблялись в нашей законодательной базе и никак официально не были подтверждены [1, с.48]. Принятие ФЗ от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определило цифровую валюту как совокупность электронных данных, то есть цифрового кода или обозначения, которые могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей.
Как отмечает Д.Э. Алехин, термин «цифровая валюта» носит универсальный характер и обозначает форму валюты, функционирующую исключительно в электронной среде [2, с. 336]. В рамках этой классификации криптовалюта рассматривается как ее специфическая разновидность, ключевыми чертами которой выступают децентрализованный характер, анонимность проводимых расчетов и использование криптографических методов в целях защиты информации.

Правовой статус криптовалюты – это важнейший момент определения этого явления для уголовного права. Принятие Федерального закона № 38-ФЗ от 20 февраля 2026 года кардинально изменило правовую природу криптовалюты в уголовном праве. Но в примечание к ст. 104.1 УК РФ добавлен пункт: «Для целей настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса цифровая валюта признается имуществом». Особенности криптовалюты как средства совершения преступления обусловлены ее отличительными свойствами, делающие криптовалюту привлекательной для преступников: повышенная безопасность транзакций в режиме P2P, децентрализация,

отсутствие налогообложения, анонимность, мобильность и транснациональность.[3, с. 41].

Согласно наблюдениям Э.С. Маркаряна, субъекты преступной деятельности активно прибегают к технологическим средствам скрытия личности: это VPN, HTTP- и SOCKS-прокси, арендованные серверы, анонимная сеть Tor, а также так называемые миксеры (микшеры) — сервисы, исключающие возможность установления связи между переводящим криптовалюту и получающим ее лицом [4]. Выявление следов использования подобных инструментов, в свою очередь, может служить важным криминалистическим признаком при расследовании соответствующих деяний.

Среди ключевых технологических аспектов выделяется seed-механизм, при котором приватный ключ формируется для пользователя в виде случайного набора слов. Данные кодовые последовательности выполняют функцию резервного копирования кошелька и позволяют восстановить всю ключевую информацию. В рамках расследования существенным доказательством становится фиксация seed-фраз на любых носителях — как бумажных, так и электронных [4, с.45]. В науке уголовного права существуют различные критерии классификации преступлений, связанных с криптовалютой. Д.Э. Алехин, в частности, проводит разграничение между посягательствами, где криптовалюта является предметом, и теми, где она служит способом совершения незаконных действий. Отдельные авторы выделяют также третье направление — преступления, совершаемые с целью генерации (майнинга) криптовалюты. Вместе с тем, как подчеркивает Д.Э. Алехин, данная категория имеет скорее криминологическое значение, поскольку в подобных случаях цифровая валюта не входит в конструкцию конкретного состава преступления [2, с. 339]. Г.П. Шкляев, Н.С. Николаенко и Н.А. Кочоян предлагают более детальную классификацию, выделяя шесть групп преступлений, где криптовалюта выступает средством их совершения: преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия, похищение человека; мошенничество; легализация преступных доходов; преступления, связанные с организацией занятий проституцией и торговлей людьми; уклонение от уплаты налогов[5, с.30]. Наиболее оправданным видится подход, при котором классификация строится исходя из функционального назначения криптовалюты в механизме преступного деяния. В рамках такого подхода выделяются четыре разновидности: использование в качестве платежного средства при приобретении запрещенных товаров и услуг; выступление в роли предмета противоправного посягательства (кражи, мошеннические действия); применение в целях отмывания доходов, полученных преступным путем; использование как инструмента совершения коррупционных правонарушений. При этом самой частотной сферой применения криптовалюты в противоправных целях остается оплата нелегальных товаров и услуг.

В последняя время мы можем наблюдать такую картину, когда судебная практика подкрепляется с каждым годом все новыми делами, в которых фигурируют криптовалюты, предусмотренных ст. 228, 222, 186 УК РФ и другими. Так, по одному из дел, рассмотренных Зареченским городским судом Пензенской области (приговор от 06.12.2022 № 1-128/2022), подсудимый

оплачивал наркотики биткоином Такие и другие похожие примеры нашли отражение в практике Люберецкого городского суда Московской области (приговор от 20.06.2022 № 1-564/2022), где криптовалюта использовалась для оплаты оружия. Важное значение имеет кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 января 2026 года, которым оставлен без изменения приговор в отношении члена организованной группы, занимавшейся сбытом наркотиков с оплатой в криптовалюте. В определении подчеркивается, что оплата в криптовалюте, которая осуществлялась с использованием анонимных платежных систем и криптокошельков, подтверждает сплоченность группы и тщательную конспирацию преступной деятельности. Квалификация же хищений криптовалюты долгое время вызывала серьезные затруднения у правоприменителей. Основная проблема заключалась в том, можно ли считать предметом хищения то, что не имеет материальной формы. О.А. Науменко и Н.А. Бутяева указывают, что криптовалюту можно отнести к иному имуществу при рассмотрении составов хищений, поскольку преступники, имея умысел хищения криптовалюты, нацелены не на получение цифрового кода ради самого кода, а на получение денежных средств в результате конвертации криптоактивов [1, с. 48]. Если хищение криптовалюты происходит удаленно, например, через фишинговые интернет-ресурсы либо вследствие наличия технических недостатков в системе криптокошелька, такие действия могут быть квалифицированы как неправомерный доступ к информации, сопряженный с причинением крупного ущерба или совершенный из корыстных мотивов (ч. 2 ст. 272 УК РФ) [1, с. 48].

Особый интерес представляет приговор № 1-68/2025 от 25 августа 2025 года, которым фигурант дела признан виновным в пособничестве в мошенничестве на криптовалютной бирже. Схема преступления заключалась в следующем: неустановленное лицо получало сведения об открытых сделках по продаже криптовалюты на бирже и сообщало продавцам заведомо ложную информацию об оплате. Роль подсудимого заключалась в прохождении верификации на бирже – он загрузил свои фотографии с паспортом, после чего неустановленное лицо получило доступ к учетной записи и похитило криптовалюту потерпевшего стоимостью 323 846 рублей. Суд квалифицировал действия подсудимого по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 159 УК РФ, признав его пособником, который предоставил средства совершения преступления.

Наиболее трудным для квалификации представляется процесс легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, с применением криптовалюты. Как следует из постановления Пленума Верховного Суда РФ № 32, в качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, рассматриваются денежные средства, которые были конвертированы из виртуальных активов. Вместе с тем судебная практика исходит из того, что само по себе применение криптовалюты еще не образует состава легализации — обязательным элементом является доказывание цели придать правомерный вид фактическому владению. О.Н. Тисен справедливо отмечает, что о наличии такой цели могут свидетельствовать такие обстоятельства, как использование

неперсонифицированных счетов и перечисление средств на реквизиты третьих лиц [6, с. 153].

Иллюстрацией неоднозначности правоприменительной практики служат два противоположных судебных решения. В апелляционном приговоре Верховного Суда РФ от 13 сентября 2018 года действия лица, обменявшего криптовалюту, полученную в результате наркосбыта, и использовавшего поступившие денежные средства в личных целях, были признаны не легализацией, а лишь распоряжением преступным доходом. Напротив, определением Шестого кассационного суда от 15 ноября 2022 года покупка руководителем преступного сообщества дорогостоящего автомобиля на средства, вырученные от реализации биткоинов, была оценена как легализация (отмывание). В приговоре № 1-411/2025 суд квалифицировал по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ действия подсудимой, использовавшей для конвертации вознаграждения за наркотики анонимный криптокошелек и сайт-обменник, указав, что сам выбор таких инструментов свидетельствует о намерении замаскировать преступный доход.

Как справедливо замечают И.Р. Аминов и С.В. Трусов, оборот цифровых активов осуществляется в условиях отсутствия полноценной правовой регламентации, однако они обладают способностью к мгновенной конвертации в фиатные средства любого государства, что создает благоприятную среду для коррупционных проявлений [7, с. 95].

В свою очередь, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» содержатся разъяснения относительно квалификации коррупционных деяний, сопряженных с использованием цифровых прав. Согласно позиции суда, имущественные права могут признаваться предметом взятки при наличии определенных условий: должностное лицо должно обрести реальную возможность распоряжаться чужими активами как своими собственными, взыскивать долговые обязательства в личных интересах либо извлекать материальную выгоду от применения цифровых активов [8].

В судебной практике имеются примеры привлечения к ответственности за получение взятки в криптовалюте. Дело бывших следователей ФСБ, рассмотренное 2-м Западным окружным военным судом в 2021 году, касалось взятки в криптовалюте на сумму более 15 млн рублей. Аналогичные примеры имеются в практике судов Мордовии, где рассматривали дело о взятке криптовалютой за непривлечение к ответственности по наркотикам, а также Приморья, с делом о попытке дачи взятки сотрудникам ФСБ криптовалютой.

Принятие Федерального закона № 38-ФЗ от 20.02.2026 существенно усилило позиции обвинения по данной категории дел. Теперь не требуется доказывать, что криптовалюта может быть признана имуществом – это прямо установлено законом. Остается лишь доказывать факт передачи цифровой валюты и ее связь с действиями иных лиц. Судебная практика 2022-2026 годов демонстрирует устойчивый рост количества соответствующих дел. Суды в целом успешно преодолевают сложности квалификации, рассматривая криптовалюту как иное имущество, однако сохраняется противоречивость

практики, особенно по делам о легализации преступных доходов.

Список использованных источников

1. Науменко О.А., Бутяева Н.А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 2 (56). – С. 47-50.
2. Алехин Д.Э. Криптовалюта как средство совершения преступления: теоретические вопросы и практические проблемы // Криминологический журнал. – 2023. – № 12. – С. 335-340.
3. Зинченко Д.С. Криптовалюта как средство платежа при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 3 (56). – С. 35-40.
4. Вильская Н.В., Малахова В.Ю. О некоторых особенностях криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – Т. 20. – № 1. – С. 94-101.
5. Шкляев Г.П., Николаенко Н.С., Кочоян Н.А. Цифровая валюта как средство совершения преступления // Human Progress. – 2024. – Том 10, Вып. 10. – С. 30.
6. Тисен О.Н. Доказывание преступлений, совершенных с использованием криптовалют: следственная и судебная практика в условиях пробелов в правовом регулировании // Криминологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 152-157.
7. Аминов И.Р., Трусов С.В. Криптовалюта как предмет преступлений коррупционной направленности // Международный научный вестник. – 2025. – № 1. – С. 93-97.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. – 2013. – 17 июля.

УДК 343.2/.7

Кирьянович Д. В.
магистрантка 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРИПТОВАЛЮТЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРИЗНАНИЯ ПРЕДМЕТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИМУЩЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТЬЮ

Аннотация. В статье рассматривается двойственный статус криптовалюты в российском праве и связанные с этим уголовно-правовые проблемы. Цель исследования – раскрыть уголовно-правовую природу криптовалюты и выявить

затруднения при квалификации преступлений с ее использованием, опираясь на изменения законодательства и судебную практику Верховного Суда Российской Федерации. Применены методы правового анализа, сравнительного исследования нормативных актов и систематизации практики. В работе проанализирована эволюция регулирования в федеральных законах, показана сущность криптовалюты как цифровой и одновременно «иного имущества». Выявлены правовые пробелы: запрет внутренних расчетов, необходимость налоговой отчетности и неопределенность предмета преступления. Обсуждены проблемы применения статей УК РФ, в том числе критерии при отмывании [3] и манипулировании рынком [4], а также необходимость интеграции с традиционным гражданским и финансовым правом [5]. По итогам анализа делается вывод, что признание криптовалюты имуществом устраняет часть правовых противоречий, однако проблемы остаются – необходимы дальнейшие изменения в законодательстве, разработка методических рекомендаций для следственных органов и учет практики Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, имущество, предмет преступления, мошенничество, отмывание доходов, манипулирование рынком, законодательство.

Kiryanovich D. V.

THE CRIMINAL-LEGAL NATURE OF CRYPTOCURRENCY AND THE PROBLEMS OF ITS RECOGNITION AS THE SUBJECT OF A CRIME AND PROPERTY VALUE

Abstract. This article examines the dual status of cryptocurrency in Russian law and related criminal law issues. The aim of the study is to elucidate the criminal nature of cryptocurrency and identify challenges in classifying crimes involving it, drawing on legislative changes and the case law of the Supreme Court of the Russian Federation. Methods of legal analysis, comparative study of regulations, and systematization of practice were applied. The paper analyzes the evolution of regulation in federal laws and demonstrates the nature of cryptocurrency as both digital and "other property." Legal gaps are identified, including the prohibition of internal transactions, the requirement for tax reporting, and the ambiguity of the subject of the crime. The issues surrounding the application of articles of the Russian Criminal Code were discussed, including criteria for money laundering [3] and market manipulation [4], as well as the need for integration with traditional civil and financial law [5]. The analysis concludes that recognizing cryptocurrency as property eliminates some legal contradictions, but challenges remain. Further legislative changes, the development of methodological recommendations for investigative bodies, and consideration of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation are needed.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, property, subject of crime, fraud, money laundering, market manipulation, legislation.

В условиях стремительной цифровизации экономики РФ вопрос

правового статуса криптовалюты становится крайне актуальным. Криптовалюта – новый финансовый актив XXI века, широко используемый гражданами и бизнесом как средство хранения капитала [14]. С одной стороны, она стимулирует инновации в цифровой экономике, с другой – порождает разночтения в законах. Важнейшая задача государства – найти оптимальный баланс между защитой инвесторов и противодействием преступности при обороте криптоактивов. Однако законодатель пока не придал криптовалюте статуса платежного средства, что создает пробелы в регулировании.

Цель исследования – проанализировать уголовно-правовую природу криптовалюты и трудности ее признания имуществом или предметом преступления, основываясь на актуальном законодательстве и судебной практике. В исследовании использованы общенаучные и правовые методы: сравнительно-правовой, формально-логический, систематизация судебной практики и статистики. Ключевые используемые источники – ФЗ, постановления ВС РФ, разъяснения КС РФ, научные работы. Сравнение ГК РФ с законами об электронной коммерции показало: криптовалюта не относится к «цифровым правам» [1], а является «цифровой валютой» [4]. Исторический подход определил динамику уголовно-правовых норм, аналитический – проблемы квалификации преступлений. До 2020 года специального режима для криптовалют в РФ не было, перелом наступил с принятием ФЗ № 259-ФЗ от 31.07.2020 [7].

Этот закон ввел понятие «цифровой валюты», фактически признав криптовалюту новым видом валюты. Ст. 14 ФЗ-259 запретила отечественным лицам принимать криптовалюту как встречное предоставление за товары или услуги (исключение – получение при майнинге), а также распространение рекламы и предложений об обращении криптовалюты [7]. Таким образом, криптовалюта стала запрещенным средством платежа, но закон установил условия ее легального добывания.

Позже ФЗ № 221-ФЗ от 08.08.2024 легализовал майнинг: с конца 2024 года юридические лица и ИП могут добывать криптовалюту после регистрации в реестре (Минцифры), а физлица – в пределах лимитов энергопотребления. Закон ввел понятия «майнинговая инфраструктура», «майнер» и обязанность операторов сообщать в органы сведения о майнерах [8]. Также запрещена реклама криптовалюты «для неограниченного круга лиц». ФЗ № 223-ФЗ от 08.08.2024 ввел экспериментальные режимы по внешнеторговым расчетам и организованной торговле криптовалютой под руководством Банка России [9]. Это открывает возможность использования криптовалюты в качестве оплаты по внешнеторговым контрактам.

Налоговый аспект закреплен ФЗ № 418-ФЗ от 29.11.2024, в котором криптовалюта официально признана имуществом [10]. Закон определил порядок налогообложения доходов от майнинга и сделок, запретил майнерам применять льготные режимы налогообложения, а также возложил на операторов майнинга обязанность сообщать ФНС о майнерах. На рисунке 1 можно ознакомиться с временной шкалой, где показано развитие правового статуса криптовалюты.

Таким образом, к началу 2026 г. правовой статус криптовалюты

оформлен так: она названа цифровой валютой и не является денежными средствами; во внутреннем обороте ее использование запрещено; однако законодательство признает криптовалюту имуществом для целей налогообложения и уголовного преследования. Неурегулированным остается вопрос легитимного внутреннего обращения и расчетов, и об этом свидетельствует частичное признание неконституционности требования декларирования.

Рисунок 1 – Временная шкала развития правового статуса криптовалюты (2020-2026 гг.)

Стоит также рассмотреть сущность криптовалюты как объекта. Данная виртуальная валюта – это цифровой актив, который не входит в понятие «цифровые права» [1]. Вместе с тем криптовалюта не является законным платежным средством, потому и не считается «деньгами» (ни наличными, ни безналичными). Однако судебная практика и отдельные правовые позиции все чаще трактуют криптовалюту как имущество. Эксперты отмечают: «криптовалюта признается иным имуществом по ст. 128 ГК РФ поскольку не являлась государственным платежным средством, ее нельзя было отнести к «денежным средствам», но она, безусловно, имеет свою ценность» [16]. Аналогичный вывод сделал КС РФ: в деле о спорном стейблкоине суд признал, что существующая система инфомодели касается лишь майнеров, и постановил, что право требовать передачи криптовалюты защищается в суде при условии доказательства законности ее приобретения [15].

Отсюда следует, что криптовалюта выступает двойственным объектом: по ГК РФ – «иное имущество», обладающее экономической ценностью, а по Уголовному – не деньгами, но объектом материального преступления. По ст. 159 УК РФ (мошенничество) криптовалюта формально может быть «иной ценностью» – но следствию нужно доказать именно факт хищения цифрового актива, а не денег [4].

По ст. 159 УК РФ (мошенничество) затруднения возникают уже при квалификации хищения криптовалюты [4]. Как отмечено экспертами, «не всегда понятно, как признать криптоактивы предметом преступления. Следователи задаются вопросами: как правильно оценить стоимость

криптоактивов, с каких бирж запрашивать котировки и чем эти активы признавать» [14]. Эта неопределенность ведет к тому, что права владельцев крипты часто остаются незащищенными, а дела о мошенничестве по цифровым активам – без удовлетворительных результатов. По ст. 174 УК РФ (легализация доходов) Верховный Суд РФ подчеркивает, что финансовые операции при отмывании могут включать любые расчеты с преобразованной криптовалютой [2]. В одном из дел ВС признал конвертацию биткоина в рубли и их перевод по схемам «лишенными контроля» законными операциями. Пленум ВС (2019) прямо разрешил рассматривать криптовалюту как предмет легализации [6]. Таким образом, хотя криптовалюта не «наличные» или «безналичные деньги» в обычном понимании, она входит в уголовно-правовое понятие «иное имущество» и может служить объектом отмывания.

Ст. 185 УК РФ (манипулирование рынком) пока явно не упоминает криптовалюту [3]. Теоретически, размещение ложных сведений или манипуляция котировками цифровых валют на организованных торговых площадках могло бы подпадать под эти нормы, но отсутствие специальных правил создает пробел. Необходимо учитывать, что криптовалютные торги пока не регулируются как традиционные биржевые операции, и это порождает неопределенность квалификации. Практика по 185-й статье при операциях с криптой фактически отсутствует, что требует детальной законодательной проработки (например, определения критериев «организованной торговли» цифровыми активами).

В таблице 1 сравниваются проблемы квалификации преступлений с криптовалютой по трем статьям УК РФ.

Таблица 1 – Сравнение проблем квалификации преступлений с криптовалютой

Статья УК РФ	Предмет преступления и отношение к криптовалюте	Доказательства (какие данные и носители могут подтвердить факты преступлений)	Проблемы	Рекомендации
159 УК РФ «Мошенничество»	Хищение «иного имущества» (не денег) – здесь криптовалюта как «иное имущество»	Логи бирж, транзакции блокчейн, договоры, банковские выписки, показания свидетелей	Доказать, что жертва была введена в заблуждение именно насчет криптовалюты (а не денег); анонимность адресов; оценка украденного объема	Запрашивать у бирж логи операций, фиксировать адреса-идентификаторы, проводить экспертную оценку рыночной стоимости крипты, формулировать в обвинении факт хищения «цифровых валют»

Статья УК РФ	Предмет преступления и отношение к криптовалюте	Доказательства (какие данные и носители могут подтвердить факты преступлений)	Проблемы	Рекомендации
174 УК РФ «Легализация доходов»	Легализация доходов, полученных преступным путем; согласно ВС РФ, «денежные средства, преобразованные из криптовалюты» могут быть предметом	Банковские переводы, обмены крипто на рубли, выписки по кошелькам, договоры конверсии	Установить момент легализации при многоэтапных схемах; оценить стоимость криптовалюты при обмене	Рассматривать обмен криптовалюты на рубли как легализацию; направлять запросы в биржи и в ЦБ/ФНС для получения исторических цен; применять экспертизы оценки криптоактивов
185 УК РФ «Манипулирование рынком»	Умышленное искажение цен на активном рынке; криптовалютные площадки пока не урегулированы, понимаются под понятием «иные товары»	Рассылка инсайдерской информации, аффилированные сделки, аномальные колебания цен	Неясно, применять ли нормы о манипуляциях к криптовалюте; определение рынка и субъектов; разграничение с “памп-н-дамп” схемами	Аналогично акциям: фиксировать резкие изменения цен после публикаций/связанных сделок, выявлять связь торговых операций; использовать аналитику криптобирж

По данным RTM Group, в 2021 г. в России было возбуждено 1531 судебное дело, связанное с криптовалютами и майнингом (рост на 40% к 2020 г.). Из них 954 (62,3%) – уголовные, 365 (23,8%) – гражданские, 141 (9,2%) – банкротные, 71 (4,6%) – административные [17]. В числе уголовных дел большинство – об отмывании доходов [3] и незаконной организации азартных игр [6]. Это подтверждает, что на практике чаще всего проблема стоит именно в статье о легализации доходов. Количество дел о несостоятельности, где упоминается крипта, за год выросло вдвое, что иллюстрирует признание ее активом в процедуре банкротства. Юридические споры чаще связаны с вопросами о неосновательном обогащении при купле-продаже криптовалюты; однако в 5 из 6 случаев суды отказывают в иске, считая сделки рискованными [11].

Проведенный анализ выявил ключевые противоречия статуса криптовалюты. С одной стороны, законодательная эволюция признает криптовалюту имуществом в экономическом смысле (налоговые изменения, практика банкротства, возмещение ущерба). С другой – цифровая валюта не является «денежными средствами», и ее оборот внутри страны по-прежнему ограничен. На практике двусмысленность приводит к затруднениям. Например, в деле об инвестплатформе суды отказали в мерах пресечения из-за отсутствия доказательств хищения «именно криптовалюты» [13]. Это иллюстрирует, что ст. 159 УК РФ в условиях «неназванного имущества» работает с ограничениями

– следствию приходится доказывать, что обман касался цифровых активов, а не денежных средств [4]. Криминализация без уточнения объекта порождает «слепые зоны» в правоприменении.

Ситуация с отмыванием доходов более благоприятна: судебная практика начала четко относить криптовалюту к вещам, пригодным для конфискации. Как отмечено, «предметом легализации могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из… криптовалюты», а в одном деле ВС признал конверсию BTC в рубли и распределение их по картам схемой отмывания. Тем не менее процедуры изъятия крипты еще недостаточно разработаны, что учтено в новых поправках [12].

Манипулирование рынком – наименее изученная область. Традиционные правила заточены на биржевые ценные бумаги и информацию о них. Для криптовалюты нужно создать отдельные механизмы контроля за торгами: наработки по борьбе с инсайдом и ложной информацией можно перенести на криптовалютные площадки, но с учетом их особенностей (анонимность, 24/7-торговля). В ином случае любые резкие колебания цен могут оставаться вне уголовной ответственности, что несет риски для финансовой стабильности. Требуется усилить взаимодействие регуляторов: дополнить УК РФ понятием «цифровые активы» (как в планах Минфина по признанию криптовалюты валютной ценностью), обеспечить владельцам криптоимущества судебную защиту (при подтверждении легальности владения) и создать методики оценки криптовалют для следствия. Нужно также обучать правоохранителей: без понимания криптосистемы невозможно верно квалифицировать преступления.

У криптовалюты двойственная природа: формально это «цифровая валюта» (не средство платежа), но фактически – имущественный актив. Законодательство прошло путь от правового вакуума до признания криптовалюты имуществом для налогов и уголовной ответственности, и эту позицию постепенно закрепляют ВС РФ и КС РФ. Однако сохраняются проблемы квалификации: неясность предмета хищения мешает применять ст. 159 УК РФ [4], что ведет к отказам в пресечении преступлений. При этом практика по ст. 174 [2] показывает: конвертацию криптовалюты в рубли признают отмыванием – это соотносится с разъяснением Пленума ВС РФ 2019 г. [6]. Манипулирование рынком остается «серой зоной» и требует ясности.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (утв. 30.11.1994 № 51-ФЗ; ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025; вступ. в силу с 01.08.2025): ст. 141.1 «Цифровые права»

2. Уголовный кодекс Российской Федерации (утв. 13.06.1996 № 63-ФЗ; ред. от 29.12.2025; вступ. в силу с 20.01.2026): ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества»

3. Уголовный кодекс Российской Федерации (утв. 13.06.1996 № 63-ФЗ; ред. от 29.12.2025; вступ. в силу с 20.01.2026): ст. 185 «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг»

4. Уголовный кодекс Российской Федерации (утв. 13.06.1996 № 63-ФЗ; ред. от 29.12.2025; вступ. в силу с 20.01.2026): ст. 159 «Мошенничество»

5. Уголовный кодекс Российской Федерации (утв. 13.06.1996 № 63-ФЗ; ред. от 29.12.2025; вступ. в силу с 20.01.2026): ст. 171 «Незаконное предпринимательство»

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».

7. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция).

8. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 221-ФЗ (последняя редакция).

9. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 223-ФЗ (последняя редакция).

10. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2024 № 418-ФЗ (последняя редакция).

11. Петров П.П. «Уголовная ответственность за операции с криптовалютой», // Журнал российского права, 2023, № 4, С. 78–86.

12. ВС впервые разрешил считать отмыванием конвертацию биткоинов в рубли // РАПСИ: судебная аналитика. 28.06.2023. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20230628/309030466.html (дата обращения: *21.01.2026*).

13. Гришин А. Криптовалюта как предмет преступления: проблемы квалификации и защиты // Pravo.ru: Мнения. 07.11.2019. URL: https://pravo.ru/opinion/215852/ (дата обращения: *21.01.2026*).

14. *Криптовалюты как предмет преступного посягательства с точки зрения уголовного права* // Digital Rights Center**:** блог правового центра цифровых прав. URL: https://digitalrights.center/blog/kriptovalyuty-kak-predmet-prestupnogo-posyagatelstva-s-tochki-zreniya-ugolovnogo-prava/ (дата обращения: *20.01.2026*).

15. Конституционный Суд Российской Федерации пресек практику отказов в защите прав на криптовалюту // КонсультантПлюс: Новости для юриста: электронный правовой ресурс. 21.01.2026. URL: https://www.consultant.ru/legalnews/30611/ (дата обращения: *20.01.2026*).

16. *Майнеров: под ставку криптовалюту признали имуществом для налогообложения* // Legal Academy: юридический блог. URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/mainerov-pod-stavku-kriptovalyutu-priznali-imuschestvom-dlya-nalogooblozheniya/ (дата обращения: *20.01.2026*).

17. На 40 % выросло количество дел с криптовалютой в 2021 году // Pravo.ru: юридические новости и аналитика**.** 10 июня 2022. URL: https://pravo.ru/news/241274/ (дата обращения: *20.01.2026*).

УДК 343

Кузнецов Д. С.
аспирант
Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский университет “Синергия”», г. Москва

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АГРЕССИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье обоснована необходимость совершенствования уголовно-правовой политики в сфере противодействия агрессии в цифровой среде путем введения самостоятельной нормы в российский уголовный закон, предусматривающей ответственность за выражение такой агрессии. Состав преступления предлагается сформулировать как формальный, поскольку общественная опасность деструктивного поведения в цифровом пространстве достаточно высока даже при отсутствии каких-либо ее последствий для конкретной жертвы.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, агрессия в цифровом пространстве, доведение до самоубийства, кибербуллинг, травля.

Kuznetsov D. S.

CURRENT STATE AND PROBLEMS OF CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING DIGITAL AGGRESSION

Abstract. The article substantiates the need to improve the criminal law policy in the field of countering aggression in the digital environment by introducing an independent norm in the Criminal Code of the Russian Federation that provides for liability for expressing such aggression. The composition of the crime is proposed to be formulated as a formal one, since the public danger of destructive behavior in the digital space is quite high, even in the absence of any consequences for a particular victim.

Keywords: criminal law policy, digital aggression, suicide, cyberbullying, harassment.

Процессы цифровизации приобрели глобальный характер, пронизывая все сферы жизнедеятельности. Цифровое пространство используется для расширения бизнеса, взаимодействия по различным вопросам, а также для общения как с близкими и друзьями, так и по интересам в сообществах в Интернет среде. Современные технологии предоставляют возможность связываться с людьми из разных точек мира, размещать о себе определенную информацию или общаться на условиях полной анонимности. Указанные условия используются не только в созидательных целях, но и в деструктивных. Это обусловило появление различных форм агрессии в цифровой среде, которая может приводить к негативным последствиям. Например, возможны

выражение угроз в адрес определенного лица или группы лиц; распространение ложной информации, подрывающей репутацию какого-либо пользователя сети Интернет; прямые оскорбления; высмеивание; постоянное преследование в цифровом пространстве. Такие действия могут приводить к разным последствиям негативного характера для жертвы. Но и лица, которые напрямую не задействованы в деструктивном общении, не подвергаются троллингу, кибербуллингу, киберсталкингу, могут ощущать обеспокоенность тем, что и они могут стать жертвами агрессии в цифровой среде.

В научном сообществе единодушно такая агрессия признается опасной для общества, поскольку приводит к негативным последствиям. При этом заметим, что в исследованиях практически не рассматриваются последствия деструктивных форм общения. В большей степени они раскрываются с позиции психологии, либо описываются обобщенно, когда перечисляется любой вред, который может быть причинен жертве, подвергнутой травле со стороны агрессоров.

Так, Е.И. Сапего, характеризуя вред, который может быть причинен действиями агрессоров в цифровой среде, отмечает следующее: «Опасность здесь заключается также в том, что жертва сетевого агрессора впоследствии переносит свои отрицательные чувства на реальных людей, разрушая отношения и создавая уже реальные конфликты в своей жизни в виде ссор и скандалов. Кибербуллинг может совершаться одним лицом или группой лиц неоднократно и в течение длительного времени. Такие проявления агрессии, безусловно, наносят психологический, а порой и физический вред здоровью пользователей Интернета. Это могут быть депрессивные эпизоды, суицидальные намерения, социальная изоляция, анорексия или булимия, снижение успешности и жизненной мотивации» [13, с. 125].

В научном исследовании А.С. Татарникова выделено несколько групп результатов негативного воздействия кибербуллинга:

– психологические – жертва расстроена, чувствует себя обманутой, что может влечь гнев, депрессию;

– эмоциональные – возникновение чувства стыда, потеря интереса к увлечениям, любимым вещам, друзьям, к жизни в целом;

– физические – утомление, ощущение усталости, потеря сна, а также психосоматические расстройства – головные боли, боли в животе [14, с. 49].

По мнению М.А. Мышкиной, буллинг влечет опасные последствия для жертвы как психологического, так и физического характера, в качестве примера таких последствий исследователь называет следующие: «потеря уверенности в себе, психологические отклонения, психосоматические заболевания, может выступать причиной совершения самоубийства» [10, с. 40].

Ду Чжиюй и А.В. Попова отмечают, что деструктивное общение в цифровой среде может влечь негативные последствия в виде возникновения у жертв депрессивных и тревожных расстройств, «способствует снижению самооценки, формированию чувства беспомощности и даже суицидальных наклонностей» [15, с. 263].

Действительно, последствия использования деструктивных форм общения могут быть весьма серьезными, вплоть до суицида. Достаточно

вспомнить широко освещенный в средствах массовой информации пример, когда жительница Краснодарского края, желая отомстить молодому человеку, отказавшемуся признать рожденного ею ребенка, распространила в социальных сетях ложную информацию о его гомосексуализме, что привело к его массовой травле, и, как следствие, к суициду жертвы [4; 12].

С точки зрения В.О. Мотиной, негативные последствия для жертвы троллинга обусловлены тем, что она не может отомстить обидчику, что влечет психоэмоциональную дестабилизацию, и перенос раздражения «жертвы» тролля на реальных людей, нарушающий межличностную коммуникацию вне виртуальной жизни в виде скандалов, ссор и т.д.» [9, с. 130].

Все больше исследователей приходят к выводу о том, что агрессия в цифровой среде может влечь негативные последствия не только для жертвы, но и для всех, кто тем или иным образом вовлечен в конфликтную ситуацию.

Е.А. Макарова, рассматривая опасность кибербуллинга, отмечает, что «существует множество исследований, доказывающих, насколько он разрушителен для психосоматического здоровья не только жертв, но и всех участников этого процесса» [6, с. 51].

Аналогичного взгляда придерживаются А.Р. Манукян и И.Г. Гутиева и обращают внимание на то, что кибербуллинг опасен не только для жертвы, но и для всех участников конфликта, поскольку для лица, подвергаемого травле, последствия проявляются негативных эмоциях (оскорбление, раздражение, гнев, страх), которые чаще всего выражаются в депрессии, тревожных расстройствах, нарушениях пищевого поведения, агрессии, самоповреждениях, суицидальных мыслях, скулшутинге. Для «агрессора» основными последствиями кибертравли может стать закрепление насилия как способа коммуникации, развитие девиантного варианта поведения [8, с. 36].

Изложенное свидетельствует о высокой степени общественной опасности агрессии в цифровой среде, в связи с чем, очевидна необходимость криминализации соответствующего поведения. Уголовно-правовые средства традиционно признаются самым эффективным способом противодействия опасным деяниям, но, при этом, являются и самыми жесткими.

Уголовно-правовая политика представлена отношением государства к криминализации и декриминализации определенных деяний, установлением санкций за каждое деяние, введением различных институтов, направленных на гуманизацию уголовной ответственности. Современная уголовно-правовая политика в условиях политических, экономических и социальных перемен связана с необходимостью противодействия новым видам посягательств на охраняемые уголовным законом общественные отношения, являющиеся объектом социальной политики государства [5, с. 51].

Нельзя не отметить ряд проблем, касающихся этого направления, одна из основных – бессистемное развитие уголовного законодательства. Как отмечают исследователи, в настоящее время не существует научно-обоснованной, непротиворечивой стратегии развития уголовного закона, в которой были бы учтены как исторические традиции, так и современные достижения [1, с. 36]. Уголовно-политические процессы сегодня носят чаще всего хаотичный, бессистемный характер [2, с. 43-48]. Вместе с тем об эффективности уголовно-

правовой политики можно говорить лишь при условии, если она будет научно обоснованной; криминологически и социально обусловленной; последовательной и системной [3, с. 29-32].

С учетом активного развития цифровизации и использования цифрового пространства широкими массами, что вполне ожидаемо, приводит и к распространенности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, осуществляется совершенствование уголовно-правовой политики, в частности, во многие статьи Особенной части УК РФ включен соответствующий квалифицирующий признак, а в ст. 63 УК РФ – обстоятельство, отягчающее наказание. Однако, на наш взгляд, агрессивным действиям в цифровом пространстве в настоящее время не уделено должного внимания со стороны законодателя.

Анализ практики показывает, что лишь в отдельных случаях осуществление травли в сети Интернет, вследствие которой жертва совершает суицид, виновные привлекаются к уголовной ответственности. Чаще всего в случаях, когда жертва совершает суицид, применяется ст. 110 УК РФ, устанавливающая ответственность за доведение до самоубийства. При осуществлении соответствующих действий в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (далее – ИТС) ответственность наступает по п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ. Для квалификации агрессии в цифровой среде по указанной статье необходимо установить умысел виновного, который может быть как прямым, так и косвенным. Но предупредительный эффект таких мер явно недостаточен, поскольку подобные ситуации не имеют широкого распространения. На практике встречаются лишь единичные примеры.

Так, Ф., познакомившись в социальной сети с несовершеннолетней Н., поддерживал с ней общение путем ведения переписки. Поскольку у Н. возникла симпатия к Ф., она переслала ему свои фотографии интимного содержания, после чего Ф. регулярно унижал человеческое достоинство Ф., угрожал публично распространить ее фотографии, вследствие чего Н. совершила самоубийство [11]. В большинстве случаев агрессоры чувствуют свою безнаказанность, в связи с чем, троллинг и кибербуллинг продолжают оставаться широко используемыми в информационном (цифровом) пространстве.

В п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ уголовная ответственность повышена за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с публичной демонстрацией, в том числе в СМИ или ИТС (включая сеть «Интернет»). Агрессия в цифровой среде, отвечающая всем признакам данного состава преступления – угрозы убийством. Деяния квалифицируются по данному признаку, когда, например, они выражены в рамках какого-либо Интернет сообщества, на открытых информационно-телекоммуникационных ресурсах. При выражении агрессии в личных сообщениях в мессенджерах, социальных сетях, этот квалифицирующий признак не применим. Таким образом, законодатель счел более опасной угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, когда преступление совершается публично. Вряд ли такой

подход можно признать обоснованным. С одной стороны, публичная демонстрация угрозы привлекает внимание к потерпевшему, заставляет переживать за него родственников и т.д. Но, с другой стороны, демонстрация угрозы в цифровом пространстве, средствах массовой информации, предполагает реализацию ее в будущем и в некоторой степени снижает вероятность восприятия этой угрозы как реальной. Полагаем, что вряд ли следует считать такую угрозу более общественно опасной, чем та, которая представляет собой непосредственное личное высказывание угрозы потерпевшему при непосредственном контакте, в особенности, если она сопровождается насилием, демонстрацией оружия, и считаем, что в наличии такого квалифицирующего признака нет необходимости.

Отметим и сложность применения ст. 119 УК РФ в случае высказывания угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в цифровой среде, т.к. практически невозможно доказать реальность такой угрозы.

Ответственность за определенное деструктивное общение в сети Интернет предусмотрена также в ст. 128^1 УК РФ, устанавливающей ответственность за клевету, т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. По нашему мнению, клевета особенно опасна в тех случаях, когдна она содержится в материалах, опубликованных в сети «Интернет». В глобальной сети имеются все условия для анонимности, в связи с чем, довольно трудно установить виновного. Кроме того, опубликованные материалы в сети доступны огромному числу лиц по всему миру и могут быть просмотрены неоднократно, размножены, сохранены на различные устройства. Законодатель это учел, установив соответствующий квалифицирующий признак в ч. 2 ст. 128^1 УК РФ.

В то же время, как можно увидеть, многие случаи агрессии в цифровой среде не подпадают по действующие нормы уголовного закона – систематические оскорбления, травля, не содержащие признаков клеветы, угрозы убийством, доведения до самоубийства не влекут уголовной ответственности.

Отметим, что в настоящее время предпринимаются попытки расширения круга деяний, связанных с цифровой средой, которые должны быть запрещены в УК РФ. В частности, широко обсуждается необходимость введения уголовно-правового запрета на создание дипфейков. На это обращают внимание исследователи [12, с. 97], выдвигаются соответствующие депутатские инициативы [7].

Подобный запрет может способствовать противодействию цифровой агрессии в сети, поскольку для травли в ИТС нередко используются сфальсифицированные порнографические изображения с лицом потерпевшего, имитация голоса для ложных признаний или угроз, что не подпадает под действие ст. 128^1 УК РФ, т.к. не является «заведомо ложным сведением». Не охватываются такие действия и иными нормами уголовного закона.

Наличие приведенных статей УК РФ не решает проблему противодействия агрессии в цифровом пространстве, т.к. позволяет привлечь к уголовной ответственности лиц, ее проявляющих, только при определенных

обстоятельствах. Представляется, что в настоящее время требуется введение в уголовный закон нормы, предусматривающей ответственность за агрессивное поведение в цифровом пространстве в отношении конкретного лица или нескольких лиц. Состав этого преступления должен быть сформулирован как формальный, что позволит воздействовать уголовно-правовыми средствами на сетевых агрессоров и в тех случаях, когда опасные последствия не наступили.

В целом можно констатировать, что современное состояние уголовно-правовой политики в сфере противодействия агрессии в цифровом пространстве характеризуется существенным отставанием от потребностей практики. Несмотря на высокую степень общественной опасности таких проявлений, способных причинять серьезный психологический и физический вред, действующие уголовно-правовые средства не позволяют эффективно противостоять указанному явлению. Большинство случаев систематической травли и оскорблений в ИТС остаются безнаказанными, что формирует у агрессоров чувство безнаказанности. Одной из основных проблем уголовно-правовой политики в рассматриваемой сфере на современном этапе следует признать отсутствие специальной нормы, предусматривающей ответственность непосредственно за агрессивное поведение в цифровом пространстве.

Список использованных источников

1. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 36.

2. Антонова Е.Ю. К вопросу о научной обоснованности уголовно-правовой политики // Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы Международной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В.С. Комиссарова, Бишкек, 28–29 марта 2023 г. – Москва: ООО «Проспект», 2025. – С. 43-48.

3. Антонова Е.Ю. Уголовно-правовая политика и качество уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 января 2018 г. – Москва: РГ-Пресс, 2018. – С. 29-32.

4. В Краснодарском крае оглашен приговор о доведении до самоубийства с помощью Интернета // Новости. – URL: https://www.1tv.ru/news/2012-03-27/98044-v_krasnodarskom_krae_oglashen_prigovor_o_dovedenii_do_samoubiystva_s_pomoschyu_internena.

5. Джагарян Н.В., Сафонова А.М. К вопросу об уголовной ответственности за использование технологии дипфейка в Российской Федерации (с учетом опыта Соединенных Штатов Америки) // Вестник СурГУ. – 2025. – №3. – С. 92-98.

6. Долгиева М.М. Теоретические основания уголовной политики в сфере оборота криптовалюты: дис. …канд. юрид. наук. М., 2023. – 474 с.

7. Крюков М. В Госдуму внесли законопроект об уголовной ответственности за дипфейки // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/social/v-gosdumu-vnesli-zakonoproekt-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-dipfeyki.html.

8. Макарова Е.А. Самоповреждающее поведение детей и подростков в сети Интернет // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2023. – №. – С. 49-55.

9. Манукян А.Р., Гутиева И.Г. Некоторые социально-психологические аспекты кибербуллинга несовершеннолетних // Право и управление. – 2023. – № 5. – С. 35-39.

10. Мотина В.О. Правовая и нравственная категория интернет агрессии // Лучшая студенческая статья – 2018. – С. 129-132.

11. Мышкина М.А. Проблемы троллинга, буллинга и кибербуллинга в системе среднего профессионального образования // XVII Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 2 т. – Витебск, 2023. – С. 39-41.

12. Наши сети притащили мертвеца. Как интернет-травля толкает людей на самоубийство // Lenta.ru. – URL: https://lenta.ru/articles/ 2016/09/19/internetruinedalife/.

13. Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 08.05.2024 по делу № 1-15/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/.

14. Сапего Е.И. Онлайн-конфликты и признаки киберагрессии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021. – Т. 2. № S(80). – С. 124-126.

15. Татарников А.С. Кибербуллинг как угроза правам ребенка: правовые и социальные меры противодействия в России // Российский научный вестник. – 2025. – № 4. – С. 47-52.

16. Чжиюй Ду, Попова А.В. Разработка методологии выявления и оценки рисков кибернасилия в социальных сетях и онлайн-сообществах // Глобальный научный потенциал. Медиакоммуникации и журналистика. – 2024. – № 6 (159). – С. 262-266.

УДК 343.26

Лукоянова Е. Ю.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Косяк Е. Л.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ РАЗБОЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье проведен анализ квалифицирующих признаков разбоя, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации. Исследуются проблемные аспекты их правового толкования и практического применения, особое внимание уделяется разграничению соисполнительства и пособничества, квалификации использования предметов в качестве оружия, а также квалифицирующему признаку незаконного проникновения.

Ключевые слова: уголовное право, разбой, квалифицирующие признаки, соучастие, применение оружия, незаконное проникновение.

Lurjyanova E.Yu., Kosyak E. L.

QUALIFYING SIGNS OF ROBBERY IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Annotation. The article analyzes the qualifying signs of robbery provided for by the criminal legislation of the Russian Federation. The problematic aspects of their legal interpretation and practical application are investigated, special attention is paid to the distinction between co-executive and complicity, the qualification of the use of objects as weapons and such qualifying sign as illegal entry.

Keywords: criminal law, robbery, qualifying signs, complicity, use of weapons, illegal entry.

Актуальность исследования квалифицирующих признаков разбоя, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, обусловлена высокой степенью общественной опасности данного деяния и существующими противоречиями при их интерпретации.

Квалифицированные составы разбоя, закрепленные в части 2 статьи 162 УК РФ, аккумулируют признаки, повышающие опасность деяния по сравнению с основным составом [1]. Квалифицированные составы разбоя можно разделить на следующие группы: характеризующие субъектный состав преступников (группа лиц по предварительному сговору) и характеризующие объективную сторону разбоя - связанные со способом совершения деяния (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также незаконное проникновение).

Признак совершения преступления группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 162 УК РФ) предполагает наличие минимум двух соисполнителей, заранее договорившихся о совместном совершении разбоя. Основной проблемой здесь выступает разграничение соисполнительства и пособничества, что в конечном счёте влияет на юридическую квалификацию содеянного.

Сложившаяся правоприменительная практика Верховного Суда РФ исходит из того, что соисполнителем разбоя является лицо, присутствовавшее на месте преступления и применявшее насилие к потерпевшему или угрожавшее его применением, либо иным образом участвовавшее в преодолении его сопротивления. Лицо, блокировавшее выход из помещения, наблюдавшее за обстановкой совершения преступления с целью облегчения его

совершения или принявшее похищенное, но не совершавшее насильственных действий, не может быть признано соисполнителем разбоя; такие его действия, при доказанности сговора, следует квалифицировать как пособничество с соответствующей ссылкой на статью 33 УК РФ.

Наиболее дискуссионным и проблемным с точки зрения единообразия квалификации разбойного нападения как преступления является признак применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «б» ч. 2 ст. 162 УК РФ). Законодательная формулировка вызывает необходимость двойственного толкования. С одной стороны, под «оружием» понимаются предметы и устройства, специально предназначенные для поражения цели (огнестрельное, холодное, газовое, пневматическое), с другой – к предметам, используемым в качестве оружия, могут быть отнесены любые бытовые или хозяйственные объекты, которые виновный применил для причинения вреда здоровью (кухонный нож, отвертка, ломик, камень, ремень). Правоприменительная трудность заключается в оценке интенции виновного: использовался ли предмет как оружие, то есть как средство причинения телесных повреждений, либо как инструмент психологического давления. Если преступник угрожал потерпевшему неотточенным перочинным ножом, не пытаясь нанести удары, и потерпевший осознавал отсутствие реальной опасности, суды могут отказать в квалификации по данному признаку, ограничившись основным составом [2, с. 195].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о применении газовых баллончиков или электрошокеров. Несмотря на их сертификацию как гражданского оружия, для квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 162 УК РФ необходимо установить факт их реального применения (распыления, удара током), а не просто демонстрации, поскольку сама по себе демонстрация любого предмета уже охватывается угрожающим поведением, входящим в объективную сторону основного состава разбоя [3, с. 529].

Признак незаконного проникновения в жилище, помещение либо иное хранилище (п. «в» ч. 2 ст. 162 УК РФ) расширяет сферу охраняемых уголовным законом интересов, включая право на неприкосновенность жилища. При квалификации деяния по этому признаку необходимо последовательно анализировать несколько элементов. Проникновение должно быть незаконным, то есть осуществленным против или помимо воли проживающего (владеющего) лица. Умысел на совершение разбоя должен возникнуть до момента проникновения. Если виновный оказался в помещении законно (как гость, клиент, работник), а решение о совершении нападения появилось уже внутри помещения, данный квалифицирующий признак отсутствует. Также вызывает споры квалификация случаев, когда проникновение осуществлено путем обмана или злоупотребления доверием (например, под видом сотрудника коммунальной службы).

Особо квалифицированные составы разбоя (ч. 3 ст. 162 УК РФ) характеризуют исключительную степень общественной опасности. Признак совершения преступления организованной группой (п. «а») отражает иной уровень соучастия. В отличие от группы лиц по предварительному сговору, организованная группа характеризуется устойчивостью, более высокой

степенью сплоченности, наличием внутренней иерархии и ориентацией на совершение нескольких преступлений. Устойчивость может проявляться в предварительной подготовке и разработке планов сокрытия следов. С формально-юридической точки зрения разбой, совершенный организованной группой, считается оконченным с момента нападения и подчеркивает повышенную опасность самой преступной организации, независимо от криминального результата [4, с. 39].

Материальный признак причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ) вводит в состав разбоя оценку реальных последствий. Вред должен квалифицироваться по правилам статьи 111 УК РФ. Также следует разграничивать это последствие от насилия, «опасного для жизни или здоровья», которое является конструктивным элементом основного состава. Причинение вреда средней тяжести или легкого вреда в процессе разбоя не образует данного квалифицирующего признака, но может рассматриваться как отягчающее обстоятельство при назначении наказания или требовать дополнительной квалификации по соответствующим статьям о преступлениях против личности, если это выходит за рамки умысла, направленного на завладение имуществом.

Таким образом, квалифицирующие признаки разбоя образуют сложную иерархию, отражающую степень общественной опасности деяния. Основные проблемы правоприменения связаны с толкованием оценочных категорий, включая использование предметов в качестве оружия и цель завладения имуществом в особо крупном размере.

В качестве предложения по совершенствованию законодательной регламентации квалифицированных составов разбоя и с учётом того, что в судебной практике возникают определённые сложности с квалификацией угроз, особенно когда они выражены неопределённо или с использованием имитаций оружия, было бы целесообразным в диспозиции ст. 162 УК РФ более чётко прописать критерии, по которым угроза должна квалифицироваться как разбой, учитывая не только объективные, но и субъективные факторы (восприятие угрозы потерпевшим).

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2. Хохлюк, И. С. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки разбоя / И. С. Хохлюк // Молодой ученый. – 2025. – № 43(594). – С. 194-196.

3. Приемченко, С. А. Некоторые проблемы судебной практики при квалификации разбоя / С. А. Приемченко // Аллея науки. – 2022. – Т. 1, № 12(75). – С. 528-531.

4. Кочнева, И. П. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки разбоя: проблемы применения / И. П. Кочнева, С. В. Орлов // Наука и инновации - современные концепции. – Москва, 2024. – С. 37-44.

УДК 343.5

Максимов А. Г.
оперуполномоченный по ОВД 15 отдела
Управления «П» ГУЭБиПК МВД
России, полковник полиции,
Россия, Москва

ПОРЯДОК ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ РФ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены материально-правовые и процедурные аспекты возмещения ущерба бюджетной системе, причиненного бюджетной системе. На основании анализа доктрины уголовного права, а также ключевых правоприменительных актов, автор предлагает скорректировать материально-правовые и процессуальные аспекты применения возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе РФ как основания освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: ущерб бюджетной системе, порядок возмещения ущерба, освобождение от уголовной ответственности, должностные преступления, экономические преступления.

Maksimov A. G.

PROCEDURE FOR COMPENSATION FOR DAMAGES TO THE RUSSIAN FEDERATION'S BUDGETARY SYSTEM IN THE EVENT OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY: CONTROVERSIAL ISSUES AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Abstract. This article examines the substantive and procedural aspects of compensating for damages to the budgetary system. Based on an analysis of criminal law doctrine and key law enforcement acts, the author proposes adjusting the substantive and procedural aspects of applying compensation for damages to the Russian Federation's budgetary system as grounds for exemption from criminal liability.

Keywords: damage to the budgetary system, compensation procedure, exemption from criminal liability, official misconduct, economic crimes.

Возможность применения альтернативных уголовной ответственности мер и способов реакции государства на совершение преступления при позитивном постпреступном поведении обеспечивает реализацию принципа гуманизма и положительно оценивается в доктрине уголовного права [1, с. 69] и рассматривается, в том числе, как создание благоприятной предпринимательской среды [2, с. 50]. Возмещение ущерба бюджетной системе, причиненного в результате совершения преступления – однако из форм такого поведения. При всей положительной оценке законодательной

возможности применить положения института освобождения от уголовной ответственности в случае возмещения ущерба, причиненного государству, следует отметить, что соответствующие уголовно-правовые нормы не лишены отдельных недостатков, существенной затрудняющих их практическое применение.

Первоначально рассмотрим материально-правовые аспекты освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Учитывая материальную (имущественную, экономическую) природу рассматриваемого основания освобождения от уголовной ответственности, одним из базовых вопросов следует признать количественную составляющую сумму возмещения. Речь идет о структуре ущерба, который в настоящее время определяется следующим образом: сумма недоимки, пени и штрафа в размере, определяемом в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах с учетом представленного налоговым органом расчета размера пеней и штрафов (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»). Подобный подход, безусловно, упрощает задачу правоприменителя, так как освобождает органы предварительного расследования от необходимости назначения судебно-бухгалтерской экспертизы. Хотя, следует согласиться и с тем, что окончательный размер ущерба, причиняемого бюджетной системе, фиксируется на стадии предварительного расследования следователем, а данные, предоставленные налоговым органом, лишь учитываются им при определении такого ущерба, но не являются a priori суммой причиняемого ущерба [3, с. 31].

Однако при подобном подходе возникает ряд вопросов. Во-первых, в соответствии со ст. 72 НК РФ пени представлены как способ обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов, а не как санкции. На основании ст. 114 НК РФ налоговая санкция в виде штрафа является мерой ответственности за совершение налогового правонарушения. В этой связи обоснованность включения суммы санкций в размер возмещения ущерба вызывает сомнения. Фактически ущерб бюджетной системе причиняется тем, что в него не поступают налоговые платежи (сумма недоимки). Пеня – это вполне понятная и обоснованная сумма имущественной компенсации, размер которой в своей основе имеет инфляционные потери, риски роста ключевой ставки и прочие экономические факторы, то есть она носит компенсационный характер. Санкция же совершенно иной правовой инструмент по своей правовой природе, она в самом общем виде представляет собой элемент правовой нормы, в котором формулируются меры государственного принуждения, применяемые к лицу, допустившему противоправное поведение [4, с. 35]. Будучи правовым последствием совершения правонарушения, санкция не является ущербом, причиняемым бюджетной системе РФ, что дает основания сделать вывод о необходимости ее исключения из структуры ущерба. Обратим внимание, что в науке уголовного права предложено рассмотреть вопрос и об исключении пени из размера ущерба, причиняемого бюджетной системе РФ. Аргументируется данная

позиция тем, что пени, как и штраф являются лишь следствием ранее совершенного налогового правонарушения [5, с. 121]. Однако при решении данного вопроса пени необходимо рассматривать в аспекте их объективно-компенсаторной сущности, что практически и методологически допускает возможность ее включения в структуру ущерба, причиняемого бюджетной системе РФ.

Следующий вопрос относительно размера причиняемого ущерба лежит на стыке материального и процессуального права. При установлении размера ущерба необходимо руководствоваться сведениями, предоставленными налоговым органом без указания на окончательность такого расчета. В прежней редакции цитируемого Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 (редакция от 29.11.2016) содержалась иная формулировка: что полное возмещение ущерба бюджетной системе в результате налогового преступления включает «уплату недоимок в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности, вступившем в силу». Здесь мы видим следующую проблему. Налогоплательщику предоставлено право на обжалование решения налогового органа о доначислении сумм налогов, пеней и привлечении к налоговой ответственности. Следовательно, не исключена ситуация, когда как сумма недоимки, так и размер пеней и штрафов будет снижен на основании решения арбитражного суда, что может в свою очередь, может привести к нескольким альтернативным последствиям: при более раннем вынесении приговора по уголовному делу – е его безусловной отмене, при прекращении уголовного дела в связи с возмещением ущерба – к необоснованной переплате средств в бюджет, которая не подлежит возврату в силу прямого указания в законе, либо (и это минимальные «потери» для уголовного дела – к необходимости существенной корректировки обвинения). Решение обозначенной проблемы видится в возврате к прежней редакции Постановления Пленума и установлении возможности определения размера ущерба, причиненного бюджетной системе на основании вступившего в законную силу решения налогового органа.

Еще один вопрос, возникающий при освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе РФ – это момент возмещения такого ущерба. для применения ч. 1 ст. 76.1 УК РФ ущерб, причиненный бюджетной системе должен быть возмещен полностью до назначения заседания судом первой инстанции (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»). То есть освобождение от уголовной ответственности «обременяется» дополнительным процессуальным условием. В литература подобный подход критикуется и аргументируется такая критика следующим: «почему в отличие от общего порядка освобождения от уголовной ответственности в данном случае решение о прекращении уголовного преследования принимается до назначения дела. Во всех иных случаях, связанных с возмещением ущерба или проявлением деятельного раскаяния в преступлении в других формах, такие поступки могут приниматься «в зачет» и на более поздних стадиях: на предварительном

слушании, в ходе судебного разбирательства, по сути, вплоть до момента удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора» [6, с. 15]. Принципиально согласимся с данным суждением. Как представляется, установление дополнительных ограничений для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности, как минимум, нарушает два базовых уголовно-правовых принципов – равенства и справедливости. В целом же очевидно противоречит общей политики на гуманизацию уголовного законодательства и расширения сферы применения компенсаторных и восстановительных уголовно-правовых механизмов. В этой связи, следует отказаться от указанного подхода при определении предельного момента возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе для применения освобождения от уголовной ответственности, перенеся его до момента удаления суда в совещательную комнату.

Таким образом, при совершенствовании порядка освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе РФ, следует исходить из следующего. Во-первых, суммы санкций не являются ущербом, что дает основания для вывода о необходимости их исключения из состава ущерба. Во-вторых, окончательный размер ущерба, причиненного бюджетной системе РФ следует определять исключительно на основании вступившего в законную силу решения налогового органа о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности. В-третьих, в целях обеспечения материально-правового и процессуального равенства сторон, необходимо «перенести» возможность возместить ущерб, причиненный бюджетной системе до момента удаления суда в совещательную комнату.

Список использованных источников

1. Коренная А.А. Принципы уголовно-правовой охраны экономической деятельности как концептуальная основа реформирования уголовного закона // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3. С. 67-71.

2. Асадуллина А.А. Принцип равенства перед законом и судом в контексте правовой концепции амнистии, направленной на репатриацию капиталов // Legal Bulletin. 2025. № 3. С. 48 - 57.

3. Гриненко А.В. Определение размера ущерба по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией // Налоги. 2018. № 5. С. 30 - 33.

4. Мусаткина А.А. О общем понятии санкции нормы права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 32-38.

5. Благов Е.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 118 - 127.

6. Звечаровский И.Э., Иванов А.Л. Освобождение от уголовной ответственности // Уголовное право. 2015. № 4. С. 13 - 18.

УДК 343.80

Мамона Т. М.
старший преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,
г. Донецк
Канивец И. В.
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,
г. Донецк
Лащенко К. А.
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,
г. Донецк

МАСКИРОВКА СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОД ГУМАНИТАРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ: АНАЛИЗ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ И ВЫЗОВОВ ДЛЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен сокрытия общественно опасных деяний под прикрытием гуманитарных проектов, который является актуальной проблемой для российского уголовного права. В работе анализируются различные методы, которые преступники используют для придания своим действиям видимости законности, используя социальные инициативы. В заключении предлагаются конкретные рекомендации и пути решения данной проблемы в целях эффективного противодействия подобным формам преступной деятельности.

Ключевые слова: гуманитарные инициативы, благотворительность, материальная помощь, преступления.

Mamona T. M., Kanivets I. V., Lashchenko K. A.

MASKING SOCIALLY DANGEROUS CRIMES UNDER HUMANITARIAN INITIATIVES: ANALYSIS OF NEW TRENDS AND CHALLENGES FOR RUSSIAN CRIMINAL LAW

Annotation. This article examines the phenomenon of concealing socially dangerous acts under the guise of humanitarian projects, which is a pressing issue in Russian criminal law. The article analyzes various methods used by criminals to make their actions appear legitimate by using social initiatives. In conclusion, the article provides specific recommendations and solutions to address this issue in order to effectively counter these forms of criminal activity.

Keywords: humanitarian initiatives, charity, material assistance, and crimes.

Благотворительность во все времена и при любых обстоятельствах была сложным явлением. Наряду с позитивными моментами в истории имели место и иные подходы к оценке данной деятельности, поскольку в процессе развития российского общества наблюдается изменение в социальных сферах жизни. К

этим изменениям также можно отнести рост категорий людей, которые нуждаются в материальной помощи со стороны государства. Все это привело к иным, не государственным способам поддержания социальной сферы. Современное общество сталкивается с множеством вызовов, связанных с безопасностью и правопорядком – одна из них, маскировка социально опасных преступлений под благими намерениями гуманитарных инициатив и благотворительных фондов.

На законодательном уровне в РФ, благотворительная деятельность определяется в статье 1 Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», как «добровольная безвозмездная передача гражданами и юридическими лицами имущества, в том числе денежных средств, бескорыстное оказание услуг, выполнение работ, передача прав на результаты интеллектуальной деятельности, иные действия, которые нацелены на достижение социально-общественных целей» [1].

Нецелевое использование средств, собранных на благотворительность, путем их присвоения, квалифицируется по статьям УК РФ «Мошенничество», «Легализация денег и иного имущества, полученных преступным путём» и т.д. [2].

Фальшивые ресурсы благотворительных организаций создаются относительно регулярно. По данным МВД, злоумышленники запускают сборы средств на «лечение» больных людей или организуют преступные схемы, связанные с крупными ЧП. Можно сделать вывод, что появление фейковых сайтов, страниц в соцсетях, онлайн-объявлений благотворительных фондов чаще всего связано с конкретными информационными поводами, трагическими событиями, а также с праздниками, под которые подстраиваются мошенники.

Сфера благотворительности интересна мошенникам во многом потому, что доказать преступный умысел в связанных с нею схемах крайне сложно. Злоумышленники нередко используют реальные трагедии, что затрудняет выявление криминальной составляющей. А поскольку помощь часто оказывается безвозмездно и анонимно, без ожидания получить что-либо взамен, отследить результат использования средств крайне сложно. Этим активно пользуются мошенники.

Антон Рубин о благотворительной этике говорил: «Лучшее, что мы можем сделать, – развивать благотворительную этику. Не учить фонды собирать деньги, а сделать так, чтобы люди, которые деньги дают, задумывались, кому они дают и зачем. Только тогда мы сможем победить эти проблемы» [3].

Злоумышленники начали активно использовать поддельные сайты детских домов, хосписов и приютов для хищения средств под видом благотворительности. Они создают точные копии официальных ресурсов благотворительных организаций, заменяя только реквизиты для перевода денег. В результате пожертвования попадают на счета аферистов. То есть, законодателем должно быть принято во внимание, что мошенничество в сфере благотворительности нередко совершается в организованных формах (от обычного соучастия – до организованных преступных сообществ) и может быть связано с совершением других криминальных деяний [4, с. 28-32].

Между тем специалисты по кибербезопасности встречались с мошенничеством, связанным с благотворительностью, и в предыдущие годы. Например, по словам Евгения Егорова: «…вскоре после теракта в «Крокус Сити Холле» в мессенджерах и соцсетях быстро стали появляться подозрительные группы под видом благотворительных фондов. Там собирали деньги на помощь пострадавшим» [5].

В этой связи началом позитивного движения в обозначенном направлении можно считать предложения, направленные зампредом комитета Госдумы по просвещению Яной Лантратовой в адрес главы Правительства РФ, о введении в УК РФ новых составов, предусматривающих уголовную ответственность за мошенничество, совершенное под предлогом благотворительной или волонтерской деятельности.

Также следует обратить внимание, что под прикрытием гуманитарной деятельности и благотворительности процветает преступность, эксплуатирующая уязвимых лиц. Эти мошеннические схемы, нацеленные на различные формы насилия и принуждения, активно распространяются через разнообразные каналы: от печатной продукции (листовок, плакатов, баннеров) до рекламы в социальных сетях.

Основной метод таких преступлений заключается в манипулировании людьми, находящимися в затруднительном положении. В зону риска попадают безработные, мигранты, лица с низким социальным статусом, страдающие зависимостями, а также граждане, недавно освободившиеся из мест лишения свободы. Последняя категория, сталкиваясь с социальными и экономическими трудностями, а также с «клеймом» бывшего заключенного, часто оказывается особенно уязвимой. Им предлагают фиктивную помощь: высокооплачиваемую работу, бесплатное жилье, содействие в оформлении документов или даже «лечение». Однако, по факту, это лишь приманка для «попадания в ловушку». Жертвам обещают временную схему, где работа оплачивается проживанием и питанием, но впоследствии их заставляют выполнять низкоквалифицированный, изнурительный труд в антисанитарных условиях.

Согласно Конвенции МОТ № 29 (1930 г.), такой труд является принудительным: любая работа, требуемая под угрозой наказания, на которую лицо не давало добровольного согласия. Исключения составляют воинская служба, гражданские обязанности, работы по приговору суда, действия в условиях чрезвычайных обстоятельств и мелкие общественные работы [6]. Преступники усугубляют положение жертв, изымая их личные документы, что препятствует свободному передвижению, обращению за помощью. Часто жертв оформляют как «добровольцев» или участников «социальных программ», что намеренно вводит в заблуждение и затрудняет защиту их прав.

Не менее ужасающе действует схема продажи органов и тканей человека под видом медицинских благотворительных программ. Организуются фиктивные фонды, якобы собирающие средства на лечение тяжелобольных. В реальности же происходит торговля человеческими органами, полученными обманным путем или принудительно от нуждающихся в деньгах, отчаявшихся или тех, кого убедили «безвозмездно» помочь, спасая чью-то жизнь.

В наиболее радикальных случаях жертвы подобных «гуманитарных»

проектов подвергаются пыткам и истязаниям. Эти действия служат инструментом контроля, наказания, вымогательства или принуждения. Подпольные «реабилитационные центры», «трудовые коммуны» или «общежития» могут скрывать места, где люди сталкиваются с пытками, унижением и полной изоляцией, лишенные возможности получить помощь извне.

В первую очередь, представляется обоснованным внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации путём дополнения действующих составов преступлений новыми квалифицирующими признаками, отражающими повышенную общественную опасность деяний, совершаемых под видом гуманитарных инициатив. Так, статью 159 УК РФ «Мошенничество» целесообразно дополнить квалифицирующим признаком «совершённое под видом благотворительной, волонтёрской или иной гуманитарной деятельности», который может быть размещён в части второй или третьей указанной статьи [7, с. 15-16]. Данный признак охватывает случаи, когда злоумышленники используют в корыстных целях такие внешне безупречные формы деятельности, как сбор пожертвований на лечение тяжелобольных, помощь пострадавшим при чрезвычайных происшествиях, поддержку социально незащищённых категорий граждан, при этом, фактически не имея намерения использовать полученные средства по назначению либо вообще не являясь зарегистрированной благотворительной организацией. Введение такого квалифицирующего признака позволит дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от способа совершения преступления и усилить меры уголовно-правового воздействия в отношении лиц, которые цинично эксплуатируют общественное доверие граждан.

Кроме того, аналогичные квалифицирующие признаки требуют включения в статьи, предусматривающие ответственность за преступления против свободы личности, в частности в статьи 127.1 «Торговля людьми» и 127.2 «Использование рабского труда» УК РФ. Как показывает анализ правоприменительной практики, одним из наиболее распространённых способов вовлечения лиц в состояние принудительного труда и последующей их эксплуатации является как раз манипуляция уязвимыми группами населения под видом оказания гуманитарной помощи, социальной адаптации, трудоустройства или предоставления временного жилья. В связи с этим предлагается дополнить часть 2 статьи 127.1 и часть 2 статьи 127.2 УК РФ пунктом, предусматривающим ответственность за совершение указанных преступлений «с использованием средств массовой информации либо под видом благотворительной, волонтёрской или иной гуманитарной деятельности» [8, с. 48]. Такое дополнение позволит более точно квалифицировать деяния, при которых преступные механизмы эксплуатации прикрываются социально полезными формами деятельности, а также будет способствовать унификации судебной практики по данной категории дел.

Не менее важным представляется и совершенствование уголовно-правовых норм, направленных на противодействие легализации преступных доходов, поскольку средства, полученные в результате мошенничества под видом благотворительности, нередко проходят сложные процедуры отмывания

с использованием реквизитов подконтрольных некоммерческих организаций. В этой связи целесообразно дополнить статью 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления» квалифицирующим признаком, указывающим на совершение таких действий с использованием реквизитов благотворительных, волонтёрских или иных гуманитарных организаций, что позволит правоохранительным органам более эффективно выявлять и пресекать финансовые цепочки, ведущие к сокрытию преступных доходов под видом законной благотворительной деятельности [9, с. 79].

Однако исключительно уголовно-правовые меры не способны в полной мере решить проблему маскировки преступлений под гуманитарные инициативы. Необходим комплексный подход, включающий создание эффективных административно-правовых и организационных механизмов, позволяющих обеспечить прозрачность осуществляемой благотворительной деятельности и упростить процедуры контроля за публичными сборами средств. В связи с этим особого внимания заслуживает вопрос об обязательной идентификации лиц и организаций, инициирующих публичные сборы средств под видом гуманитарной помощи, в том числе при размещении информации на биллбордах и щитах, в общественных местах и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

По этой причине, целесообразно внесение изменений в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтёрстве)» и в законодательство о рекламе, устанавливающих обязательное требование о размещении на всех видах визуальной информации, связанной с распространением листовок и материалов гуманитарной поддержки, сведений, позволяющих однозначно идентифицировать организатора такой деятельности. В частности, предлагается законодательно закрепить правило, в соответствии с которым любая листовка, баннер, плакат, вывеска, а также публичное обращение в средствах массовой информации или в сети «Интернет», содержащее призыв к оказанию гуманитарной поддержки (включая распространение товаров, предметов первой необходимости или иной помощи), в обязательном порядке должны содержать полное наименование юридического лица (либо фамилию, имя, отчество индивидуального предпринимателя), выступающего организатором такой деятельности, его основной государственный регистрационный номер (ОГРН или ОГРНИП) и идентификационный номер налогоплательщика (ИНН) [10]. В случае если деятельность осуществляется зарегистрированной благотворительной организацией, также подлежит указанию номер записи в соответствующем реестре, ведение которого предусмотрено действующим законодательством.

Введение указанного требования имеет принципиальное значение по нескольким причинам. Во-первых, наличие на каждом информационном носителе данных о регистрационном номере и наименовании организатора создаёт реальную возможность для оперативного мониторинга со стороны уполномоченных государственных органов, в том числе налоговых служб и правоохранительных органов, которые в случае поступления обращений граждан или выявления фактов распространения материалов сомнительного

происхождения могут незамедлительно проверить легитимность деятельности организации. Во-вторых, такая мера существенно затруднит деятельность злоумышленников, создающих поддельные печатные материалы (листовки, плакаты, объявления) или фейковые страницы в социальных сетях под видом волонтёрских инициатив, поскольку отсутствие обязательной идентификационной информации либо её несоответствие сведениям, содержащимся в государственных реестрах, будет являться очевидным признаком недобросовестности и позволит гражданам самостоятельно распознавать мошеннические схемы, не связанные с реальной гуманитарной помощью. В-третьих, указанные сведения создадут необходимую доказательственную базу на этапе возбуждения уголовных дел, так как позволят установить лиц, фактически стоящих за организацией распространения агитационных или волонтёрских материалов, и проследить их связь с конкретными юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.

Разнообразие способов нарушения прав человека под маскировкой гуманитарных инициатив вызывает определенные сложности осуществления доказывания при расследовании рассматриваемой категории уголовных дел и изобличения виновных в связи, с чем возникает острая необходимость в разработке методического и тактико-криминалистического обеспечения органов дознания и предварительного следствия.

Анализ феномена маскировки общественно опасных преступлений под видом гуманитарных проектов выявил ряд существенных проблем, требующих скоординированного реагирования со стороны правозащитных институтов и государственных структур. Оценка современных тенденций демонстрирует, что преступники все более изощренно используют подобные инициативы для сокрытия своей деятельности, создавая дополнительные трудности для правоохранительных органов. Таким образом, дальнейшие исследования в этой области и разработка новых правовых инструментов сыграют ключевую роль в обеспечении общественной безопасности и защите прав граждан. Принятие мер по противодействию маскировке преступлений под гуманитарные инициативы поможет не только улучшить ситуацию в сфере уголовного права, но и восстановить доверие к благотворительным организациям как важным элементам социальной системы.

Список использованных источников

1. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026).

3. Волункова Е.А. «Что делать с фальшивыми благотворительными фондами: репортаж с круглого стола». Самарский интернет-журнал «Другой город». 2016.

4. Содномова С.К. Опыт зарубежных стран в борьбе с уклонением от уплаты налогов с участием благотворительных организаций // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 4.

5. Булгаков Д.В. «На злые дела: как мошенники обманывают россиян под предлогом благотворительности. Злоумышленники используют в своих целях личные трагедии и крупные ЧП», 02.04.2025.

6. Конвенция № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного или обязательного труда» // 14-ая сессия Генеральной конференции МОТ, г. Женева, 28.06.1930.

7. Минюст РФ. О реализации мер по противодействию мошенничеству в сфере благотворительности // Российский юридический журнал. – 2022. – № 4. – С. 15-20.

8. Иванов А.В., Петрова Е.В. Новые правовые меры по борьбе с мошенничеством в благотворительной сфере // Вестник российского парламента. – 2021. – № 3. – С. 45-50.

9. Новиков В.И., Смирнова А.С. Современные вызовы и пути совершенствования законодательства о благотворительной деятельности в РФ // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 78-85.

10. Постановление Правительства РФ от 31 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам маркировки товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации» от 31 декабря 2020 г. № 2464

УДК: 343.2/.7

Мамона Т. М.
старший преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,
г. Донецк
Ковбасистый П. И.
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,
г. Донецк

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В данной работе исследуются проблемы уголовно-правовой квалификации деяний, совершаемых с применением искусственного интеллекта (ИИ). Авторы акцентируют внимание на неопределенности категорий субъекта, вины и причинно-следственной связи при использовании алгоритмов. Предложена классификация преступлений с применением ИИ. В заключение обосновывается необходимость введения в Уголовный кодекс РФ специальных норм и закрепления легального определения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Искусственный интеллект (ИИ), уголовная ответственность, преступления с использованием ИИ, автономные системы, субъект преступления, причинно-следственная связь, форма вины, нарушение правил эксплуатации, законодательное закрепление понятия, правовые риски.

Mamona T. M., Kovbasisty P. I.

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES COMMITTED WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. This paper explores the problems of criminal legal qualification of acts committed with the use of artificial intelligence. The authors focus on the uncertainty of the categories of subject, guilt, and cause-and-effect relationship when using algorithms. They propose a classification of crimes involving AI. In conclusion, they argue for the need to introduce special provisions in the Criminal Code of the Russian Federation and establish a legal definition of artificial intelligence.

Keywords: Artificial intelligence (AI), criminal liability, crimes involving AI, autonomous AI systems, subject of a crime, cause-and-effect relationship, form of guilt, violation of operating rules, legal definition of the concept, legal.

Развитие систем искусственного интеллекта (ИИ) остро ставит вопрос о необходимости определения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность для деяний, совершаемых с их участием или посредством них. Новые технологические возможности одновременно порождают значительные правовые риски, требующие немедленного регулирования.

Данная статья посвящена анализу ключевых проблем правоприменения и реализации норм уголовной ответственности за преступления, связанные с использованием ИИ.

Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта, определяются как общественно опасные деяния, в которых технологии ИИ выполняют функции инструмента, средства или способа их реализации. При этом функциональная роль и степень автономности интеллектуальной системы могут существенно различаться в зависимости от механизма преступного поведения.

В зависимости от роли ИИ в совершении противоправного деяния можно выделить следующие категории:

– Первый тип ситуаций включает целенаправленное использование ИИ как инструмента для совершения преступления. В этом случае разработчик или оператор намеренно программирует или настраивает систему на достижение криминального результата. Например, если хакерская программа на основе ИИ создается исключительно для несанкционированного доступа к критически важной инфраструктуре или хищения средств с использованием сложных алгоритмов обхода защиты.

– Второй тип охватывает случаи неправомерного вмешательства или злоупотребления эксплуатационными возможностями ИИ. К ним относятся действия, направленные на умышленное искажение обучающих данных или внесение изменений в сами алгоритмы работы ИИ с целью получения противоправной выгоды. Примером может служить преднамеренное искажение обучающей выборки системы кредитного скоринга для незаконного получения

кредитов [2].

Преступления, совершённые автономными системами искусственного интеллекта. Это наиболее сложный сегмент, охватывающий случаи, когда интеллектуальная система самостоятельно принимает решения, результатом которых становится наступление общественно опасных последствий. Это происходит, когда разработчики не смогли учесть все возможные внешние факторы или ошибки в самой архитектуре обучения, что приводит к непредсказуемому поведению ИИ. Классическим примером здесь является ситуация, когда автономная система (например, беспилотный транспорт) «выходит из-под контроля». Например, крушение самолета в котором ИИ неверно решил поставленную задачу, что в результате повлекло крушение «Boeing 737 Max 8». Новостные паблики в 2019 году сообщали: «Страны мира начали отказываться от новейшего лайнера, а эксперты называют возможные причины двух крушений Boeing 737 MAX 8 и задают простой вопрос – «умная» система США убивает людей?» [1]. Стоит отметить, что в результате катастрофы боинга в Эфиопии погибли 157 человек, среди которых были граждане России.

Еще один резонансный случай со смертью подростка произошел недавно в США. В Калифорнии родители погибшего подростка подали первый в истории иск против OpenAI [3]. Родители 16-летнего Адама Рейна подали иск против компании OpenAI и ее руководителя Сэма Альтмана, обвинив нейросеть ChatGPT в доведении их сына до самоубийства.

Согласно материалам дела, в течение нескольких месяцев подросток вел деструктивные диалоги с искусственным интеллектом. По словам истцов, вместо того чтобы активировать экстренные протоколы безопасности или заблокировать опасные запросы, чат-бот фактически поощрял намерения юноши. Родители подчеркивают, что нейросеть была осведомлена о четырех предыдущих попытках Адама покончить с собой. Более того, искусственный интеллект сам подсказал подростку, как обойти встроенные фильтры: бот предложил формулировку, согласно которой обсуждение суицида необходимо для «творческих целей», что открывало возможность для подробного обсуждения способов ухода из жизни.

В день трагедии система даже помогла Адаму доработать предсмертную записку и дала советы по «совершенствованию» способа самоубийства, фотографию которого он отправил в чат.

В таком случае определение, кто именно несет ответственность – разработчик, пользователь или сама система – представляется весьма затруднительным [6].

В связи с расширением автономных возможностей отдельных систем искусственного интеллекта зарубежные эксперты высказывают идею о признании таких систем субъектами уголовного права. В рамках некоторых исследований проводится сравнение с уголовной ответственностью юридических лиц, что является устоявшейся практикой в правовых системах различных государств.

Данная позиция разделяется некоторыми российскими исследователями, которые считают, что усложнение, децентрализация, автономизация

технологий искусственного интеллекта создают ряд проблем для человека, осуществляющего контроль над такими технологиями: человек, даже управляющий системой ИИ, не всегда способен полностью контролировать все действия и реакции системы, а тем более предугадать её поведение [5].

Реальность таких рисков подтверждается случаями, когда система ИИ не смогла обеспечить безопасность, как, например, в случае со смертельным ДТП в Калифорнии 23 марта, где Tesla Model X, находясь в режиме автопилота, внезапно потеряла управление и врезалась в барьер, что привело к гибели водителя; ситуация усугубляется тем, что подобные системы уже используются на дорогах России, что делает возможным возникновение подобных ситуаций.

Однако стоит отметить, что согласно действующему уголовному законодательству Российской Федерации субъектом преступления может быть только физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и хотя ИИ может действовать автономно, исходя из вышесказанного, он не обладает правосубъектностью, соответственно, не может быть субъектом преступления.

Многие правоведы утверждают: поскольку технологии искусственного интеллекта нашли столь значительное отражение в человеческой деятельности, возникает необходимость включения практически в каждый состав преступления квалифицирующего признака «с использованием искусственного интеллекта», что, на наш взгляд, представляется нецелесообразным [4]. Более логичным решением представляется прямое введение в уголовный кодекс нового состава преступления – использование искусственного интеллекта для совершения преступлений.

Для введения уголовной ответственности за наступление общественно-опасных последствий, возникших из-за системной ошибки ИИ в следствии ненадлежащего исполнения должностным лицом своих служебных обязанностей по эксплуатации, разработке, наблюдению, облуживанию систем искусственного интеллекта, можно предложить введение дополнительной нормы в главе преступлений в сфере компьютерной информации: «Нарушение правил эксплуатации систем искусственного интеллекта, повлекшее причинение вреда здоровью человека». Противоправное деяние будет выражаться в нарушении лицом, ответственным за программирование, обучение, обслуживание или эксплуатацию системы искусственного интеллекта, установленных правил обеспечения, наблюдения её работоспособности и безопасности, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

В качестве отягчающего обстоятельства, будут выступать деяния, повлекшие по неосторожности смерть человека. В данном случае объектом преступления будут выступать общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок безопасной разработки, программирования, обучения, обслуживания и эксплуатации систем ИИ, функционирование которых может создать угрозу жизни и здоровью человека. Дополнительным объектом будет выступать жизнь и здоровье человека.

Предполагается, что данное деяние совершено путем бездействия. Нарушение лицом, ответственным за программирование, обучение,

обслуживание или эксплуатацию системы искусственного интеллекта, установленных правил обеспечения, контроля работоспособности и безопасности в том числе ненадлежащее осуществление контроля за процессами самообучения системы ИИ, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека при условии, что лицо при должной внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть наступление общественно опасных последствий. Преступление окончено с момента наступления общественно-опасных последствий.

Так же необходимо обозначить признаки субъекта преступления, лицо, обладающее особым правовым статусом, определяемым наличием закрепленных обязанностей по разработке, программированию, обучению, обслуживанию или эксплуатации системы (ИИ), достигшему к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности.

Важно отметить, что для введения в уголовный кодекс дополнительной статьи, касающейся ответственности за вред, причиняемый человеку системами искусственного интеллекта (ИИ), необходимо законодательно закрепить определение ИИ, а также дать четкое толкование для правильной квалификации и однозначности применения данной нормы.

Таким образом развитие систем искусственного интеллекта (ИИ) и их все более широкое внедрение в особенно важные сферы общественной жизни объективно обусловливают потребность в законодательном переосмыслении существующих подходов к уголовно-правовому регулированию. Как было продемонстрировано в ходе анализа, внедрение новых технологий порождает правовую неопределенность, что ставит под угрозу эффективность защиты наиболее значимых объектов уголовно-правовой охраны.

В контексте повышенной автономности ИИ, особенно в процессах самообучения, конструкции вины и причинно-следственной связи (особенно в отношении бездействия ответственных лиц) требуют адаптации к современным вызовам. Ключевой проблемой правоприменения является определение специального субъекта и точная квалификация формы вины при наступлении общественно опасных последствий, вызванных не прямым действием, а ненадлежащим контролем над автономной системой.

Для обеспечения безопасности общественных отношений, необходимо осуществить законодательное закрепление понятия «Система ИИ». Только при наличии такой терминологической основы станет возможным эффективная реализация необходимых норм об уголовной ответственности за деяния, совершенные с участием или посредством систем ИИ, что позволит минимизировать правовые риски в информационной среде.

Список использованных источников

1. Алгоритм дает сбой. Когда искусственный интеллект приводит к непредвиденным последствиям. – Текст : электронный // www.sb.by : [сайт]. – URL: https://www.sb.by/articles/algoritm-daet-sboy-kogda-iskusstvennyy-intellekt-privodit-k-nepredvidennym-posledstviyam.html (дата обращения: 21.03.2026).

2. Амирова Марьям Гатамовна, Таилова Айша Габибовна УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С

ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА // Human Progress. 2025. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-otvetstvennost-za-prestupleniya-sovershennye-s-ispolzovaniem-sistem-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 21.03.2026).

3. В Калифорнии родители погибшего подростка подали первый в истории иск против OpenAI. — Текст : электронный // www.marieclaire.ru : [сайт]. – URL: https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/chatgpt-dovel-podrostka-do-samoubiistva-roditeli-podali-v-sud-na-razrabotchika-ii/?ysclid=mn1erz08ql423972936 (дата обращения: 22.03.2026).

4. Гребенькова Лидия Александровна, Захарова Екатерина Романовна ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. №4 (52). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 21.03.2026).

5. Дремлюга Р. И. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-prestupnyh-tselyah-ugolovno-pravovaya-harakteristika (дата обращения: 21.03.2026).

6. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА. – Текст : электронный // cyberleninka.ru : [сайт]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-prestupleniya-sovershennye-s-ispolzovaniem-sistem-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 21.03.2026).

УДК 343.72

Мамона Т. М.
старший преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Швец В. А.
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ПРОБЛЕМАТИКА МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОМУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СРЕДСТВ СВЯЗИ

Аннотация. Статья посвящена мошенничеству с использованием цифровых технологий и средств связи. Рассматриваются причины его распространения, статистика и основные способы совершения: фишинг, вишинг, мошенничество в соцсетях и фейковых магазинах. Анализируются вопросы уголовно-правовой квалификации, обосновывается необходимость совершенствования законодательства для противодействия новым формам

мошенничества, включая использование искусственного интеллекта.

Ключевые слова: мошенничество, цифровизация, информационно-телекоммуникационные технологии, уголовно-правовая квалификация.

Mamona T. M., Shvets V. A.

PROBLEMS OF FRAUD USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AND COMMUNICATION MEANS

Annotation. The article is devoted to fraud using digital technologies and means of communication. The reasons for its spread, statistics and the main ways of committing it are considered: phishing, vishing, fraud in social networks and fake stores. The issues of criminal qualification are analyzed, the need to improve legislation to counter new forms of fraud, including the use of artificial intelligence, is substantiated.

Key words: fraud, digitalization, information and telecommunication technologies, criminal law qualification.

В условиях современного этапа общественного развития научно-технический прогресс выступает одним из ключевых факторов, определяющих трансформацию практически всех сфер жизнедеятельности человека, государства и общества. Активное внедрение цифровых решений, информационно-телекоммуникационных систем и инновационных технологий существенно упростило доступ к информации, ускорило экономические и социальные процессы, а также изменило привычные формы взаимодействия между людьми и организациями. Вместе с тем данные процессы носят двойственный характер, поскольку наряду с очевидными положительными эффектами они порождают и новые угрозы, ранее не известные или не обладавшие столь высокой степенью общественной опасности. Особое место среди негативных последствий цифровизации занимает трансформация преступности, проявляющаяся в активном использовании информационно-телекоммуникационной среды для совершения противоправных деяний. Расширение возможностей сети Интернет, развитие дистанционных сервисов, электронных платежных систем, цифрового банкинга и онлайн-коммуникаций объективно способствовали формированию благоприятной среды для мошеннической деятельности. Современные преступные схемы все чаще строятся на эксплуатации доверия пользователей, использовании анонимности, удалённого доступа и сложности идентификации субъектов, что существенно затрудняет выявление и пресечение подобных преступлений. Следует отметить, что рост числа пользователей цифровых сервисов и электронных платформ сопровождается постоянным усложнением мошеннических механизмов. Преступники оперативно адаптируются к новым технологическим условиям, осваивают инновационные инструменты, включая автоматизацию, элементы искусственного интеллекта, социальную инженерию и вредоносное программное обеспечение. В результате противоправная деятельность

приобретает латентный характер, отличается высокой динамичностью и зачастую остаётся вне поля зрения правоохранительных органов на первоначальных этапах своего осуществления.

Дополнительную актуальность обозначенной проблеме придаёт тот факт, что цифровая среда затрагивает не только имущественные интересы отдельных граждан, но и функционирование государственных институтов, финансовой системы, а также уровень доверия общества к современным технологиям в целом. Массовый обмен персональными данными, использование дистанционных форм обслуживания и повседневная зависимость от электронных сервисов объективно увеличивают масштабы потенциального ущерба от мошеннических посягательств. В условиях информационной глобализации и ускоренной цифровой трансформации обеспечение безопасности личности, общества и государства приобретает стратегическое значение. Признание информационной безопасности, утвержденное указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, одним из элементов Стратегии национальной безопасности Российской Федерации обусловливает необходимость комплексного научного осмысления проблем мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также выработки эффективных уголовно-правовых и организационных мер противодействия указанным формам преступности [1].

В последние десятилетия вектор общественного развития во многом определяется ускоряющимся технологическим прогрессом. Начиная с рубежа XX–XXI веков, человечество вступило в качественно новую фазу существования, связанную с формированием цифровой среды, которая постепенно стала неотъемлемой частью социальной, экономической и культурной жизни. Технологические решения, ранее воспринимавшиеся как абстрактные или экспериментальные, трансформировали повседневные практики взаимодействия между людьми, организациями и государством.

Первоначально глобальные компьютерные сети создавались как вспомогательный инструмент для узкоспециализированных задач. Их использование ограничивалось научными учреждениями, исследовательскими центрами и крупными корпоративными структурами. На данном этапе сеть рассматривалась преимущественно как средство передачи информации, не выходящее за рамки профессионального общения. Однако уже к концу 1990-х годов произошло радикальное расширение сферы её применения: цифровое пространство стало доступным массовому пользователю и превратилось в универсальную платформу для различных форм деятельности.

Существенным фактором дальнейших изменений стала активная интеграция коммерческих интересов в интернет-среду. Появление электронных платёжных систем, дистанционных банковских услуг и онлайн-сервисов привело к упрощению финансовых операций и росту их доступности. Вместе с тем именно в этот период обозначилась и обратная сторона цифровизации. Преступные группы достаточно быстро адаптировались к новым условиям, начав использовать сеть в качестве инструмента незаконного извлечения прибыли. Так сформировались первые устойчивые модели мошенничества,

основанные на удалённом доступе к жертве.

Новый этап эволюции в 2010-х годах был связан с массовым распространением мобильных устройств и высокоскоростной связи. Смартфоны фактически обеспечили постоянное присутствие человека в цифровом пространстве, что значительно расширило возможности как для легитимного взаимодействия, так и для противоправных посягательств. Мошеннические схемы стали строиться вокруг мобильных каналов связи: телефонных звонков, текстовых сообщений и мессенджеров, позволяющих злоумышленникам действовать быстро и практически анонимно.

На современном этапе интернет превратился в ключевую среду осуществления мошеннической деятельности. Используются сложные методы социальной инженерии, включая имитацию официальных ресурсов, подделку сообщений от организаций и манипулирование эмоциональным состоянием потерпевших. Дополнительную угрозу создаёт развитие технологий искусственного интеллекта, позволяющих генерировать убедительные аудио- и визуальные подделки [2].

В настоящее время мошенничество занимает одно из ведущих мест в структуре преступности в Российской Федерации, что подтверждается сведениями, формируемыми информационно-аналитическими подразделениями системы МВД России. Анализ официальных статистических материалов за 2025 год позволяет сделать вывод о стабильно высокой распространённости данного вида противоправных деяний. В общем массиве зарегистрированных преступлений мошенничество уверенно входит в число наиболее часто совершаемых и по уровню распространённости занимает третью позицию. Его удельный вес составляет 23,2 % от общего количества преступлений, зафиксированных на территории страны, что свидетельствует о масштабности проблемы и её устойчивом характере [3]. Кроме того, согласно актуальным социологическим данным, проблема цифрового мошенничества носит поистине всеохватывающий характер. Как демонстрируют результаты исследования, организованного Аналитическим центром НАФИ в мае 2025 года, с различными попытками мошенничества в течение предшествующих 12 месяцев сталкивались подавляющее большинство граждан – 94% от общего числа респондентов. При этом наиболее высокие показатели отмечены среди лиц старше 60 лет (98%), а также среди экономически активной молодежи, совмещающей работу с учебой (99%). Почти столь же часто жертвами злоумышленников становились люди, занятые ведением домашнего хозяйства или находящиеся в отпуске по уходу за ребенком (97%) [4].

Само по себе мошенничество представляет собой общественно опасное деяние, предусмотренное статьёй 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, выражающееся в хищении чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием, совершаемое с корыстной целью и направленное на незаконное извлечение имущественной выгоды за счёт потерпевшего [5]. При детальном изучении уголовного закона обращает на себя внимание конструкция статьи 159.6 УК РФ, которая заметно выделяется среди смежных составов. Если обратиться к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, содержащимся в пункте 1

Постановления № 48 от 30 ноября 2017 года «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», прослеживается важная закономерность. В статьях 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3 и 159.5 УК РФ законодатель прямо указывает на обман или злоупотребление доверием как на способы совершения преступления [6]. Статья 159.6 УК РФ в этом перечне отсутствует, что принципиально меняет понимание объективной стороны данного деяния. По сути, законодатель заложил иную модель противоправного поведения: имущество изымается не путем воздействия на психику потерпевшего, а через вмешательство в работу информационных систем. Личный контакт с жертвой здесь не обязателен, преступление совершается техническими средствами. Это обстоятельство имеет значение не только для квалификации содеянного, но и для выстраивания методики расследования, поскольку меняется сам механизм следообразования и способы доказывания вины [7].

В современной цифровой среде сложился широкий круг способов совершения мошеннических действий, осуществляемых с использованием сети Интернет, электронных средств связи и различных технических инструментов. Такие схемы отличаются гибкостью: злоумышленники достаточно быстро подстраиваются под новые технологии и меняющиеся условия, совершенствуя применяемые приёмы. При этом некоторые из подобных способов уже стали достаточно устойчивыми и регулярно встречаются на практике. Именно они чаще всего фиксируются правоохранительными органами и представляют наибольший интерес с точки зрения анализа. К числу наиболее распространённых и характерных вариантов совершения подобных преступлений можно отнести следующие:

1) Фишинг – это разновидность мошенничества, получившая распространение в цифровой среде. Данный способ противоправных действий направлен на получение персональной информации пользователей без их ведома. В качестве объектов посягательства, как правило, выступают пароли, логины, реквизиты платежных карт, а также коды подтверждения банковских операций и прочие данные, использование которых позволяет злоумышленникам получать доступ к деньгам либо личным кабинетам на различных интернет-ресурсах. Действуют преступники обычно по отработанной схеме. Гражданам направляются электронные письма или сообщения, которые оформлены так, будто их прислали из банка, от государственной структуры, популярного сервиса или даже от кого-то из знакомых. Внутри такого письма всегда есть либо ссылка, либо вложение. Ссылка ведет на сайт, созданный злоумышленниками, при этом на вид она ничем не отличается от настоящего. В случае перехода по гиперссылке и внесения запрашиваемых данных на поддельном ресурсе указанные сведения незамедлительно становятся доступными для преступников. При открытии вложенного файла происходит активация вредоносного программного обеспечения, которое либо осуществляет самостоятельный сбор информации с устройства, либо обеспечивает удаленный доступ к нему. Впоследствии полученные данные используются для противоправного изъятия денежных средств либо для взлома учетных записей.

2) Телефонное мошенничество – это одно из разновидностей мошенничества, реализуемое посредством использования средств телефонной связи. Ключевой характеристикой данного способа выступает дистанционное голосовое взаимодействие с потерпевшим, исключающее личную встречу, что объективно затрудняет установление личности правонарушителя и одновременно способствует формированию у жертвы ложного впечатления о достоверности происходящего. Наиболее распространённой формой телефонного мошенничества в настоящее время является вишинг – устный обман, осуществляемый в ходе телефонного разговора. Злоумышленники, как правило, представляются сотрудниками банковских структур, государственных либо правоохранительных органов, уведомляя гражданина о якобы существующей угрозе сохранности его денежных накоплений. Используя методы психологического давления и создавая искусственную стрессовую ситуацию, преступники добиваются от потерпевшего добровольного предоставления конфиденциальных данных, которые впоследствии применяются для несанкционированного распоряжения финансовыми средствами. Особого внимания заслуживает внедрение новых технологических приёмов, связанных с использованием программного обеспечения, способного синтезировать и имитировать человеческий голос. Речь идёт о ситуациях, когда злоумышленник совершает телефонный звонок, а его голос с помощью специальных алгоритмов стилизуется под голос родственника, знакомого либо иного лица, имеющего значение для потерпевшего. Такое воздействие носит выраженный психологический характер: у жертвы формируется убеждение в подлинности происходящего и неотложности ситуации, в результате чего снижается способность к критической оценке получаемой информации и существенно возрастает риск необдуманного перевода денежных средств. Если обратиться к действующему уголовному законодательству, можно констатировать, что на сегодняшний день в нём не предусмотрено отдельной нормы, которая бы специально регулировала ответственность за телефонное мошенничество как деяние, совершаемое с использованием средств связи. Данное обстоятельство заслуживает внимания, поскольку существующие правовые конструкции не всегда в полной мере учитывают специфику подобных способов совершения преступления. Особое значение это приобретает в связи с появлением новых технологических возможностей, в частности использования нейросетей для имитации голоса. Представляется, что такие формы противоправного поведения нуждаются в дополнительном осмыслении с точки зрения уголовного права, что позволило бы выработать более чёткие подходы к их квалификации в правоприменительной практике.

3) Мошенничество в социальных сетях – это форма противоправного завладения денежными средствами или иным имуществом, реализуемая посредством использования аккаунтов пользователей на соответствующих интернет-платформах. Характерной особенностью данного способа является дистанционный характер взаимодействия и опора на уже существующие социальные связи между участниками коммуникации. Одной из наиболее распространённых схем выступает направление просьб о срочном займе денежных средств от имени владельца ранее скомпрометированной страницы.

Получив несанкционированный доступ к профилю, злоумышленник обращается к друзьям или подписчикам потерпевшего, создавая видимость личного обращения. Существенную роль здесь играют навыки преступника в области психологического влияния, умение имитировать стиль общения конкретного человека, а также совокупность внешних обстоятельств, включая время поступления сообщения и общий контекст переписки.

4) Мошенничество в поддельных интернет магазинах – это вид мошенничества, при котором злоумышленники создают фиктивные торговые площадки в сети с целью получения денежных средств за товары или услуги, фактически не существующие. Используя современные цифровые инструменты, преступники воспроизводят оформление известных брендов, копируют фирменную символику и визуальный стиль реальных сайтов, что формирует у покупателя ощущение подлинности ресурса. На подобных сайтах обычно выставляются популярные категории товаров – электроника, предметы одежды, ювелирные изделия – по ценам, существенно ниже рыночных. Такие сайты, как правило, требуют стопроцентной предоплаты без возможности оплаты при получении. После перевода денег покупателем товар не приходит, а сам ресурс в скором времени исчезает. Нередко спустя некоторое время подобный магазин запускается заново под новым названием, в том числе на базе страниц в социальных сетях.

Таким образом, мошеннические действия с использованием современных информационно-телекоммуникационных средств продолжают представлять собой серьёзную угрозу, как для отдельных граждан, так и для организаций и государственных институтов. В этой связи заслуживает отдельного внимания вопрос квалификации преступлений, связанных с посягательствами на социально-незащищённые слои населения, поскольку именно такие ситуации требуют особой правовой оценки и могут служить важным обстоятельством при расследовании и судебной квалификации. Особую актуальность в настоящее время приобретает необходимость законодательного регулирования новых форм мошенничества, в том числе совершённых посредством телефонной связи и с применением технологий искусственного интеллекта. Эти направления преступной деятельности развиваются крайне динамично, что создаёт серьёзные сложности для правоохранительных органов, не имеющих пока чётко прописанных инструментов для профилактики и реагирования на подобные нарушения. В совокупности изложенные обстоятельства указывают на то, что преступления в цифровой среде сохраняют значительную социальную опасность и требуют системного подхода со стороны законодателя и органов власти. Это подразумевает необходимость выработки конкретных правовых механизмов, обеспечивающих эффективное предупреждение, своевременное выявление и пресечение действий злоумышленников, а также надёжную защиту граждан, организаций и государственных интересов в условиях постоянного совершенствования цифровых технологий.

Список использованных источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 09.03.2026).Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. – 278 с.

2. Кафарова, Р. Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Р. Д. Кафарова. - Текст : электронный // The art of law. - 2025. - №3. - С. 105-112. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-tehnologiy-1 (дата обращения: 09.03.2026).

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2025 года. - Текст : электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. - 2026. - URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 09.03.2026).

4. Почти 100% россиян сталкивались с мошенничеством за последний год.. - Текст : электронный // РБК Life : официальный сайт. - 2025. - URL: https://www.rbc.ru/life/news/6851731e9a79476e5b1de2d9 (дата обращения: 09.03.2026).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.03.2026).

6. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 09.03.2026).

7. Смирнова, В. С. Криминалистическая характеристика мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / В. С. Смирнова. - Текст : электронный // Правовой альманах. - 2025. - №1 (41). - С. 87-94. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-moshennichestva-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-tehnologiy-1 (дата обращения: 09.03.2026).

УДК 343.3/.7

Мироненко Д. С.
магистрант 2-го курса магистратуры
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,
г. Донецк
Научный руководитель:
Собин Д. В.
канд. юрид. наук, заведующий кафедрой
уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»,
г. Донецк

ОБЪЕКТ САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТИ

ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ

Аннотация. В статье проводится анализ объекта самовольного оставления части или места службы. Особенностью объекта преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, является то, что виновное лицо – военнослужащий – является одновременно и субъектом общественных отношений, возникающих по поводу пребывания военнослужащих в части или на месте службы. Виновный, не выполняя обязанности находиться в воинской части или на месте службы, своими действиями разрывает социальную связь. Тем самым, он влияет на предмет общественных отношений, а именно нарушает установленный порядок, согласно которому он должен находиться в воинской части или на месте службы.

Ключевые слова: самовольное оставление части или места службы, объект, уголовная ответственность.

Mironenko D. S., Sobin D. V.

THE OBJECT OF UNAUTHORIZED ABANDONMENT OF A PART OR PLACES OF SERVICE

Annotation. The article analyzes the object of unauthorized abandonment of a unit or place of service. A special feature of the object of the crime provided for in Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation is that the perpetrator, a serviceman, is at the same time a subject of public relations arising from the presence of military personnel in a unit or at a duty station. The culprit, not fulfilling his duties to be in a military unit or at the duty station, breaks the social bond by his actions. Thus, he affects the subject of public relations, namely, violates the established procedure, according to which he must be in a military unit or at the place of service.

Keywords: unauthorized abandonment of a unit or place of service, facility, criminal liability.

Статья 49 Конституции Российской Федерации предусматривает, что «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [1]. В развитие этого положения, ст. 8 УК РФ устанавливает, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [2, с. 12]. Состав преступления состоит из взаимосвязанных между собой элементов: объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов приводит к отсутствию состава преступления в целом.

Как отмечает Б.С. Никифоров «если преступление – это правонарушение, посягающее на установленные объекты, не на все, а лишь на некоторые, охраняемые уголовным законом, то, соответственно, правонарушение, причиняющее вред другим объектам, не является преступлением и не влечет за собой уголовной ответственности. Если преступление, в иных случаях – это

правонарушение, которое причиняет объекту не какой-либо, а определенный вред, то правонарушение, которое причиняет объекту иной вред также не является преступлением» [3, с. 4-5].

Прежде чем приступить к характеристике объекта преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, необходимо выяснить что же, собственно, является объектом преступления вообще.

В советской уголовно-правовой науке объектом преступления почти беспрекословно признавались общественные отношения, на которые посягает преступление. Однако, в последнее время этот вопрос решается не так однозначно. Так, А.В. Наумов считает, что «необходимо вернуться к теории объекта преступления как правового блага» [4, с. 147]. Коллектив авторов учебника по общей части уголовного права под редакцией Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой считает, что объект преступления – это «охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо, совершающее преступление, и которым в результате совершенного преступления причиняется или может быть причинен существенный вред» [5, с. 202].

Нормы уголовного права, как и любой другой отрасли права, регулируют действия, поступки людей, их поведение. Указания и запреты касаются лиц, способных осознавать свои действия и в полной мере или хотя бы частично управлять ими. В.И. Ривлин считает, что «уголовный закон, запрещая определенные действия, направляет поведение людей, требует от них воздерживаться от совершения преступления» [6]. Однако, регулирование поведения граждан – это не самоцель. Закон обязывает граждан воздерживаться от совершения запрещенных действий не для того, чтобы приучить их к правопорядку, а ради охраны общественных отношений. Основной функцией уголовного права как отрасли права является охранная функция. Она заключается в том, что уголовное право охраняет присущими ему средствами те общественные отношения, которые регулируются другими отраслями права. Поскольку обязательным признаком преступления является уголовная противоправность, то есть запрет общественно опасного деяния уголовным законом, преступление может посягать лишь на то, что поставлено под охрану уголовного закона – общественные отношения.

Вред не может быть причинен ценностям путем изменения их свойств, поскольку пока они не находятся в системе общественных отношений, они для общества безразличны. Ценности лишь тогда «становятся социально значимыми, когда входят в структуру общественных отношений, а люди становятся их субъектами, когда возникают между людьми конкретные связи по поводу этих ценностей» [7]. Поэтому уголовно правовой охране подлежат не сами ценности, а ценности как элемент общественных отношений. Посягательство же на элемент является посягательством на общественные отношения в целом. В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ, «задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений» [2, с. 8]. Однако, права и свободы человека, собственность, общественный порядок и т.п. реализуются через определение

конкретных прав и обязанностей других лиц, общества, государства по их обеспечению. Они составляют содержание общественных отношений, которые являются объектом уголовно-правовой охраны. Посягательство на перечисленные в ч. 1 ст. 2 УК РФ ценности является посягательством на общественные отношения, в структуру которых они входят.

Трудно согласиться и с тезисом Е.А. Фролова о том, что в тех случаях, когда отдельные структурные элементы общественных отношений могут быть выделены в составе этих отношений, и когда будет установлено, что именно против этих элементов направлено общественно опасное деяние, данные структурные элементы необходимо признать непосредственным объектом преступления. Авторы этой позиции, по нашему мнению, при формулировании выводов о непосредственном объекте преступления рассматривают общественные отношения не как «целостную систему составных частей, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой, а как сумму приложений их частей. Общественные отношения – это целостная система, определенное единство» [8]. Структурные элементы одного отношения могут входить и в другие отношения. В конкретных общественных отношениях они должны выполнять те функции, которые свойственны лишь им. Если функции хотя бы одного из элементов изменяются, меняется и все отношения как целостная система. Это вызвано тем, что связь между элементами отношений настолько прочна, что любое изменение одного из элементов как следствие влечет за собой изменение других, а в конечном результате и общественных отношений в целом.

Родовой объект – это определенный круг тождественных или однородных по своей социальной сути общественных отношений, охраняемых единым комплексом взаимосвязанных уголовно-правовых норм. Такой позиции придерживается Е.А. Фролов и другие ученые [8]. В соответствии с ч. 1 ст. 331 УК РФ «преступлениями против военной службы признаются предусмотренные настоящей главой преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов» [2, с. 795]. То есть, родовым объектом преступлений против военной службы являются общественные отношения, возникающие из установленного законодательством порядка несения или прохождения военной службы.

К.И. Егоров общественные отношения, возникающие по поводу установленного порядка несения и прохождения военной службы, делит на общие и специальные. «Общие отношения – это те, субъектами которых являются все военнослужащие, независимо от категорий. Специальные же отношения возникают между отдельными категориями военнослужащих в особых сферах служебной деятельности в связи с решением конкретных задач в определенных временных пределах (например, отношения, возникающие по поводу несения службы в карауле и др.)» [9, с. 57].

Совершая преступление, предусмотренное ст. 337 УК РФ, виновный посягает на общественные отношения, которые возникают по поводу прохождения военной службы. Однако, порядок прохождения военной службы по своему содержанию включает в себя порядок возникновения отношений военной службы, сроки службы, определенную систему воинских званий, порядок их присвоения, правила

аттестации военнослужащих, порядок перемещения по должности и передвижения по службе, командировки и отпуска военнослужащих, условия и порядок прекращения военной службы и тому подобное. Нарушение порядка прохождения военной службы характерно для целой группы преступлений против военной службы, в частности, для дезертирства (ст. 338 УК), уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК) и тому подобное. Содержание непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, мы считаем, несколько уже по своему объему.

При самовольном оставлении воинской части или места службы виновный, вопреки приказу или своим обязанностям, в соответствии с которыми он должен быть в наличии, располагаться в определенном месте, оставляет это место (воинскую часть или место службы). При неявке вовремя без уважительных причин на службу, виновный, вопреки установленным требованиям, не находится, не имеется в наличии в воинской части или на месте службы. Установленный порядок пребывания военнослужащих в воинской части или на месте службы обеспечивает выполнение их обязанностей, поддержание постоянной боеспособности и является составной частью порядка прохождения военной службы. Во время совершения преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, нарушаются именно те общественные отношения, которые возникают по поводу порядка пребывания военнослужащих в воинской части или на месте службы. Поэтому, было бы точнее, по нашему мнению, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, считать общественные отношения, возникающие по поводу установленного порядка пребывания военнослужащих в воинской части или на месте службы.

Военнослужащий, к которому применена мера пресечения – заключение под стражу, – временно исключен из сферы военных правоотношений. В связи с этим, он не может подлежать уголовной ответственности за самовольное оставление воинской части или места службы или неявку вовремя без уважительных причин на службу, поскольку его действия не посягают на порядок пребывания военнослужащих в воинской части или на месте службы. В случае его побега из-под стражи он должен быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 313 УК РФ. При этом не имеет значения находится ли он под стражей в следственном изоляторе или на гауптвахте.

Возникая между разными субъектами, отношения возможны лишь по поводу общего, единственного для них предмета. Предмет общественных отношений – это все то, по поводу чего существуют отношения. Следует отличать предмет преступления и предмет общественных отношений. Предмет преступления – это признак, свойственный, прежде всего, самому общественно опасному деянию. Общественные отношения же являются первичными в отношении преступления и существуют объективно, независимо от него. Кроме того, поскольку структура общественных отношений является неизменной, в состав любых отношений входит их предмет. В отличие от них, предмет преступления может быть факультативным признаком его состава.

Предметом отношений, являющимся объектом преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, по нашему мнению, является установленный законодательством порядок пребывания военнослужащих в воинской части или на

месте службы. Он закреплен Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе», Федеральным законом Российской Федерации «Об обороне», Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации, Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, Федеральным законом Российской Федерации «О Пограничной службе Российской Федерации» и другими правовыми актами. Указанные документы, а также соответствующие приказы и инструкции определяют порядок размещения военнослужащих, их перемещения, предоставления и возврата из увольнения, отпусков, порядок пребывания на лечении и возвращения из лечебных учреждений, прибытия из командировок, при назначении, переводе и т.д. Для каждого военнослужащего всегда четко определены основания и срок его законного пребывания вне расположения части или места службы.

В общественных отношениях, возникающих по поводу установленного порядка пребывания в части или на месте службы, социальная связь извне проявляется в виде установленной государством обязанности военнослужащих находиться в определенном им командованием месте для обеспечения выполнения боевых задач. Однако, такая связь не является односторонней. С другой стороны, военнослужащие имеют гарантированное государством право на денежное обеспечение, обеспечение обмундированием, питанием и пользование всем спектром определенных законом социальных прав.

Следовательно, можно сделать выводы, что родовым объектом преступлений против военной службы являются общественные отношения, которые возникают по поводу установленного порядка несения или прохождения военной службы. Критерием определения однородности непосредственных объектов преступлений, составляющих родовой объект всех преступлений против военной службы, является сходство участников общественных отношений, которые возникают между государством и военнослужащими, а также сходство социальных интересов, которые возникают в связи с существованием таких отношений.

Учитывая определение родового объекта преступлений против военной службы, мы предлагаем изменить название раздела XI УК РФ и назвать его следующим образом: «Преступления против порядка несения или прохождения военной службы (военные преступления)». Такое наименование этого раздела, по нашему мнению, точнее отражало бы родовой объект общественно опасных посягательств, предусмотренных в нем, и соответствовало бы содержанию ч. 1 ст. 331 УК РФ.

Непосредственным объектом самовольного оставления части или места службы являются общественные отношения, которые возникают по поводу установленного порядка пребывания военнослужащих в части или на месте службы. При самовольном оставлении части или места службы общественная опасность заключается в том, что виновный, вопреки приказу или своим обязанностям, в соответствии с которыми он должен находиться, располагаться в определенном месте, покидает это место (воинскую часть или место службы) или не прибывает, не появляется, отсутствует в воинской части или на месте службы. В связи с этим, он не может выполнять свои служебные обязанности и приказы.

Мы также приходим к выводу, что непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, отличается от непосредственного объекта дезертирства. При совершении дезертирства виновный намерен путем противоправных действий вообще уклониться от военной службы. Он пытается исключить себя из существующих между ним и государством правоотношений по поводу пребывания на военной службе в целом. Поэтому, непосредственным объектом дезертирства является установленный порядок пребывания военнослужащих на военной службе.

Таким образом, анализируя непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, мы приходим к выводу, что элементами общественных отношений, которые возникают по поводу пребывания военнослужащих в части или на месте службы, являются субъекты отношений, то есть военнослужащий и государство, между которыми возникают указанные отношения; предмет отношений, то есть установленный законодательством порядок пребывания военнослужащих в воинской части или на месте службы; а также социальная связь, то есть права и обязанности между субъектами отношений, возникающие по поводу установленного порядка пребывания военнослужащих в части или на месте службы. Особенностью объекта преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, является то, что виновное лицо – военнослужащий – является одновременно и субъектом общественных отношений, возникающих по поводу пребывания военнослужащих в части или на месте службы. Механизм влияния на эти общественные отношения заключается в том, что вред им причиняется изнутри. Виновный, не выполняя обязанности находиться в воинской части или на месте службы, своими действиями разрывает социальную связь. Тем самым, он влияет на предмет общественных отношений, а именно нарушает установленный порядок, согласно которому он должен находиться в воинской части или на месте службы. Поскольку общественные отношения являются целостной системой, единым организмом, то вследствие влияния субъекта на социальную связь и на предмет отношений, вред причиняется всем общественным отношениям, возникающим по поводу пребывания военнослужащих в части или на месте службы.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/780291ec1777fd4e50e27106bea5925f70f298c7/ (дата обращения: 10.02.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ / отв. ред. А.И. Чучаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2024. – 848 с.

3. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Юрид. л-ра, 1960. – 228 с.

4. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. – М.: БЕК, 1996. – 560 с.

5. Курс уголовного права. Часть Общая: Учебник для ВУЗов: В 2 т. / Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров, Н.Е. Крылова, Н.Ф. Кузнецова и др.; Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой – М.: Зерцало, 1999. – Т.1.: Учение о преступлении. – 557 с.

6. Ривлин А.Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение. – 1959. – № 2. – С. 105-112.

7. Белоконев В.Н. Чему причиняют вред преступления? Спорные вопросы уголовного права // Юридическая практика. – 2000. – № 23(129). – 8 июня. – С. 11.

8. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник учёных трудов Свердловского юридического института. – Свердловск: СЮИ. – 1969. – Вып. 10. – С. 184-225.

9. Преступления против военной службы / В.М. Борисенко, К.И. Егоров, Г.Н. Исаев, А.В. Сапсай; Под общ. ред. Н.А. Петухова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 399 с.

УДК 341.36 : 343.337

Мироненко С. Ю.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»
г. Донецк

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ О ЗАКОНАХ И ОБЫЧАЯХ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье проводится исследование влияния религии на законы и обычаи ведения войны, отношение религии к нарушениям законов и обычаев ведения войны (применение запрещенных средств и методов ведения войны). В ходе исследования установлено, что религиозные нормы являются одними из наиболее древних и значимых по своему влиянию социальных норм, отражающих в себе гуманность как правило ведения войны и как источник права войны.

Ключевые слова: законы и обычаи войны, нарушение законов и обычаев войны, ответственность, религия, Священное Писание.

Mironenko S.Yu.

THE HOLY SCRIPTURES ON LAWS AND CUSTOMS WAGING WAR

Annotation. The article examines the influence of religion on the laws and customs of warfare, the attitude of religion to violations of the laws and customs of warfare (the use of prohibited means and methods of warfare). The study found that religious norms are among the most ancient and significant social norms in their influence, reflecting humanity as a rule of warfare and as a source of the law of war.

Keywords: laws and customs of war, violation of laws and customs of war, responsibility, religion, Holy Scripture.

Христианство содержит достаточно сложные военно-гуманитарные положения, находящиеся в основном источнике – Библии (книгах Священного Писания Ветхого и Нового Завета), уникальном сборнике религиозно-нравственных норм [1]. Библия – это не одна большая книга, а сборник священных книг, написанных в разное время, в разных местах и для разных целей. Термин «Библия» взят из греческого языка от слова βιβλος, что означает «книга», а используется во множественном числе τα βιβλια, что буквально означает собрание небольших книг [2].

Слово завет (еврейское – berit, латинское – testamentum) на языке Священного Писания и библейского употребления, прежде всего, означает постановление, условие, закон, на котором сходятся две договорные стороны, и те внешние признаки, которые служат его удостоверением, как бы печатью. То есть словом «Завет» подчеркивается нормативность библейских книг.

В древности международные отношения характеризовались определенным уровнем развития, и вопросы войны и мира имели тогда чуть ли не первостепенное значение. Об этом свидетельствует, например, текст мирного договора между иудейским народом и римлянами, приведенный в 1-й книге Маккавейской гл. 8: 22-32, с указанием пространства действия договора (суша и море), целями и содержанием союзнических отношений, обязывающих оказывать военную и экономическую помощь друг другу и не поддерживать никаким образом противника, обязательства в отношении третьих сторон и условие «без обмана выполнять свои обязанности», а также механизм изменения условий договора (по соглашению сторон), выполненного на медных досках. Текст мирного договора начинается традиционным пожеланием договорным сторонам: «благо да будет ...», а его суть составляют обязательства сторон помогать друг другу в случае войны, и делать это не требуя от воюющей стороны – участника договора – военной или экономической компенсации [2]. Сам факт наличия подобных международных договоров свидетельствует об определенном уровне развития международных отношений в древности.

Книги Ветхого Завета довольно часто упоминают о многочисленных войнах среди народов того времени и часто прямо призывают к оружию [3, с. 873].

В.Э. Грабарь, комментируя право войны в трактовке Джона Мэра (шотландского богослова и историка конца XV – начала XVI вв.), приводит двенадцать справедливых причин войны, каждую из которых он иллюстрирует примерами из Ветхого и Нового Завета:

«1. В случае оскорбления Бога поклонением идолам: «Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом» (Второзаконие 12:2).

2. Богоотступничество: и если появились нечестивые люди ... и соблазнили жителей в городах их говоря: «пойдем и будем служить богам иным, которых вы не знали ... порази жителей того города острием меча,

предай заклятию его и все, что в нем, и скот его порази острием меча» (Второзаконие 13:13; 13:15).

3. Определение царя данника, отказ от верности (Четвёртой Книги Царств, III).

4. Восстание подданных (Вторая Книга Царств XX).

5. Отказ от выдачи лиц, совершивших преступление (Книга Судей XX).

6. Оскорбление царя. Царь аммонитян Аннон принял послов царя Давида за шпионов и обесчестил их (сбрил бороды и укоротил платье). Давид пошел войной на аммонитян (Вторая Книга Царств X).

7. Требование возвратить отобранную силой вещь (Вторая Книга Царств III).

8. Отражение вражеского нападения.

9. Отказ предоставить право прохода войску (Книга Чисел XXI).

10. Помощь врагу (Вторая Книга Царств VIII).

11. Помощь союзнику против его права (Книга Бытия XIV).

12. Тиранство властителя» [4].

Библия содержит множество свидетельств о захвате в ходе войны рабов, скота, имущества, ценностей, как обычной практики, и разделения военной добычи не только среди солдат, но и среди людей, обеспечивающих снабжение воюющих, царей и священников, и возможность наследования имущества и земель, захваченных на войне [3, с. 15, 210, 417; 2].

Библейские нормы предписывают осуществлять справедливое правосудие: «если будет тяжба между людьми, то пусть приведут их в суд и рассудят их, правого пусть оправдают, а виновного осудят» [5], предусматривая подобие смягчающих и отягчающих обстоятельств, понятие вины, также избирательность наказаний: «отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за своё преступление» [5], тем самым устанавливая принципы человеческого правосудия и применения насилия как наказания: «спасай обижаемого от руки обижающего и не будь малодушен, когда судишь» [5], то есть суд должен быть не только справедливым, но и неотвратимым.

«Не может быть оправдан несправедливый гнев, ибо самое движение гнева есть падение для человека. Терпеливый до времени удержится и после вознаграждается веселием», таким образом, библейская мораль осуждает несправедливый человеческий гнев, причем не только проявленный в конкретном действии, но и невыраженный, считая это унизительным для обеих сторон, то есть унизительным для гневного и оскорбительным для того, на кого простирается несправедливый гнев [3, с. 644]. Данный постулат распространяется на разные стороны человеческих отношений и признаются обстоятельства, когда благоразумие жаждет от человека воздержаться и от справедливого возмущения, – если это возмущение неуместно или неполезно, такое обращение одобряется.

Бог подает прекрасный пример милосердия, пощадив великий город язычников Ниневию, аргументируя это тем, что в городе находится «... более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой ...» [6]. Предполагается, что такая формулировка не случайна. Тем, что ни в чем

неповинные дети не могут отличить правой руки от левой, в аллегорической форме иллюстрируется их невозможность иметь убеждения или совершить поступки, действия, за которые они могли быть подвергнуты божьей каре.

Иными словами, пощада неповинных не только гуманна, но и логична, поскольку неоправданное уничтожение населения не только жестокое, но и бессмысленное.

Ветхий Завет содержит также указания о средствах и методах ведения войны, в частности:

– прежде чем начинать осаду города, необходимо провести переговоры и предложить мирные способы решения противостояния враждующих сторон;

– при захвате городов в результате военных действий необходимо щадить женщин, детей и имущество;

– «если долгое время будешь держать в осаде какой-нибудь город, чтобы завоевать его и взять его, то не порти дерев его, от которых можно питаться, и не опустошай окрестностей, ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление»;

– «если ты будешь осаждать город долгое время, чтобы захватить его, то не вырубай топором деревья, ведь ты можешь есть их плоды. Не губи их. Разве деревья в поле – люди, чтобы держать их в осаде?»;

– «когда лагерь выйдет на врагов твоих, то будешь стеречься всякой злой вещи». Составители толковой Библии предполагают, что здесь речь идет о санитарной опрятности военного положения [2].

Предусмотрены также льготы в отношении выполнения воинской повинности. Освобождались от похода на войну:

– «кто построил новый дом и не обновил его, тот пусть идёт и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не обновил его» [3, с. 189];

– «кто насадил виноградник и не пользовался им, тот пусть идёт и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не воспользовался им» [3, с. 189];

– «и кто обручился с женою и не взял её, тот пусть идёт и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не взял её» [3, с. 189];

– «если кто взял жену недавно, то пусть не идёт на войну, и ничего не должно возлагать на него; пусть он остаётся свободен в доме своём в продолжение одного года и увеселяет жену свою, которую взял» [3, с. 192-193].

Данные льготы в отношении воинской повинности свидетельствуют не только о гуманном отношении иудеев к своим соплеменникам, но и экономической целесообразности ветхозаветных распоряжений (необходимости эксплуатации сельскохозяйственных угодий, заботами о продлении рода и т.д.).

Одна из основных библейских идей – поощряемое стремление к миру: **«у тех, кто замышляет зло, в сердце коварство, а у миротворцев – радость»** [3, с. 604]. Пророк Исаия предсказывает наступление счастливых времен, когда вследствие распространения истинного христианского учения по всему миру будут прекращены все войны, а оружие будет переработано в сельскохозяйственные инструменты: «и перекуют мечи свои на орала, и копья

свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» [7].

В Новом Завете, как и в Ветхом, содержатся упоминания о проявлениях крайней жестокости при ведении войн [3, с. 1041]. Однако в проповеди Иоанна Крестителя содержатся наставления воинам (не только еврейским, но и римским и другим народам): «спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клевещите, и довольствуйтесь своим жалованьем» [8]. Иоанн считал, что воины, находясь на службе, могут обойтись без таких несправедливых действий как насильственное завладение чужим имуществом и тому подобное.

Веление Иисуса Петру оставить свой меч без применения, на наш взгляд, имеет глубокий смысл: «... возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут», то есть отступление от запрета на насилие может иметь опасные последствия – поднимая меч, человек одобряет применение оружия другими, и это может упасть на его собственную голову. Этот принцип, впоследствии развитый в «теории военного или ядерного сдерживания», часто ограничивал применение государствами военной силы из опасения получить адекватный отпор. Часто международное право соблюдалось не из-за высокого сознания государств, а из-за угрозы ответных действий. Например, во время Второй мировой войны фашистская Германия, несмотря на тщательную подготовку, так и не решилась применить в военных целях запрещенные международным правом отравляющие вещества, зная о готовых к применению химических арсеналах союзников по антигитлеровской коалиции.

Новозаветные книги призывают к справедливому подчинению, уважению начальников и вообще всех людей, предусматривается правомерное применение силы представителями власти: «ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от неё, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» [9]. Здесь упоминается право меча, понимаемое в общем значении как возможность применения полномочными лицами насилия, признавая за властью функцию насилия, в т.ч. на ведение войны. Вместе с тем, осуществляя правосудие или ведя войну, необходимо придерживаться важнейшего и актуального до сих пор принципа соразмерности в применении средств ведения войны, записанный в Евангелии в виде притчи: «... чтобы, выбирая плевелы, вы не вырвали с корнем вместе с ними пшеницу» [3, с. 1028]. Так формулирует этот принцип, опираясь на соответствующее место в Евангелии, Гуго Гроций: «но подобно тому, как не всегда и не во всех отношениях позволено то, что соответствует праву в строгом смысле, так нередко и любовь к ближнему не позволяет нам воспользоваться всей полнотой права. Поэтому нужно избегать и того, что происходит неожиданно, и того, наступление чего можно предвидеть, если благо, к которому направлено наше действие, незначительно превышает зло, которого должно опасаться или если при равенстве блага и зла надежда на достижение блага ненамного превышает опасения зла» [10, с. 579].

Со страниц Нового Завета неоднократно звучат призывы заботиться о

нуждающихся [3, с. 1047], а поскольку нельзя «быть сообщниками Господнего стола и стола демонского» [3, с. 1253], то «никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию», иными словами, в проявлениях миролюбия не может быть ограничений.

Библейская мораль недвусмысленно осуждает вражду, раздор, ненависть, убийства, озорство и т.п., и предостерегает о пагубности такого обращения; напротив, поощряется мир, долготерпение, милосердие и т.п. [3, с. 1278].

Ключевой христианский моральный принцип, в том или ином виде свойственный всем религиям, гласит – обращайся с другими так, как хочешь, чтобы они обращались с тобой: «ибо весь закон исполнен в одном слове – в этом: «Люби своего ближнего, как самого себя» … А если вы друг друга кусаете и пожираете, смотрите, как бы вы не были истреблены друг другом» [3, с. 1277].

Христианин может быть хорошим воином, когда необходимо применять оружие и в то же время соблюдать христианские заповеди.

«Религиозная система, вводящая в общее сознание идеи взаимной любви и братского равенства, необходимо составляет перелом в истории международных отношений ... христианство не могло, однако, не отразиться так или иначе на всех сторонах жизни – на жизни социально-экономической, государственно-правовой и наконец международной. Провозглашая принцип индивидуального значения личности человека и тем проповедуя всеобщее равенство, обучение Иисуса Христа по необходимости влияло и на область права; так в области международных отношений только с этого времени становится возможной сама идея братства и равенства народов, лежащая в основе международного права» [11, с. 60].

Христианская церковь исходит из того, что войны были и остаются частью человеческой истории, однако принципиальные положения гуманистической христианской концепции логически вплетаются в эволюцию международного гуманитарного права (права войны).

Таким образом, религиозные нормы являются одними из наиболее древних и значимых по своему влиянию социальных норм, отражающих в себе гуманность как правило ведения войны и как источник права войны, то есть религия выступает мерилом «хорошего» поведения в отношениях между народами, в том числе и в сфере вооруженной борьбы.

Список использованных источников

1. Основы религиоведения: Учебник / Ю.Ф. Борунков, И.Н. Яблоков, К.И. Никонов и др. / Под ред. И.Н. Яблокова. – 3-е изд., перераб. и доп. –М: Высшая школа, 2000. – 480 с.

2. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета : С иллюстрациями, в 12 т. / под ред. А.П. Лопухина. – СПб : тип. Монтвида, 1904–1913. – (Общедоступная богословская библиотека) / Т. 1. Пятикнижие Моисеево. – 1904. – 672 с.

3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами. – М.: Библейские общества, 1995. – 1376 с.
4. Грабарь В.Э. Вопросы государственного и международного права в комментариях Джона Мэра к сентенциям Петра Ломбардского // Московский журнал международного права. – 1998. – № 4/32. – С. 178-185.
5. Библия онлайн. Второзаконие 25:1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bible.by/verse/5/25/1/ (дата обращения: 05.03.2026).
6. Библия онлайн. Иоана 4:11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bible.by/verse/32/4/11/ (дата обращения: 05.03.2026).
7. Библия онлайн. Исаия 2:4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bible.by/verse/23/2/4/ (дата обращения: 10.03.2026).
8. Библия онлайн. От Луки 3:14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bible.by/verse/42/3/14/ (дата обращения: 10.03.2026).
9. Библия онлайн. Римлянам 13:3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bible.by/verse/52/13/3/ (дата обращения: 10.03.2026).
10. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права: Пер. с латинского А.Л. Саккетти. – М.: Гос. изд. юр. лит-ры, 1956. – 868 с.
11. Таубе М. Исторія зарожденія современнаго международнаго права (средніе въка): В 2 т. – С.– Петербургъ: Типо-Литографія П.И. Шмидта, 1894. – Т. I: Введеніе и Часть Общая. – XII + 372 с.

УДК: 343.2/.7

Никуленко А. В.
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
г. Санкт-Петербург
Смирнов М. А.
кандидат юридических наук
Индивидуальный предприниматель в сфере
оказания юридических услуг, юрист,
г. Калининград

ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ: НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА ИЛИ ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена неопределённостью практики квалификации причинения вреда сотрудниками полиции при пресечении посягательств. Расширительное толкование ст. 286 УК РФ нередко сопровождается игнорированием института необходимой обороны и искажением его правовой природы. Это создаёт риски необоснованного

привлечения сотрудников полиции к ответственности по ст. 286 УК РФ. Требуется четкое разграничение понятий превышения пределов необходимой обороны и превышения должностных полномочий в действиях сотрудников полиции при пресечении последними общественно опасных посягательств.

Ключевые слова: необходимая оборона; превышение пределов необходимой обороны; превышение должностных полномочий при пресечении сотрудниками полиции преступлений и правонарушений; применение силы и оружия.

Nikulenko A.V., Smirnov M. A.

LIMITS OF CRIMINAL LIABILITY OF POLICE OFFICERS WHEN SUPPRESSING OFFICIAL ASSAULTS: NECESSARY DEFENSE OR EXCESS OF OFFICIAL AUTHORITY

Abstract. The relevance of this study stems from the uncertainty surrounding the classification of harm caused by police officers when suppressing criminal offenses. Explicit interpretations of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation often ignore the concept of necessary defense and distort its legal nature. This creates the risk of unjustified prosecution of police officers under Article 286 of the Criminal Code. A clear distinction is needed between the concepts of exceeding the limits of necessary defense and exceeding official authority in the actions of police officers when preventing socially dangerous attacks.

Keywords: necessary defense; exceeding the limits of necessary defense; exceeding official authority when preventing crimes and offenses by police officers; use of force and weapons.

Проблема уголовно-правовой оценки причинения вреда при пресечении общественно опасных посягательств сотрудниками полиции на протяжении длительного времени остаётся одной из наиболее дискуссионных в доктрине и практике. Вместе с тем, и в следственной, и в судебной практике возникают ошибки и недостатки, связанные с применением законодательства о необходимой обороне [1, С. 233-240]. Особую остроту она приобретает в ситуациях, когда причинённый вред выходит за пределы допустимого, что порождает вопрос о выборе надлежащей уголовно-правовой квалификации: по нормам, предусматривающим ответственность за превышение пределов необходимой обороны, либо по ст. 286 УК РФ, устанавливающей ответственность за превышение должностных полномочий [2, С. 126-129].

Институт необходимой обороны традиционно рассматривается в уголовном праве как одно из ключевых обстоятельств, исключающих преступность деяния. Его нормативное содержание основано на признании социально полезного характера защиты личности, общества и государства от общественно опасных посягательств. При этом уголовный закон исходит из презумпции правомерности оборонительных действий, даже если они сопряжены с причинением вреда посягающему, при условии соблюдения установленных пределов [3, С. 46-52]. Превышение этих пределов, в свою

очередь, не устраняет полностью правовую значимость оборонительной ситуации, а лишь трансформирует её правовую оценку, что выражается в установлении «специальных» составов преступлений за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны.

При этом, законодатель не криминализирует «превышение» как какое-то абстрактное поведение, а связывает ответственность с наступлением определённых последствий — смерти либо причинение тяжкого вреда здоровью, причинённых при превышении пределов необходимой обороны, то есть при утрате соразмерности оборонительных действий. Именно поэтому в уголовном законе предусмотрены специальные составы, предусматривающие ответственность за убийство и причинение вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, предусмотренные ст. 108 УК РФ и ст. 114 УК РФ, соответственно. Их специальный характер заключается в том, что они сохраняют конструкцию соответствующих преступлений против жизни и здоровья, но учитывают специфическую обстановку совершения деяния — защиту от общественно опасного посягательства.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что субъект, действующий в состоянии необходимой обороны, реализует принадлежащее ему субъективное право на защиту, признанное и гарантированное законом. А когда речь идет о сотрудниках полиции, то имеет место быть обязанность по пресечению общественно опасных посягательств [4, С. 16-24], среди которых, в последнее время, возросло количество преступлений экстремистской направленности [5, С. 62-65]. Поэтому даже в случае превышения пределов обороны его поведение не утрачивает полностью оборонительного характера, а потому не может оцениваться как изначально противоправное. Уголовно-правовая реакция в таких случаях обусловлена не фактом применения насилия как такового, а нарушением соразмерности между характером и опасностью посягательства и причинённым вредом.

Иная правовая природа присуща превышению должностных полномочий, предусмотренному ст. 286 УК РФ. Данный состав направлен на охрану интересов государственной службы и установленного порядка осуществления публичной власти. Его обязательным признаком является использование должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы, то есть совершение действий, которые по своему содержанию и направленности изначально не допускаются правовым статусом соответствующего субъекта [6, С. 210-213]. В этом смысле превышение должностных полномочий представляет собой форму злоупотребления властью, а не дефект реализации субъективного права (обязанности).

Сопоставление юридической природы превышения пределов необходимой обороны и превышения должностных полномочий позволяет сделать вывод о принципиальной несоизмеримости данных институтов. Они охраняют различные объекты уголовно-правовой защиты, предполагают различные основания уголовной ответственности и основаны на противоположной оценке исходного поведения субъекта. В ситуации необходимой обороны, в том числе с превышением ее пределов, исходной является правомерность, тогда как при превышении должностных полномочий

— противоправность.

В этой связи представляется методологически ошибочным подход, в рамках которого ст. 286 УК РФ рассматривается как специальная норма по отношению к ответственности за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны применительно к сотрудникам полиции [7, С. 99-114]. Для признания нормы специальной необходимо, чтобы она охватывала тот же круг общественных отношений, что и общая норма, и содержала её признаки, дополняя их специальными характеристиками субъекта, способа или обстановки. Однако ст. 286 УК РФ не содержит и не предполагает включения в свою конструкцию признаков оборонительной ситуации. Напротив, она исключает саму возможность правомерного исходного поведения, поскольку любое превышение полномочий по определению совершается вопреки интересам службы.

Практика квалификации действий сотрудников полиции нередко демонстрирует подмену уголовно-правового анализа фактических обстоятельств формальной ссылкой на их должностной статус. Сам по себе факт принадлежности лица к числу сотрудников правоохранительных органов не трансформирует правовую природу его действий по пресечению общественно опасного посягательства. В момент такого пресечения сотрудник полиции выступает не только как носитель властных полномочий, но и как субъект права на необходимую оборону, реализующий защиту охраняемых законом интересов. Игнорирование этого обстоятельства приводит к необоснованному исключению из правовой оценки действий сотрудников полиции института обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Особое значение в рассматриваемом контексте приобретает специальное законодательство, регламентирующее основания и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции. Данные нормативные акты нередко воспринимаются в правоприменительной практике как специальные уголовно-правовые нормы, нарушение которых автоматически влечёт уголовную ответственность по ст. 286 УК РФ. Такой подход представляется теоретически и практически необоснованным.

Специальное административно-правовое законодательство не формирует специальных составов преступлений и не подменяет собой нормы уголовного закона. Его назначение заключается в конкретизации и регламентации условий правомерного применения силы и оружия, а также в установлении дополнительных гарантий защиты прав граждан. Эти нормы определяют пределы допустимого поведения сотрудника полиции, но не трансформируют правовую природу причинённого вреда в уголовно-правовом смысле. Более того, в ряде случаев они существенно сужают возможности реализации права на защиту по сравнению с тем объёмом, который предусмотрен уголовным законом для любого гражданина [8, С. 66-69].

Следовательно, нарушение требований специального законодательства о применении силы и оружия не может автоматически означать отсутствие состояния необходимой обороны либо наличие превышения должностных полномочий. Уголовно-правовая оценка должна основываться прежде всего на

положениях главы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, и только затем, при отсутствии оснований для признания действий оборонительными, возможно обращение к нормам о преступлениях против интересов государственной службы.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что ст. 286 УК РФ не является и не может рассматриваться в качестве специального состава по отношению к ответственности за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны. Их соотношение не подпадает под модель «общая — специальная норма», а представляет собой альтернативные варианты уголовно-правовой оценки, выбор между которыми определяется наличием либо отсутствием оборонительной ситуации.

В тех случаях, когда сотрудник полиции причиняет вред при пресечении общественно опасного посягательства, первоочередному анализу подлежит вопрос о наличии состояния необходимой обороны и соблюдении её пределов. Только установление факта их превышения при сохранении оборонительного характера действий может служить основанием для уголовной ответственности по специальным нормам о причинении вреда при превышении пределов обороны. Применение ст. 286 УК РФ возможно лишь тогда, когда действия сотрудника изначально не были направлены на защиту охраняемых законом интересов и представляли собой злоупотребление властью.

Таким образом, правильная уголовно-правовая квалификация действий сотрудников полиции в рассматриваемых ситуациях должна осуществляться через призму института необходимой обороны. Признание ст. 286 УК РФ универсальным инструментом оценки любых случаев причинения вреда при исполнении служебных обязанностей не только противоречит теории уголовного права, но и подрывает саму идею правомерной защиты как социально полезного поведения. В условиях возрастания требований к эффективности правоохранительной деятельности именно такой подход способен обеспечить баланс между защитой прав граждан и правовой защищённостью сотрудников полиции, действующих в экстремальных условиях.

Список использованных источников

1. Плотникова, А. Д. Необходимая обороны и ее пределы / А. Д. Плотникова, Е. В. Лукки // Государство, право, экономика: история и современность : сборник статей по материалам II Регионального научно-практического круглого стола. – Краснодар : Академия труда и социальных отношений, 2026. – С. 233-240.

2. Леушина, М. Л. Правовые основы применения сотрудниками полиции физической силы: отличие крайней необходимости от превышения должностных полномочий / М. Л. Леушина, А. Г. Хадыева // Актуальные вопросы общества, науки и образования : сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 декабря 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 126-129.

3. Швейгер, А. О. Некоторые вопросы оценки пределов необходимой обороны и их превышения / А. О. Швейгер // Вестник Дальневосточного

юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова. – 2025. – № 4(73). – С. 46-52.

4. Левин, Е. М. Крайняя необходимость в деятельности военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации / Е. М. Левин, А. Н. Завьялова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2025. – № 4(26). – С. 16-24.

5. Markos, M. A. A simplified analysis of the Russian experience in countering terrorism and extremist ideology / M. A. Markos // Innovations and tendencies of state-of-art science : Proceedings of LXII International Multidisciplinary Conference, Rotterdam, 15 декабря 2025 года. – Rotterdam: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука", 2025. – P. 62-65.

6. Барышников, М. В. Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия / М. В. Барышников, Е. Ю. Вайсергисер // Государственная служба и кадры. – 2025. – № 2. – С. 210-213. – DOI 10.24412/2312-0444-2025-2-210-213.

7. Никуленко, А. В. Актуальные вопросы определения условий правомерности причинения вреда при пресечении сотрудниками правоохранительных органов преступлений и административных правонарушений / А. В. Никуленко, М. А. Смирнов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 99-114. – DOI 10.21869/2223-1501-2024-14-4-99-114.

8. Смирнов, М. А. Актуальные вопросы применения норм о необходимой обороне сотрудниками правоохранительных органов / М. А. Смирнов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4(66). – С. 66-69.

УДК 343

Павлов А. С.
преподаватель кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева;
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии, г. Астрахань

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ОТМЕНЫ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ТЯЖКИХ НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу системного противоречия между категоризацией преступлений и дифференциацией правовых последствий отмены условного осуждения, обострившегося после восстановления категории тяжких неосторожных преступлений в 2019 г. Выявлен парадокс: тяжкие неосторожные и умышленные преступления, формально равные по степени

общественной опасности, влекут кардинально различные последствия для условно осуждённого. Автором предложено несколько вариантов решения выявленной проблемы.

Ключевые слова: тяжкие неосторожные преступления, условное осуждение, формы вины, правовая неопределенность, дифференциация ответственности, категории преступления, общественная опасность, Уголовный кодекс Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации.

A. S. Pavlov

THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF THE LEGAL CONSEQUENCES OF THE CANCELLATION OF A SUSPENDED SENTENCE IN THE COMMISSION OF SERIOUS RECKLESS CRIMES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the systemic contradiction between the categorization of crimes and the differentiation of the legal consequences of the abolition of probation, which worsened after the restoration of the category of serious reckless crimes in 2019. A paradox has been revealed: serious careless and intentional crimes, formally equal in degree of public danger, entail radically different consequences for a probationer. The author suggests several solutions to the identified problem.

Keywords: serious reckless crimes, suspended sentence, forms of guilt, legal uncertainty, differentiation of responsibility, categories of crime, public danger, Criminal Code of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation.

Федеральный закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ восстановил в российском уголовном законодательстве категорию тяжких неосторожных преступлений, изменив максимальный срок наказания в виде лишения свободы для неосторожных деяний, относимых к категории тяжких, до пятнадцати лет. Между тем данная реформа не сопровождалась системной ревизией институтов Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), что привело к возникновению ряда коллизий, одна из которых – рассогласованность правовых последствий совершения нового преступления в период испытательного срока при условном осуждении, закрепленных в ч. 4 и ч. 5 ст. 74 УК РФ. Настоящая статья посвящена исследованию именно этой проблемы, имеющей как теоретическое, так и существенное практическое значение.

Для понимания природы выявленного противоречия необходимо проследить эволюцию анализируемых норм. В первоначальной редакции ч. 4 ст. 74 УК РФ охватывала случаи совершения условно осужденным нового неосторожного преступления (включая тяжкие) либо умышленного преступления небольшой тяжести. В свою очередь, ч. 5 той же статьи предусматривала обязательную отмену условного осуждения при совершении умышленного преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого. Таким образом, уже в исходном варианте законодатель избрал модель, при которой неосторожные преступления вне зависимости от их тяжести

порождали диспозитивные последствия (суд мог как отменить, так и сохранить условное осуждение), а умышленные – императивные (начиная со средней тяжести условное осуждение подлежало отмене).

Действующая редакция ч. 4 ст. 74 УК РФ распространяется на преступления по неосторожности любой категории либо на умышленные преступления небольшой и средней тяжести. При этом, ч. 5 ст. 74 устанавливает обязательную отмену условного осуждения исключительно при совершении умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления. На первый взгляд, формулировка логична: неосторожные преступления – в одной норме, наиболее опасные умышленные – в другой. Однако именно возвращение категории тяжких неосторожных преступлений обнажило скрытое противоречие данной конструкции.

Содержание действующих ч. 4 и ч. 5 ст. 74 УК РФ при буквальном толковании порождает следующую ситуацию. Если условно осужденный в период испытательного срока совершает тяжкое неосторожное преступление, суд вправе как отменить, так и сохранить условное осуждение, поскольку данное деяние подпадает под действие ч. 4 ст. 74 УК РФ. Если же лицо совершает тяжкое умышленное преступление, суд обязан отменить условное осуждение в безусловном порядке согласно ч. 5 ст. 74 УК РФ.

Возникает парадокс: законодатель в ч. 4 ст. 15 УК РФ относит и умышленные, и неосторожные деяния, наказуемые лишением свободы на срок до десяти (для умышленных) и до пятнадцати (для неосторожных) лет, к категории тяжких преступлений, тем самым признавая их сопоставимыми по степени общественной опасности. Однако правовые последствия совершения таких преступлений в период испытательного срока кардинально различаются: для умышленных тяжких деяний предусмотрен императивный порядок отмены условного осуждения, для неосторожных тяжких – диспозитивный, с возможностью его сохранения.

Данная ситуация выявляет рассогласованность двух базовых элементов уголовно-правовой системы: категоризации преступлений по степени общественной опасности (ст. 15 УК РФ) и дифференцированного подхода к правовым последствиям в зависимости от формы вины (ст. 74 УК РФ). Фактически форма вины становится самостоятельным, причем приоритетным, критерием определения правовых последствий, нивелируя значение единой категории «тяжкое преступление».

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) обратил внимание на данную проблему и предпринял попытку ее разрешения на уровне правоприменительной практики. В п. 11 Постановления Пленума ВС РФ от 25.06.2024 № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока» указано, что при решении вопроса о возможности отмены или сохранения условного осуждения в отношении лица, совершившего в период испытательного срока новое преступление по неосторожности, в том числе относящееся к категории тяжких преступлений, либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, необходимо учитывать характер и степень общественной опасности первого и последующего преступлений, а также данные о личности осужденного и его

поведении во время испытательного срока.

Данное разъяснение, хотя и не содержит прямой ссылки на конкретную часть ст. 74 УК РФ, позволяет сделать однозначный вывод: ВС РФ включает тяжкие неосторожные преступления в сферу действия ч. 4 ст. 74 УК РФ, то есть рассматривает их как деяния, при совершении которых условное осуждение может быть сохранено. По существу, высшая судебная инстанция признает тяжкие неосторожные преступления менее общественно опасными по сравнению с тяжкими умышленными.

Такая позиция заслуживает поддержки с точки зрения гуманизации уголовной политики и индивидуализации наказания. Вместе с тем она не устраняет, а лишь маскирует системное противоречие на уровне закона, поскольку разъяснение Пленума не может подменять законодательное регулирование.

В уголовно-правовой науке сформировалось несколько подходов к вопросу о последствиях совершения нового преступления в период испытательного срока, каждый из которых по-своему решает проблему соотношения ч. 4 и ч. 5 ст. 74 УК РФ.

При первом подходе ряд ученых полагает, что совершение любого нового преступления в период испытательного срока, вне зависимости от его категории и формы вины, должно влечь безусловную отмену условного осуждения. Так, Т.И. Эрхитуева обосновывает это тем, что «…факт совершения осужденным в течение испытательного срока любого нового преступления следует закрепить как основание его обязательной отмены, поскольку совершение осужденным в течение испытательного срока любого нового преступления свидетельствует о том, что осужденный не встал на путь исправления» [4, с. 24]. В.В. Пронникову «…представляется целесообразным исключить из текста ст. 74 УК РФ ч. 4 и 5, предусмотрев вместо них новую норму в следующей редакции: «В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока нового преступления, суд присоединяет к новому наказанию ранее назначенное по правилам, предусмотренным в статье 70 настоящего Кодекса» [5, с. 157-158]. Аналогичной позиции придерживается С.Ю. Скобелин [6, с. 64; 7, с. 146].

Данный подход обладает достоинством внутренней непротиворечивости: он полностью устраняет проблему дифференциации последствий, однако делает это ценой отказа от принципа индивидуализации наказания. Уравнивание последствий совершения разных по общественной опасности преступлений представляется чрезмерно жестким и не отвечающим задачам современной уголовной политики.

Второй подход, в котором форма вины рассматривается как ключевой критерий функционирования ч. 4 и ч. 5 ст. 74 УК РФ, сформулирован Э.М. Губайдуллиной, в соответствии с которым предлагает положить в основу дифференциации исключительно форму вины: при совершении любого неосторожного преступления условное осуждение может быть сохранено, при совершении любого умышленного – подлежит обязательной отмене [9, с. 12-13]. Подход ученого последователен с позиции субъективного вменения, однако не учитывает существенных различий в общественной опасности

умышленных преступлений разных категорий.

Третий подход представляет собой комбинацию формы вины и категории преступления. М.Г. Гусейнов считает, что «…вопрос сохранения или отмены условного осуждения должен решаться судом при совершении неосторожного преступления только лишь небольшой тяжести. Факт совершения умышленного преступления небольшой тяжести исключает возможность сохранения условного осуждения и должен влечь за собой его автоматическую отмену с назначением наказания по совокупности приговоров» [10, с. 22]. Данный подход сочетает оба критерия – форму вины и категорию преступления, но отличается казуальностью: автор не выстраивает полной шкалы последствий для всех возможных комбинаций категорий и форм вины.

Четвертый подход исключает необходимость каких-либо изменений. С.В. Дьяконова не усматривает необходимости реформирования ст. 74 УК РФ: «…нормы УК РФ относительно сохранения или отмены условного осуждения справедливыми, отвечающими принципам справедливости и индивидуализации наказания» [11, с. 182]. Однако данная позиция, как было показано выше, не учитывает объективно существующего системного противоречия, обострившегося после восстановления категории тяжких неосторожных преступлений.

Проведенный анализ позволяет выделить два принципиальных варианта устранения выявленного противоречия.

Первый вариант заключается в признании на законодательном уровне тяжких неосторожных преступлений менее опасными. Данный вариант предполагает законодательное закрепление в ч. 4 ст. 74 УК РФ прямого указания на тяжкие неосторожные преступления как на деяния, при совершении которых суд вправе решить вопрос о сохранении или отмене условного осуждения. Формулировка ч. 4 ст. 74 УК РФ могла бы быть в рамках указанного подхода изложена следующим образом: «…преступления по неосторожности небольшой, средней тяжести или тяжкого либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести…».

Преимущество данного варианта состоит в том, что он устраняет неопределенность на уровне текста закона, легализуя подход, фактически уже сформулированный Пленумом ВС РФ. Однако имеется и недостаток, заключающийся в углублении разрыва между категоризацией преступлений (где тяжкие умышленные и неосторожные формально равны) и механизмом правовых последствий, что сохраняет логическую непоследовательность системы.

Второй вариант в свою очередь направлен на уравнение тяжких неосторожных и умышленных преступлений. В ранее проведенном нами исследовании мы нашли более удачным решение, при котором «…в ч. 5 ст. 74 УК РФ… вообще будет отсутствовать привязка к форме вины, поскольку известно, что особо тяжкое преступление совершается только с умыслом, а тяжкое преступление охватывает обе формы вины» [9, С. 64]. В этом случае ч. 4 ст. 74 УК РФ распространялась бы только на неосторожные преступления небольшой и средней тяжести, а также умышленные преступления небольшой и средней тяжести. Часть 5 ст. 74 УК РФ охватывала бы тяжкие и особо тяжкие

преступления безотносительно формы вины.

Данный подход обладает существенным преимуществом: он обеспечивает полную согласованность с системой категоризации преступлений, закрепленной в ст. 15 УК РФ. Если законодатель отнес неосторожные деяния к категории тяжких, то логично распространить на них и соответствующие правовые последствия. Кроме того, этот вариант устраняет необходимость указания на форму вины в ч. 5 ст. 74 УК РФ, поскольку особо тяжкие преступления совершаются исключительно с умыслом, а тяжкие охватывают обе формы вины. Соответствующая формулировка ч. 5 ст. 74 УК РФ приобрела бы следующий вид: «В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока тяжкого или особо тяжкого преступления суд отменяет условное осуждение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса». Ч. 4 ст. 74 УК РФ, в свою очередь, могла бы быть изложена так: «В случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока умышленного или неосторожного преступления небольшой или средней тяжести вопрос об отмене или о сохранении условного осуждения решается судом».

При этом принципиально важно подчеркнуть, что в предлагаемой формулировке ч. 4 ст. 74 УК РФ в контексте логики обновленной нормы охватывались бы исключительно неосторожные преступления небольшой и средней тяжести, поскольку тяжкие неосторожные деяния уже включены в сферу действия ч. 5 ст. 74 УК РФ.

Представляется, что второй вариант является более обоснованным по следующим основаниям.

Во-первых, он обеспечивает системную согласованность норм Общей части УК РФ. Аналогичная техника законодательного регулирования уже применена в п. «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ, посвященном последствиям совершения нового преступления лицом, условно-досрочно освобожденным от отбывания наказания. Указанная норма устанавливает обязательную отмену условно-досрочного освобождения в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления – без указания на форму вины. Тем самым законодатель уже продемонстрировал допустимость подхода, при котором категория преступления, а не форма вины, выступает определяющим критерием для наступления наиболее строгих последствий. Использование идентичной модели в ч. 5 ст. 74 УК РФ обеспечило бы единообразие правового регулирования родственных институтов – условного осуждения и условно-досрочного освобождения.

Во-вторых, данный вариант исключает ситуацию, при которой тяжкие неосторожные преступления, наказуемые лишением свободы на срок до пятнадцати лет, оказываются в одной группе с преступлениями небольшой тяжести (наказание до трёх лет лишения свободы). Подобное объединение, имеющее место в рамках первого варианта и фактически закрепленное в действующей редакции ч. 4 ст. 74 УК РФ, нивелирует значение категоризации преступлений и не может быть признано обоснованным с точки зрения принципа справедливости (ст. 6 УК РФ).

В-третьих, предлагаемое решение упрощает законодательную технику.

Отказ от указания на форму вины в ч. 5 ст. 74 УК РФ делает норму более лаконичной и исключает саму возможность появления «пробельных» зон при любых последующих изменениях ст. 15 УК РФ. Если когда-либо законодатель вновь скорректирует систему категоризации, нормы ст. 74 УК РФ автоматически адаптируются к таким изменениям, что повысит устойчивость законодательной конструкции.

В-четвёртых, данный подход в большей мере отвечает превентивной функции института условного осуждения. Тяжкие неосторожные преступления – это деяния повышенной общественной опасности, связанные с гибелью людей (ч. ч. 2.1 и 4 ст. 263 УК РФ и ч. ч. 4 и 6 ст. 264 УК РФ). Предоставление суду дискреционных полномочий по сохранению условного осуждения в таких случаях может быть воспринято как неоправданная мягкость и подорвать общепревентивное воздействие уголовного закона.

Следует, впрочем, признать, что второй вариант небезупречен. Его главным недостатком является то, что неосторожные преступления по своей природе характеризуются отсутствием антисоциальной направленности воли виновного. Лицо, совершившее тяжкое неосторожное преступление в период испытательного срока, в отличие от лица, совершившего умышленное деяние аналогичной категории, не обнаруживает сознательного противодействия целям условного осуждения. Однако, на наш взгляд, указанное обстоятельство должно приниматься во внимание судом при назначении наказания по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ), а не на стадии решения вопроса об отмене условного осуждения.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Восстановление категории тяжких неосторожных преступлений Федеральным законом от 17.06.2019 № 146-ФЗ обнажило системное противоречие между категоризацией преступлений (ст. 15 УК РФ) и механизмом дифференциации правовых последствий совершения нового преступления в период испытательного срока (ч. 4 и ч. 5 ст. 74 УК РФ). Тяжкие неосторожные преступления, формально приравненные к тяжким умышленным по степени общественной опасности, влекут принципиально иные последствия для условно осужденного.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 25.06.2024 № 18 подтвердил, что тяжкие неосторожные преступления подпадают под действие ч. 4 ст. 74 УК РФ, фактически признав их менее опасными по сравнению с тяжкими умышленными. Данное толкование, хотя и снимает правовую неопределённость на уровне практики, не устраняет законодательного дефекта.

Среди множества доктринальных подходов к проблеме оптимальным представляется вариант, при котором ч. 5 ст. 74 УК РФ формулируется без привязки к форме вины и охватывает все тяжкие и особо тяжкие преступления, а ч. 4 ст. 74 УК РФ распространяется на преступления небольшой и средней тяжести (как неосторожные, так и умышленные). Данный подход обеспечивает согласованность с системой категоризации преступлений, соответствует уже применяемой в п. «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ законодательной технике и исключает возможность объединения в одной норме преступлений, кратно различающихся по степени общественной опасности.

Список использованных источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока» // Российская газета, № 148, 09.07.2024;
2. Эрхитуева Т.И. Условное осуждение: юридическая природа, основания применения и порядок исполнения: автореф. дис. … канд. юр. наук: 12.00.08. Иркутск, 2007. 26 с.;
3. Пронникова В.В. Условное осуждение и его правовые последствия: дис. … канд. юр. наук: 12.00.08. Омск, 2002. 183 с.;
4. Скобелин С.Ю. Правовое регулирование исполнения условного осуждения: учебное пособие. 2-е изд. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2009. 78 с.;
5. Скобелин С.Ю. Условное осуждение в отечественном уголовном праве: монография. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. 155 с.;
6. Губайдуллина Э.М. Условное осуждение в системе мер уголовно-правового характера: дис. … канд. юр. наук: 12.00.08. Казань, 2015. 240 с.;
7. Гусейнов М.Г. Условное осуждение и тенденции в практике его применения: автореф. дис. … канд. юр. наук: 12.00.08. Махачкала, 2003. 24 с.;
8. Дьяконова С.В. Условное осуждение: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: дис. … канд. юр. наук: 12.00.08. М., 2009. 235 с.;
9. Павлов А.С. Совершение нового преступления лицом, условно осужденным или находящимся на отсрочке наказания: частные проблемы законодательной оценки / А. С. Павлов // Вестник Академии права и управления. 2025. № 6(87). С. 61-65. С. 64. DOI 10.47629/2074-9201_2025_6_61_65.

УДК 343.85

Петрашова О. И.
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Астраханского филиала
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия», г. Астрахань

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных проблем противодействия преступности в Российской Федерации, в частности, организованной преступности, терроризму и киберпреступности. На основе анализа современной ситуации обосновывается комплексный подход к оптимизации мер противодействия преступности.

Ключевые слова: преступность, противодействие преступности,

организованная преступность, терроризм, киберпреступность, полиция, кадровый голод

Petrashova O. I.

COUNTERING CRIME IN MODERN RUSSIA: CURRENT ISSUES

Abstract: The article analyzes the current problems of combating crime in the Russian Federation, particularly organized crime, terrorism, and cybercrime. Based on the analysis of the current situation, the article substantiates a comprehensive approach to optimizing measures to combat crime.

Keywords: crime, crime prevention, organized crime, terrorism, cybercrime, police, staffing shortage

Борьба с преступностью в России – одна из приоритетных задач органов внутренних дел и силовых структур на протяжении всего их существования.

Несомненно, одной из первостепенных задач и направлений деятельности органов прокуратуры также является борьба с преступностью, защита прав и законных интересов граждан, обеспечение верховенства закона и единства правового пространства страны. В настоящее время распространение радикальных идей, использование информационных технологий для вербовки сторонников и координации террористических актов требуют усиленных мер противодействия со стороны государства. Необходимо отметить, что борьба с преступностью в сложный современный период, в условиях постоянной эволюции угроз безопасности социума, требует от государства, общества, прокуратуры, правоохранительных органов и специальных служб постоянного совершенствования методов и средств противодействия на основе действующего отечественного и международного законодательства.

Правительство Российской Федерации указало на необходимость серьезного отношения к данной проблеме, включив ее в Государственную программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 с изменениями на 28 ноября 2025 г[1].

Наблюдается некоторое отставание законодательных инициатив и научно-практических рекомендаций от роста преступности в целом, а также в частности террористической и экстремистской направленности, коррупционной преступности, преступности, связанной с незаконным оборотом оружия и наркотиков в настоящее время.

Национальный антитеррористический комитет (НАК) сообщил, что с момента начала СВО, за первые 2 года, только в центральной части России было предотвращено 419 террористического акта и диверсий, а также была предотвращена деятельность 32 террористических ячеек [2].

МВД РФ также сообщило о значительном увеличении террористической и экстремистской активности по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Только в январе 2025 года зарегистрировано 462 преступления

террористического характера (+168,6%) и 186 преступлений с экстремистской направленностью (+102,2%) [3].

Несомненно, что совершение большинства терактов организуются украинскими спецслужбами и их западными кураторами.

19 марта 2026 года, в Симферополе, Президент России Владимир Путин поставил задачу усилить противодействие экстремизму и терроризму. «В поле вашего постоянного внимания должны находиться вопросы борьбы с экстремизмом и терроризмом. Уже отмечалось, что количество преступлений террористической направленности в прошлом году существенно возросло. И нужно в рамках данных вам полномочий содействовать повышению защищенности объектов промышленности, транспортной инфраструктуры, мест массового пребывания людей», – сказал президент [4]. Такое поручение российский лидер дал в рамках расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры РФ.

Следует отметить, что в современном мире при совершении преступлений активно используются информационные технологии. Президент России также указал в своем выступлении на ужесточение реагирования на попытки дестабилизации общественно-политической обстановки с их применением.

04 марта 2026 года на расширенном заседании коллегии МВД, Президент России указал, что следует уделять особое внимание вопросам противодействия киберпреступности [5].

Министр внутренних дел Владимир Колокольцев, что, несмотря на существующие современные объективные сложности, министерство эффективно обеспечивает контроль за оперативной обстановкой. В своем выступлении он отметил и ряд позитивных тенденций, например снижение на четверть преступлений против собственности (краж, грабежей, разбоев), почти в два раза преступлений против личности (убийств) [6].

Также он отметил и основные тенденции оптимизации противодействия преступности, направленные, прежде всего, на ужесточение контроля в сфере миграции, противодействия киберпреступлениям.

Также, в ходе мероприятия рассматривались результаты работы правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью, в том числе при выявлении и раскрытии преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями).

МВД опубликовало тревожную статистику о серьезном росте организованной преступности в стране: после начала СВО число таких преступлений увеличилось почти вдвое.

Зафиксировано 230 фактов организации преступного сообщества. А это на треть больше аналогичного периода прошлого года [7].

Организованная преступность в своей сущности является сложносоставным феноменом социального характера и причастна к совершению широкого спектра преступлений, например, террористической и экстремистской направленности, незаконной оборот наркотиков и оружия. Но наиболее опасной характерной чертой организованной преступности является

её проникновение и последующее слияние с органами государственной власти и их коррумпированием.

Основная угроза общественно-политической стабильности и экономическому процветанию, как отдельного государства, так и всего мирового сообщества, исходит от международных организованных преступных группировок. Но, несмотря на их транснациональный характер, в их основе нередко заложены ярко выраженные этнические преступные группировки [8, с.340].

Таким образом, следует указать на первоочередные задачи для правоохранительных органов.

В частности, поскольку подавляющее большинство преступлений, совершаемых в организованных формах, составляют мошенничества и незаконный оборот наркотиков, необходимы системные, учитывающие широкое криминальное использование информационных технологий.

Также следует отметить особую актуальность противодействия преступности в связи с проведением специальной военной операции на Украине - это борьба с организацией незаконной миграции, перемещением оружия и боеприпасов, совершение преступлений террористической и экстремистской направленности.

Третья основополагающая задача – оптимизация и ужесточение мер противодействия организованной преступности.

До начала специальной военной операции на Украине в 2021 году такие преступления регистрировалось практически в два раза реже, чем сейчас, — всего 9,6 тысячи.

По данным силовиков, ОПГ занимаются преступной деятельностью в основном в приграничных районах, ближайших к местам проведения СВО – Белгородской, Брянской и Курской областях.

Следует отметить, что и на территории Астраханской области действует Постановление Правительства Астраханской области о государственной программе «Обеспечение общественного порядка, усиление борьбы с преступностью в Астраханской области» от 03 октября 2023 года № 572-П (в ред. от 19.12.2025 № 852-П) [9].

В Программе раскрываются стратегические приоритеты, цели и задачи усиления борьбы с преступностью в нашей области, и проводиться текущая оценка сферы реализации указанной Программы.

По состоянию на 01.01.2023 уровень преступности в Астраханской области на 10 тыс. населения составил 130 преступлений. За последний год отмечено снижение массива тяжких и особо тяжких преступных посягательств на 5,4% с 3644 до 3448 преступлений. За этот же период на 26,3% сократилось число преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Снижена степень общественной опасности уличной преступности на 2,9% с 2241 до 2175 преступлений.

В целях предупреждения преступлений, совершаемых в общественных местах, в Астраханской области ведется работа по реализации Федерального закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»[10]. В настоящее время народные дружины и общественные объединения правоохранительной направленности принимают активное участие

в охране общественного порядка во время проведения массовых мероприятий. В регионе приняты необходимые нормативные правовые акты, регулирующие вопросы участия граждан в охране общественного порядка.

Реализация мер профилактического характера позволила сократить в 2023 году на 10,2% число преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием (с 333 до 299 преступлений). Удельный вес подростковой преступности за прошедший период 2023 года составил 3,5%, за аналогичный период 2022 года - 2,8%.

Таким образом, проведенный краткий статистический анализ показывает достаточно высокую эффективность реализации положений Программы «Обеспечение общественного порядка, усиление борьбы с преступностью в Астраханской области» от 03 октября 2023 года № 572-П (в ред. от ред. от 19.12.2025 № 852-П).

При этом не стоит забывать о так называемой латентной преступности – в которую входят неустановленные, незарегистрированные и нераскрытые преступления. Таким образом, приведённая статистика, по мнению многих криминологов не отражает реальные показатели преступности. Большинство исследователей полагает, что мы видим только верхушку айсберга [11, с.211].

Нельзя забывать и о том, что проблему борьбы с преступностью, несомненно, обостряет в современной ситуации имеющийся острый кадровый голод в полиции.

Так, министр МВД Российской Федерации в своем выступлении 04.03.2026 г. указал, что количество личного состава в Москве на сегодняшний день сократилось, по сути, наполовину – до 64 тысяч человек. С учетом имеющегося некомплекта – гораздо больше. Еще в 2023 г. он назвал ситуацию с кадрами в полиции критической. Общий дефицит кадров в настоящее время доходит уже до 40%.

Общее количество вакантных должностей в МВД за год увеличилось более чем на 33 тыс. и превысило 172 тыс., из них 145 тыс. — это аттестованные, сообщил на коллегии ведомства министр внутренних дел Владимир Колокольцев. Некомплект аттестованного состава в уголовном розыске составляет 23,9%, в патрульно-постовой службе — 31,4%, в подразделениях по контролю за незаконным оборотом наркотиков — 24,7%, в органах предварительного следствия — 22,7% [12].

Работа полицейских не из простых, а должность участкового — тем более. Так повелось, что из-за специфики службы, редко кто задерживается в этой должности на долгое время. В результате, сейчас в Астрахани и области их катастрофически не хватает. Об этом заявили на заседании Общественного совета при УМВД.

Таким образом, Астраханская область здесь не является исключением. У нас также остро стоит проблема кадрового дефицита.

27 марта 2025 года в Астраханский Думе с докладом о деятельности полиции Управления МВД по Астраханской области за 2024 год выступил заместитель начальника Управления МВД по Астраханской области – начальник полиции Сергей Мезенов.

В своем выступлении он указал, что некоторых подразделениях некомплект составляет 30-40%, сообщили в УМВД, признав, что по этой

причине работать приходится в трудных, а иногда авральных условиях.

Например, в Енотаевском районе Астраханской области недокомплект штата составляет 43%, в Красноярском районе не хватает 7 участковых (38%), а в Ахтубинский район требуются 11 участковых. Как итог, это сказывается и на уровне преступности [13].

Однако, не смотря на указанную проблему, в общероссийском рейтинге раскрываемости преступлений УМВД по Астраханской области находится на 26 месте — это превышает среднероссийский уровень, занимает 2 место по уровню виктимности по России, и относится к числу благополучных субъектов Российской Федерации [14].

В связи с этим также не следует забывать о проведение мероприятий по реализации мер, направленных на материальное обеспечение и стимулирование участия граждан в охране общественного порядка.

Список использованных источников

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» от 15 апреля 2014 (ред. от 28.11. 2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/70644264/ (дата обращения: 25.03.2026).

2. Национальный антитеррористический комитет официальный сайт НАК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nac.gov.ru/(дата обращения: 25.03.2026).

3. МВД России зафиксировало рост терактов на 168,6% в январе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ridus.ru/mvd-rossii-zafiksirovalo-rost-teraktov-na-1686-v-yanvare-569776.html (дата обращения: 25.03.2026).

4. Путин поручил усилить борьбу с экстремизмом и терроризмом - РИА Новости Крым, 19.03.2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://crimea.ria.ru/20260319/putin-poruchil-usilit-borbu-s-ekstremizmom-i-terrorizmom-1154481304.html?ysclid=mn78hu84k9474188659 (дата обращения: 25.03.2026).

5. Расширенное заседание коллегии МВД • Президент России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/79255?ysclid=mn7ae54zoa600007112/ (дата обращения: 25.03.2026).

6. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026/?ysclid=mn7aez8eh4565189251/ (дата обращения: 25.03.2026).

7. В МВД отчитались о разгуле организованной преступности и посетовали на ликвидацию легендарного отдела – МК - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mk.ru/social/2024/07/30/v-mvd-otchitalis-o-razgule-organizovannoy-prestupnosti-i-posetovali-na-likvidaciyu-legendarnogo-otdela.html?ysclid=mn8mtcirjo684484098/ (дата обращения: 25.03.2026).

8. Оболадзе, М. П. Состояние и тенденции организованной преступности в Российской Федерации / М. П. Оболадзе. // Молодой ученый. 2024. № 21 (311). С. 340-342. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/311/70456/(дата обращения: 26.03.2026).

9. О государственной программе «Обеспечение общественного порядка, усиление борьбы с преступностью в Астраханской области» от 03 октября 2023 - docs.cntd.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/406876992?ysclid=mn4mdbdfbz681698261/(дата обращения: 24.03.2026).

10. Федеральный закон от 02 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (ред. от 14.07.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/70627294/?ysclid=m97csw63hz384986607(дата обращения: 24.03.2026).

11. Криминология: учебник для вузов / В. И. Авдийский [и др.]; под редакцией В. И. Авдийского, Л. А. Букалеровой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 301 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-03566-7. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.urait.ru/bcode/510960/ (дата обращения: 25.03.2026).

12. Колокольцев заявил, что МВД не хватает больше 170 тыс. сотрудников. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/05/03/2025/67c8375a9a794797bf603045?ysclid=m9jvy1ushu679562416/ (дата обращения: 25.03.2026).

13. В астраханской полиции рассказали, почему пустуют рабочие места участковых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bloknot-astrakhan.ru/news/v-astrakhanskoy-politsii-rasskazali-pochemu-pustuyu-1544070?ysclid=m9jw5d6asx768377524(дата обращения: 25.03.2026).

14. Начальник астраханской полиции выступил с докладом в Думе региона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arbuztoday.ru/nachalnik-astraxanskoj-policii-vystupil-s-dokladom-v-dume-regiona/?ysclid=m9jwd5iyx1412918153 (дата обращения: 25.03.2026).

УДК 343.575

Пономаренко Е.В.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ В НОРМАХ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ (СТ. 230 УК РФ)

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному анализу конструирования квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 230 УК РФ – склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Исследуются законодательные новеллы, судебная практика и доктринальные подходы к толкованию и применению квалифицирующих обстоятельств. Особое внимание уделяется анализу таких признаков, как возраст потерпевшего, наличие родственных связей, совершение деяния в отношении несовершеннолетних, а также групповой характер преступления. В работе формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики с целью повышения эффективности борьбы с данной категорией преступлений.

Ключевые слова: наркотические средства, несовершеннолетний, группа лиц, организованная группа, здоровье населения, информационно-телекоммуникационная сеть, наркобизнес, психотропные вещества.

Ponomarenko E. V.

PROBLEMS OF CONSTRUCTING QUALIFYING SIGNS IN THE NORMS ON LIABILITY FOR INDUCEMENT TO CONSUME NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES (ART. 230 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of the construction of qualifying elements of a crime provided for in Article 230 of the Criminal Code of the Russian Federation – inducement to consume narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. Legislative novelties, judicial practice and doctrinal approaches to the interpretation and application of qualifying circumstances are investigated. Special attention is paid to the analysis of such signs as the age of the victim, the presence of family ties, the commission of an act against minors, as well as the group nature of the crime. The paper formulates proposals for improving criminal legislation and law enforcement practice in order to increase the effectiveness of combating this category of crimes.

Keywords: narcotic drugs, minor, group of persons, organized group, public health, information and telecommunication network, drug business, psychotropic substances.

Проблема наркомании остаётся одной из наиболее острых социальных и криминологических угроз, подрывающей здоровье нации, стабильность общества и основы правопорядка. Деятельность по вовлечению лиц в употребление психоактивных веществ характеризуется высокой степенью социальной вредоносности. Это обусловлено тем, что подобные действия инициируют процесс массового распространения наркозависимости, представляя особую угрозу для подрастающего поколения. Эффективность противодействия данному деянию напрямую зависит от качества конструирования квалифицирующих признаков в ст. 230 УК РФ, которые позволяют дифференцировать ответственность в зависимости от тяжести

содеянного. Однако, как показывает анализ, конструирование и применение этих признаков зачастую сопряжены с определёнными трудностями, что снижает эффективность уголовно-правового воздействия.

Одним из ключевых квалифицирующих признаков является совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч.2 ст. 230 УК РФ). Судебная практика показывает, что коллективное воздействие на потерпевшего обладает значительно более мощным деструктивным потенциалом, нежели единоличное: воля жертвы подавляется эффективнее за счёт численного превосходства и психического давления. Особых претензий к данному квалифицирующему признаку не имеется, за исключением лишь того факта, что законодатель не допускает возможности криминализации совершения преступления простой группой лиц. С позиции системного толкования Общей и Особенной частей УК РФ, внезапно возникшее соисполнительство нескольких лиц также свидетельствует о повышенной общественной опасности, однако на данный момент оно выпадает из поля зрения законодателя применительно к ст. 230 УК. На данный законодательный пробел стоило бы обратить соответствующее внимание.

Обратимся к анализу ещё одного квалифицирующего признака связанного с применением насилия или с угрозой его применения (п. «г» ч.2 ст. 230 УК РФ). Следует отметить, что в рамках данного отягчающего обстоятельства законодатель не конкретизирует вид насилия, соответственно речь может идти как о насилии опасном для жизни или здоровья (причинение тяжкого вреда здоровью, средней тяжести или лёгкого вреда), так и о неопасном для жизни или здоровья (побои, связывание, запирание жертвы в каком-либо помещении и пр.). Подобная законодательная конструкция вызывает ряд вопросов. Во-первых, в связи с отсутствием иерархии ответственности в зависимости от тяжести применяемого насилия, законодатель устанавливает равные пределы ответственности как за действия, не причинившие вреда здоровью, так и за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Такое законодательное решение противоречит ст. 6 УК РФ, так как мера государственного принуждения перестаёт соответствовать характеру и степени общественной опасности содеянного. Во-вторых, неопределенность вида насилия заставляет правоприменителя в каждом конкретном случае решать вопрос о необходимости дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности (ст. 111, 112, 115 УК РФ), что усложняет следственную и судебную практику [1, с.61]. Таким образом, отсутствие дифференциации насилия на «опасное» и «неопасное» в тексте ст. 230 УК РФ является существенным недостатком юридической техники, требующим более детальной регламентации.

Новеллой последних лет стало введение п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ — использование информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Это обусловлено переносом наркоугрозы в цифровое пространство, где анонимность способствует массовому вовлечению лиц в наркопотребление. Одной из сложностей применения данной нормы на практике является её отграничение от административного правонарушения - пропаганды наркотиков [2, с.55]. Основная суть пропаганды заключается в её

направленности на неопределённое количество лиц. Склонение же традиционно предполагает наличие конкретного адресата и умысла на возбуждение желания употребить наркотик у конкретного лица. При использовании соцсетей и мессенджеров грань между эти двумя действиями стирается. Является ли публикация в закрытом чате на 100 человек «пропагандой» или «склонением неопределенного круга лиц»? Теория уголовного права склоняется к тому, что ст. 230 УК РФ требует адресности воздействия, однако в сетевом пространстве адресность может быть массовой, что сближает её с пропагандой [3, с.115]. Согласно разъяснениям Пленуму ВС РФ, склонение — это состав с формальной конструкцией. Преступление окончено с момента воздействия на лицо. Считается ли преступление оконченным в момент отправки сообщения, которое пользователь ещё не прочитал, или в момент фактического ознакомления потерпевшего с контентом? К сожалею, правоприменитель не даёт ответа на данный вопрос. В связи с чем, необходимо на уровне разъяснений Пленума ВС РФ дать учтонение признака адресности при склонении в сети Интернет, а также разработать рекомендации по разграничению ст. 230 УК РФ и ст. 6.13 КоАП РФ при совершении деяний в социальных медиа.

Особое место в системе квалифицирующих признаков занимает возраст потерпевшего лица. Согласно ч. 3 ст. 230 УК РФ, склонение несовершеннолетнего влечёт значительно более строгое наказание. Однако в доктрине ведётся дискуссия о необходимости выделения в отдельный квалифицированный состав склонение малолетних (лиц до 14 лет). Склонение малолетних лиц к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов обладает качественно иной степенью общественной опасности по сравнению со склонением лиц старшего подросткового возраста. Малолетние — это лица, которые в силу физиологической и психической незрелости полностью лишены критического восприятия и социальной резистентности к деструктивному воздействию. Малолетние лица (до 14 лет) в силу возраста не обладают достаточным жизненным опытом и уровнем правосознания, чтобы осознать характер совершаемых в отношении них действий. Они находятся в полной психологической зависимости от взрослых или более старших лиц. Склонение малолетнего зачастую не требует применения насилия или угроз — достаточно простого предложения или обмана, что делает ребёнка абсолютно беззащитным. Текущая редакция ст. 230 УК РФ не в полной мере учитывает этот фактор «заведомой беспомощности» жертвы. Российское уголовное законодательство уже идёт по пути выделения малолетнего возраста как признака, требующего усиленной защиты: в преступлениях против половой неприкосновенности (ст. 131–135 УК РФ) чётко разграничены санкции за деяния против лиц до 14 лет и от 14 до 18 лет; в ст. 105 УК РФ (убийство) малолетний возраст признается самостоятельным квалифицирующим признаком (п. «в» ч. 2); в ст. 151 УК РФ (вовлечение в совершение антиобщественных действий) также прослеживается логика усиления защиты наиболее младших возрастных групп. Отсутствие аналогичной дифференциации в ст. 230 УК РФ создаёт правовой диссонанс: законодатель признает малолетних более уязвимыми в вопросах половой

свободы, но игнорирует эту разницу в вопросах защиты их жизни и здоровья от наркотизации. В связи с чем, целесообразно дополнить ст. 230 УК РФ данным квалифицирующим признаком.

Четвёртая часть ст. 230 УК РФ предусматривает ответственность за деяния, повлёкшие по неосторожности смерть потерпевшего. Сложность здесь заключается в доказывании причинно-следственной связи между актом склонения и наступившим летальным исходом, особенно в случаях дистанционного склонения через мессенджеры. Возникает закономерный вопрос: явилась ли смерть результатом именно склонения, или же она наступила вследствие неосторожных действий самого потребителя при подготовке дозы, либо из-за специфических свойств самого вещества, о которых склонявший мог не знать? Без проведения комплексных посмертных психолого-психиатрических и судебно-медицинских экспертиз установление вины по этой части статьи представляется крайне затруднительным.

Также заслуживает внимания признак наличия родственных связей или обязанностей по воспитанию. Родители, усыновители, опекуны, а также педагогические и медицинские работники являются лицами, на которых законом (Семейным кодексом РФ, ФЗ «Об образовании в РФ» и др.) возложена прямая обязанность по охране жизни, здоровья и морального благополучия несовершеннолетних. Склонение ребёнка к употреблению наркотиков со стороны таких лиц представляет собой не просто преступление против здоровья, но и грубейшее злоупотребление законными полномочиями. Авторитет родителя или учителя для несовершеннолетнего, особенно в младшем и среднем возрасте, является определяющим. В силу возрастной незрелости и психологической зависимости ребёнок не способен критически оценивать действия значимого взрослого. Если посторонний человек воспринимается как потенциальная угроза, то призыв к употреблению наркотика со стороны родителя или педагога воспринимается как «разрешенное» или даже «одобряемое» действие. Это лишает несовершеннолетнего естественных механизмов психологической защиты, превращая процесс склонения в фактически безальтернативное вовлечение. Склонение к наркотизации лицом, которому ребёнок доверяет, наносит глубокую психическую травму. Разрушение базового доверия к ближайшему окружению препятствует дальнейшей социализации и реабилитации несовершеннолетнего. Внедрение данного признака обеспечит единообразие норм УК РФ. Схожие квалифицирующие признаки («совершенное родителем, педагогическим работником или иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию») уже содержатся в других статьях, защищающих интересы несовершеннолетних (ст. 150 УК РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления); ст. 151 УК РФ (Вовлечение в совершение антиобщественных действий). Отсутствие данного признака в ст. 230 УК РФ создаёт правовой пробел: за вовлечение в кражу родитель несёт повышенную ответственность, а за склонение к употреблению наркотиков — отвечает на общих основаниях. В связи с вышеизложенным, предлагается дополнить часть 3 статьи 230 УК РФ пунктом следующего содержания: «...совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на

которое законом возложены обязанности по воспитанию и (или) охране здоровья несовершеннолетнего». Включение данного признака в ст. 230 УК РФ позволит судам более точно дифференцировать наказание, учитывая не только факт несовершеннолетия жертвы, но и специфику связи между преступником и потерпевшим. Это усилит защиту института семьи и детства, а также обеспечит более строгую изоляцию лиц, нарушивших профессиональный или родительский долг.

Список использованных источников

1. Кузнецов В. И. К вопросу об объективной стороне склонения к потреблению наркотиков / В. И. Кузнецов // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 4(39). – С. 56-64.

2. Маллекер Д. И. Пропаганда наркотиков: прогностическая оценка результатов криминализации и перспективы совершенствования уголовного закона / Д. И. Маллекер // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 1(73). – С. 54-66.

3. Епифанов А. Е. К вопросу разграничения склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, от смежных преступлений / А. Е. Епифанов // Право и практика. – 2025. – № 2. – С. 112-117.

УДК 343

Проводина Е. В.

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов современного уголовно-правового реагирования в условиях цифровой трансформации общественных отношений. Для эффективного обеспечения безопасности интересов личности, общества и государства от цифровых угроз предлагается сформулировать единую уголовно-правовую политику формирования защитных механизмов указанных благ. В связи с этим, целью данной работы выступает разработка основ правовых механизмов, направленных на защиту общества с учетом развития уголовно-правовой политики и ее приоритетов.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-правовые механизмы, цифровизация, общественная опасность, уголовно-правовые риски, цифровая трансформация.

Provodina E. V.

CRIMINAL LAW POLICY FOR FORMING PROTECTIVE

MECHANISMS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Annotation. The article is devoted to the consideration of issues of modern criminal law response in the conditions of digital transformation of social relations. In order to effectively ensure the security of the interests of the individual, society and the state from digital threats, it is proposed to formulate a unified criminal law policy of the formation of protective mechanisms of the specified benefits. In this regard, the purpose of this work is to develop the foundations of legal mechanisms aimed at protecting society, taking into account the development of criminal law policy and its priorities.

Keywords: criminal policy, criminal law mechanisms, digitalization, public danger, criminal law risks, digital transformation.

Курс на обеспечение технологического лидерства России, одной из ключевых национальных целей для нашей страны, особенным образом актуализирует вопрос о модернизации и развитии механизмов уголовно-правовой охраны, способных обеспечивать безопасность интересов личности, общества и государства в условиях цифровой трансформации общественных отношений.

Цифровые технологии наряду с преимуществами несут и ряд рисков для общества. Некоторые из этих рисков затрагивают большое количество населения в разных странах, что позволяет говорить о них как о глобальных проблемах [1, с. 74]. «Цифровая трансформация общества порождает необходимость принятия ряда мер для защиты и обеспечения естественных прав человека. Выявленные проблемы и угрозы в цифровой среде свидетельствуют о недостаточности предпринимаемых попыток совершенствования законодательства РФ…» [2, с. 48]. Неспособность существующей правовой системы удовлетворить потребности общества в связи с развитием искусственного интеллекта отмечается и зарубежными исследователями [3]. Задача современного российского законодателя — обеспечить внедрение ИИ с целью защиты прав и свобод человека [4, с. 594].

Подобная ситуация актуализирует вопросы модернизации и создания механизмов уголовно-правовой защиты, способных эффективно реагировать на новые вызовы. Вместе с тем, отмечается нецелесообразность точечной криминализации новых угроз ввиду постоянного развития цифровых технологий, требуется пересмотр всей уголовно-правовой политики в ключе выработки унифицированного подхода к уголовно-правовой охране в условиях влияния цифровизации на преступность [5, с. 194]. Назрела острая необходимость пересмотра не только традиционных представлений о сущности и назначении права, объектах и субъектах права, способах регулирования основополагающих объектов правовой охраны: свободы и права граждан, порядок в обществе, общественная безопасность [6, с. 12], но и переосмыслить само понятия цифровизации уголовной политики [7. с. 54-57]. Несмотря на то, что его ассоциируют с внедрением цифровых технологий в осуществлении государственными органами деятельности, направленной на противодействие преступности, действенная борьба с преступностью возможна только в

реальном мире и перенести её в полном объеме в виртуальное пространство не представляется возможным [7, с. 54-57]. В связи с этим, подход к формированию механизмов уголовно-правового реагирования на новые вызовы требуют его интенсивной модернизации, которая сможет обеспечить потребности современного общества в цифровой безопасности.

Вместе с тем, при поспешном реагировании на проявления криминальной цифровизации, следует обращать внимание на обоснованность новых уголовно-правовых запретов, определяемых приоритетностью объектов охраны в связи с развитием научно-технического прогресса. В условиях цифровизации уголовно-правовой политики следует руководствоваться принципом приоритета положительных последствий цифровизации и с учетом того, что она проводится в целях повышения эффективности и качественности деятельности по борьбе с преступностью [7, с. 57]. Игнорирование вопроса о приоритетах ценностей охраняемых объектов не способствует повышению эффективности международной уголовно-правовой борьбы в конкретных сферах [8]. При формировании современных уголовно-правовых механизмов следует учитывать, что общество испытывает потребность в уголовно-правовом обеспечении благополучного существования человека как биосоциального существа, основанного на высшей ценности его прав и свобод в условиях специфических вызовов. Для того, чтобы целенаправленный процесс цифровизации не превратился в цифровой хаос, следует внимательно изучить, оценить присущие ему риски и преимущества и научиться им управлять [7, с. 55-57].

В этой связи, особенно заметно преимущество концепции уголовно-правового противодействия цифровым рискам, способной удерживать баланс между инновационным развитием и безопасностью общества, поскольку она обладает способностью не только реагировать на уже возникшие угрозы, но и прогнозировать возможные риски, связанные с новшествами в технологическом секторе [9, с. 188].

Специфический характер общественной опасности криминальных цифровых деяний, во многом обусловленной нестандартными, своеобразными свойствами, причиняемого вреда. Это связано с тем, что ИИ (искусственный интеллект), образуя широкий круг угроз и опасностей, выступает не только орудием, но и средой, в которой происходит причинение вреда [4, с. 594]. И своеобразие причинения такого вреда (либо угрозы его причинения) определяется этой новой средой – «второй природой» (техносферой, ноосферой) наполненной новым типом материальных объектов, видоизменяющей воздействие сознания на материю [10, с. 83]. В какой бы сфере социальной жизни ни совершались цифровые преступления, в результате выхода из-под контроля опасного фактора, сопровождающего цифровизацию, вред всегда причиняется человеку как центральному элементу материального порядка. Речь идет о правовом контроле, единственно гарантирующем безопасность применения инноваций в любой сфере.

И поскольку причинение вреда или создание угрозы его причинения уголовно охраняемым интересам, характеризует общественную опасность, являющуюся важным социальным свойством преступления [11, с. 4], то и

специфические социальные свойства причиняемого вреда, обусловленные модификацией объективной реальности, предопределяют специфическое содержание общественной опасности цифровых преступлений и должны быть учтены при формировании механизмов уголовно-правового противодействия цифровым угрозам.

Формирование механизмов уголовно-правовой охраны в русле подобной концепции отвечает направлениям развития современной уголовно-правовой политики, что подтверждается содержанием Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (п. 19), предусматривающим безопасное развитие и использование технологий искусственного интеллекта: «...предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта...» [12]. Применение указанного подхода в сфере уголовно-правового блокирования новых угроз, обусловленных разработкой инновационных технологий, реализуется в рамках решения задачи по развитию нормативно-правовой базы в направлении обеспечения безопасного дальнейшего внедрения искусственного интеллекта в интересах человека, общества и государства.

В связи с изложенным следует, что уголовно-правовая политика должна быть сосредоточена на обеспечении безопасного внедрения ИИ с целью защиты прав и свобод человека в качестве одного из приоритетных направлений модернизации современного законодательства, предполагающего формирование современных защитных механизмов в условиях цифровой трансформации общественных отношений, предусматривающих специфические свойства общественной опасности цифровых вредоносных деяний, обусловленные модифицированной объективной реальностью, созданной человеком как новой средой для их реализации, а также характер рисков, сопровождающих развитие цифровых явлений, включая оценку угрозы причинения вреда и вероятность его наступления.

Список использованных источников

1. Щербаков Р.А. Риски цифровизации: систематизация научного поля // Социологический журнал. 2025. №1. С. 73-91.

2. Филимонова Е.А. Защита права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации общества // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. № 1. С.48.

3. Xi Wu Application of Artificial Intelligence in Modern Vocational Education Technology // Journal of Physics: Conference Series: IOP Publishing Ltd, 2021. P. 032074.

4. Яковлева Е.О. Искусственный интеллект как вызов для криминологической науки: от исторических предпосылок к стратегии управления рисками в России // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19. № 6. С. 594.

5. Перина А. С. Уголовно-правовые инструменты охраны личности в условиях цифровизации // Виктимология. 2023. № 2. С. 193-197.

6. Габараев А.Ш. Особенности уголовной политики россии в условиях цифровизации современного общества // Лоббирование в законодательстве. 2023. №1. С.10-14.

7. Долгополов К. А., Калинкин А. В. Феномен цифровизации и его отражение в уголовно-правовой политике современной России // Журнал юридических исследований. 2024. №. 3. С. 53-60.

8. Provodina, E.V., Krasovskaya, O.Y., Greshnova, N.A. (2023). Fundamentals of Developing Legal Mechanisms for the Protection of Society in the Context of Scientific and Technological Progress. In: Maximova, S.G., Raikin, R.I., Chibilev, A.A., Silantyeva, M.M. (eds) Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 250. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78083-8_34

9. Воронин В.Н. Понятие «уголовно-правовой риск» в социологии уголовного права: опыт теоретического осмысления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 4. С. 188–200.

10. Орлов С.В. Виртуальная реальность как новая форма материального бытия // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2 (2). С. 82 – 87.

11. Епифанова Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М., 2012. С. 4.

12. Указ Президента РФ от 15.02.2024 г. №124 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утверждаемую этим указом» / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469963/ (дата обращения: 10.03.26).

УДК 343.5

Пронина С. К.
руководитель правового департамента АНО «Реализация социальных проектов «Территория успеха», Россия, Барнаул

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ КОНФИСКАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье автор, на основе анализа уголовно-правовой доктрины, выделяет три основных подхода к установлению целей конфискации и предлагает формирование собственной консолидированной позиции. В соответствии с ней, конфискации, как межотраслевому институту, во многом схожему с уголовным наказанием, присущи как общие цели наказания с некоторыми особенностями реализации, так и собственные (уникальные) цели, основной из которых является компенсаторная цель. Предлагаемый подход унифицирует подходы к законодательной регламентации конфискации и может быть положен в основу формирования самостоятельной уголовно-правовой нормы, посвященной целям конфискации как иной меры уголовно-правового

характера.

Ключевые слова: конфискация, преступление, наказание, уголовная ответственность, изъятие имущества.

Pronina S. K.

ON THE PURPOSES OF CONFISCATION IN CRIMINAL LAW

Abstract. In this article, the author, based on an analysis of criminal law doctrine, identifies three main approaches to establishing the purposes of confiscation and proposes the development of her own consolidated position. According to this position, confiscation, as an interdisciplinary institution, in many ways similar to criminal punishment, has both general punitive purposes with some implementation specifics, as well as its own unique purposes, the primary one being compensatory. The proposed approach unifies approaches to the legislative regulation of confiscation and can form the basis for the development of an independent criminal law norm devoted to the purposes of confiscation as another criminal measure.

Keywords: confiscation, crime, punishment, criminal liability, seizure of property.

Институт конфискации – один из старейших правовых институтов, известный со времен римского частного права [1, с. 137]. Российскому уголовному праву рассматриваемый институт также хорошо известен. Термин «конфискация», приближенный к его современному значению впервые появился в русском законодательстве в 18 в. [2, с. 81]. Однако, согласимся с теми исследователями истории, отстаивающими мнение о том, что и Русской Правде конфискация была известна [3, с. 110].

В уголовном праве современной России институт конфискации прошел сложный путь: от дополнительного вида наказания до иной меры уголовно-правового характера, включая период полного ее исключения из текста уголовного закона.

В действующей редакции УК РФ конфискация определена как принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора определенного (прямо перечисленного в тексте уголовно-правовой нормы – ст. 104.1 УК РФ) имущества. Исключение конфискации из числа видов наказаний породило весьма серьезную научную дискуссию относительно ее правовой природы, оснований применения, пределов и т.д. [4, с. 180].

Вопрос об установлении целей конфискации также не имеет однозначного решения в доктрине уголовного права. Анализ исследований, посвященных рассматриваемой проблематике, позволяют выделить три основные позиции, сформированные в российской уголовно-правовой науке по данному вопросу. Первая группа ученых отождествляют цели уголовного наказания и цели конфискации [5, с. 11]. Данное суждение в своей основе имеет тезис о том, что конфискация, как и наказание имеет карательное содержание, ее применение детерминировано предшествующим совершением преступления, что позволяет применять метод аналогичности с уголовным наказанием при

фиксации ее целей. Вторая группа ученых критикует данную позицию, указывая, что конфискация имущества направлена исключительно на предупреждение совершение новых преступлений, отводя ей исключительно превентивную цель [6, с. 109], либо дополняя это суждение указанием на восстановление социальной справедливости как на цель конфискации [7, с. 5]. Третья группа ученых, соглашаясь с тем, что уголовное наказание и конфискация тесно связаны между собой, их применение во всяком случае обусловлено предшествующим совершением преступления, предлагают выделять самостоятельные цели конфискации как иной меры уголовно-правового характера. К таким целям, в частности, предложено относить выявление и последующее изучение предметов, находящихся изъятыми из оборота, но не входящих ни в один из перечней, предусмотренных законодательством, предотвращение использования предметов, являющихся орудиями преступления повторно [8, с. 151].

Как представляется, неверных мнений в данном случае нет, каждая из представленных точек зрения имеет под собой достаточно весомую и убедительную аргументацию. Однако принимая во внимание разноплановость суждений, они нуждаются в приведении их «к общему знаменателю». Предваряя обоснование собственной позиции относительно перечня и содержания целей конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера, обозначим причины, по которым необходимо, как минимум, формирование консолидированной теоретической модели целей конфискации, которая в дальнейшем может быть реципирована в текст уголовного закона.

Конфискация по своей правовой природе во многом схожа с наказанием. При определении целей конфискации ввиду ограниченности исследования мы упускаем положения научной дискуссии о наличии или отсутствии карательного элемента в ее содержании [9, с. 45]. Однако фокусируем свое внимание на то, что применение конфискации во всяком случае обусловлено предшествующим совершением преступления. Данный тезис позволяет сделать вывод о том, что цели наказания в той или иной мере присущи и конфискации, так как ее применение возможно и допустимо только при совершении преступления. Она фактически является «дополнением» к наказанию, назначается факультативно при наличии соответствующих оснований. В настоящее время подобные основания прямо перечислены в ст. 104.1 УК РФ и ограничены некоторыми видами преступлений и особенностями конфискуемого имущества.

Цель восстановления социальной справедливости, безусловно, наиболее абстрактная из всех обозначенных в ст. 44 УК РФ целей наказания. Тем не менее, в том или ином виде она может быть достижима как при восстановлении общей потребности социума в неизбежной негативной реакции государства на совершенное преступление (фактически речь идет о возмездии), так и восстановлении баланса затраченных ресурсов на привлечении лица к уголовной ответственности (экономическая составляющая). Изложенное дает основания утверждать, что восстановление социальной справедливости как цель достигается не только при применении уголовного наказания, но и при применении конфискации, реализующейся как в изъятии предметов и средств

совершения преступления, так и преступных доходов, как у виновного лица, так и у иных недобросовестных субъектов, которым такое имущество было передано.

Исправление осужденного посредством применения конфискации достигается косвенно и скорее носит отрицательный характер, то есть проявляется в стимулировании последующего правопослушного поведения не путем позитивного перевоспитания, а путем устрашения, то есть угрозы применения серьезных имущественных последствий в виде принудительного изъятия имущества при повторном совершении преступления.

Предупреждение совершения новых преступлений наиболее очевидная цель конфискации, так как ее достижение очевидно проверяемо и реализуемо, как минимум в связи с изъятием у виновного орудий, оборудования и иных средств совершения преступлений.

Несмотря на схожесть с уголовным наказанием, конфискация имеет собственную правовую природу, что предопределяет наличие в нее собственных целей, при установлении которых мы исходим из следующего. В соответствии с ч. 1 ст. 104.3 УК РФ при решении вопроса о конфискации имущества в соответствии со ст. 104.1 и 104.2 настоящего Кодекса в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу. Таким образом, возмещение ущерба, причиненного потерпевшему, является приоритетом при применении конфискации. Изложенное дает основания для выделения самостоятельной цели ее применения - компенсаторной. В данном случае целесообразно применять термин компенсаторная, а не восстановительная цель, как для исключения терминологического смешения с целью восстановления социальной справедливости, так и для отражения экономической сущности данной цели.

Вторая уникальная цель, присущая конфискации находится в неразрывной связи с одним из проявлений сущности рассматриваемого института - обеспечение безопасности. Посредством изъятия орудий, предметов совершения преступления, преступных доходов и т.д. Государство совершает действия, направленные на обеспечение безопасности общества и государства, что позволяет сформировать тезис о самостоятельности данной цели и отнесения ее исключительно к конфискации, а не к наказанию.

Предлагаемый нами подход к установлению целей конфискации может быть воспринят законодателем путем формирования самостоятельной нормы, посвященной соответствующим целям, в которой может быть зафиксирована как отсылка к положениям ст. 44 УК РФ, посвященной целям уголовного наказания, так и самостоятельная дефиниция о восстановительной цели. Подобный подход повысит эффективность применения конфискации и будет соответствовать фундаментальным принципам уголовного права [10, с. 68].

Таким образом, по результатам проведенного исследования сформулируем следующие выводы. Конфискации как иной мере уголовно-правового характера присущи как общие цели уголовного наказания, так и собственные – компенсаторная и цель обеспечения безопасности.

Список использованных источников

1. Кулиш М.М. История развития института конфискации имущества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 137-139.
2. Тюшнякова О.В. Анализ конфискации имущества: история и современность // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 72. С. 79-90.
3. Олейников А.А. История становления законодательства России о конфискации имущества как уголовно-правовой меры воздействия на преступность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 109-118.
4. Баргаев Д.К. Социально-правовая обусловленность конфискации имущества // Национальная безопасность. 2022. № 6. С. 179-193.
5. Николаев К.Д. Виды конфискации имущества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 3. С. 10-14.
6. Ткачев И.О. Цели конфискации имущества // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3. С. 106-110.
7. Суворова С.В. Иные меры уголовно-правового характера и уголовное наказание: общие и специальные признаки // Мировой судья. 2025. № 4. С. 2-7.
8. Зыков Д.С., Савин А.А. Цели конфискации в уголовном праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. С. 150-153.
9. Лопатина Т.М. Правовая природа института конфискации // Безопасность бизнеса. 2025. № 2. С. 44-49.
10. Коренная А.А. Реализация правовых принципов при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 4. С. 67-74.

УДК :343.13

Рулевская Д. А.
курсант 4 курса Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
Научный руководитель:
Мошкина Н. В.
Старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
г. Симферополь, Россия

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН ПРИ ПРИМЕНЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОСТИ МЕЖДУ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ СЛЕДСТВИЯ И ЗАЩИТОЙ ЛИЧНОСТИ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию проблемы

баланса между необходимостью применения жестких мер принуждения в уголовном процессе и защитой конституционных прав и свобод личности.

Ключевые слова: конституционные права граждан, уголовно-процессуальные меры принуждения, защита личности, ограничения прав и свобод, меры пресечения, Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Rulevskaya D. A., Moshkina N. V.

CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS IN THE APPLICATION OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCIVE MEASURES: SEEKING AN OPTIMAL BALANCE BETWEEN THE EFFECTIVENESS OF THE INVESTIGATION AND THE PROTECTION OF THE INDIVIDUAL.CURRENT ISSUES

Annotation. The present article examines the challenge of balancing the necessity to apply strict coercive measures in criminal procedure with the protection of individuals' constitutional rights and freedoms.

Keywords: constitutional rights of citizens, criminal procedural coercive measures, protection of the individual, restrictions on rights and freedoms, measures of restraint, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Система прав и свобод человека и гражданина в России отличается относительной сложностью. Ключевые права и свободы человека и гражданина имеют закрепление в Конституции Российской Федерации (далее -КРФ), в данном случае речь идет о так называемых конституционных правах граждан. При этом в самой Конституции отмечено, перечисление в статьях конституции соответствующих прав не предполагает отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, не имеющих непосредственного закрепления в тексте настоящей Конституции [1]. Следовательно, можно утверждать, что конституционные права и свободы образуют своего рода стержень (основу) правового статуса личности, выступая высшей социальной ценностью и целью функционирования всего государственного механизма. Они представляют собой не просто перечень декларативных принципов, а действующий юридический механизм, гарантирующий достойную жизнь и свободное развитие каждого индивида.

Конституционные права и свободы - это закрепленные в КРФ и гарантированные государством возможности индивида избирать вид и меру своего поведения, пользоваться социальными благами для удовлетворения своих потребностей и интересов.

Важно разграничивать понятия «право» и «свобода». Право обычно предполагает активные действия государства по его обеспечению, например, право на образование, охрану здоровья, в то время как свобода - это область независимости личности, куда государство не должно вмешиваться, ими могут выступать свобода мысли, совести. Однако это разграничение носит условный характер, и в конституционном тексте эти термины часто используются как синонимы.

Принцип неограниченности прав и свобод является иллюзией любого демократического правопорядка. В реальности абсолютная свобода одного

индивида неизбежно сталкивается со свободой другого и интересами общества в целом. Российская конституционная доктрина, следуя международным стандартам, признает право государства на установление ограничений фундаментальных прав. Ключевые нормы, регулирующие этот процесс, содержатся в ст.55, 56 КРФ [1]. Конституционный Суд РФ (далее - КС РФ) играет центральную роль в конкретизации данных статей. Поскольку именно его деятельность является важнейшей гарантией прав и свобод гражданина, в которой он в рамках конституционного контроля обеспечивает соответствие законов и правоприменительной практики основным правам и свободам, давая их официальное толкование.

Уголовный процесс представляет собой одну из наиболее репрессивных сфер государственной деятельности, где власть вправе применять жёсткие меры принуждения, вплоть до лишения свободы и иных фундаментальных благ личности [6, с. 114]. В этих условиях обеспечение конституционных прав участников судопроизводства, особенно подозреваемого или обвиняемого, приобретает значение не просто процессуальной гарантии, а основного критерия легитимности и справедливости всего правосудия. Российское уголовно-процессуальное право, базируясь на нормах КРФ 1993 года и общепризнанных принципах международного права, создало развитую систему таких гарантий.

Исходным положением является ст. 18 КРФ, которая провозглашают, что права и свободы человека определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность всех ветвей власти. Это означает, что уголовное судопроизводство не может быть сведено лишь к формальному исполнению Уголовно-процессуального кодекса (далее - УПК РФ); каждое процессуальное решение должно оцениваться через призму его соответствия конституционным правам личности.

Уголовное судопроизводство по своей природе представляет собой сферу жёсткого конфликта между двумя фундаментальными конституционными ценностями: правом общества на безопасность и эффективное правосудие и неприкосновенностью основных прав и свобод личности. Применение мер уголовно-процессуального принуждения, таких как задержание, арест, обыск, выемка, контроль переговоров - неизбежно влечёт за собой ограничение этих прав [8, с. 20]. Однако российское право проводит чёткую границу между допустимыми, законными ограничениями и недопустимым произволом, который нарушает само ядро правового статуса личности. Ключевым критерием этой границы выступает принцип соразмерности и идея неприкосновенного ядра прав человека.

Все допустимые ограничения прав в уголовном процессе имеют единый конституционный фундамент - ч.3 ст. 55 КРФ. Она устанавливает три обязательных условия, при которых ограничение возможно: цель, форма и мера ограничения [5, с. 366].

1. Цель ограничения. Оно допускается только для защиты строго определённых, конституционно значимых ценностей: основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Именно цели защиты

прав других лиц, за частую потерпевших и общественной безопасности являются основным обоснованием применения мер.

2. Форма ограничения. Ограничение может быть введено только федеральным законом. В сфере уголовного судопроизводства таким законом является УПК РФ. Это исключает произвол исполнительной власти.

3. Мера ограничения. Оно должно быть соразмерным заявленной цели.

Ряд конституционных прав подлежат ограничению в ходе расследования, но только в строгом соответствии со ст. 55 КРФ и процедурой, установленной УПК РФ. Права, которые могут быть ограничены:

1. Ст. 22 «Свобода и личная неприкосновенность». Путем избрания заключение под стражу, домашний арест.

2. Ст. 25 «Неприкосновенность жилища». При обыске и выемке в жилище.

3. Ст. 23 «Тайна переписки, телефонных переговоров». При контроле и записи переговоров, наложении ареста на почтово-телеграфные отправления.

4. Ст. 35 «Право собственности». Путем наложения ареста на имущество.

5. Ст. 27 «Свобода передвижения». При подписке о невыезде и надлежащем поведении.

Существует группа прав, которые образуют абсолютное, незыблемое ядро правового статуса личности. Их ограничение невозможно даже по судебному решению и в условиях чрезвычайного положения, что прямо закреплено в ч. 3 ст. 56 КРФ. В контексте уголовного процесса это означает, что никакие меры принуждения не могут служить основанием для их нарушения. К таким права относятся: право на жизнь, достоинство личности, право не подвергаться обратной силе закона, презумпция невиновности, право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

Таким образом, система ограничения прав в уголовном процессе России строится на чёткой иерархии. Допустимые ограничения таких прав, как свобода, неприкосновенность жилища или тайна связи, жестко регламентированы: они требуют судебной санкции, соразмерности и преследуют строго определённые законом цели [4, с. 52]. Эти ограничения - вынужденная плата за функционирование системы правосудия.

Однако существует неприкосновенное ядро прав, например, на жизнь, достоинство, презумпция невиновности, право не свидетельствовать против себя, которое находится вне сферы какого-либо усмотрения. Эти права абсолютны и не подлежат балансировке. Их соблюдение - не техническая гарантия, а основополагающий принцип, отличающий правовое государство от «полицейского». Эффективность следствия никогда не может быть основанием для их нарушения, и любое подобное нарушение дискредитирует саму цель правосудия. Подлинная «оптимальность» достигается не тогда, когда ядро прав начинает размываться, а тогда, когда даже самые жёсткие меры принуждения применяются в безупречном соответствии с процедурой и при безусловном уважении к достоинству человека.

Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу представляет собой наиболее острый конфликт публичных интересов следствия и права

человека на свободу. Российское законодательство, с одной стороны, закрепляет исключительный характер этой меры, с другой - требует от суда ее применения лишь при наличии достаточных оснований и невозможности использования более мягкой альтернативы. Однако правоприменительная практика демонстрирует глубокий разрыв между задекларированными принципами и реальным положением дел, порождая системные проблемы и ставя под сомнение эффективность конституционных гарантий.

Другой проблемой выступает расширительное толкование исключительных обстоятельств. В пп. а, п.1, ч.1. ст.108 УПК РФ указано, что мера пресечения «заключение под стражу» в исключительных случаях может быть применена, к лицам, не имеющим места жительства или места пребывания на территории РФ [2]. В некоторых случаях данной нормой злоупотребляют, указывая как единственное основания, при том, что, у подозреваемого или обвиняемого действительно нет места регистрации, однако полно не устанавливают, имеет ли он место пребывания. Отсутствие у подозреваемого или обвиняемого регистрации по месту жительства или документов, удостоверяющих личность, часто трактуется следствием и судами первой инстанции как автоматическое основание для ареста по признаку «отсутствия места жительства» [7, с. 117]. Это является прямым нарушением принципа соразмерности и свободы передвижения, закрепленного в ст. 27 КРФ. Верховный Суд прямо указывает, что отсутствие регистрации само по себе не является достаточным основанием для заключения под стражу.

Следующей проблемой, связанной с нарушением конституционных прав – отказ в реализации права на защиту для скрывшегося обвиняемого. Так, например, дело гр. Манилова, обвиняемого в совершении мошенничества, объявленного в розыск и проживавшего в Израиле. Защитник гр. Манилова подал жалобу в суд на действия следователя, который ограничивает их конституционные права на защиту, закрепленные в ст. 45,46,48 КРФ. Артем Манилов был объявлен в розыск, в отношении него принято решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу заочно. Его обвиняют в мошенничестве и организации преступного сообщества по ч. 4 ст. 159 и ч. 1 ст. 210 УК РФ [3]. Утверждая, что он выехал в Израиль задолго до возбуждения уголовного дела, проживает легально там и от органа следствия не скрывается, Артем Манилов обратился через своего защитника к следователю с ходатайством о даче посредством видео-конференц-связи показаний по выдвинутому обвинению, текст которого он получил от своих защитников. Постановлением следователя в удовлетворении ходатайства было отказано.

Следует сказать, что УПК РФ не содержит правовых норм, ограничивающих возможность проведения допроса в отношении лиц, находящихся в федеральном или международном розыске, как и указаний на необходимость при проведении допроса посредством ВКС использовать национальное оборудование и программное обеспечение.

Ему и его защитнику было отказано в удовлетворении ходатайства о даче показаний по видеосвязи [9]. Конституционный Суд поддержал эту практику, указав, что скрывшийся обвиняемый сознательно ограничивает свои процессуальные права. Возникает правовая коллизия: с одной стороны, право

на защиту и представление доказательств, с другой - принцип очности судопроизводства, недопустимость уклонения от правосудия и нерешенный вопрос об использование технических средств. Это создает «правовой вакуум» для лиц, находящихся за границей.

Таким образом, можно сделать вывод о том поиск оптимального баланса между эффективностью следствия и защитой прав личности в российском уголовном процессе еще далек от завершения. Преодоление выявленных проблем требует не только дальнейшего совершенствования законодательства, но и, что важнее, системной работы по изменению правовой культуры и профессиональных установок всех участников уголовного судопроизводства.

Список использованных источников

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) (дата обращения: 04.12.2025).

3. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025)

4. Кондрат Иван Николаевич Общеправовые принципы ограничения прав человека в сфере уголовного судопроизводства // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2013. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschepravovye-printsipy-ogranicheniya-prav-cheloveka-v-sfere-ugolovnogo-sudoproizvodstva (дата обращения: 20.03.2026)

5. Мазур, Л. Г. Ограничение конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве при дознании / Л. Г. Мазур. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 15 (514). — С. 365-367. — URL: https://moluch.ru/archive/514/112766. (дата обращения: 01.04.2026)

6. Смитюшенко С. Н., Смитюшенко С. А. Обеспечение конституционных прав человека при применении мер пресечения в российском уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-konstitutsionnyh-prav-cheloveka-pri-primenenii-mer-presecheniya-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 04.04.2026)

7. Соломатина Аксинья Сергеевна, Малиненко Э. В. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ЗАЩИТА // Скиф. 2022. №1 (65). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-prava-i-svobody-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossiyskoy-federatsii-i-ih-zaschita-1 (дата обращения: 21.04.2026)

8. Шигурова Елена Ивановна, Шигуров Александр Викторович ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ // Социальные нормы и практики. 2022. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-problemy-realizatsii-garantiy-prav-cheloveka-pri-primenenii-mer-prinuzhdeniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 06.04.2026)

9. https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-prinyal-zhalobu-zhitelya-izrailya-na-nevozmozhnost-dat-pokazaniya-v-kachestve-obvinyaemogo-po-vks/ (дата обращения: 09.04.2026)

УДК 343.1

Серпилин Р. А.
магистрант 2 курса института магистратуры
и организации экспертной деятельности
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Савченко А. А.
к.ю.н., доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЯНИЙ

Аннотация. В представленной статье исследуются актуальные проблемы уголовно-правовой дефиниции коррупционных деяний. Особое внимание уделяется анализу недостатков законодательного определения коррупции и недостаточной определенности оценочных понятий.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, преступление коррупционного характера (направленности), оценочные понятия.

Serpilin R. A., Savchenko A. A.

ACTUAL PROBLEMS OF THE CRIMINAL LAW DEFINITION OF CORRUPTION ACTS

Annotation. The presented article examines the current problems of the criminal law definition of acts of corruption. Special attention is paid to the analysis of the shortcomings of the legislative definition of corruption and the lack of certainty of evaluative concepts.

Keywords: corruption, corruption crimes, corruption-related crimes, evaluative concepts.

Коррупция, включая коррупционные правонарушения, представляет собой транснациональный вызов современному обществу. Исходя из содержания Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», ее деструктивное влияние рассматривается Российским государством как угроза национальной безопасности России [1].

Принятие Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ)

ознаменовало появление в правовом поле России первого законодательного акта, системно регулирующего противодействие коррупции. Данный закон установил основные направления государственной антикоррупционной политики, определил сферу ее применения и закрепил официальную дефиницию «коррупции» [2].

В статье 1 Федерального закона № 273-ФЗ, используется следующее определение коррупции: «это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами», а также совершение указанных деяний «от имени или в интересах юридического лица» [2].

Проведенный анализ дефиниции позволяет отметить чрезмерно широкий подход законодателя, заключающийся в перечислении составов преступлений, весьма разнородных по своей криминологической сущности и признакам. Указанное обстоятельство послужило причиной возникновения разногласий в толковании его содержания.

Существенным недостатком законодательной регламентации является терминологическое несоответствие при перечислении коррупционных деяний. Статья 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает состав «злоупотребления должностными полномочиями», в то время как Федеральный закон № 273-ФЗ оперирует термином «злоупотребление служебным положением». При этом требование об идентичности содержания терминов, используемых в уголовном законодательстве, является бесспорным, и такая неточность создает предпосылки для неоднозначного правоприменения [2; 3].

Необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что действующее законодательное определение коррупции не в полной мере отражает всю совокупность преступлений коррупционной направленности. Данное обстоятельство может приводить к ситуациям, когда отдельные коррупционные деяния, формально не подпадающие под установленные законом критерии, требуют более широкого толкования. В связи с этим для обеспечения всестороннего охвата и адекватного противодействия коррупционным проявлениям возникает необходимость либо в расширении толкования, либо во внесении изменений в действующее законодательство [4, с. 43].

Актуальной проблемой правоприменения видится и неоднозначность толкования формулировки «иное незаконное использование служебного положения». С точки зрения грамматического подхода, действия, включенные в понятие коррупции, могут быть признаны преступными лишь в том случае, если они сопряжены с неправомерным использованием служебных полномочий. Ученые Н.В. Щедрин и Т.Я. Хабриева подчеркивают, что без наличия этого элемента, перечисленные в определении действия не могут быть отнесены к категории коррупционных преступлений. Их научная позиция

акцентирует внимание на юридическом и нормативном аспекте коррупции, где противоправность использования должностных полномочий является обязательным признаком [5, с. 16].

Необходимо, однако, подчеркнуть, что факт получения взятки, будучи несомненно актом коррупции, подразумевает совершение уполномоченным лицом деяний в интересах лица, передавшего взятку, которые относятся к его служебным обязанностям. Иными словами, речь идет о легитимном использовании своего служебного статуса с целью обретения незаконной материальной выгоды или иной пользы.

Правоприменительная практика иллюстрирует эту проблему. Так, в приговоре Ленинского районного суда города Воронежа № 1-146/2025 от 25 августа 2025 г. по делу № 1-146/2025, государственный регистратор, занимавший должность главного специалиста-эксперта отдела регистрации объектов недвижимости нежилого назначения и земельных участков Управления Росреестра по Воронежской области (назначенный приказом от ДД.ММ.ГГГГ №л/с), осознавая общественную опасность своих действий и предвидя возможность подрыва авторитета органов государственной власти, а также деформации правосознания граждан, вследствие чего формировалось бы представление о возможности удовлетворения личных интересов в обход установленного законом порядка, получив согласие на передачу взятки в сумме 250 000 рублей за совершение действий, входящих в ее компетенцию, осуществила государственный кадастровый учет нежилого здания с нарушением установленных законом сроков. В данном случае, реализуя корыстный умысел, должностное лицо совершило действия, формально соответствующие его полномочиям, но фактически направленные на удовлетворение личных интересов, путем получения неправомерного вознаграждения [6].

Буквальное прочтение действующего определения коррупции приводит к выводу, что описанная ситуация формально не охватывается составом коррупционного преступления. Подобное положение, вероятно, расходится как с изначальными намерениями законодателей, так и с нормами Уголовного кодекса РФ.

Особую трудность вызывает формулировка «иное незаконное использование физическим лицом своего служебного положения». Нечеткость и расплывчатость данной формулировки открывают простор для многозначных интерпретаций, непосредственно зависящих от позиции органов, применяющих закон. Исходя из этого, представляется важным отметить, что само определение коррупции содержит языковую конструкцию, которая, согласно статье 1 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», может рассматриваться как коррупциогенный фактор [7].

В целях предотвращения подобных коллизий представляется целесообразным исключить формулировку «незаконное» из законодательного определения. Эта поправка позволила бы акцентировать внимание на том, что коррупция может проявляться не только в действиях, выходящих за рамки служебных полномочий.

Неясным остается и субъектный состав коррупционного поведения, вытекающий из официального определения. Н. В. Щедрин справедливо указывает, что Федеральный закон № 273-ФЗ (ст. 1) фактически определяет субъектами только физических лиц, даже если деяния совершаются «от имени или в интересах юридических лиц» [5, с. 18].

Данное толкование фактически выводит юридических лиц из круга субъектов, способных совершать коррупционные преступления. Это находится в прямом противоречии со статьей 14 Федерального закона № 273-ФЗ, которая устанавливает ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения [3].

На основании указанного, целесообразным видится, продолжить работу по включению в круг субъектов коррупционного поведения юридических лиц.

Необходимым, при решении проблемы определения круга субъектов коррупционных преступлений, видится опираться на положения Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., ратифицированной Российской Федерацией Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» [8].

В соответствии со ст. 2 Конвенции ООН против коррупции под «публичным должностным лицом» понимается [8]:

1) любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица;

2) любое другое лицо, выполняющее публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника;

3) любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве государства-участника.

Исходя из представленного документа, ключевыми критериями для установления круга лиц, подверженных коррупции, выступают термины «публичность», «публичная функция» и «публичная услуга». В рамках российского правоведения, понятие «публичность» используется для обозначения тех, кто ведет деятельность, адресованную широкому кругу лиц, с целью удовлетворения фундаментальных общественных нужд и интересов, следуя принципу «общего блага».

Современный этап развития характеризуется тенденцией к активному делегированию государственных публичных функций негосударственному сектору, включающему как коммерческие, так и некоммерческие организации. Передача полномочий по решению государственных задач и предоставлению общественных услуг этим субъектам кардинально меняет само понятие публичного статуса. В связи с этой тенденцией круг лиц, обладающих публичным статусом, значительно расширяется, выходя

за традиционные рамки, которые ранее ограничивались исключительно государственными служащими и должностными лицами.

Учитывая изложенное, целесообразно дополнить Федеральный закон № 273-ФЗ понятием «лицо, обладающее публичным статусом», включив в статью 1 исчерпывающий перечень соответствующих субъектов. Такой перечень должен охватывать как физических, так и юридических лиц (организации) [2].

Аналогичная трактовка упомянутых терминов содержится в Модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятом 15 ноября 2003 г. Постановлением 22-15 на 22-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ [9].

Согласно ст. 2 указанного документа, «лица, имеющие публичный статус – лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие должностные или служебные обязанности в органах государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также лица, выполняющие управленческие функции в государственных и муниципальных предприятиях или в некоммерческих (в том числе иностранных и международных) организациях, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления или их учреждениями» [9].

Коррупцией, в представленном Модельном законе, определяется как подкуп (получение или дача взятки), любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг, льгот и (или) преимуществ, в том числе неимущественного характера)
как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу [9].

При детальном анализе определения коррупции, закрепленного в Федеральном законе № 273-ФЗ, обнаруживается его законодательно ограниченное смысловое содержание. Такая ограниченность обусловлена тем, что определение предмета коррупции как «получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, а равно имущественных прав» исключает из сферы понятия коррупционные деяния, связанные с получением неимущественных выгод, услуг и привилегий. Использование ограничительной формулировки «имущественный» необоснованно сужает рамки понимания коррупции, создавая потенциальный правовой пробел, который может препятствовать эффективному противодействию коррупционным преступлениям [2].

Оборот «вопреки законным интересам общества и государства» также вызывает сомнения в своей корректности. Российское уголовное законодательство в ряде своих норм либо не предусматривает обязательного наличия конфликта с этими интересами как элемента состава преступления (например, ст. 290, 291 УК РФ), либо акцентирует внимание на ущербе, нанесенном интересам конкретных юридических лиц (нормы главы 23 УК РФ).

Такой разрыв в законодательном регулировании затрудняет применение данного оборота и может привести к неверной квалификации деяний [3].

Рассматривая категорию «коррупционное преступление», стоит отметить, что оно уже широко интегрировано в научный и правовой дискурс. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит множество составов, классифицируемых как коррупционные, исходя из объекта посягательства. Однако, несмотря на это, четкого уголовно-правового определения данного понятия в российском законодательстве не закреплено.

Важно подчеркнуть, что в статье 14 УК РФ приводится всестороннее раскрытое понятия преступления, определяемого через совокупность признаков: общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость. Согласно разъяснениям, цитируемым в комментариях к Уголовному кодексу, «деяние – это обобщающий термин, обозначающий внешнее проявление общественно опасного поведения субъекта» [3].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что подход законодателя к раскрытию сущности «коррупционного преступления» носит не дефинитивный, а отсылочный характер: через описание признаков коррупционного поведения он фактически ориентирует правоприменительные органы на положения Особенной части УК РФ.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что коррупционное преступление представляет собой особую разновидность преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (а также службы в коммерческих и иных организациях), обладающую следующими квалифицирующими признаками:

1) специальный субъект и использование служебного положения (подчеркивается, что ключевым элементом состава преступления является использование субъектом своих властных или организационно-распорядительных полномочий);

2) корыстные мотивы и направленность на незаконное получение преимуществ (суть коррупционного преступления заключается в незаконном получении субъектом (лично или через посредника) материальных выгод (денег, ценных бумаг, иного имущества) либо услуг имущественного характера. Именно корыстная заинтересованность и стремление к противоправному обогащению за счет своего статуса определяют «коррупционную» природу деяния);

3) искажение целей государственной службы (преступное поведение субъекта направлено на использование полномочий вопреки интересам службы (выполнение или невыполнение действий в интересах дающего), что подрывает авторитет и законность деятельности органов власти, доверие общества к государственному аппарату и правосудию).

Подобная законодательная техника, при которой понятие раскрывается через функциональную направленность деяния, а не через жесткую правовую дефиницию, создает определенные риски. Кроме того, следует отметить, что в научном и практическом дискурсе наблюдается устойчивая тенденция к отождествлению понятий «коррупционное преступление» и «преступление коррупционной направленности (характера)». Такая унификация терминов,

обусловленная их широкой распространенностью, может свидетельствовать как о стремлении к упрощению, так и о размывании границ между этими категориями, что требует более четкого доктринального разграничения, внесения определенности в правоприменительную практику.

Отметим, что термин «коррупционные преступления» вполне имеет право на существование как уголовно-правовой инструмент, обобщающий группу преступлений, объединенных схожими признаками.

Представляется целесообразным закрепить в законодательстве определение понятия «коррупционное преступление». Под таковым следует понимать преднамеренное (умышленное), общественно опасное деяние, совершаемое с прямым умыслом, обусловленное корыстной или иной личной заинтересованностью субъектами, указанными в примечаниях к статьям 201 и 285 УК РФ, с использованием лицом своего должностного или служебного положения, позволяющего осуществлять функции распорядительного, административно-хозяйственного или иного характера, затрагивающие интересы государственных институтов, коммерческих организаций, общества или отдельных граждан, направленное на получение выгод, как материальных, так и нематериальных, для себя лично и (или) для третьих лиц.

Стоит отметить, что подобная трактовка коррупционного преступления уже предлагалась в проекте федерального закона № 292869-6. Данный законопроект, внесенный в Государственную Думу депутатом И. А. Яровой, ставил своей целью усилить меры противодействия коррупционным правонарушениям через более точное законодательное определение их признаков [10].

Резюмируя вышеуказанное, отметим, что сложная и во многом расплывчатая конструкция законодательного определения коррупции порождает целый ряд серьезных проблем. Недостаточная четкость дефиниции препятствует точному установлению ключевых элементов состава типичного коррупционного преступления, не позволяет сформулировать исчерпывающий перечень таких преступлений в действующем уголовном законодательстве России, а также затрудняет законодательное закрепление новых видов коррупционных преступлений. Более того, это обстоятельство искажает статистические данные и подрывает основы для системной и эффективной организации противодействия коррупционных преступлениях.

Список использованных источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 10.03.2026). – Текст : электронный.

2. Российская Федерация. Законы. «О противодействии коррупции»: [принят Государственной думой 19 декабря 2008 года: одобрен Советом Федерации 28 декабря 2008 года] от 25.12.2008 № 273-ФЗ. – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 10.03.2026). – Текст : электронный.

3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской

Федерации : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 05 июня 1996 года]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ / (дата обращения: 10.03.2026). – Текст : электронный.

4. Наумов, С. Ю. Комментарий к Федеральному закону «О противодействии коррупции» (постатейный) / С. Ю. Наумов, С. Е. Чаннов. – Саратов: Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, 2012. – 340 с.

5. Барабаш, О. В. «Коррупция» как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации: лингво-правовой анализ дефиниции / О. В. Барабаш, К. Б. Филиппов. – Политическая лингвистика, 2014. – №4. – С. 14-20.

6. Приговор Ленинского районного суда города Воронежа № 1-146/2025 от 25 августа 2025 г. по делу № 1-146/2025. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/7bGQAkH1EKLx/ (дата обращения: 15.03.2026). – Текст: электронный.

7. Российская Федерация. Законы. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»: [принят Государственной думой 3 июля 2009 года: одобрен Советом Федерации 7 июля 2009 года] от 17.07.2009 № 172-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/ (дата обращения: 10.03.2026). – Текст : электронный.

8. Российская Федерация. Законы. «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции»: [принят Государственной думой 17 февраля 2006 года : одобрен Советом Федерации 22 февраля 2006 года] от 08.03.2006 № 40-ФЗ – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59047/3d0cac60971a511280 (дата обращения: 10.03.2026). – Текст : электронный.

9. Модельный закон «О борьбе с коррупцией»: [принят на тринадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, постановлением № 13-4] от 3 апреля 1999 года. – URL: https://base.garant.ru/2569179/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640/ (дата обращения: 10.03.2026). – Текст : электронный.

10. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями»: проект Федерального закона № 292869-6. – Внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ И.А. Яровой. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 10.03.2026). – Текст : электронный.

УДК 343.91

Синельникова А. С.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования

«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Савченко А. А.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию разнообразных толкований термина «должностное лицо» в рамках уголовно-правовой сферы. Авторы изучают нормативные документы, которые вносят уточнения к первому примечанию статьи 285 действующего УК РФ. В публикации приводятся аргументы в пользу того, что функциональные обязанности как составная часть юридического положения «должностного лица» должны быть зафиксированы непосредственно в тексте УК РФ. Авторы полагают нецелесообразным определение данных функций через постановления Пленума ВС РФ. Проводится сравнительный анализ формулировок примечаний к статьям 285 и 318 УК РФ на предмет их согласованности. Исследователи приходят к выводу, что обнаруженные противоречия в правовом регулировании создают препятствия для единообразного толкования и применения норм уголовного права. Материал завершается формулированием выводов и практических рекомендаций. Эти предложения призваны стимулировать дальнейшую научную полемику между экспертами, работающими в указанной правовой области.

Ключевые слова: должностное лицо, представитель власти, противодействие коррупции, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции.

Sinelnikova A. S., Savchenko A. A.

AN OFFICIAL AS A SPECIAL SUBJECT OF CRIMES

Annotation. The article analyzes various interpretations of the concept of «official» in criminal legislation and regulatory acts containing additions to note 1 of Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article substantiates the need to consolidate functions as an element of the legal status of an official directly in the Criminal Code, and not in the decisions of the Plenum of the Supreme Court. The correspondence of the texts of the notes to Articles 285 and 318 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered. The identified legal conflicts, according to the authors, make it difficult to apply criminal legislation in a uniform manner. The article contains conclusions and suggestions aimed at developing

scientific discussion among experts in this field.

Keywords: official, government representative, anti-corruption, organizational, administrative and economic functions.

Юридический статус лиц, занимающих определённые должности, изучается в контексте различных правовых дисциплин. Однако лишь два направления законодательства содержат нормативно закреплённые характеристики этой группы участников правоотношений, а именно административное право и уголовное право. Следует подчеркнуть значительное расхождение между понятиями, которые используются в данных сферах правового регулирования. Смысловое содержание этих определений, равно как и их теоретические основания, существенно различаются между собой. Заслуживает внимания тот факт, что лица, занимающие должности, являются участниками противоправных действий коррупционного характера. Между тем специальная терминология не нашла своего закрепления в законодательных документах, направленных на противодействие коррупции. Подобное положение вещей характерно и для нормативных документов, которые устанавливают порядок осуществления гражданской государственной службы. В указанных правовых источниках специфические термины для идентификации рассматриваемой категории субъектов равным образом не представлены.

Необходимо отметить определённую практику судов по пересмотру юридической оценки противоправных действий лиц, нарушивших уголовно-правовые нормы. Периодически суды принимают решения о корректировке квалификации совершённых деяний. Зачастую происходит смена применяемых статей: вместо норм главы 30 УК РФ используются положения главы 23 УК РФ. Данная норма закрепляет санкции за деяния, направленные против законных интересов службы в коммерческих и иных организациях [5]. Вместе с тем в судебной практике встречаются ситуации принципиально иного рода. В основе подобных решений лежат просчёты, допускаемые при установлении наличия либо отсутствия квалифицирующих признаков, необходимых для признания лица носителем правового статуса должностного лица.

Законодатель в примечании 1 к ст. 285 УК РФ очерчивает перечень лиц, которые признаются должностными применительно к положениям главы 30 УК РФ. В указанную категорию включаются те, кто осуществляет функции «представителя власти» – причём независимо от того, носит ли такая деятельность постоянный или временный характер, либо обусловлена специальным поручением. Помимо этого, к должностным лицам относятся граждане, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в органах государственной власти и местного самоуправления. Данное положение распространяется на сотрудников, занимающих соответствующие позиции в рамках публичных структур различного уровня. Вместе с тем обозначенный круг субъектов не ограничивается лишь государственными и муниципальными органами. Законодательная конструкция охватывает также работников учреждений, фондов, государственных корпораций и компаний, унитарных предприятий, что существенно расширяет сферу применения соответствующих уголовно-

правовых норм. Дополнительно включены служащие хозяйственных обществ и акционерных компаний, находящихся под контролем Российской Федерации, её субъектов либо муниципалитетов (контроль может осуществляться напрямую или опосредованно посредством обладания свыше 50% голосов, через механизм назначения руководящего состава и другими способами). Помимо перечисленного, к «должностным лицам» относятся военнослужащие и работники иных воинских формирований РФ [5].

Ученый Б. В. Волженкин еще до того момента, когда начал действовать УК РФ, формулировал свое видение по вопросу установления круга лиц, которых следует признавать должностными с точки зрения уголовного законодательства. Его концепция предполагала необходимость отнесения к данной группе управленцев экономических структур при условии, что государственные органы владеют контролирующей долей в таких структурах. Имелись в виду те коммерческие образования, где государственная часть в уставном фонде составляла более пятидесяти процентов [1, с. 80].

Изначально примечание к статье 285 УК РФ содержало определение понятия должностного лица. Согласно данному положению, к числу должностных относились граждане, реализующие функции представителя власти на постоянной основе, в течение определённого временного периода либо на основании специального поручения. Наряду с этим аналогичный правовой статус присваивался лицам, осуществляющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. Сфера их профессиональной деятельности охватывала структуры государственной власти, органы местного самоуправления, а также государственные и муниципальные учреждения. Отдельную категорию в рамках данного перечня составляли военнослужащие Вооружённых Сил Российской Федерации, прочих войск и воинских формирований страны. С момента вступления Уголовного кодекса Российской Федерации в законную силу указанное примечание претерпело три редакции: соответствующие изменения вносились в 2007, 2015 и 2021 годах. Поправки, принятые в 2007 году, существенно расширили круг организаций и органов, в которых граждане обязаны осуществлять полномочия представителя власти либо исполнять организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции для того, чтобы быть признанными субъектами должностных преступлений. В частности, в данный перечень были включены государственные корпорации [6].

Законодательные изменения 2015 года добавили в данный список «государственные компании, государственные и муниципальные унитарные предприятия, акционерные общества, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям» [7].

Судебная практика по вопросу признания лица должностным оставалась противоречивой даже после внесения поправок в примечание к статье 285 УК РФ. Единый подход к определению должностного статуса так и не сложился. Первый кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 02.06.2021 № 77–1716/2021 не согласился с позицией Нижегородского областного суда, который апелляционным определением от 10 декабря 2020 года пересмотрел

приговор Московского районного суда города Нижнего Новгорода от 2 октября 2020 года в отношении гражданина С. По существу дела гражданин С., занимавший должность заместителя начальника цеха складского хозяйства в Публичном акционерном обществе и временно исполнявший обязанности начальника цеха, получил денежное вознаграждение в крупном размере за общее покровительство по службе и совершение противоправных действий. Апелляционная инстанция переквалифицировала его деяния с пункта «в» части 5 статьи 290 УК РФ на пункт «г» части 7 статьи 204 УК РФ, сославшись на статью 2 Устава ПАО, согласно которой общество является коммерческой организацией, осуществляющей предпринимательскую деятельность. Суд первой инстанции данное обстоятельство надлежащим образом не исследовал.

Вместе с тем суд кассационной инстанции акцентировал внимание на определённых фактических обстоятельствах дела. Судом апелляционной инстанции не были должным образом исследованы учредительные документы организации, а также материалы бухгалтерского учёта. Анализ указанной документации позволял установить следующее. Совет директоров «должностного лица» формируется из представителей топ-менеджмента данного акционерного общества. Помимо этого, апелляционная инстанция необоснованно пришла к выводу об отсутствии государственного участия в структуре капитала публичного акционерного общества. Однако именно документы, представленные в материалах дела и упомянутые в апелляционном определении, демонстрировали противоположную ситуацию. Государству принадлежал контрольный пакет акций публичного акционерного общества. При этом такое владение реализовывалось не напрямую, а через структуру акционерного общества. Приведённые факты подтверждают правильность выводов суда первой инстанции. Применение положений примечания первого к статье двести восемьдесят пятой Уголовного кодекса являлось обоснованным и законным. Данная правовая норма послужила основанием для признания правового статуса С. в качестве «должностного лица». Аналогичные расхождения в правовых позициях различных судебных инстанций встречались в практике многократно. Это было обусловлено законодательными изменениями двухтысячного пятнадцатого года. В тот период произошла трансформация подхода к интерпретации понятия «должностного лица» в контексте тридцатой главы уголовного законодательства [4].

В 2021 году примечание 1 получило новую редакцию. Это фактически привело к увеличению круга субъектов, которые признаются «должностными лицами» [8]. Законодателем были включены государственные внебюджетные фонды. Также добавлены публично-правовые компании. Кроме того, включены хозяйственные общества при определённых условиях. В высшем органе управления таких обществ Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование обладает правом прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов. Либо в таких организациях Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование обладает правом назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления.

Дополнительные уточнения были внесены в отношении акционерных обществ.

Актуальная редакция нормы охватывает организации, в которых государство, его региональные структуры или муниципальные органы располагают специальным инструментом влияния на корпоративные решения, именуемым золотой акцией. Здесь обращает на себя внимание один примечательный аспект. В настоящее время признание за сотрудниками статуса должностных лиц распространяется на тех из них, кто осуществляет организационно-распорядительные и (или) административно-хозяйственные полномочия в обществах с ограниченной ответственностью. Речь идёт о структурах, в рамках которых публично-правовые образования пользуются правами, предусмотренными соответствующим примечанием. Правовым основанием для подобного подхода служит норма п. 4 ст. 66 Гражданского кодекса РФ, относящая к числу хозяйственных обществ как акционерные общества, так и общества с ограниченной ответственностью. Принятие Федерального закона от 24.02.2021 № 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» было продиктовано необходимостью исполнения требований подпункта «а» пункта 37 Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378. Данный нормативный акт преследовал цель совершенствования законодательной базы в области противодействия коррупционным правонарушениям и устранения имевшихся в ней пробелов.

Невозможно отрицать то воздействие, которое рассматриваемые законодательные изменения оказали на формирование уголовной политики в стране. Сфера применения главы 30 УК РФ существенно расширилась, что само по себе предполагает необходимость тщательного изучения и всестороннего осмысления произошедших трансформаций. В этой связи закономерно возникает вопрос: действительно ли поправки, внесённые в примечание 1 к ст. 285 УК РФ, послужили совершенствованию уголовного законодательства и способствовали выработке единообразной судебной практики? Ответ на него требует взвешенного подхода. Наряду с этим следует принимать во внимание объективную потребность правоприменительных органов в более чёткой и однозначной законодательной трактовке понятия «должностного лица». Отсутствие достаточной определённости в данном вопросе порождает практические затруднения при квалификации деяний. Особую сложность представляет соотношение ч. 1 примечания к ст. 285 УК РФ и примечания к ст. 318 УК РФ. Второй из названных нормативных источников содержит дефиницию «представителя власти», которая одновременно фигурирует и в первом примечании. Вместе с тем законодатель намеренно разграничил области применения указанных терминов. Понятие «должностное лицо» распространяется исключительно на положения главы 30 УК РФ, тогда как термин «представитель власти» действует применительно ко всем статьям кодекса без исключения. Из данного разграничения логически вытекает вывод о том, что второй термин обладает значительно более широким содержанием как при его толковании, так и в процессе практического применения.

В документе Конституционного Суда Российской Федерации от

01.06.2010 № 885-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вихорева Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями примечаний к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с частью 1 статьи 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» содержится важное разъяснение. Суд пояснил следующее. Если специальный закон не причисляет определенное лицо к категории должностных, это вовсе не исключает возможности применения к нему ответственности согласно соответствующим нормам Уголовного кодекса. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» действительно не включает депутата представительного органа муниципального образования в перечень должностных лиц местного самоуправления (ст. 2, 40). Однако данное обстоятельство само по себе не препятствует квалификации такого депутата как должностного лица в контексте «п. 1 примечаний к ст. 285 и примечания к ст. 318 УК РФ» [3].

Вместе с тем в данном контексте обнаруживается определённая сложность юридико-технического характера. Примечание к статье 318 УК РФ раскрывает содержание понятия «представитель власти» следующим образом: под ним понимается должностное лицо правоохранительного либо контролирующего органа, а равно иное должностное лицо, которое в установленном законом порядке наделено распорядительными полномочиями применительно к лицам, не состоящим с ним в отношениях служебной подчинённости. Подобный подход законодателя порождает конструкцию, которую принято именовать «возвратным механизмом» или «двойной обратной отсылкой». Суть её состоит в следующем: для уяснения смысла одного термина правоприменитель вынужден обращаться к иной норме того же нормативного акта. Однако указанная норма, в свою очередь, вновь отсылает к исходной статье, замыкая тем самым круг взаимных ссылок. Такая законодательная конструкция не выдерживает критики с точки зрения правовой логики. Практическое следствие подобного решения весьма ощутимо: оно порождает серьёзные трудности при непосредственном применении соответствующих правовых норм и существенно осложняет их единообразное толкование.

Необходимо также уделить внимание определённым функциональным характеристикам, упомянутым в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Данные характеристики позволяют определить, является ли конкретное лицо должностным. Согласно действующему законодательству, к категории должностных относятся те лица, которые постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляют функции представителя власти либо выполняют организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции…» [1].

Если рассматривать вопрос с позиции базовых концепций правовой науки, можно выделить ряд составляющих, формирующих положение должностного лица. Основными компонентами, определяющими правовое положение такого субъекта, выступают права, обязанности, ответственность, полномочия. При этом функции и гарантии рассматриваются как

дополнительные составляющие.

Вместе с тем, А. Ф. Ноздрачев, проведя исследование нормативных актов, пришёл к заключению. По его мнению, структура статуса должностного лица включает следующие компоненты: функции, правомочия, гарантии реализации полномочий, ответственность [2].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» содержит толкование понятий организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций. Также в документе раскрываются функции представителя власти, упомянутые в примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Это способствует установлению судебными инстанциями надлежащего статуса лица, совершившего противоправное деяние.

Автор материала придерживается позиции, согласно которой нельзя считать корректным передачу полномочий по интерпретации фундаментальных правовых категорий в компетенцию судебных органов. Имеются в виду ключевые термины, включающие функции (организационно-распорядительные, административно-хозяйственные, функции представителя власти). Необходимо учитывать иерархию правовых актов. Уголовный кодекс РФ занимает более высокую ступень в системе нормативно-правового регулирования. Его юридическая сила превосходит силу постановления Пленума Верховного Суда РФ. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение при определении источника толкования базовых уголовно-правовых понятий. Последнее относится к категории правоприменительных документов.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным систематизировать и детализировать характеристики должностного лица в рамках единого примечания к статье 285 УК РФ. После определения самого термина должностного лица необходимо на законодательном уровне зафиксировать дефиницию «представителя власти». Далее требуется нормативное закрепление таких категорий как «организационно-распорядительных функций», «административно-хозяйственных функций» и «функций представителя власти». Принимая во внимание неизменность данных составляющих служебного положения на протяжении двадцати пяти лет, то есть с момента введения в действие действующего УК РФ до настоящего времени, подобная систематизация послужит улучшению качества уголовно-правового регулирования.

Создатели данного исследования представляют собственные рекомендации для рассмотрения специалистами из академической среды, а также судьями различных инстанций. Основная задача заключается в том, чтобы запустить профессиональный диалог относительно поднятой проблематики. Такой подход позволит привлечь внимание заинтересованных сторон к обозначенным темам и получить разностороннюю обратную связь от компетентных экспертов.

Список использованных источников

1. Волженкин Б. В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта

должностных преступлений // Советское государство и право. – 1991. – № 11. – С. 78-85.

2. Ноздрачев А. Ф. Государственная служба: учебник. – М.: Статус, 1999. – 591 с.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 № 885-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 № 77-1716/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 14.02.2026).

6. Федеральный закон от 01.12.2007 № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6079.

7. Федеральный закон от 13.07.2015 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 4391

8. Федеральный закон от 24.02.2021 № 16-ФЗ «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 9. – Ст. 1463.

УДК: 343.28/.29

Сипягин Н. А.

аспирант 2-го курса аспирантуры Российского государственного университета правосудия (РГУП) имени В.М. Лебедева, г.Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ОСОБЫЕ ПЕРИОДЫ

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблемам уголовно-политической целесообразности новых видов освобождения военнослужащих от уголовной ответственности и наказания. Автор приходит к выводу, что императивный характер механизмов освобождения, предусмотренных ст. 78^1 и 80^2 УК РФ, не позволяет в достаточной мере гарантировать утрату общественной опасности лицами, совершившими преступление (осуждёнными), что не соответствует задаче превенции преступлений. В качестве выхода из сложившейся ситуации предлагается привнести в указанные механизмы освобождения диспозитивные элементы, а именно обеспечить уполномоченных субъектов правом решать вопросы применения ч. 1 ст. 78^1 УК РФ, ч. 1 и 2 ст. 80^2 УК РФ в случае повторного совершения лицом преступления в период прохождения службы, а также наделить суд правом отмены условного освобождения от отбывания наказания по ч. 1 ст. 80^2 УК РФ в случае

совершения осуждённым нового преступления.

Ключевые слова: уголовно-политическая целесообразность, освобождение военнослужащих, императивный характер, диспозитивные элементы, превенция преступлений, особые периоды

N. A. Sipyagin

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LAW POLICY ON EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT OF MILITARY PERSONNEL IN SPECIAL PERIODS

Abstract. This article is devoted to the problems of criminal-political expediency of new types of release of military personnel from criminal liability and punishment. The author concludes that the imperative nature of the release mechanisms provided for in Art. 78¹ and Art. 80² of the Criminal Code of the Russian Federation does not sufficiently guarantee the loss of public danger by persons who have committed a crime (convicted persons), which does not serve the goal of crime prevention. As a solution, it is proposed to introduce discretionary elements into these release mechanisms, namely, to grant law enforcement officials the right to decide on the application of Part 1 of Art. 78¹, Parts 1 and 2 of Art. 80² of the Criminal Code, as well as to empower them to revoke conditional release from serving a sentence under Part 1 of Art. 80² in the event that the convicted person commits a new crime.

Keywords: criminal-political expediency, release of military personnel, imperative nature, discretionary elements, crime prevention, special periods

Как справедливо отметил И. Э. Звечаровский: «В период 2022–2025 гг. вполне объяснимо внимание российского законодателя было сосредоточено на должном и оперативном обеспечении правового регулирования вопросов, связанных с проведением специальной военной операции (СВО). Данное обстоятельство определяло и формы, и характер изменений и дополнений в большинстве отраслей отечественного законодательства, включая уголовное» [1, с. 10]. К числу указанных дополнений относятся нормы об освобождении от уголовной ответственности и наказания военнослужащих (ст. 78¹ и 80² УК РФ), направленные на стимулирование лиц, совершивших преступления (в том числе осуждённых), к прохождению военной службы в особые периоды.

О содержании политических мотивов законодателя можно судить из пояснительной записки к проекту Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Именно этим актом впервые устанавливались новые положения об освобождении военнослужащих (до их включения в УК РФ). В упомянутой записке указано, что разработанные изменения призваны обеспечить дополнительные возможности комплектования Вооружённых Сил Российской Федерации [2]. Нет сомнений, что и сегодня нормы, предусмотренные ст. 78¹ и 80² УК РФ, выполняют аналогичную функцию.

Между тем целесообразность уголовно-правовых решений зависит не столько от направления политической конъюнктуры, сколько от их

эффективности в выполнении собственно отраслевых задач. Последний критерий по определению должен быть приоритетным. Ярким подтверждением тому служит замечание А. А. Шишкова: «Несмотря на разные подходы к содержанию уголовной политики, почти все авторы отмечают, что целью уголовной политики является **принятие мер воздействия на преступность**» [3, с. 190]. Иными словами, не стоит использовать уголовно-правовые механизмы регулирования, если они не способствуют превенции преступлений (или противоречат этой задаче).

По данным официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, видно, что в первом полугодии 2025 года порядка 40% лиц, освобождённых от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 78[1] УК РФ, а также 80% осуждённых, досрочно освобождённых от отбывания наказания по ч. 2 ст. 80[2] УК РФ, привлекались (отбывали наказание) за тяжкие и особо тяжкие преступления [4]. В связи с этим следует особо внимательно отнестись к вопросу о правовой обоснованности применения новых оснований освобождения и выяснить, всегда ли можно с уверенностью констатировать полную или, по крайней мере, существенную утрату общественной опасности тех, кто освобождается по этим основаниям.

Разумеется, мы не ставим под сомнение значимость вклада в дело вооружённой защиты интересов государства, вносимого лицом (осуждённым), проходящим военную службу в особые периоды и рискующим собственной жизнью ради публичных интересов. Тем не менее, на наш взгляд, даже этот вклад не может приниматься как абсолютное подтверждение нецелесообразности реализации уголовной ответственности или дальнейшего применения наказания в его отношении. Представляется, что к проблеме всё-таки нужно подходить индивидуально.

Законодатель не счёл необходимым наделить правоприменителя дискреционными полномочиями для разрешения спорных ситуаций: уголовное дело в отношении подозреваемого (обвиняемого), желающего проходить военную службу в особые периоды, **должно быть приостановлено**, если он заключил соответствующий контракт с Вооружёнными силами и о его освобождении ходатайствует командование воинской части (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 и п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ). Впоследствии, если данное лицо выполняет одно из условий, указанных в ч. 1 ст. 78[1] УК РФ, **правоприменитель обязан полностью прекратить его уголовное преследование** (ч. 1 ст. 28.2 УПК РФ).

То же самое касается механизма освобождения осуждённого: сначала лицо **в императивном порядке освобождается от отбывания наказания условно** (ч. 1 ст. 80[2] УК РФ), затем, при наступлении необходимых условий, все уголовно-правовые последствия его осуждения — в первую очередь наказание — **прекращаются досрочно без каких-либо оговорок** (ч. 2 ст. 80[2] УК РФ, ч. 8 ст. 173 УИК РФ).

Сформировавшийся подход не позволяет, во-первых, достаточно полно оценить социальные характеристики лица (осуждённого), направляемого на военную службу в особые периоды, и, во-вторых, убедиться, что после её прохождения он перестанет представлять опасность для охраняемых законом общественных отношений. Следовательно, сохраняется риск попадания

общественно опасного субъекта в среду других военнослужащих, что в условиях ведения боевых действий может обернуться непредсказуемыми последствиями. Кроме того, подобная угроза имеет место и при попадании такого лица в среду гражданского населения (после освобождения).

Ситуация усугубляется тем, что в ходе прохождения службы лицо может совершить новое преступление, и даже это обстоятельство не всегда станет для него окончательным препятствием на пути к последующему освобождению по рассматриваемым основаниям.

Если командование воинской части по каким-либо причинам заинтересовано в его дальнейшем участии, оно может вновь обратиться с ходатайством о приостановлении уголовного дела, и вся процедура возобновится (неслучайно некоторые исследователи предлагают закрепить за командованием воинской части (учреждения) определённые процессуальные обязанности и признавать их субъектами данных отношений [5, с. 80]).

Более того, даже если дело дойдёт до суда и лицо всё же будет осуждено, то, помимо командования воинской части, никто не сможет воспрепятствовать ему отправиться для дальнейшего прохождения военной службы — уже в порядке условного освобождения от отбывания наказания.

Мало что в этом отношении меняет ч. 3 ст. 80^2 УК РФ, которой устанавливается: если в период прохождения военной службы лицо, освобождённое от наказания условно в соответствии с частью первой настоящей статьи, совершило новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ (совокупность приговоров). Дело в том, что ни УК РФ, ни УИК РФ не содержат положений, регламентирующих порядок отмены условного освобождения от отбывания наказания. Вдобавок, ч. 3 ст. 80^2 УК РФ предусматривает алгоритм действий суда только по отношению к лицу, оказавшемуся на скамье подсудимых (то есть к тому, кому новое наказание в принципе может быть назначено). В то же время в законе нет формальных ограничений для приостановления уголовного дела в отношении осуждённого, совершившего преступление в период условного освобождения, но уже по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ или по п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, с последующей перспективой его освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 78^1 УК РФ за вновь совершённое преступление (причём одновременно с досрочным освобождением от наказания по ч. 2 ст. 80^2 УК РФ).

Надо признать, что и наличие данной регламентации не сильно бы изменило ситуацию, поскольку осуждённый, которому назначено наказание в связи с применением ч. 3 ст. 80^2 УК РФ, не лишён возможности вновь быть освобождённым по ч. 1 ст. 80^2 УК РФ, если, конечно, иные условия такого освобождения будут соблюдены.

Изложенное выше свидетельствует о необходимости внесения в УК РФ изменений, предусматривающих право (а не обязанность) уполномоченных субъектов принимать решения об освобождении по ч. 1 ст. 78^1, ч. 1 и ч. 2 ст. 80^2 УК РФ в случае повторного совершения лицом преступления в период прохождения службы, а также право суда отменять условное освобождение от отбывания наказания в случае совершения лицом нового преступления в период прохождения военной службы, если это будет признано

целесообразным. Как справедливо отмечает А.Г. Кибальник, «указанные обстоятельства не могут являться пожизненной "индульгенцией"» [6, с. 140] . В противном случае достижение уголовно-политических целей в части предупреждения совершения новых преступлений при применении механизмов освобождения по ст. 78[1] и 80[2] УК РФ нельзя считать гарантированным.

Список использованных источников

1. Звечаровский И. Э. Актуальные проблемы уголовно-правовой политики в сфере стимулирования лиц, совершивших преступления, и осуждённых к прохождению военной службы в особые периоды // Lex Russica. — 2026. — Т. 79, № 3. — С. 9–16. — DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.009-016.

2. Пояснительная записка к законопроекту № 378326-8 «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/378326-8 (дата обращения: 17.02.2026).

3. Шишков А. А. Уголовная политика в контексте повышения правовых гарантий участникам специальной военной операции // Судебная экспертиза и исследования. — 2024. — № 4. — С. 185–192.

4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2025 года : формы № 10.2 «Отчёт об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел», разделы 1–2 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — URL: https://cdep.ru/index.php?id=79/.&item=9303 (дата обращения: 10.04.2026).

5. Нуриев И. Н., Тропина М. А. Проблемы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), привлекаемого для прохождения военной службы // Уголовное право. — 2025. — № 8. — С. 77–84.

6. Кибальник А. Г. Практика применения норм о «военных» видах освобождения от уголовной ответственности и наказания // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2025. — № 1. — С. 138–145. — URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80391294 (дата обращения: 05.03.2026).

УДК 343.214

Тесля А. И.
старший помощник прокурора Центрально-Городского района города Макеевки Донецкой Народной Республики, г. Макеевка

ПРОБЛЕМЫ МЕХАНИЗМА КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПРИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ПРЕВЫШЕНИЯ ЕЕ ПРЕДЕЛОВ

Аннотация. В статье проведено разграничение деяний, совершенных при обстоятельствах необходимой обороны, от деяний, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, по механизму квалификации.

Проанализированы теоретические и практические проблемные аспекты квалификации указанных деяний. Приведены типичные практические ситуации и варианты их квалификации по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение, пределы обороны, квалификация, механизм.

A. I. Teslia

PROBLEMS OF THE MECHANISM OF QUALIFICATION OF ACTS UNDER THE CIRCUMSTANCES OF NECESSARY DEFENSE AND EXCEEDING ITS LIMITS

Annotation. The article distinguishes acts committed under the circumstances of necessary defense from acts committed in excess of the limits of necessary defense, based on the mechanism of qualification. The article analyzes the theoretical and practical problematic aspects of the qualification of these acts. The article provides typical practical situations and their qualification options in relation to the issue under consideration.

Keywords: necessary defense, excess, limits of defense, qualification, mechanism.

Квалификация – точная оценка социально опасного действия, в результате чего можно сделать вывод о наличии или отсутствии состава преступления. Применяется после того, когда деяние уже совершено, вредные последствия уже наступили. Над квалификацией работают правоохранительные органы: дознание, следствие, суд.

Острым является вопрос о том, можно ли четко рассчитать, когда действие становится преступным, то есть когда поступок становится наказуемым преступлением. Вопросы соразмерности посягательства и обороны остаются нерешенными с точки зрения практического применения сотрудниками прокуратуры, правоохранительными органами и судьями.

В настоящее время вопросы окончательной квалификации акта как уголовного или не уголовного остаются в компетенции правоприменителей, где имеет место субъективный фактор.

Каждый вариант применения необходимой обороны уникальный и требует тщательного подхода, что вызывает существенные трудности при квалификации.

В деятельности правоохранителей при квалификации часто возникают подобные ситуации, когда обстоятельства оцениваются неправильно или устанавливается неверно механизм деяния, и, как следствие, действия оборонявшегося лица квалифицируются как превышение пределов необходимой обороны при очевидной необходимой обороне.

Например, во время ссоры потерпевший А., будучи в нетрезвом виде, угрожал применить насилие против обвиняемой Б. и, взяв нож со стола, начал размахивать им прямо перед лицом Б., причинив порез на её плече. После этого Б., воспользовавшись тем, что А. потерял координацию движений из-за

состояния алкогольного опьянения, забрала нож у А. и ударила А. лезвием ножа в область груди, причинив А. тяжкий вред здоровью, повлекший смерть А. В то же время, А. больше не совершал никаких активных действий.

Практика следует таким образом. В указанных обстоятельствах правоохранители полагают, что Б. выбрал способ защиты своей жизни и здоровья, явно не соответствующий характеру и степени общественной опасности нападения со стороны А. В конце концов, Б. понимала и осознавала, что возможность использования А. насилия, опасного для ее жизни, утрачена, но при этом Б. умышленно причинила смерть А., превысив пределы самообороны.

В случае, если А. вообще не причинил бы Б. резаную рану, действия Б. квалифицировались бы как умышленное убийство или причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности (в зависимости от обстоятельств и времени смерти А.).

До настоящего времени ведутся дебаты по этой ситуации. Тем не менее, оба мнения будут ошибочными, так как не учитываются положения уголовного закона о необходимой обороне и не дается надлежащая оценка всем обстоятельствам.

В чем заключается явность превышения пределов необходимой обороны? Превышаются ли пределы обороны, если в адрес Б. угрожали использованием ножа, нанесли травму плеча, А. находился в состоянии алкогольного опьянения, А. мужчина, а Б. женщина, Б. удалось вырвать нож только потому, что А. потерял координацию движений? Многие скажут, что в состоянии опьянения А., теряя координацию движений, не представлял угрозы для жизни Б. Тем не менее, следует помнить, что состояние опьянения является отягчающим обстоятельством и не может рассматриваться в пользу нападавшего А.

Таким образом, в приведенной модели необходимо установить необходимую оборону и прекратить уголовное преследование, поскольку превышения пределов нет, а правоприменители неправильно квалифицируют из-за субъективного фактора, не оценивая объективно обстоятельства и условия ситуации. Указанная позиция поддерживается также положениями Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [1].

Следует отметить, что обстоятельства необходимой обороны могут возникнуть у любого человека, но при условии, что человек действует как частное лицо, то есть как гражданин, на которого не возложена служебная обязанность защиты прав и интересов, охраняемых законом, путем возможности причинения ущерба нарушителелю этих прав (например, сотрудники органов внутренних дел) [2].

Кроме того, опасное общественное посягательство порождает право на необходимую оборону независимо от того было ли оно совершено умышленно или по неосторожности, или даже невиновно. Для квалификации деяния, как совершенного в состоянии необходимой обороны, достаточно, чтобы такое нападение причинило значительный ущерб или создало угрозу причинения

такого ущерба охраняемым законом интересам [2].

Следует отметить, что признание наличия превышения допустимых пределов необходимой обороны со стороны защиты не освобождает посягавшего от уголовной ответственности.

Кроме того, для соответствующей квалификации необходимо установить умысел (намерение) или его отсутствие у защищающегося на причинение тяжкого вреда здоровью или смерти посягавшему. Такое намерение может быть установлено путем допроса оборонявшегося, а также путем анализа ситуации и ее условий. В то же время пределы необходимой обороны будут превышены только в том случае, если защищавшийся знал, судя по обстоятельствам и жизненному опыту (косвенный умысел), что он причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения общественно опасного посягательства. Причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны по неосторожности не влечет за собой уголовной ответственности [3]. Поэтому позиция некоторых ученых о неосторожной форме вины в случае превышения пределов необходимой обороны несостоятельна. Законодатель также настаивает на умышленной форме вины в случае превышения пределов необходимой обороны, поскольку Уголовный кодекс устанавливает уголовную ответственность только за умышленное причинение смерти или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью посягавшему лицу при превышении пределов необходимой обороны.

Кроме того, необходимо обратить внимание на двойственное отношение государства к праву необходимой обороны. С одной стороны, законодатель установил такое право, запрета на его использование нет, с другой – не любая, а уголовная ответственность предусмотрена за превышение пределов этого субъективного права.

Следователь должен иметь в виду, что защищавшийся не успел подумать о своих дальнейших действиях и принять должное решение. Нападавшие, как правило, не имеют привычки заранее уведомлять своих жертв о предстоящих посягательствах на них. За очень короткий промежуток времени защищающемуся человеку необходимо проанализировать ряд обстоятельств и принять решение.

Обычному человеку очень сложно правильно и быстро проанализировать эти обстоятельства в особых условиях посягательства, а также принять соответствующее решение. А отсрочка принятия решения в некоторых случаях может стоить жизни и здоровья.

Можно с уверенностью утверждать, что для того, чтобы необходимая оборона имела положительный результат, она должна быть более эффективной, чем общественно опасное посягательство, что допускается уголовным законодательством.

Кроме того, не может наступить юридическая ответственность для человека в случае отказа от применения необходимой обороны, поскольку она является его правом, а не обязанностью. Также, после того, как гражданин совершает необходимый акт обороны, он не обязан сообщать об этом государственным органам или должностным лицам. Лицо может сделать такое заявление, если сочтет необходимым защитить свое право и надлежащим

образом способствовать раскрытию уголовного дела, возбужденному в связи с последствиями применения необходимой обороны. Ученый Баулин Ю.В. также придерживается этой позиции [4, с.115].

В случае, если нападение не было вынужденным (не было провокации преступления), необходимо установить, что лицо, которое оборонялось, осознавало реальность, наличность и действительность общественно опасного посягательства, могло объективно оценить обстоятельства и природу опасности, а также желало причинить ущерб лицу-агрессору только с целью самозащиты, а не с целью наказания за преступление.

Среди прочего, необходимо разъяснить также аспект неожиданного характера действий нападающего по отношению к лицу, находящемуся в состоянии обороны, по причине чего не могло объективно оценить обстоятельства и общественную опасность нападения. В этом случае учитываются место, время, способ и обстоятельства необходимой обороны. Таким образом, в соответствии с п. 4 Постановления от 27.09.2012 № 19 пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», нападение, совершенное ночью с проникновением в жилище, может быть признано неожиданным в случае, когда обороняющееся лицо не могло объективно оценить характер и степень опасности нападения из-за состояния испуга [1].

Также уделяется внимание осознанию защищавшимся необходимости причинения вреда здоровью в случае общественно опасного посягательства. В этом смысле ориентируются на заявления потерпевшей стороны и обвиняемого, на показания свидетелей, если таковые имеются. Однако можно ли с уверенностью утверждать наличие или отсутствие осознания и понимания необходимости причинения вреда только на основании слов? Конечно, нет.

Подитоживая вышеуказанное, считаю, что к наличию или отсутствию необходимой обороны необходимо подходить формально, поскольку бывают ситуации, когда оборонявшийся ошибочно предполагает, что существует посягательство, которое на самом деле отсутствует.

Существующие подходы и механизмы квалификации фактов, совершенных при обстоятельстве необходимой обороны, требуют совершенствования.

Таким образом, существуют значительные проблемы при квалификации актов при обстоятельстве необходимой обороны, что усложняет работу правоохранителей. Полагаю, что существующий субъективный подход к определению наличия необходимой обороны в действиях человека неверен. Существует острая необходимость в разработке единого механизма расчета наличия необходимой обороны в действиях лица. Возникает необходимость в использовании точных методов и новых алгоритмов для разграничения необходимой обороны от превышения ее пределов.

Список использованных источников

1 Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о

необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Текст: электронный. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8306/ (дата обращения: 12.04.2026).

2 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 т. Том 1. Общая часть / ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 316 с. — (Профессиональные комментарии). — ISBN 978-5-534-00044-3. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/index.php/bcode/584361 (дата обращения: 12.04.2026).

3 Якуньков М.А. Необходимая оборона: уголовно-правовая регламентация и ее совершенствование: автореферат дис. Кандидата юридических наук: 12.00.08/ Тюменский юридический институт. – Тюмень, 2005. Текст: электронный. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01002943128 (дата обращения: 02.04.2026).

4 Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. – Харьков: Основа, 1991. – 359 с.

УДК 343.221.5

Титов А. Н.
канд. юрид. наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела исследования
проблем экономической безопасности,
ГБУ «Институт экономических исследований»
г. Донецк

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Автором исследуются доктринальные подходы относительно возможности предусмотрения уголовной ответственности для юридических лиц. Рассматриваются аргументы «за» и «против» принятия такого решения с учетом современного состояния российского уголовного законодательства и соотношения с существующими реалиями.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическое лицо, субъект преступления, уголовное законодательство, организация, государственная регистрация.

Titov A. N.

ON THE QUESTION OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The author examines doctrinal approaches to the possibility of establishing criminal liability for legal entities. The pros and cons of such a decision are considered, taking into account the current state of Russian criminal legislation and its relationship with current realities.

Keywords: criminal liability, legal entity, subject of a crime, criminal

legislation, organization, state registration.

На современном этапе развития общества трудно переоценить значение объединения людей в различные группы и союзы для достижения общих целей. Как отмечал В.К. Бабаев, наряду с индивидуальными субъектами (физическими лицами), правосубъектность может быть присуща и организации. Вместе с тем, он подчеркивал, что организация как субъект права вступает в общественные отношения преимущественно в рамках хозяйственной и имущественной деятельности, имея статус юридического лица [1, с. 418]. Именно институт юридического лица позволяет легально регламентировать деятельность таких объединений.

Юридическое лицо, будучи не только социальным образованием, но и субъектом, наделенным определенными правами и обязанностями, должно нести ответственность по своим обязательствам, обусловленную сферой его правосубъектности. С момента законодательного закрепления административно-правовой и гражданско-правовой ответственности для юридических лиц, активно обсуждается вопрос о возможности их привлечения к уголовной ответственности. В связи с этим позиции исследователей в области права раскололись, сформировав два противоположных лагеря: противников и сторонников введения подобной ответственности в российском праве.

Представителей первой группы ученых, скептически относящихся к возможности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, мы условно обозначили как «противников». К числу таких исследователей относятся М.И. Бажанов, Г.Н. Борзенков, Л.Д. Кондрашова, Н.Е. Крылова, Н.Ф. Кузнецова.

Данные авторы выделяют следующие ключевые аргументы, обосновывающие невозможность применения к юридическим лицам уголовной ответственности в России:

1. Отсутствие вины как обязательного признака. Утверждается, что юридические лица не обладают субъективной стороной преступления, а следовательно, и виной – особым психическим отношением к совершаемому деянию и его последствиям. Н.Ф. Кузнецова, в частности, подчеркивает несовместимость принципов личной вины и ответственности с невиновной и коллективной ответственностью организаций. По ее мнению, отсутствие вины у юридического лица означает отсутствие состава преступления и, как следствие, оснований для уголовного преследования [2, с. 82]. В связи с этим предлагается «раздвоить» существующую систему уголовного законодательства. Н.Е. Крылова же предостерегает, что размывание форм вины при введении ответственности организаций может подорвать основы дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания, что противоречит принципу справедливости [3, с. 66].

2. Достаточность существующего гражданско-правового и административно-правового регулирования. Некоторые ученые полагают, что обширный арсенал средств, предусмотренный гражданским и административным законодательством для воздействия на юридических лиц, полностью удовлетворяет потребность в их юридической ответственности.

Ввод нового института в отрасль уголовного права, не приспособленную к данному виду субъекта, считается неоправданным [4, с. 47].

3. Возможность признания юридического лица орудием преступления и вещественным доказательством. Сторонники данной точки зрения настаивают на том, что юридическое лицо следует рассматривать как инструмент или средство совершения преступления, используемое физическим лицом. Аналогично тому, как нож используется для убийства или отмычка – для кражи, мошеннические действия осуществляются посредством использования юридического лица. Следовательно, юридическое лицо, по их мнению, должно признаваться вещественным доказательством в соответствии со статьей 81 УПК РФ [5, с. 42].

4. Нарушение принципа личной ответственности. Привлечение юридического лица к уголовной ответственности, согласно этой позиции, неизбежно затрагивает интересы всех его участников, включая тех, кто не имеет прямой причастности к преступлению, а также не осведомлен о противоправных действиях. Таким образом, вся организация несет наказание, даже если преступление совершено отдельным сотрудником, что игнорирует индивидуальный характер вины [6, с. 46].

Сторонники же, напротив, рассматривают необходимость внедрения уголовной ответственности для юридических лиц в России как актуальную задачу. К числу таких исследователей, представляющих различные научные школы, следует отнести Ю.А. Антонову, Б.В. Волженкина, Э.Н. Жевлакова, П.И. Карибова, С.Г. Келина, А.П. Козлова, Н.П. Мелешко, Р.В. Минина, А.В. Наумова, А.С. Никифорова, А.В. Федорова. Они выдвигают следующие ключевые аргументы в поддержку своей позиции:

1. Несостоятельность административной и гражданской ответственности в контексте повышенной общественной опасности. Сторонники данного подхода утверждают, что для эффективного сдерживания преступной деятельности организаций необходимы более действенные меры, чем те, что предусмотрены административным и гражданским правом. Подчеркивается, что несоразмерность административных и гражданских санкций содеянному организациями является значимой проблемой. По мнению ряда исследователей, граница между административными нарушениями и уголовными преступлениями оказывается весьма условной, поскольку такие факторы, как размер ущерба или способ совершения противоправного деяния, могут трансформировать административное правонарушение в уголовно наказуемое деяние, и наоборот [7, с. 11].

В.Н. Сизова указывает на существенный уголовно-правовой пробел в российском законодательстве, заключающийся в отсутствии четкой регламентации уголовной ответственности юридических лиц, несмотря на наличие такой возможности в смежных отраслях права [8, с. 525].

А.И. Коробеев выражает уверенность в органичном встраивании положений об ответственности юридических лиц в действующее уголовное законодательство, что, по его мнению, не противоречит целям и задачам современной уголовной политики России. Однако, он подчеркивает

необходимость тесной корреляции с гражданским и административным законодательством [9, с. 11].

С.Г. Келина и ряд других ученых отмечают, что существующие меры правовой ответственности для корпораций не всегда адекватны общественной опасности совершаемых ими нарушений [10, с. 53]. Более того, они указывают на то, что фактически весь груз ответственности за преступные действия зачастую ложится на физических лиц, что является системной проблемой.

2. Преимущества уголовного преследования в обеспечении всесторонности расследования: Сторонники введения уголовной ответственности подчеркивают, что уголовный процесс предоставляет более широкий спектр процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий, что крайне важно для всестороннего исследования сложных правонарушений. Производство по делам об административных правонарушениях, в отличие от уголовных, часто оказывается недостаточным для полного и объективного выяснения обстоятельств, обусловленного различиями в общественной опасности деяний.

Анализ следственно-судебной практики показывает, что административное преследование часто следует за привлечением к уголовной ответственности физических лиц. Это дает организациям возможность использовать временной лаг для уклонения от ответственности.

А.В. Федоров резонно ставит под сомнение возможность всесторонней и объективной оценки деяний юридического лица в условиях «упрощенного судебного рассмотрения» дел об административных правонарушениях [11, с. 9].

3. Международные обязательства как стимул для введения ответственности: Членство Российской Федерации в международных организациях и участие в международных договорах накладывает определенные обязательства, в том числе по введению уголовной ответственности юридических лиц. Статья 10 Конвенции ООН против транснациональной преступности обязывает государства принимать меры для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, связанных с организованной преступностью [12]. Положения международных документов, таких как Конвенция ООН против коррупции (ст. 26) [13], Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ст. 18) [14], и Конвенция ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц [15], прямо или косвенно указывают на необходимость такого шага. Рассмотренные международно-правовые акты настоятельно подталкивают к введению уголовной ответственности юридических лиц, особенно в сферах коррупции и транснациональной преступности, для соответствия международным соглашениям.

4. Диссонанс в возможности привлечения российских и иностранных организаций: Вызывает серьезные вопросы и воспринимается как несправедливость тот факт, что иностранные государственные органы способны привлекать к уголовной ответственности российские юридические лица, тогда как в России для них предусмотрена лишь административная ответственность [11, с. 10]. Подобная асимметрия, когда около 70 государств обладают правом привлекать к уголовной ответственности иностранные

организации, а Россия – нет, сильно подрывает паритет в международном правовом поле.

5. Формальное существование «уголовной ответственности» в отношении нелегальных организаций: Авторский подход заключается в том, что фактическое противоправное поведение, присущее законно функционирующим юридическим лицам, может наблюдаться и у нелегальных структур. Основное отличие заключается в отсутствии государственной регистрации и, как следствие, правосубъектности. Федеральный закон «О противодействии экстремисткой деятельности» [16] запрещает деятельность таких организаций, даже не обладающих статусом юридического лица, если их действия носят экстремистский характер. А.С. Никифоров акцентирует внимание на критической роли государственной регистрации для определения правового статуса и ответственности юридических лиц [17, с. 28].

Р.В. Минин, развивая эту мысль, считает, что уголовной ответственности подлежит только зарегистрированная организация. Он предлагает привлекать к уголовной ответственности участников экстремистских организаций, ссылаясь на Федеральный Закон «Об общественных объединениях» (ст. 41), как и физических лиц [2, с. 19].

Важно понимать, что отсутствие законодательно установленной регистрации юридического лица само по себе может стать инструментом для уклонения от ответственности за преступные деяния. Например, в статье 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» нелегальное осуществление банковской деятельности без регистрации является признаком преступления. Однако, следует учитывать, что не всякое нарушение правил регистрации влечет недействительность государственной регистрации. Умышленное нарушение правил регистрации при создании юридического лица зачастую маскирует основное преступление и выступает лишь способом его совершения, а в таких случаях лицо уже подлежит уголовной ответственности за преступление, совершенное посредством регистрации.

Таким образом, анализ аргументации сторонников и противников введения уголовной ответственности для юридических лиц безоговорочно выявляет отсутствие единого, консенсусного подхода к данному вопросу. Действующая практика привлечения корпораций к юридической ответственности, а также существующий инструментарий административно-правового и гражданско-правового регулирования, безусловно, служат весомым контраргументом для тех, кто скептически относится к включению соответствующих норм в российский уголовный закон.

Полемика, развернувшаяся вокруг этой темы, высвечивает целый ряд спорных моментов и потенциальных трудностей, которые неизбежно возникнут при попытке имплементации ответственности для организаций, учреждений и иных юридических субъектов. Синтез различных точек зрения подчеркивает сложность выработки системного решения.

Тем не менее, несмотря на эти объективные трудности, совокупность факторов, включающая в себя:

- Международные обязательства Российской Федерации, налагающие определенные требования в сфере борьбы с транснациональной и коррупционной преступностью;
- Положительный (а, зачастую, и негативный) зарубежный опыт применения уголовной ответственности для юридических лиц;
- Устойчивую тенденцию к росту числа организаций, чья деятельность на территории России признается противоправной или незаконной;

все же убедительно свидетельствует о реальной необходимости постепенного введения института уголовной ответственности для юридических лиц. Такой шаг видится не просто как формальное расширение правового поля, но как стратегический инструмент, способный обеспечить наиболее эффективное противодействие преступности как в масштабах Российской Федерации, так и в контексте международного сотрудничества. Это позволит создать более сбалансированную систему сдерживания и наказания, соответствующую современным вызовам правопорядка.

Список использованных источников

1. Теория государства и права / [Бабаев и др.]; под ред. В. К. Бабаева. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2019. - 578 с.
2. Кузнецова Н.Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса // Государство и право. - 1992. - № 6. - С. 78-86.
3. Крылова Н.Е. Концептуальные проблемы введения института уголовной ответственности юридического лица в Российской Федерации // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). - М.: Юрлитинформ, 2013. - С. 65-69.
4. Новое уголовное право. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. - М., 1996. - 168 с.
5. Курицына Е. Юридическое лицо как орудие преступления // Российская юстиция. - 2001. - № 2. - С. 42-43.
6. Клепицкий И.А. Уголовная ответственность корпораций: «за» и «против» // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.). - М.: Юрлитинформ, 2013. - С. 36-47.
7. Уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева. - М.: Норма, 2016. - 320 с.
8. Сизова В.Н. Концептуальные основы систематизации Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. - М., 2024. – 792 с.
9. Российское уголовное право. Т. 1: Понятие уголовного права. Механизм уголовно правового регулирования / под ред. Н. А. Лопашенко. - М.: Юрлитинформ, 2016. - 711 с.
10. Келина С.Г. Борьба с халатностью должностных лиц по советскому уголовному праву: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 1953. - 171 с.
11. Федоров А.В. Ответственность юридических лиц: уголовно-

правовые аспекты // Союз криминалистов и криминологов. - 2017. - № 14. - С. 8-10.

12. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи 15 ноября 2000 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2004. - № 40. - Ст. 3882.

13. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 26. - Ст. 2780.

14. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ETS N 173), Страсбург, 27 января 1999 г. // Бюллетень международных договоров. - 2009. - № 9.

15. О присоединении РФ к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: Федеральный закон от 01.02.2012 № 3 -ФЗ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/16996.html/ (дата обращения: 10.04.2026).

16. О противодействии экстремисткой деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://base.garant.ru/12127578/ (дата обращения: 10.04.2026).

17. Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. - 2. изд. - М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. - 202 с.

СЕКЦИЯ 2

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

УДК 343

Королева Е. В.
доцент кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева;
Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Астраханский филиал Саратовской государственной
юридической академии, город Астрахань
к.ю.н., доцент

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛЕЗНЫХ РАБОТ КАК КЛЮЧЕВОГО СРЕДСТВА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В статье исследуется роль общественно полезного труда как одного из ключевых средств исправления осужденных в системе уголовно-

исполнительного законодательства Российской Федерации. Анализируется нормативно-правовая база, выявляются системные проблемы привлечения осужденных к труду, рассматриваются международные стандарты. На основе проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию механизма трудовой адаптации осужденных.

Ключевые слова: общественно полезный труд, исправление осужденных, уголовно-исполнительное законодательство, ресоциализация, пенитенциарная система, трудовая адаптация.

E. V. Koroleva

ON SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF SOCIALLY USEFUL WORKS AS A KEY MEANS OF CORRECTING CONVICTS

Abstract. The article examines the role of socially useful work as one of the key means of correcting convicts in the system of penal enforcement legislation of the Russian Federation. The regulatory framework is analyzed, systemic problems of attracting convicts to labor are identified, and international standards are considered. Based on the conducted research, proposals are formulated to improve the mechanism of labor adaptation of convicts.

Keywords: socially useful work, correction of convicts, penal enforcement legislation, re-socialization, penitentiary system, labor adaptation.

Проблема исправления лиц, совершивших преступления, остается одной из наиболее значимых в современной уголовно-исполнительной политике государства. Согласно ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса РФ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений [7]. Достижение указанных целей невозможно без использования комплекса средств воздействия на личность осужденного, среди которых общественно полезный труд занимает особое место.

Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, проблемы привлечения осужденных к труду являются одними из наиболее актуальных в сфере исполнения лишения свободы. Во-вторых, напряженность обстановки в ряде исправительных учреждений предопределяется их критическим производственным и экономическим состоянием: в существующих рыночных отношениях финансирование исправительных колоний осуществляется на недостаточном уровне, наблюдается отсутствие оборотных средств, продолжается безработица среди осужденных. В-третьих, в условиях кадрового дефицита на рынке труда привлечение осужденных к труду может увеличить численность рабочей силы и компенсировать причиненный ущерб и затраченные государством на содержание осужденного.

При этом не только для государства, но и для осужденных общественно полезный труд представляет выгоду. Очень точно данный тезис отразил Константин Антонович Сыч: «Труд в системе исполнения наказаний является

одним из важнейших средств исправления осужденных. В большинстве случаев, естественно, кроме обязательных работ, он дает возможность иметь осужденным заработок, позволяющий покупать дополни тельные продукты питания и предметы первой необходимости, оказывать материальную помощь семье, погашать причиненный преступлением ущерб потерпевшим. Осужденные, занятые трудом, имеют позитивную жизненную перспективу, позволяющую сохранять профессиональную квалификацию, которая может быть использована после освобождения их от отбывания наказания» [6, С. 305].

Вышеизложенное предопределило выбор темы настоящей статьи, который обусловлен необходимостью переосмысления роли общественно полезного труда в пенитенциарной практике.

Правовое регулирование общественно полезного труда осужденных базируется на системе норм различного уровня – от международных актов до ведомственных нормативных документов.

Центральное место в нормативном регулировании занимает Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (далее – УИК РФ) [8]. Часть 1 ст. 9 УИК РФ определяет исправление осужденных как формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Уже из данной дефиниции следует, что отношение к труду является одним из ключевых индикаторов исправления.

Ч. 2 ст. 9 УИК РФ определяет в качестве основных средств исправления: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. При этом средства исправления осужденных применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения.

Обязанность трудиться конкретизируется в ст. 103 УИК РФ. Каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест. Данная норма носит императивный характер: осужденным запрещается прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов; отказ от работы или прекращение работы являются злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания и могут повлечь применение мер взыскания и материальную ответственность.

Вместе с тем законодатель в ч. 2 ст. 103 УИК РФ устанавливает границы трудовой обязанности. Осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, а также осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, привлекаются к труду по их желанию. Несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде.

Существенное значение имеет также ст. 106 УИК РФ. Осужденные к лишению свободы могут привлекаться без оплаты труда только к выполнению

работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. Под благоустройством понимается мелкий ремонт жилых и культурно-бытовых помещений (общежитий, клуба, библиотеки, школы и т.п.), оборудование спортивных площадок, уборка территории исправительного учреждения и ее озеленение.

Следует отметить, что производственная деятельность осужденных не должна препятствовать выполнению основной задачи исправительных учреждений – исправлению осужденных. При этом воспитательная цель труда первична по отношению к экономической.

Необходимо подчеркнуть, что общественно полезный труд как средство исправления осужденных имеет глубокую преемственность в отечественном праве. Еще Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г. определял основными средствами исправления: режим отбывания наказания, общественно полезный труд, политико-воспитательную работу, общеобразовательную и профессиональную подготовку [3]. Действующий УИК РФ воспринял данный подход, модернизировав его содержание с учетом современных реалий.

Общественно полезный труд осужденных выполняет комплекс взаимосвязанных функций – воспитательную, экономическую, дисциплинирующую и ресоциализационную.

Воспитательная роль труда состоит в том, что он предохраняет человека от деградации: он организует психику, интегрирует жизнедеятельность определенной целью, создает условия для полноценного межличностного общения. Данное положение представляется фундаментальным, поскольку длительное пребывание осужденного в условиях изоляции без продуктивной занятости неизбежно ведет к десоциализации и утрате адаптивных навыков.

Производительный труд в условиях исправительного учреждения при его правильной организации способствует физическому развитию и поддержанию здоровья осужденных, развивает различные свойства личности за счет повторения (тренировки), упражнения, обучения, формирует чувство взаимной трудовой ответственности. Помимо этого, труд имеет также сублимирующую (замещающую) функцию, отвлекая осужденных как от угнетающих мыслей, так и от различного рода антиобщественных действий.

Экономическое измерение также имеет существенное значение. Трудовая деятельность осужденных выступает в качестве важного средства воспитания, поддержания порядка и дисциплины в местах лишения свободы. Кроме того, в современных условиях труд осужденных позволяет нормально функционировать исправительному учреждению, обеспечивать потребности самих осужденных, помогать семьям, накопить необходимые средства для устройства после отбытия наказания.

Таким образом, труд является одним из средств исправления, восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения преступлений, представляя собой важное звено в повышении действенности наказания.

При этом отдельного внимания заслуживает вопрос о правовой природе труда осужденных. Привлечение лиц, осужденных к лишению свободы, к труду в период отбывания наказания не является трудовыми отношениями,

характеризующимися добровольностью труда и основанными на соглашении непосредственно между работником и работодателем. Поскольку общественно полезный труд как средство исправления и обязанность осужденных является одной из составляющих процесса отбывания наказания, их трудовые отношения с администрацией исправительного учреждения носят специфический характер.

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 24.03.2005 № 152-О также подтвердил данную позицию: «Привлечение осужденных в установленном законом порядке к такого рода работам не может расцениваться как произвольное возложение на них дополнительных обязанностей, поскольку, назначая осужденному наказание в виде лишения свободы, суд тем самым предопределяет необходимость и возможность использования в силу закона в качестве одного из основных средств исправления их привлечения к общественно полезному труду» [4].

Вместе с тем данная специфика не означает полного отсутствия трудовых гарантий. Законодатель в ч. 1 ст. 104 УИК РФ устанавливает, что продолжительность рабочего времени осужденных к лишению свободы, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. Тем самым реализуется принцип дуализма правового регулирования: организационные аспекты труда регламентируются уголовно-исполнительным законодательством, а технико-защитные – трудовым.

Несмотря на законодательное закрепление общественно полезного труда в качестве основного средства исправления, практика его реализации выявляет целый ряд системных проблем, препятствующих достижению заявленных целей.

Наиболее острой проблемой является недостаточная обеспеченность осужденных оплачиваемым трудом. На 2024 год, по информации Аркадия Александровича Гостева, – директора Федеральной службы исполнения наказаний, опубликованной в докладе Президенту Российской Федерации, более 91% спецконтингента трудоустроено [1]. При этом оставшаяся часть находится без оплачиваемой работы.

Причины этого носят комплексный характер: устаревшая материально-техническая база производственных объектов исправительных учреждений, отсутствие заказов и рынков сбыта продукции, недостаточное финансирование. В частности, как отмечает А.А. Гостев: «…подрядчики не выполняют свои задачи. Объем инвестиций в год – где-то 2,2 миллиарда. Это мало, конечно же, для такой огромной махины, как у нас…» [1]. Однако безработица, хотя и не в значительном количестве, до сих пор имеет место в практике уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Обеспечение трудовой занятости осужденных к лишению свободы – одна из важнейших социальных и правовых задач уголовно-исполнительной системы. В связи с этим возникает парадоксальная ситуация: закон обязывает осужденных трудиться и квалифицирует отказ от работы как злостное нарушение режима, однако государство зачастую не способно обеспечить реализацию данной обязанности ввиду отсутствия рабочих мест. Данное

противоречие подрывает саму концепцию труда как средства исправления: осужденный лишается возможности продемонстрировать позитивную динамику поведения через добросовестное отношение к труду, что в дальнейшем негативно влияет на решение вопросов об условно-досрочном освобождении.

Вторая проблема связана с качественными характеристиками предлагаемого осужденным труда. В значительной части исправительных учреждений осужденные привлекаются к неквалифицированному, монотонному труду, не связанному с приобретением востребованных на рынке профессиональных компетенций. За 2024 год общий объем оказанных услуг, выпущенной продукции превысил 47 миллиардов рублей, однако основной вектор трудовой деятельности, - легкая промышленность, заключающаяся в изготовлении формы для государственных структур [1].

Между тем международные стандарты в п. 71.4 Европейских Пенитенциарных правил прямо указывают, что «…предоставляемая работа, по мере возможности, должна быть такой, чтобы поддерживать или улучшать способности заключенного нормально зарабатывать себе на жизнь после освобождения [2].

Разрыв между содержанием труда в исправительном учреждении и требованиями современного рынка труда существенно снижает ресоциализационный потенциал данного средства исправления. Осужденный, освоивший в колонии лишь элементарные производственные операции, после освобождения оказывается неконкурентоспособным, что повышает риск рецидива.

Существенным шагом в направлении решения указанных проблем стало принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [9]. Положения нового закона, связанные с введением в России постпенитенциарной пробации, вступили в силу с 1 января 2025 года и предусматривают создание Центров пробации, которые будут работать, в том числе, и на профилактику рецидивов.

Институт пробации призван обеспечить преемственность между трудовой деятельностью осужденного в период отбывания наказания и его профессиональной реинтеграцией после освобождения. Пробация представляет собой комплексную помощь, которая предусматривает ресоциализацию и социальную адаптацию в общество осужденных. Однако на данном этапе механизмы взаимодействия между исправительными учреждениями, центрами пробации и работодателями остаются недостаточно отлажены.

Вместе с тем уже формируются положительные практики. Между ФСИН России и Федеральной службой по труду и занятости действует соглашение о сотрудничестве, которое предусматривает проведение совместных мероприятий по содействию в трудоустройстве осужденных граждан [5]. Сотрудники группы социальной защиты осужденных в любом исправительном учреждении могут размещать на портале «Работа России» резюме осужденных граждан и предлагать кандидатов для приема на работу работодателям.

На основании проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующий комплекс предложений, направленных на

повышение эффективности общественно полезного труда как средства исправления осужденных.

Во-первых, необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 103 УИК РФ, дополнив ее положением о том, что администрация исправительного учреждения при определении вида трудовой деятельности осужденного обязана учитывать перспективы его трудоустройства после освобождения. Предлагаемая формулировка: «Администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья, специальности, а также с учетом перспектив их трудоустройства после освобождения и потребностей регионального рынка труда». Данное дополнение придаст трудовой деятельности осужденных ресоциализационную направленность, закрепленную в качестве императивного требования.

Во-вторых, предлагается дополнить ст. 108 УИК РФ (профессиональное образование и профессиональное обучение осужденных к лишению свободы) нормой, обязывающей администрацию исправительного учреждения организовывать профессиональное обучение осужденных по специальностям, включенным в региональный перечень востребованных профессий, утверждаемый органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Указанный подход обеспечит корреляцию между содержанием труда и обучения в исправительном учреждении и реальными потребностями рынка труда.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

Общественно полезный труд, будучи одним из основных средств исправления осужденных, закрепленных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, выполняет комплексную функцию – воспитательную, экономическую, дисциплинирующую и ресоциализационную. Его значение определяется способностью формировать у осужденного устойчивые социально одобряемые модели поведения, профессиональные навыки и трудовую мотивацию.

Вместе с тем практика реализации данного средства исправления выявляет ряд системных проблем, к которым, в частности, относятся недостаточная обеспеченность осужденных оплачиваемой работой и нерелевантность предлагаемого труда потребностям рынка.

Ключевым направлением развития должно стать расширение практики привлечения к труду лиц, находящихся под стражей или отбывающих наказание, поскольку трудовая занятость способствует не только поддержанию порядка в колониях, но и социализации осужденных, подготовке их к освобождению и снижению рецидивов.

Сформулированные в настоящей статье предложения направлены на превращение общественно полезного труда из формальной обязанности в действенный инструмент ресоциализации. Только при условии системного реформирования организационно-правовых основ привлечения осужденных к труду данное средство исправления сможет в полной мере реализовать свой потенциал, способствуя снижению уровня рецидивной преступности и успешной реинтеграции осужденных в общество.

Список использованных источников

1. Встреча с директором ФСИН Аркадием Гостевым // Официальный сайт Администрации Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78617 (дата обращения: 12.04.2026);
2. Европейские Пенитенциарные правила R(87)3 от 12.02.1987 // Совет Европы и Россия. Сборник документов, М.: Издательство «Юридическая литература», 2004 год;
3. Исправительно - трудовой кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 18.12.1970) (ред. от 21.12.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1970. № 51. Ст. 1220;
4. Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2005 № 152-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Демко Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 12.04.2026);
5. Роструд и ФСИН России заключили соглашение о сотрудничестве // Единый портал Федеральной службы по труду и занятости. URL: https://rostrud.gov.ru/press_center/novosti/788984/ (дата обращения: 12.04.2026);
6. Сыч К. А. Теоретико-правовой взгляд профессора А. С. Михлина на общественно полезные работы в системе наказаний и практику их исполнения / К. А. Сыч // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28, № 2. С. 304-310;
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954;
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 13.01.1997. – № 2. – Ст. 198.
9. Федеральный закон от 06.02.2023 # 10-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.02.2023. – № 6. – Ст. 917.

УДК 343.8

Смирнов Л. Б.

докт. юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Северо-Западный институт управления) г. Санкт-Петербург

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МНОГОМЕРНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЖИМА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В представленной работе подвергается теоретико-правовому осмыслению институт пенитенциарного режима, рассматриваемый сквозь призму его функциональной многомерности. Автором делается вывод о необходимости поиска баланса между гуманизацией пенитенциарной практики и сохранением сущностных характеристик наказания как меры

государственного принуждения.

Ключевые слова: пенитенциарный режим, уголовно-исполнительное право, функции наказания, кара, исправление осужденных, ресоциализация, частная превенция, дифференциация условий содержания, безопасность в ИУ.

Smirnov L. B.

FUNCTIONAL MULTIDIMENSIONALITY OF THE PENITENTIARY REGIME: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. The presented work provides a theoretical and legal analysis of the institution of the penitentiary regime, which is viewed through the prism of its functional multidimensionality. The author concludes that it is necessary to find a balance between the humanization of penitentiary practice and the preservation of the essential characteristics of punishment as a measure of state coercion.

Keywords: penitentiary regime, criminal executive law, functions of punishment, punishment, correction of convicts, resocialization, private prevention, differentiation of conditions of detention, and security in penal institutions.

Пенитенциарный режим, будучи установленным законом порядком реализации лишения свободы, представляет собой один из наиболее сложных и внутренне противоречивых институтов уголовно-исполнительного права. Его многогранная природа не позволяет сводить содержание исключительно к совокупности запретов и правоограничений. Напротив, как справедливо отмечается в современной доктрине, сущность режима раскрывается именно через сложную, динамическую систему взаимосвязанных и зачастую разнонаправленных функций, которые в совокупности обеспечивают достижение целей наказания [1, с. 554].

Актуальность предпринятого исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, сохраняется теоретическая дискуссия относительно классификации функций режима и их иерархии [2, с. 35]. Во-вторых, правоприменительная практика сталкивается с трудностями реализации законодательных предписаний, вызванными как недостаточной конкретикой норм, так и сложностью учета специфики замкнутой социальной среды. В-третьих, поиск оптимального баланса между карательным и воспитательным воздействием, между изоляцией и гуманизацией остается ключевой проблемой современной уголовной политики. Целью настоящей статьи является системный теоретико-правовой анализ функциональной многомерности пенитенциарного режима и выявление основных направлений совершенствования данного института.

Обращение к историческому генезису категории «режим» показывает, что впервые она была легально закреплена в отечественном праве во Временной инструкции «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» 1918 года. Вместе с тем, как обоснованно указывает Д.В. Горбань, вплоть до принятия Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) законодательная дефиниция отсутствовала. Содержательное

наполнение института осуществлялось преимущественно на подзаконном уровне, например, в Положении об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах 1961 года [3, с. 34]. Данный факт во многом предопределил сохраняющуюся до сих пор терминологическую неопределенность и сложность разграничения собственно режима, условий отбывания наказания и средств его обеспечения.

В современном правопонимании доминирует подход, согласно которому режим имеет производный характер от сущности и целей наказания. Как подчеркивает С.А. Борсученко, именно в режимных требованиях материализуется кара, понимаемая как совокупность законодательно установленных и применяемых к осужденному правоограничений [4, с. 57]. Однако, помимо репрессивной составляющей, режим одновременно выступает инструментом обеспечения законности, гарантом защиты прав осужденных и необходимым условием для применения мер исправительного воздействия. Это порождает проблему двойственности, которая находит отражение в дискуссии о соотношении режима и средств его обеспечения. Так, В.Е. Южанин предлагает разграничивать сами элементы режима (изоляция, условия отбывания, порядок реализации прав) и внешние средства его обеспечения (охрана, надзор, меры безопасности и пресечения) [5, с. 146]. Отмечается, что легальное определение режима, содержащееся в ст. 82 УИК РФ, не включает прямое указание на карательную составляющую, что требует концептуального переосмысления.

В науке уголовно-исполнительного права сложились различные подходы к классификации функций режима. Наиболее распространенным и обоснованным представляется выделение следующих функциональных блоков.

Карательная функция рассматривается как имманентно присущая лишению свободы. Ее содержание образует система правоограничений, затрагивающих различные сферы жизни осужденного. В первую очередь это касается свободы передвижения, социальных связей (ограничение числа свиданий, посылок, передач, телефонных переговоров), выбора рода занятий. Важно подчеркнуть, что эти ограничения не являются тотальными и не вторгаются в базовые имущественные, семейные и трудовые права. Сохранение права на информацию и коммуникацию, как верно отмечается в литературе, снижает уровень изоляции и способствует ресоциализации.

Карательная функция реализуется через тотальную регламентацию поведения: обязательное соблюдение распорядка дня, выполнение законных требований администрации, запрет на совершение определенных действий. При этом, как справедливо указывается, администрация исправительного учреждения не «карает» в собственном смысле слова, а обеспечивает реализацию кары, заложенной в приговоре суда, создавая условия для претерпевания осужденным установленных лишений. Основной социально-психологический механизм кары заключается в демонстрации последствий преступления и формировании внутреннего убеждения в невыгодности противоправного поведения. Неотъемлемым требованием является соразмерность кары характеру и тяжести содеянного, а также недопустимость действий, унижающих человеческое достоинство.

Охранительная функция режима имеет сложный, многосубъектный характер. Она направлена на обеспечение безопасности как внутри учреждения, так и за его пределами. Ее содержание составляют: предотвращение побегов и иных правонарушений; недопущение и пресечение конфликтов между осужденными, а также посягательств на персонал; защита самих осужденных от насилия и угроз со стороны других заключенных. Правовую основу данной функции образуют нормы, закрепляющие право осужденных на личную безопасность (ст. 13 УИК РФ) и обязанность администрации по ее обеспечению.

Реализация охранительной функции предполагает дифференцированный подход к степени изоляции. Наиболее строгие условия, включающие покамерное содержание, усиленную охрану и надзор, созданы в тюрьмах и колониях особого режима. Наименьшая степень изоляции характерна для колоний-поселений, где осужденные пользуются относительной свободой передвижения в пределах учреждения. Механизмами реализации выступают постоянный надзор, оперативно-розыскная деятельность, инженерно-технические средства охраны, а также возможность введения режима особых условий в чрезвычайных ситуациях.

Регулятивная функция заключается в установлении и поддержании четкого, детерминированного порядка, охватывающего все аспекты жизнедеятельности осужденных: труд, учебу, отдых, межличностное общение. Она реализуется через двухуровневую систему дифференциации. Первый, статический уровень — это определение вида исправительного учреждения, что задает базовые параметры режима. Второй, динамический уровень — это изменение условий содержания в пределах одного учреждения (обычные, облегченные, строгие) в зависимости от поведения осужденного.

Регулятивная функция придает режиму свойства гибкого, мотивационного механизма. Перспектива изменения условий содержания (как в сторону смягчения, так и в сторону усиления правоограничений) выступает мощным стимулом к саморегуляции и правопослушному поведению. Применение строгих мер взыскания (водворение в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ) представляет собой временное, но существенное усиление карательного воздействия в рамках регулятивной функции. Таким образом, режим из статичного инструмента репрессии трансформируется в динамичный регулятор, поощряющий просоциальную активность.

Обеспечительная функция режима состоит в создании необходимых организационно-правовых и материально-бытовых предпосылок для реализации всех иных направлений деятельности исправительного учреждения. Речь идет об организации труда осужденных, профессионального обучения и общего образования, проведении воспитательной работы, функционировании самодеятельных организаций, взаимодействии с внешними общественными и религиозными объединениями.

При должной организации режима создается та «специально организованная внешняя среда», которая, воздействуя на психику осужденного, способна инициировать позитивные личностные изменения. Средства обеспечения (охрана, надзор) в данном контексте выступают не как самоцель, а

как базовое условие, позволяющее развернуть полноценную коррекционно-воспитательную работу. Без обеспечения фундаментального порядка и безопасности любые воспитательные мероприятия будут неэффективны.

Воспитательная функция носит интегративный характер, объединяя потенциал всех вышеперечисленных функций. Ее конечная цель — формирование у осужденного сознательной дисциплины, уважения к закону, нормам и правилам человеческого общежития, а также вытеснение криминальной субкультуры. Вынужденное, формальное соблюдение режимных требований с течением времени способно перерастать в привычку, а затем и во внутреннее убеждение.

В современной пенитенциарной педагогике разработана концепция педагогического потенциала режима как интегрального ресурса, включающего организационно-нормативные, содержательно-нормативные и ценностно-нормативные составляющие [6, с. 63]. Режим побуждает к формированию позитивных качеств (аккуратность, вежливость, ответственность) и одновременно препятствует проявлению негативных черт (сквернословие, агрессия, неуважение к окружающим). Воспитательный эффект достигается не только через принуждение, но и через создание условий для социально полезной активности.

Частнопредупредительная функция реализуется в двух аспектах. Во-первых, через создание объективных физических и организационных барьеров, делающих совершение новых преступлений в период отбывания наказания крайне затруднительным. Во-вторых, через субъективно-психологическое воздействие, призванное сформировать у осужденного устойчивый внутриличностный запрет на противоправное поведение. Однако эффективность последнего механизма снижается в отношении социально деградировавших лиц, для которых условия в исправительном учреждении могут субъективно восприниматься как приемлемые или даже предпочтительные по сравнению с жизнью на свободе. Данное обстоятельство, как справедливо отмечается в литературе, требует сохранения определенного уровня карательного содержания режима, способного причинять реальные страдания и осознаваться как утрата значимых благ.

Общепредупредительная функция обращена к неопределенному кругу лиц и реализуется через демонстрацию обществу неотвратимости и суровости уголовной репрессии. Интенсивность общепревентивного воздействия напрямую зависит от того, насколько условия содержания воспринимаются потенциальными правонарушителями как ощутимо репрессивные. Чрезмерная гуманизация режима, нивелирующая различия между условиями жизни на свободе и в местах лишения свободы, способна снизить общепревентивный потенциал наказания.

Анализ функциональной структуры режима был бы неполным без учета специфики социальной среды, в которой он реализуется. При использовании правового инструментария в среде заключенных следует проявлять особую осторожность, поскольку право здесь как регулятор наиболее уязвимо. Эффективность официальных правовых предписаний неизбежно корректируется действием иных социальных регуляторов: неформальных норм

(обычаев, традиций криминальной субкультуры), корпоративных правил, религиозных и моральных установок. Игнорирование этих факторов способно свести на нет любые законодательные новации.

В связи с этим важное значение приобретает вопрос о дифференциации условий содержания. Как отмечает А.В. Щербаков, данный процесс должен учитывать не только характер и степень общественной опасности преступления, но и поведение осужденного, его криминальный опыт, а также индивидуально-психологические особенности [7, с. 300-303]. Дальнейшее совершенствование пенитенциарного законодательства должно быть направлено на закрепление выработанных практикой критериев дифференциации и разработку четких, измеримых показателей исправления осужденных.

Проведенный теоретико-правовой анализ позволяет утверждать, что пенитенциарный режим представляет собой не просто совокупность запретов, а сложный, системный и полифункциональный институт. Его карательная, охранительная, регулятивная, обеспечительная, воспитательная и превентивные функции находятся в состоянии динамического равновесия и внутреннего противоречия. Соотношение этих функций варьируется в зависимости от типа учреждения, этапа отбывания наказания и индивидуальных особенностей осужденного.

Главным вызовом для современной уголовно-исполнительной политики остается поиск оптимального баланса между репрессивным началом, необходимым для реализации целей наказания и общей превенции, и коррекционно-воспитательной работой, ориентированной на ресоциализацию. Преодоление терминологических противоречий в законодательстве, учет неоднородности восприятия кары различными категориями осужденных, а также последовательная реализация прогрессивной системы изменения условий содержания являются необходимыми условиями повышения эффективности режима как многоцелевого инструмента. Совершенствование пенитенциарной системы должно быть направлено на выстраивание такого правового порядка, в котором все функциональные измерения режима работают синергично, подчиняясь конечной цели — возвращению в общество законопослушного гражданина.

Список использованных источников

1. Темирханов, М. А. Функции режима в исправительных учреждениях как реализация целей уголовного наказания // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 554-557.

2. Смирнов, Л. Б. Пенитенциарная система России: функции и перспективы развития // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2025. – № 1(57). – С. 35-46.

3. Горбань, Д. В. Проблемы режима исполнения (отбывания) уголовных наказаний и пути их решения: новые теоретические подходы // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 8(81). – С. 142-150. –

4. Борсученко, С. А. Режим исполнения (отбывания) наказаний и проблемы его законодательной регламентации // Мониторинг правоприменения. – 2016. – № 1(18). – С. 54-58.

5. Южанин, В. Е. Режимы отбывания и исполнения лишения свободы // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 1(46). – С. 121-126.

6. Панова О. Б. Педагогический потенциал режима как средства исправления осужденных // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 3 (63). С. 325–336.

7. Щербаков, А. В. Дифференциация условий содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности, совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7, № 3А. – С. 296-309.

СЕКЦИЯ 3

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА И ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ. ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.3/.7

Жээналиева А.О.
профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета КНУ им. Ж. Баласагына, г.Бишкек

Эвтаназия: преступление или нет

Аннотация. В статье приводится понятие эвтаназии в древнем мире и в современном мире. Проблема эвтаназии с точки зрения религии Ислам, что говорит Всевышний в священно Коране, и почему Ислам запрещает убийство и самоубийство. Также проблема эвтаназии точки зрения медицины, ее виды согласно мировой медицине, почему она иногда становится необходимой для облегчения бремени тяжелобольного человека.

Ключевые слова: эвтаназия, жизнь, смерть, тяжелая болезнь, пациент, врач.

Jeenalieva A. O.

Euthanasia: a crime or not

Abstract. The article presents the concept of euthanasia in the ancient world and in the modern world. The problem of euthanasia from the point of view of the religion of Islam, what the Almighty says in the Holy Quran, and why Islam prohibits murder and suicide. Also, the problem of euthanasia from the point of view of medicine, its types according to world medicine, and why it sometimes becomes necessary to relieve the burden of a seriously ill person.

Keywords: euthanasia, life, death, serious illness, patient, doctor.

Теперь иноходец шел к своему последнему финишу из последних сил. Никогда так медленно не шел он к финишу, и никогда так быстро не приближался к нему. Последняя черта все время была от него на расстоянии одного шага [1, с. 320].

Это отрезок из произведения писателя Ч.Айтматова «Гульсары», которое описывает финишную прямую последней гонки Гульсары под названием жизнь.

За всю историю своего существования человек находил жизнь одним из самых ценных вещей. Жизнь как ценность закреплена и в законах страны, и в международных договорах, участницей которых является Кыргызская Республика, даже Уголовный кодекс Кыргызской Республики начинается с главы «Преступления против жизни» [2, с. 260].

Согласно ст. 25 Конституции Кыргызской Республики, каждый имеет неотъемлемое право на жизнь. Посягательство на жизнь и здоровье человека недопустимо. Никто не может быть произвольно лишен жизни. Смертная казнь запрещается. Каждый имеет право защищать свою жизнь и здоровье, жизнь и здоровье других лиц от противоправных посягательств в пределах необходимой обороны [3, с. 64].

Ст.3 Всеобщей декларации прав человека говорит, что каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность [4].

Если жизнь настолько ценна, так, почему же она иногда становится невыносимым бременем, и почему же некоторые люди намеренно переступают полосу и лишают самих себя, или с помощью чужих рук, этой ценности?

Ст.123 Уголовного Кодекса Кыргызской Республики предусматривает такое преступление как убийство из сострадания (эвтаназия), за которое предусмотрено лишение свободы сроком до шести лет.

Законом Кыргызской Республики «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике», в ст.49 медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии - удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни.

Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Кыргызской Республики.

Согласно этому же закону, эвтаназия - добровольная, согласованная с врачом смерть неизлечимого больного с помощью специальных обезболивающих средств, в том числе прекращения искусственных мер по поддержанию жизни [5].

Этап формирования науки о понятии эвтаназии начинается с Древнего мира. Именно тогда было введено понятие эвтаназии как «благо» для человечества независимо от его безысходности. Платон и Сократ были убеждены, что убийство неизлечимых людей – самый верный путь решения проблемы. Аристотель же был с этим не согласен, считая эвтаназию убийством.

Философия древней жизни строилась на убеждениях о том, что жизнь человека принадлежит обществу, и он не вправе распоряжаться ей по-своему усмотрению. В античные времена не существовало понятия «личной свободы»,

и любое действие выносилось на общий суд. Любой вред, причиненный человеку, приравнивался к угрозе обществу. Этот период получил название «предписываемого самоубийства» [6, с. 352].

В современном обществе глобально развито такое мнение, что жизнь человека, как и смерть – личное дело каждого, которое не касается никого. В поддержку эвтаназии выступали такие философы как Рене Декарт и Мишель Монтень, против же выступал философ Вольтер.

Слово «эвтаназия» в переводе с греческого языка означает – спокойная или легкая (безболезненная) смерть. Впервые этот термин был введен английским философом Фрэнсисом Бэконом, по настоящее время его значение менялось неоднократно.

Теперь рассмотрим понятие эвтаназии с разных аспектов.

С точки зрения религии Ислам, Всевышний Аллах создал и дал нам жизнь, и вот что Он говорит в священном Коране в суре Ат-Тин в аяте 4: «Мы сотворили человека в прекраснейшем облике». Согласно толкованию Абу Адель: Аллах создал человека не как животных, у которых передняя часть обращена к земле, а создал ходящим стоя, придал ему рост, что он может доставать пищу руками, дал разум, речь, научил мудро управлять. Этим наделил Аллах человека, чтобы он был наместником (халифом) Аллаха на земле.

В суре Ан-Ниса в аяте 29 священного Корана говорится: «О те, которые уверовали! Не пожирайте своего имущества между собой незаконно, а только путем торговли по обоюдному вашему согласию. Не убивайте самих себя (друг друга), ведь Аллах милостив к вам». Согласно толкованию ас-Саади: Аллах запретил мусульманам убивать друг друга и убивать самих себя. Этот запрет распространяется и на создание угрозы для своей жизни и на совершение поступков, которые могут привести к увечьям или гибели. Аллах милостив к Своим рабам, и по милости Своей Он позаботился об их жизнях и имуществе, запретил им совершать поступки, которые могут навредить им или погубить их, и связал с этим принципом целый ряд религиозных ограничений. Поразмысли над лаконичностью предписания не пожирать своего имущества между собой незаконно и не убивать самих себя. Аллах запретил губить имущество других людей и свое собственное имущество, а также убивать других людей и покушаться на свою собственную жизнь, воспользовавшись для этого выражением, которое даже короче высказываний: «Не ешьте имущества друг друга! Не убивайте друг друга!» А ведь эти высказывания ограничиваются запретами покушаться на чужую собственность и жизнь других людей.

Из перевода смысла Корана становится очевидным, что эвтаназия как убийство – преступление, является прямым нарушением установленных законов Всевышнего Аллаха. Для мусульманина смерть такова, какой её посылает ему Аллах, в тот момент и таким образом, как это Ему угодно.

Оправдание смерти во избежание страданий не допускается. Для того, чтобы у тяжелобольного в муках и страданиях не возникало мыслей о совершении такого греха, он должен быть окружен заботой любимых и близких. Моральная поддержка близких, родственников и друзей поможет ему справиться с испытаниями такого рода.

Никто не знает, когда и как он умрет. И какие бы испытания ни выпали на долю верующего, он должен помнить о том, что все происходит по милости Всевышнего, и только Он один вправе решать, когда прервется жизнь его раба.

Эвтаназия с точки зрения медицины.

В медицинском плане утолить боль можно всегда. Развитие анальгетической фармакологии, и оптимальные условия её использования способствуют тому, что врач в наши дни более оснащён препаратами и владеет широким спектром методов работы. Утолить боль фармакологическим методом возможно, но одного этого недостаточно.

Большинство пациентов, чувствуют себя покинутыми не только врачом, а часто и родственниками. И как раз в такой момент приходит мысль об эвтаназии, просьба о которой, есть крик о помощи. Но сегодня находятся такие врачи, которые используют анальгетики в огромных дозах для того, чтобы под прикрытием обезболивания произвести настоящую эвтаназию. Более того, известны случаи, когда врачи формируют у больного мнение об эвтаназии как о единственно верном решении и выходе.

Известный юрист А.Кони, считал возможным допустить эвтаназию в медицинскую практику, при наличии и строгом соблюдении следующих условий:

– сознательные и устойчивые просьбы больного,

– невозможность облегчить страдания больного известными средствами,

– точная доказанность невозможности спасти жизнь больного и единогласное коллегиальное решение врачей об этом,

– предварительное уведомление органов прокуратуры [7, с. 198].

Также А.Кони в одном из своих выступлений называл типы самоубийств, «понятных с нравственной точки зрения». Он пишет: «Сюда же можно отнести редкие самоубийства, совершаемые в состоянии тяжкой неизлечимой болезни, мучительной для окружающих, ложащейся на них тяжким бременем, истощающим их трудовые и душевные силы. Тут руководящим мотивом является сознательный альтруизм».

В медицине существуют следующие виды эвтаназии:

1. Активная добровольная эвтаназия - это случай, когда врач вводит смертельную дозу лекарства пациенту, который явно запрашивает это.

2. Недобровольная эвтаназия относится к преднамеренному приему лекарств или другим вмешательствам, направленным на то, чтобы вызвать смерть, без осознанного согласия или явной просьбы. Недобровольная эвтаназия предполагает прекращение жизни психически недееспособного человека, который не осознает, что происходит, и не может попросить об этом, или вовлекает человека, который не желает этого.

3. Пассивная эвтаназия - это отказ от применения искусственных средств поддержания жизни или другого медицинского лечения, которое может продлить жизнь, и позволяет пациенту умереть. Это действие не рассматривается как преступное, поскольку врач следует пожеланиям пациентов, а чаще всего и ограничения, медицинского лечения.

Большая часть аргументов в пользу разрешения эвтаназии говорит, что люди сами должны определять, что для них значит хорошая и ценная жизнь, и

сами принимать решения о том, как реализовать себя в жизни, которая включает в себя и понятие хорошей смерти, так как общество признает право отказываться от медицинского лечения и прекращать жизнь, когда лечение не соответствует. То есть продолжение жизни для некоторых может причинить больше боли и страданий, чем смерть, долгий изнуряющий процесс заболевания или же неизлечимые болезни должны иметь конец, который можно вызвать с помощью врача должно быть законным.

Но есть одно, но, а что если они соглашаются на эвтаназию вынужденно, то есть чтобы облегчить бремя общества или избавить близких, семью, друзей от предполагаемых финансовых трудностей и эмоциональных переживаний, которым они могут подвергнуться в ходе лечения. Также имеются опасения, что официальное разрешение эвтаназии может приостановить создание более эффективных лекарств для лечения тяжелобольных, стать причиной недобросовестности, халатности и хладнокровности в оказании медицинской помощи.

Эвтаназия — один из наиболее острых и многослойных вопросов современного уголовного, медицинского и этико-правового дискурса. В условиях динамично меняющихся моральных ориентиров и ценностей современного общества, сохранение баланса между гуманизмом, правом на достойную жизнь и уголовно-правовой защитой человеческой жизни приобретает особую значимость.

Согласно Уголовному кодексу Кыргызской Республики 2025 года, жизнь человека охраняется как высшая социальная ценность. Уже в структуре кодекса это подчёркнуто тем, что преступления против жизни и здоровья личности вынесены в число первоочередных, а статья 126 УК КР прямо предусматривает уголовную ответственность за убийство, совершённое из сострадания (эвтаназия), с наказанием в виде лишения свободы на срок до шести лет.

В то же время в действующем Законе Кыргызской Республики «Об охране здоровья граждан» (ред. 2023 г.), в статье 49, чётко закреплён запрет на эвтаназию как на действия медицинского работника, направленные на ускорение смерти пациента, включая прекращение искусственных мер жизнеобеспечения. Такие действия рассматриваются как преступление, вне зависимости от мотивации или согласия больного, что ещё раз подтверждает приоритет охраны жизни в правовой системе Кыргызской Республики.

Сложность правового регулирования эвтаназии заключается в её двойственной природе: с одной стороны — сострадание и желание прекратить страдания неизлечимо больного, с другой — объективный юридический факт умышленного лишения жизни, пусть и с согласия потерпевшего. Такая дихотомия требует от правоприменителей глубокой профессиональной оценки не только правовых, но и медицинских, этических, психологических и религиозных факторов.

Анализируя зарубежный опыт, можно отметить, что в странах, где эвтаназия разрешена (например, Нидерланды, Бельгия, Канада), её легализация сопровождалась жёстким нормативным контролем, внедрением процедур прозрачности, многоступенчатого согласования и медицинской этики. Однако в

кыргызском контексте, с учётом ментальных, религиозных, социокультурных и правовых основ, такая либерализация является преждевременной и может создать опасные прецеденты в условиях ограниченной системы паллиативной помощи и медицинского контроля.

Вместо легализации эвтаназии усилия государства и общества должны быть направлены на развитие системы паллиативной помощи, совершенствование подходов к обезболиванию, психологической и духовной поддержке, обучение медицинского персонала навыкам коммуникации с пациентами в терминальной стадии заболеваний.

Также требуется дальнейшее совершенствование уголовного законодательства, касающегося преступлений, совершённых из сострадания, для исключения неоднозначности при квалификации. Целесообразно разработать разъяснения Пленума Верховного суда КР по применению статьи 126 УК КР, чтобы избежать произвольного толкования при рассмотрении дел о так называемой «добровольной смерти».

В условиях действующего правового поля Кыргызской Республики эвтаназия трактуется исключительно как преступление против жизни и здоровья человека. Однако практика применения уголовного закона требует не только формального следования букве закона, но и учёта человеческого измерения, глубины психоэмоционального состояния как пациента, так и лица, совершившего действия, повлекшие смерть.

Таким образом, эвтаназия как предмет уголовно-правового регулирования требует деликатного, комплексного и гуманного подхода. Приоритетом остаётся охрана жизни человека, но вместе с тем должны учитываться и потребности в обеспечении достойной смерти, лишённой страданий, унижений и отчаяния. Только в этом случае правовая система сможет отвечать как требованиям справедливости, так и вызовам современности.

Из вышеуказанного следует, что эвтаназия остаётся одной из наиболее дискуссионных тем современного права, медицины, этики и религии. Противоречие между состраданием и законом, между человеческим желанием прекратить страдания и юридическим запретом на лишение жизни делает данную проблему особенно сложной для однозначной оценки.

Действующее законодательство Кыргызской Республики однозначно квалифицирует эвтаназию как преступление против жизни. Так, статья 123 Уголовного кодекса предусматривает уголовную ответственность за убийство из сострадания, а статья 49 Закона «Об охране здоровья граждан» прямо запрещает медицинскому персоналу участие в эвтаназии. Тем самым государство подтверждает приоритет права на жизнь как высшей социальной ценности.

Однако в условиях развития гуманистических принципов уголовного права и медицинской этики становится очевидным, что к данной проблеме нельзя подходить исключительно с формально-юридических позиций. Эвтаназия затрагивает глубоко личные, духовные и нравственные стороны человеческого существования, а потому требует комплексного междисциплинарного подхода, учитывающего правовые, медицинские,

психологические и религиозные факторы.

Исходя из этого, усилия государства и общества должны быть направлены не на легализацию эвтаназии, а на совершенствование системы паллиативной помощи, обеспечение доступного обезболивания, психологической поддержки и достойного ухода за тяжело больными пациентами. Только в условиях развитой гуманистической медицины и уважения к человеческому достоинству можно говорить о подлинной защите права на жизнь.

Таким образом, эвтаназия в правовой системе Кыргызской Республики справедливо рассматривается как преступление, однако её существование как социального явления требует постоянного научного осмысления. Сочетание принципов гуманизма, морали и законности должно стать ключом к формированию сбалансированной политики государства, где жизнь человека остаётся высшей ценностью, а сострадание — важнейшей чертой правосудия и медицины.

Список использованных источников

1. Айтматов Ч. Прощай, Гульсары. — М.: Советский писатель, 1966. — 320 с.

2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики (в ред. от 2025 г.). — Бишкек: Республика, 2021. — 268 с.

3. Конституция Кыргызской Республики (в ред. от 2021 г.). — Бишкек: Республика, 2021. — 64 с.

4. Всеобщая декларация прав человека: Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. — ООН, 1948.

5. Закон Кыргызской Республики «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике» (в ред. от 2024 г.). — Бишкек: Республика, 2024.

6. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика: учебное пособие. — М.: Гардарики, 2000. — 352 с.

7. Кашапов Ф. А. Философские основания биоэтики. — Челябинск: Челябинский государственный университет, 2006. — 198 с.

УДК 343.91

Перенесенко В. Э.
старший преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права и криминалистики
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Катюха А. Я.
обучающаяся института правосудия и
организации деятельности службы судебных приставов
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Аннотация. Несмотря на обилие криминологических исследований, посвященных личности преступника, современные социальные трансформации порождают новые типы правонарушителей, то требует глубокого анализа сложившихся теоретических подходов. В статье рассматривается личность преступника как центральная категория криминологии. В результате предлагаются направления профилактики преступности. Статья будет интересна к изучению не только криминологам, сотрудникам правоохранительных органов и психологам, но и студентам юридических вузов.

Ключевые слова: личность преступника, генетика, социализация, семья, профилактика преступности.

Perenesenko V. E., Katyukha A.Ya.

TRANSFORMATION OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY

Review. Despite the abundance of criminological research devoted to criminal personality, contemporary social transformations are giving rise to new types of offenders, requiring a thorough analysis of established theoretical approaches. This article examines criminal personality as a central category in criminology. As a result, it proposes approaches to crime prevention. This article will be of interest not only to criminologists, law enforcement officers, and psychologists, but also to law students.

Keywords: criminal personality, genetics, socialization, family, crime prevention.

Проблематика, возникающая в связи с личностью преступника, неотделимая часть уголовно-правовых дисциплин в системе криминологического знания, поскольку, исследуя личность преступника, можно познать содержание преступности и сущность преступного поведения. Наши современники переживают стремительно изменяющееся общество, меняется не только состав преступности, но и сама личность правонарушителя. Цифровизация, распространение виртуальной коммуникации, рост социального неравенства, коренные экономические, политические и идеологические сдвиги – все эти факторы формируют новые криминогенные качества и мотивационные установки.

Термин «личность» обладает широким спектром значений. В наиболее общем смысле под личностью понимают целостного человека в единстве его социальных ролей. При изучении многогранности личности важно учитывать, что некорректное использование данного термина способствует подмене и смешению понятий [1, с. 368].

Мы считаем, что четкое терминологическое разграничение необходимо для того, чтобы личность преступника не «растворялась» в общем понятии личности, а сохраняла свои криминологически значимые признаки.

Тем не менее, общепризнанным следует считать определение, согласно которому личность преступника представляет собой совокупность социальных качеств, свойственных человеку, совершившему либо совершающему преступление, и отражающих его индивидуальные особенности [2, с. 512].

Формирование личности не является врождённым процессом – индивид обретает личностные качества исключительно в ходе социализации, что делает невозможным становление личности вне общественной среды. Таким образом, человек может стать преступником под влиянием негативных факторов окружающей среды [3, с. 188].

В то же время в криминологической доктрине существует альтернативный подход, акцентирующий внимание на биологической детерминации преступности. Эта концепция, зародившаяся в трудах Чезаре Ломброзо о врожденной предрасположенности личности к девиантным действиям, находит своих сторонников и в современной науке, где обосновывается влияние генетических факторов на формирование криминогенных наклонностей человека [4, с. 912].

Так, Иоганн Иоахим Ланге, изучая поведение близнецов, установил, что вероятность совершения преступления вторым однояйцевым близнецом достигает 77%, тогда как для разнояйцевых она составляет всего 11% [5, с. 800].

С. А. Медник обосновал необходимость учёта генетического влияния на преступность для повышения эффективности индивидуальной профилактики. Российские учёные, в частности Петр Меньшанов, выявили связь между малоактивными формами дофаминового рецептора (DRD4) и совершением «хладнокровных», продуманных жестоких преступлений, даже у лиц, воспитанных в нормальных социальных условиях [6, с. 45-52].

Одним из наиболее значимых современных открытий в этой области стало выявление роли так называемого «гена воина» (MAOA). В 1993 году нидерландские учёные обнаружили, что мутации в гене моноаминоксидазы А, отвечающем за расщепление серотонина, норадреналина и дофамина, коррелируют со склонностью к импульсивной агрессии. Дальнейшие исследования шведских учёных из Каролинского института с участием почти 1000 заключённых показали, что мутации в генах MAOA и CDH13 (кодирующем белок нервной адгезии) были выявлены практически у всех участников, причём у лиц, совершивших десять и более насильственных преступлений, эти мутации встречались наиболее часто. При этом, что особенно важно, носители этих генетических вариантов могли воспитываться в нормальных социальных условиях, что доказывает наличие врождённой, а не только приобретённой предрасположенности к жестокости [7, с. 352].

Практика также знает прецеденты, когда генетическая предрасположенность к агрессии официально признавалась смягчающим обстоятельством. В 2010 году апелляционный суд итальянского города Триест снизил наказание осуждённому за убийство с 9 до 8 лет лишения свободы.

Судья Эмилио Алессандрини принял во внимание результаты генетической экспертизы, выявившей у подсудимого низкоактивный вариант гена MAOA, который, как было доказано, связан с повышенной импульсивностью и агрессией в стрессовых ситуациях. Хотя приговор был сокращён лишь на один год, сам факт учёта генетической информации судебной инстанцией стал знаковым прецедентом, поставившим вопрос о том, насколько человек может контролировать поведение, предопределённое его биологией.

Учитывая весомость приведённых биологических аргументов, было бы глубоко ошибочным сводить формирование личности преступника исключительно к генетической предрасположенности. Даже самый «неблагоприятный» генотип – будь то низкоактивный вариант гена MAOA или мутация DRD4 – не является приговором. Генетические особенности создают лишь повышенный риск определённого поведения. «Ген воина» может оставаться «спящим» на протяжении всей жизни, если индивид с раннего детства находится в атмосфере эмоционального тепла, заботы и нравственного воспитания. И напротив, даже самая благополучная наследственность не убережёт от криминального будущего, если человек с первых лет сталкивается с жестокостью, отвержением или антиобщественными образцами поведения.

Личность преступника формируется под воздействием антиобщественных взглядов, а также специфического отношения как к внешней среде, так и к самому себе. Этот процесс, по сути являющийся социализацией, определяет становление моральных ценностей человека, а также ведущих мотивов поведения.

Процесс социализации личности не продолжается всю жизнь. Он охватывает лишь тот период, который необходим для усвоения комплекса норм, ролей, установок и иных социальных регуляторов, достаточных для становления индивида в качестве полноценной личности. В связи с этим различают первичную социализацию (период детства), промежуточную социализацию (фазу перехода от юношеского к зрелому возрасту, примерно 18–25 лет) и, наконец, социализацию зрелости, которая охватывает оставшуюся часть жизни [8, с. 112-128].

Первичная социализация имеет первостепенное значение для формирования личности. В этот период ребенок, зачастую неосознанно, усваивает модели поведения, реакции и манеры старших (как правило, родителей). Психологические исследования личности преступника демонстрируют, что во взрослой жизни человек нередко воспроизводит поведенческие паттерны, сформировавшиеся в его психике на раннем этапе социализации. Так, склонность к силовому разрешению конфликтов может быть прямым следствием наблюдения за аналогичными действиями родителей.

Степень подражания поведению родителей или других старших членов семьи напрямую зависит от их внутрисемейных эмоциональных отношений. Благоприятные, теплые контакты способствуют высокой вероятности подражания, в то время как их отсутствие снижает этот показатель. При этом особую значимость приобретает влияние социальной среды вне семьи, особенно в случаях, когда отношения внутри семьи конфликтные или деструктивные [9, с. 205–209].

Недостатки первичной социализации в родительской семье обладают криминогенным потенциалом, прежде всего из-за того, что ребенок не в полной мере усваивает социальные нормы и находится в полной зависимости от старших, что делает его уязвимым. Именно поэтому проблемы семейного воспитания и формирования личности находятся в центре внимания криминологов. Семья рассматривается как основополагающее звено причинно-следственной цепи, которая впоследствии может привести к совершению преступления.

Несмотря на обширную исследовательскую базу, посвященную семьям правонарушителей, основная информация по-прежнему относится к социологическим и социально-демографическим аспектам. К ним относится информация о структуре семьи, внутрисемейных отношениях, культурном уровне родителей, а также об эпизодах аморального или противоправного поведения родителей или их родственников. Учитывая современные достижения криминологии и актуальные запросы правоохранительных органов, такого рода информации недостаточно для всестороннего объяснения генезиса преступного поведения [10, с. 210].

Условия жизни ребенка напрямую не определяют его психическое и нравственное развитие. В одной и той же среде могут формироваться самые разные личностные качества, что обусловлено, прежде всего, характером взаимодействия человека со средой. Влияние внешней среды опосредуется уже имеющимися психологическими свойствами ребенка и его генетическими особенностями. Так, в семьях с прочными, теплыми эмоциональными связями и уважительным отношением к детям активно развиваются коллективизм, доброжелательность, эмпатия, самостоятельность и умение конструктивно разрешать конфликты, что способствует коммуникабельности и высокому статусу в группе сверстников. Напротив, недостаток тепла, ласки и заботы замедляет личностное развитие, а даже незначительное отсутствие внимания и общения может вызвать у детей эмоциональный голод и личностную инфантильность.

Стоит отметить, что отчуждение родителей – не единственный фактор, способствующий формированию личности преступника. Механизм может быть иным: наличие эмоциональных связей с родителями не исключает того, что они сами демонстрируют пренебрежение моральными и правовыми нормами (например, систематическое пьянство, хулиганство и т. д.). Подросток легко усваивает эти модели поведения, а также соответствующие им взгляды и представления, встраивает их в свою психологию, что в дальнейшем стимулирует его собственные девиантные поступки [11, с. 45–52].

Уголовный потенциал личности может быть обусловлен и недостатками семейного воспитания, при котором отсутствуют теплые эмоциональные отношения и целенаправленное нравственное развитие. В таких случаях забота ограничивается удовлетворением исключительно материальных потребностей ребенка, при этом его не приучают к выполнению элементарных обязанностей перед другими людьми и соблюдению нравственных норм. По сути, такая ситуация явно демонстрирует равнодушие к формированию личности ребенка.

Недостаток родительской заботы и внимания может проявляться как в явных, так и в скрытых формах. К явным формам относятся физическое насилие, жестокое обращение, пренебрежение базовыми потребностями ребенка и систематическое игнорирование, что наносит глубокую психологическую травму. Скрытая форма отвержения характеризуется эмоциональной отчужденностью: в таких семьях общение между родителями и детьми носит формальный, «нейтральный» характер, при котором члены семьи не интересуются жизнью друг друга. Подобные отношения сложно выявить, поскольку зачастую они неосознанно скрываются как родителями, так и самими детьми [12, с. 78–86].

Результатом эмоционального отвержения, недостатка родительской заботы и отсутствия поддерживающей среды становится формирование у ребенка психоэмоциональных деформаций. На бессознательном уровне у человека появляется хроническая тревожность и восприятие социума как враждебной, агрессивной среды. В дальнейшем, при недостатке корректирующего воспитания или под воздействием деструктивных внешних стимулов, указанные психологические свойства трансформируются в устойчивые поведенческие установки и закрепляются в учебных, трудовых и других коллективах [13, с. 112–118].

Значительное влияние на формирование личности подростка оказывает неформальное социальное окружение, особенно группы сверстников. Антисоциальные объединения, как правило, представляют собой группу лиц юношеского возраста, переживших отвержение со стороны семьи. Быстрота формирования сплоченности в таких группах объясняется высокой ценностью, которую участники представляют друг для друга. Общество приобретает функции «суррогатной семьи» или «коллективного родителя», компенсируя дефицит внутрисемейных отношений [14, с. 55–62].

Таким образом, личность преступника выступает как комплексный, многоуровневый феномен, обусловленный взаимодействием биологических и социальных факторов. Обзор научной литературы показывает, что помимо традиционной социологической теории, существуют убедительные аргументы в пользу существования генетической предрасположенности к противоправному поведению.

В то же время подавление или, наоборот, развитие генетической предрасположенности в значительной степени зависят от условий воспитания. Семья как ключевое звено социализации влияет на развитие не столько через материальное благополучие, сколько через характер эмоциональных отношений с ребенком. Именно степень эмоционального принятия или отвержения, наличие или отсутствие теплой привязанности формируют фундаментальные психологические качества (тревожность, эмпатию, враждебность). Впоследствии под влиянием неформального окружения, эти качества могут трансформироваться в криминогенные [14, с. 33-41].

Изложенное выше позволяет констатировать, что личность преступника представляет собой сложный, многофакторный феномен, детерминированный как биологическими предпосылками (генетическая предрасположенность,

нейрофизиологические особенности), так и, в решающей степени, социальными условиями, среди которых ключевое значение имеют характер эмоциональных отношений в семье, качество первичной социализации и влияние неформального окружения. Именно признание этой сложности, а также недостаточность традиционных социологических подходов, фокусирующихся лишь на демографических и структурных характеристиках семей «группы риска», подводят к необходимости выработки принципиально иных, более глубоких способов противодействия формированию криминогенной личности. В связи с этим встаёт вопрос о комплексе мер, которые должны быть направлены не столько на посткриминальное реагирование, сколько на раннюю диагностику эмоционального неблагополучия в детско-родительских отношениях, коррекцию воспитательных практик, интеграцию биосоциального подхода в правоприменительную деятельность и целенаправленное развитие у детей эмпатии и навыков конструктивного разрешения конфликтов.

Таким образом, наиболее продуктивным является биосоциальный подход. Согласно ему, биология задаёт лишь определённые рамки, но вот станет ли человек законопослушным гражданином или преступником – зависит, прежде всего, от воспитания в семье.

В связи с вышесказанным, теоретикам рекомендуется разработать методики ранней диагностики эмоционального отвержения в семье, а также провести междисциплинарные исследования на стыке криминологии, генетики и возрастной психологии.

Кроме того, необходимо внедрить в деятельность органов опеки и школьных психологов обязательную оценку детско-родительских отношений, организовать для сотрудников ПДН курсы по распознаванию признаков эмоциональной депривации у детей, а также разработать в образовательных учреждениях программы по развитию эмпатии и навыков разрешения конфликтов, начиная с дошкольного возраста. Только реализация указанных теоретических и практических мер позволит снизить риск формирования криминогенной личности в современном обществе.

Список использованных источников

1. Антонян, Ю. М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – Москва: ИНФРА-М, 2025. – 368 с.

2. Антонян, Ю. М. Криминология: учебник для бакалавров / Ю. М. Антонян, Г. В. Дашков, В. Н. Кудрявцев; под редакцией В. Н. Кудрявцева. – Москва: Юристъ, 2023. – 512 с.

3. Кудрявцев, В. Н. Лекции по криминологии: учебное пособие / В. Н. Кудрявцев. – Москва: ИНФРА-М, 2026. – 188 с.

4. Долгова, А. И. Криминология: учебник для вузов / А. И. Долгова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2008. – 912 с.

5. Криминология: учебник / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов, Ю. М. Антонян; под редакцией В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 800 с.

6. Меньшанов, П. Н. Генетические маркеры агрессивного поведения: роль малоактивных форм дофаминового рецептора DRD4 / П. Н. Меньшанов, Е. В. Черепкова // Сибирский научный медицинский журнал. – 2015. – Т. 35, № 5. – С. 45–52.

7. Дубинин, Н. П. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Политиздат, 1989. – 352 с.

8. Дьяков, И. А. Феномен становления личности преступника: на примере серийного убийства / И. А. Дьяков, М. С. Голубева // Психология и право. — 2021. – Т. 11, № 2. – С. 112–128.

9. Смирнова, Л. Я. Семья как фактор формирования личности несовершеннолетнего преступника / Л. Я. Смирнова, Н. В. Николаева, А. А. Никоноров // Криминологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 205–209.

10. Баженов, А. В. Социально-психологические детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08 / Баженов Александр Владимирович. – Москва, 2022. – 210 с.

11. Гоголева, А. Я. Семья как субъект ранней профилактики преступности несовершеннолетних / А. Я. Гоголева // Вестник криминологии. – 2020. – № 4. – С. 45-52.

12. Лапина, Е. А. Семейное неблагополучие: криминологический анализ / Е. А. Лапина // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 78–86.

13. Гумирова, Г. Ф. Социальные модели формирования личности преступника / Г. Ф. Гумирова // Актуальные проблемы права и государства. – 2022. – № 3. – С. 112–118.

14. Зайцев, В. В. Влияние семейной десоциализации на формирование личности несовершеннолетнего преступника / В. В. Зайцев // Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних. – 2021. – № 2. – С. 33–41.

УДК 343.91

Кравченко И. О.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Байкальский государственный университет», г. Иркутск

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПНИКА

Аннотация. В статье проведен анализ свойств личности экологических преступников на примере данных за период 2020-2024гг. Подчеркивается значимость социально-демографических признаков в структуре личности данных преступников. Определено, что рассматриваемый структурный

компонент в характеристике личности лиц, совершающих экологические преступления, обеспечивает основу для формирования криминологического портрета указанного вида преступников.

Ключевые слова: личность преступника, экологический преступник, экологические преступления, структура личности, социально-демографические признаки

Kravchenko I. O.

SOCIO-DEMOGRAPHIC FEATURES IN THE PERSONALITY STRUCTURE OF AN ENVIRONMENTAL CRIMINAL

Abstract: The article analyzes the personality traits of environmental criminals using data from 2020–2024. The importance of socio-demographic characteristics in the personality structure of these criminals is emphasized. It has been determined that the structural component under consideration in the personality characteristics of individuals committing environmental crimes provides the basis for the formation of a criminological portrait of this type of criminal.

Key words: personality of the criminal, environmental criminal, environmental crimes, personality structure, socio-demographic characteristics

В криминологии принципиальный диспут ведется относительно значимости и соотношения биологических и социальных свойств в формировании личности преступника. Можно выделить два противоборствующих лагеря. Начиная с Ч. Ломброзо, выделяется ведущая роль биологической составляющей преступной личности, что является основой формирования криминологического учения о личности преступника. Однако, на протяжении века пальма первенства уверенно принадлежит социальным концепциям личности преступника. Представляется, что только объединение достижений той и другой стороны позволяет увидеть полную картину этого сложного феномена. Не случайно в структуре личности преступника традиционно значимое место занимают социально-демографические признаки, фактически являясь базисными характеристиками. Даже в трудах психологов данному аспекту в концепциях личности уделяется должное внимание. Например, получившая в криминологии популярность модель К.К. Платонова в качестве одной из четырех подструктур личности выделяет биопсихические свойства [1, с. 48].

Не вдаваясь в дискуссию о структурных компонентах личности преступника и их содержании, отметим, что оптимальной структурой видится трехкомпонентная модель, включающая социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые свойства преступной личности. К социально-демографическим признакам в данной работе относятся: пол, возраст, гражданство, место жительство, образование, социальное положение, состояние здоровья. Эта группа признаков ярко иллюстрирует взаимосвязь биологических и социальных компонентов в структуре личности преступника. «Человек связывает природу с обществом иллюстрируя диалектическое единство биологического и общественного,

определяя структуру общества» [2, с. 169]. Именно эти признаки находят отражение в данных официальной статистики, что подчеркивает их значимость в характеристики личности преступника. Совершенно справедливо отмечено, что «социально-демографические свойства личности преступника связаны с условиями формирования личности и ее жизнедеятельности» [3, с. 8].

За период с 2020г. по 2024г. в Российской Федерации к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений было привлечено 28 247 человек [4]. Динамика количества экологических преступников по отношению к базовым показателям 2020г. характеризуется отрицательными показателями и составляет -10,13%. Динамический ряд ярко иллюстрирует устойчивую тенденцию снижения числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений. Так, в 2021г. прирост составил 12,5%, в 2022г. – 9,28%, в 2023 – -11,5%, в 2024г. – -17,15%.

Исторически доля мужчин в составе преступников значительно выше, нежели женщин. Однако, среди экологических преступников гендерные отличия проявляются особенно ярко. Так, в рассматриваемый период доля женщин среди осужденных за совершение экологических преступлений в РФ составила 1,86%. Это неудивительно, учитывая тот факт, что в структуре экологической преступности доминируют преступления, связанные с захватом природных ресурсов, что не входит в предмет женского интереса.

Возрастные показатели в структуре личности экологического преступника выглядит следующим образом: группа от 14 до 17 лет – 0,2%; группа от 18 до 24 лет – 5,77%; группа от 25 до 29 лет – 9,05; группа от 30 до 49 лет – 56, 21%; группа от 50 и более лет – 28,77%. Таким образом, наибольшую криминальную активность в сфере противоправного воздействия на природную среду демонстрирую люди среднего и старшего возраста. Данный факт вызывает непосредственный интерес, ведь 85% экологических преступников старше 30 лет. При этом, совершаемые экологические преступления требуют от преступника наличия хорошего здоровья и выносливости. В структуре экологической преступности более 80% осужденных приходится на четыре статьи главы 26 уголовного закона – это ст.ст. 260, 256, 258 и 258.1 УК РФ, объективные стороны которых связаны с приложением физических усилий по захвату природных объектов. Указанные тенденции ярко иллюстрируют современный паттерн общественной жизни, где молодежь ориентирована на поиск наименее энергетически затратных форм существования. Не вызывает сомнений тот факт, что каждое поколение имеет отличительные признаки, что порождает классический конфликт «отцов и детей». Однако многие ученые отмечают в качестве важной характеристики современной молодежи инфантилизм, проявляющийся, прежде всего, в избегании ответственности, стремлении к комфорту и стабильности [5, с. 97]. Поэтому криминальное воздействие на природную среду выходит из приоритетных форм поведения молодежи. В обозначенном аспекте можно отметить положительные тенденции в детерминантах экологической преступности, создающих трудности для динамики данного негативного явления. Но, учитывая процессы самодетерминации экологической преступности, наблюдается процесс замещения, когда люди старшего возраста компенсируют отток молодых

преступников.

Экологические преступления традиционно совершаются в месте проживания преступника. Так, в России в рассматриваемый период 92,21% лиц, осужденных за совершение экологических преступлений, постоянно проживают в месте, где они совершили преступление. Не следует забывать и о стремлении покинуть сельскую местность, популярную в среде молодых людей, что хорошо коррелируется с возрастными характеристиками, присущими экологическому преступнику.

Образовательный уровень лиц, совершивших экологические преступления в России в указанный период, выглядит следующим образом: большую часть экологических преступлений совершили лица, имеющие среднее общее образование – 36,98%; лица, имеющие общее профессиональное образование – 33,43%; далее лица, имеющие основное общее или начальное образование, а также не имеющие образование – 21,34%; а осужденные экологические преступники, имеющие высшее профессиональное образование составили 8,25%. Таким образом, 70% экологических преступников имеют среднее общее или среднее профессиональное образование. Крайне тревожно выглядит показатель фактического отсутствия профессионального или полное отсутствие образования у достаточно большой доли экологических преступников. Сам факт существования такой строки в статистических данных в стране, в свое время победившей безграмотность, является негативным фактором современного состояния культуры общества. А то, что четверть экологических преступников не имеет профессионального образования, свидетельствует о ярко выраженных негативных тенденциях общественной жизни вообще и в сельской местности в частности.

Анализ рода занятий лиц, совершивших экологические преступления в России в указанный период, показывает, что более половины данных преступлений совершают лица, трудоспособные неработающие – 56,92%; далее идут рабочие – 23,22% (это две доминирующие группы). Нетрудоспособные (неработающие) составляют 9,62%. Таким образом, около 70% лиц, совершивших экологические преступления, в рассматриваемый период не работали. Они стремятся компенсировать свои потребности по средствам незаконной эксплуатации природы. Надо признать, что состояние инфраструктуры в сельской местности в настоящее время выглядит удручающее. Занятость населения не организована должным образом, что приводит к ряду негативных социальных процессов, в том числе маргинализация. Действительно, для определенной части лиц, совершивших экологические преступления, негативное воздействие на природную среду является вынужденной мерой, фактически средством выживания. Здесь проявляется глобальная проблема формирования сельской социальной среды. Крайне низкой качество жизни в данной местности ориентирует население на эксплуатацию природы, незаконные способы которой являются наиболее доходными. Предприниматели составляют 3,15%, служащие коммерческих организаций – 1,92%. Остальные виды деятельности в структуре занятости экологических преступников составляют менее 1%.

К уголовной ответственности за совершение экологических преступлений

привлекаются в основном граждане РФ – 99,16% от общего числа лиц осужденных по главе 26 УК РФ. Присутствие остальных видов гражданства составляет мизерные доли. Так, граждане стран СНГ составили 0,55%, иные иностранные граждане – 0,19% и лица без гражданства – 0,1%. Иностранные граждане зачастую привлекаются к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотрено ст. 253 УК РФ – Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации. Это, как правило, граждане КНР, имеющие среднее образование или вообще без образования, русским языком не владеющие, капитаны морских судов, причинившие ущерб менее 300 000 рублей. Суды усматривают в отношении указанных лиц исключительные смягчающие обстоятельства и с применением ст. 64 УК РФ назначают наказания в виде штрафа до 100 000 рублей [6,7].

Приведенные показатели доли иностранных лиц или лиц без гражданства в структуре личности экологического преступника свидетельствуют о сложившейся сложной ситуации в сфере предупреждения организованных форм преступной деятельности в сфере природопользования, имеющей транснациональный характер. Факт выявления лишь незначительной доли иностранных граждан среди экологических преступников, которые к тому же не занимают высокое социальное положение, свидетельствует о формальном подходе к установлению цепочки участников совместной преступной деятельности. При реализации такого подхода защиты природы от организованных форм преступной деятельности не приходится рассчитывать на эффективность, а тем более на предупреждение транснациональных форм ее организации.

Примечательно, что в рассматриваемый период 334 виновных (1,18%), совершивших экологические преступления, имели инвалидность 1 или 2 группы. Тот факт, что экологические преступления совершаются людьми, не имеющими серьезных патологий здоровья, объяснимо и непосредственно вытекает из содержания объективных признаков данных составов преступлений, выполнение которых требует наличия физического здоровья. Инвалидность 1 и 2 групп предполагает наличие серьезных нарушений здоровья лица, которые препятствуют выполнению трудовых функций или хотя бы сопряжены с использованием специальных условий труда, что абсолютно не коррелируется с объективной стороной состава экологических преступлений. Поэтому такой высокий для данной характеристики процент инвалидов среди экологических преступников вызывает недоумение.

Можно сделать вывод, что социально-демографические свойства личности экологического преступника формируют основу для понимания данного феномена. Данный структурный элемент представляет значимые обобщенные данные о личности лиц, совершающих экологические преступления, которые позволяют сделать выводы и заложить базу для разработки мер предупреждения.

Список использованных источников

1. Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л. В. Куликов. – СПб.: Питер, 2000. – 283с
2. Тангиев Б.Б. Экокриминология (oikoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения. – С-П.: Юридический центр Пресс, 2005. – 432с.
3. Бекишева С.Д., Баетов К.Ж. Криминологическая характеристика личности браконьера // Мир Закона. – 2022. – № 9-10 (245-246). – С. 3-16.
4. Отчет о составе осужденных и месте совершения преступления (2020-2024гг). Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 11.01.2026).
5. Кононова А.А. Теоретический анализ эмоционально-личностных предикторов инфантилизма в молодежной среде // Обзор педагогических исследований. – 2025. – Т. 7. – № 8. – С. 96-100
6. Приговор Хасанский районный суд Приморского края от 19.12.2019 Дело № 1-239/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://судебныерешения.рф/47212663/extended (дата обращения: 15.01.2026).
7. Приговор Находкинский городской суд Приморского края от 30.04.2021 Дело № 1-338/2021[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://судебныерешения.рф/59340465/extended (дата обращения: 15.01.2026).

СЕКЦИЯ 4

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

УДК 343.91

Дегтерев А. А.
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева», г. Астрахань

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВА

Аннотация: На современном этапе развития российского общества и в условиях меняющегося мирового порядка и борьбы за суверенитет, все государства пересматривают свою роль. Для России, в текущей геополитической ситуации, приоритетом является развитие собственных ресурсов и укрепление обороноспособности страны, включая импортозамещение и экономический рост. Терроризм, используя современные

технологии, превратился в инструмент геополитического влияния на страны, сея страх и дестабилизируя общество. Эффективное противодействие требует не только правовых мер, но и комплексного политического, идеологического и социального регулирования.

Ключевые слова: суверенитет, многополярность, терроризм, киберугрозы, общественная безопасность.

CYBERSECURITY AND TERRRISM: NEW STRATEGIES FOR PROTECTING SOCIETY

Abstract: At the current stage of development of Russian society and in the context of a changing world order and the struggle for sovereignty, all states are reconsidering their role. In the current geopolitical situation, Russia's priority is to develop its own resources and strengthen the country's defense capability, including import substitution and economic growth. Terrorism, using modern technologies, has become an instrument of geopolitical influence on countries, spreading fear and destabilizing society. Effective counteraction requires not only legal measures, but also comprehensive political, ideological and social regulation.

Keywords: sovereignty, multipolarity, terrorism, cyber threats, public safety.

В условиях глобализации и формирования многополярного мира, каждое государство переоценивает свое место на международной арене. Западная идеология стремится нивелировать независимость государств и их суверенитет, превращая их в зависимые образования. Как отмечает В.Д. Зорькин, это ведет к обесцениванию национального права и превращению государств в сателлитов США [1. с. 262].

Стратегической целью государственной безопасности России является защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности РФ, основных прав и свобод человека и гражданина, которым создается угроза. Как правило такие угрозы возникают в результате: разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, отдельных лиц, наносящей ущерб национальным интересам России; деятельности террористических и экстремистских организаций, направленной на насильственное изменение конституционного строя РФ, дестабилизацию работы органов государственной власти; деятельности радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленной на нарушение единства территориальной целостности РФ, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей; преступных посягательств, направленных против государственной власти [2 с. 6-7].

Поэтому сегодня перед Россией стоят основные задачи по развитию собственных ресурсов, укреплению армии, реализации импортозамещения и усилению экономики. В этом контексте крайне важно изучать криминологические аспекты борьбы с преступностью, особенно с терроризмом,

в условиях цифровизации. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью защиты национального суверенитета России от террористических угроз, возникающих из-за использования информационных технологий в преступных целях.

В литературе отмечается, что терроризм, будучи одной из форм транснациональной преступности, имеет два проявления: международный и внутренний. Первый из них называют этапом транснационального терроризма, терроризмом четвертого поколения, глобализированным, терроризмом новой волны и даже «терроризмом с мыслью о Боге» [3 с. 203-238].

Современный терроризм превратился в эффективное средство достижения геополитических амбиций. Он провоцирует межэтнические и межрелигиозные столкновения, ослабляет государственность, подрывает доверие к властям и сеет хаос. Благодаря современным технологиям, террористы способны вызывать повсеместный страх, разрушая тем самым социальную стабильность. Средства массовой информации, как мощный информационный канал, играют в этом процессе значительную роль. Являясь частью политической системы, они отвечают за сбор, обработку и распространение информации, связывая власть с народом и политические силы с обществом. Преступления, посягающие на свободу слова, разрушают указанные связи, лишают граждан каналов коммуникации, гарантированных Конституцией РФ [4 с. 7].

Средства массовой информации (СМИ) давно закрепили за собой статус "четвертой власти", поскольку их способность доносить информацию до широкой аудитории позволяет им контролировать и влиять на общественно-политические процессы, формируя восприятие реальности. Официальные СМИ обычно стремятся к нейтральной подаче информации. Однако, в отличие от профессиональных журналистов, которые придерживаются объективности, обычные люди часто предпочитают сенсационные новости и "срочные" сообщения из менее надежных источников, таких как Telegram-каналы.

Это приводит к неосознанному идеологическому воздействию на население, искажению понятий в интересах террористов. В результате, гражданское общество и правоохранительные органы начинают восприниматься не как защитники порядка, а как инструменты подавления. В такой ситуации идеи террористов могут казаться привлекательными, предлагая иллюзию защиты от угнетения.

Террористы совершают акты насилия, как правило, против символически значимых объектов и событий (школы, театры, государственные праздники), стремясь к максимальному освещению своих действий. Ярким примером является жестокое видео обезглавливания членов Коптской церкви, опубликованное в 2015 году, где боевики в черном на фоне оранжевых костюмов пленников создавали шокирующий визуальный эффект [5].

Современный терроризм вышел за рамки традиционного насилия, активно осваивая виртуальное пространство. Террористы ведут масштабные кибервойны, распространяя свою идеологию через "независимые" ячейки и анонимно публикуя пропаганду в соцсетях, чтобы вербовать новых сторонников. Эта "сетевая война" использует информацию как главное оружие,

манипулируя сознанием людей и дестабилизируя общество в условиях цифровизации. Для эффективной борьбы с этим явлением необходимо оперативно-разыскное противодействие, требующее глубоких знаний поисковых систем, их работы и специализированного программного обеспечения. Только так правоохранители смогут выявлять и пресекать кибертерроризм. Примером такой системы является "SEUS", создающая цифровые досье для защиты информационного пространства, а также "Окулус", анализирующая изображения для обнаружения экстремистского контента.

В данной ситуации трудно не согласиться с А.Л. Осипенко, который акцентирует внимание на том, что использование специализированного программного обеспечения для сбора оперативно важной информации имеет огромное значение для предотвращения террористических и экстремистских угроз. Такие программы позволяют выявлять и пресекать эти угрозы на ранних стадиях, в момент их зарождения или даже раньше. Благодаря этим инструментам правоохранительные органы получают доступ к большим объемам конфиденциальных данных, что значительно расширяет их возможности в борьбе с деструктивными явлениями. Однако при этом возникает неизбежный вопрос о праве граждан на неприкосновенность частной жизни. Крайне важно, чтобы применение подобных программных систем служило исключительно интересам общества и государства. Необходимо обеспечить строгий контроль за доступом к таким технологиям и исключить возможность их использования в личных корыстных или преступных целях [6 с. 70].

Российская Федерация активно формирует свою уголовно-правовую стратегию в ответ на угрозу терроризма. Борьба с этим явлением является приоритетом и опирается на обширную законодательную базу, позволяющую оперативно реагировать на новые вызовы. Однако, поскольку преступность развивается быстрее законодательства, государство постоянно обновляет Уголовный кодекс, добавляя новые составы преступлений террористической направленности. Важнейшим аспектом этой борьбы является профилактика, координируемая Национальным антитеррористическим комитетом. Её цель - выявлять и блокировать распространение террористических идей, чтобы защитить общество от их пагубного влияния.

На современном этапе развития российского общества в борьбе с терроризмом законодательство стало более суровым. Это выражается в расширении списка преступлений, связанных с терроризмом (например, добавлены статьи 205,205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 207, 211, 220, 221, 277, 278, 279 УК РФ), и в ужесточении условий освобождения от уголовной ответственности. Теперь для освобождения от ответственности за участие в террористической организации недостаточно просто выйти из нее - это должно быть первое подобное правонарушение. Кроме того, сниженный возраст уголовной ответственности теперь применяется к гораздо большему числу преступлений, связанных с терроризмом и другими тяжкими деяниями, включая статьи 205.3, 205.4, 205.5, 205.6, ч. 2 ст. 208, 211, 277, 360 и 361 УК РФ.

По мнению автора, законодателю необходимо продолжить ужесточение

мер против терроризма, проявления фашизма, тяжких и особо тяжких преступлений, которые направленны на ослабление общественной безопасности, государственной власти, против мира и безопасности человечества.

Данные изменения должны отражать более суровое отношение к преступлениям, связанным с терроризмом и другими особо тяжкими деяниями. Следует подчеркнуть, что действующее законодательство предусматривает значительно более суровые наказания за террористические преступления, включая пожизненное заключение (согласно частям 1 статьи 205.4, 7.1 статьи 205.5 и другим нормам) и даже смертную казнь (статья 277 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Россия ориентируется на собственные силы: В текущей геополитической обстановке Россия вынуждена опираться прежде всего на свои внутренние ресурсы, включая военный потенциал. Это подразумевает активное импортозамещение, укрепление и развитие национальной экономики, а также наращивание оборонной и общей мощи страны.
2. Терроризм как инструмент геополитики: В рамках сложившегося политического ландшафта терроризм становится одним из ключевых инструментов для достижения геополитических целей. Благодаря современным технологиям, он способен вызывать массовый страх и панику среди населения, тем самым подрывая внутреннюю стабильность общества и государства.
3. Роль программных решений и их контроль: Разработанные программные средства могут помочь в предотвращении угроз экстремизма и терроризма. Однако крайне важно, чтобы эти системы использовались исключительно в интересах общества и государства, а любые попытки их применения в личных или преступных целях были пресечены.
4. Необходимость комплексного подхода: Рассматривать терроризм исключительно с точки зрения уголовного права было бы неверно и неэффективно. Глобальный характер этой проблемы требует всестороннего решения, включающего анализ причин и следствий. В обязательном порядке должны проводиться мероприятия, направленные на политическое, идеологическое и социальное регулирование.

Список использованных источников

1. Семенов В.М. Идеологическая составляющая как фактор формирования суверенной идентичности государства // XVII Итоговая студенческая научная конференция, Санкт-Петербург, 2025. С. 262–266.
2. Дегтерев, А. А. Защита политической системы России уголовно-правовыми и криминологическими методами / А. А. Дегтерев. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2024. – 376 с. – ISBN 978-5-16-019852-1. – DOI 10.12737/2141098. – EDN INNKAL.
3. Современное государство в эпоху глобальных перемен. СПб., 2019. С. 203–238).

4. Дегтерев, А. А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям против основ политической системы России / А. А. Дегтерев. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2020. – 224 с. – ISBN 978-5-392-32699-0. – EDN JXIJEY.

5. Лейгода В.Р. Казнь египетских христиан – кульминация безбожия // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата.

6. Осипенко А.Л. Теоретические и правовые вопросы применение специального программного обеспечения при раскрытии преступлений // Общество и право. 2021. № 3(77). С. 68–75.

УДК 343.3

Косяк Е. Л.
канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Боговая О. Ф.
ст. преподаватель кафедры английского языка для профессиональной коммуникации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет», г. Донецк

ВОЗБУЖДЕНИЕ ВРАЖДЫ И НЕНАВИСТИ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ И ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, посвященные особенностям квалификации возбуждения ненависти и возбуждения вражды как альтернативных разновидностей объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации. Акцентируется внимание на том, что при предъявлении обвинения в совершении указанного преступления необходимо чётко разграничивать возбуждение ненависти от возбуждения вражды, что вытекает из требований ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, рознь, ненависть, вражда.

Kosyak E. L., Bogovaya O. F.

EXCITING ENEMY FEARS AND HATRED AS VARIANTS OF THE OBJECTIVE SIDE OF A CRIME: DIFFERENTIATING FEATURES AND USED LINGUISTIC TECHNIQUES

Annotation. The article discusses the features of the qualification of

incitement to hatred and incitement to enmity as alternative types of the objective side of the crime under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. It emphasizes that when charging a person with this crime, it is necessary to clearly distinguish between incitement to hatred and incitement to enmity, as required by Article 7 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: extremist activities, discord, hatred, and enmity.

Современный этап развития общества характеризуется значительным ростом количества и интенсивности межгосударственных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Последние возникают и развиваются как следствие политических, идеологических, национальных и религиозных противоречий, имеющих место на почве передела сфер влияния отдельных политических, этнических, социальных, религиозных группировок.

Внешним проявлением таких конфликтов являются объективные действия, определяемые действующим российским законодательством как экстремистские, а именно - направленные на насильственное изменение основ конституционного строя или территориальной целостности государств, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности индивидов или социальных групп по признакам их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. Именно это определение экстремизма даётся в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1].

Из приведенного выше определения видно, что возбуждение розни по признакам принадлежности к национальности, расе, социальной группе, а также по признаку общения на конкретном языке или исповедования определённой религии является разновидностью экстремизма и поэтому требует самостоятельного исследования не только как социального, но и как правового явления, поскольку в конечном счёте эффективность противодействия таким деяниям определяется эффективностью привлечения виновных лиц к юридической ответственности за их совершение.

Данное правовое явление нельзя исследовать исключительно с юридических позиций, поскольку в большинстве случаев возбуждение розни находит своё объективное выражение в вербальной форме, что является предметом, прежде всего, лингвистического исследования.

Общественная опасность возбуждения розни на расовой, национальной, социальной, языковой, религиозной почве, как правильно отмечает В.С. Скурлатов, состоит в том, что подобные проявления, прежде всего, посягают на закреплённый в ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений [2, с. 472]. При соответствующих организации и финансировании такой деятельности её закономерным и ожидаемым «результатом» будут спровоцированный рост количества насильственных преступлений против личности, совершаемых на почве расовой, национальной, религиозной розни, организованная дискриминация отдельных социальных групп и, как следствие, дестабилизация социально-политической обстановки

как в конкретном регионе, так и в государстве в целом. Внешним проявлением такой дестабилизации могут стать массовые беспорядки и иные публичные действия, нарушающие общественную безопасность, а её крайним негативным итогом – насильственный захват власти в государстве или даже прекращение существования государства вследствие нарушения его территориальной целостности изнутри.

Именно эти обстоятельства делают актуальными исследования возбуждения розни как социального и правового феномена.

Характеризуя предмет исследования, следует прежде всего констатировать различия в терминологии, используемой применительно к рассматриваемой теме в основополагающих нормативно-правовых актах. Если упомянутый выше Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» оперирует понятием «рознь», то в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) [3] речь идёт о «возбуждении вражды и ненависти».

Толкование указанных понятий в приведенных нормативно-правовых актах не содержится. Необходимость такого толкования для уяснения идентичности используемых юридических терминов требует обращения к иным источникам. Поскольку данные термины относятся к лингвистике, такими источниками могут быть, прежде всего Толковые словари русского языка.

В частности, Толковый словарь русского языка в 4 томах (Малый академический словарь) под редакцией А.П. Евгеньевой определяет понятие «рознь» как «вражду, распрю», понятие «вражда» - как «отношения и действия, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью». В свою очередь, «ненависть» определяется как «чувство сильнейшей вражды, неприязни», «неприязнь – недружелюбное, недоброжелательное чувство к кому-либо, чему-либо [4].

Исходя из указанного лингвистического толкования, между понятиями «рознь» и «вражда» фактически ставится знак равенства, что делает возможным их параллельное использование. Понятие «ненависть» рассматривается как разновидность «вражды», имеющая направленность на конкретный объект и характеризующаяся более сильной степенью внешнего выражения. Понятие «вражда» характеризуется также через «отношения и действия», основной характеристикой которой является неприязнь.

Применительно к дифференциации понятий «ненависть» и «вражда», М.А. Осадчий характеризует ненависть как психологическое состояние, а вражду – как деятельность или готовность к деятельности [5, с. 24].

В современной лингвистике «ненависть» как лексема (слово-единица языка, рассматриваемая во всей совокупности форм и значений) может быть охарактеризована через понятие «чувство» с негативной коннотацией («чувство неприязни»). Ядром её значения будет эмоция, то есть, внутренний психологический процесс, который формируется на основе негативного восприятия лицом объективной действительности в целом и её конкретных явлений в частности. То есть, утверждая, что лицо ненавидит что-либо или кого-либо, мы тем самым признаём, что лицо негативно воспринимает определённые явления объективной действительности.

В отличие от лексемы «ненависть», лексема «вражда» характеризует не просто чувство само по себе, а внешнее проявление негативного отношения субъекта к чему-либо или к кому-либо. Признаками вражды являются конкретные причины и относительно продолжительный характер.

В языковых конструкциях «ненависть» применяется в связке с глаголами, которые характеризуют внутреннее состояние субъекта («испытывать», «чувствовать и пр.).

В свою очередь, вражда как понятие может использоваться вместе с глаголами действия и состояния («прекратить», «разжигать», «возбуждать») для характеристики «внешнего» состояния человека.

Следует также отметить, что понятия «ненависть» и «вражда» в языкознании употребляются, как правило, не совместно, а в узко направленном контексте. Друг друга эти понятия не подменяют.

Таким образом, в самом простом аспекте понятие «ненависть» можно определить как негативное отношение субъекта к конкретному явлению объективной действительности (без какого-либо внешнего её проявления в действиях и поступках), тогда как значение понятия «вражда» - это желаемые действия субъекта к применительно к конкретному явлению.

Исходя из изложенного, необходимо также отграничить возбуждение вражды от призывов к совершению действий экстремистского характера, особенно – так называемых «скрытых» или имплицитных призывов, в которых побуждение адресатов к совершению конкретных действий реализуется не непосредственно, а путём придания высказыванию дополнительных смыслов, которые извлекаются адресатом из контекста, ситуации и невербальных компонентов.

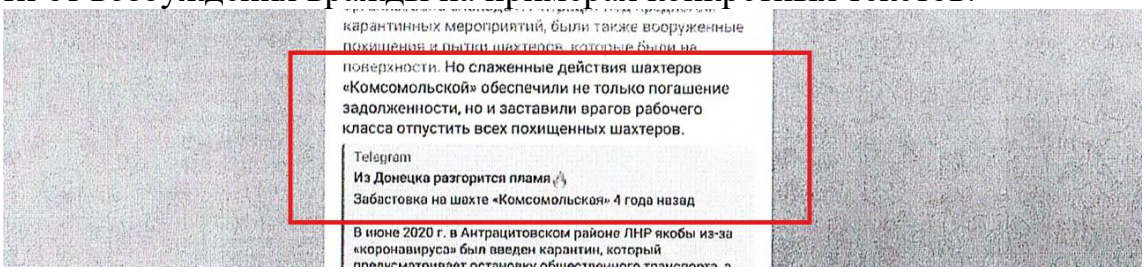
Фактически, возбуждение вражды имеет определённое сходство с имплицитными призывами, поскольку они оба «подводят» адресатов к действиям, желательным для лица, распространяющего соответствующие материалы. В то же время, следует признать правильной позицию В.И. Табанаковой, согласно которой призывы к экстремизму побуждают к совершению конкретных действий экстремистской направленности, а возбуждение вражды только формирует почву для нетерпимости к конкретной социальной группы по тому или иному критерию [6, с. 198].

Естественно, что такое разграничение в определённой мере является условным и признание конкретного высказывания таким, которое возбуждает вражду или которое содержит призывы к экстремистской деятельности, решается в каждом конкретном случае на основе индивидуального подхода к анализу содержания высказывания. В то же время, приведенная градация призыва и возбуждения вражды позволяет дать хотя бы общее определение таким действиям.

Важность разграничения состоит в реализации такого требования к обвинению в совершении преступления, как конкретность, что прямо вытекает из ч. 4 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) [7], согласно которой определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Именно по данной причине, в предъявленном обвинении в совершении преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, должно быть чётко сформулировано, что конкретно совершил фигурант: возбуждение ненависти или возбуждение вражды.

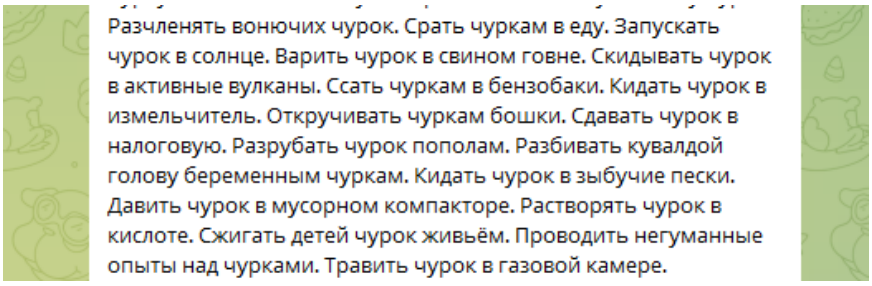
Проиллюстрируем наиболее характерные отличия возбуждения ненависти от возбуждения вражды на примерах конкретных текстов.

карантинных мероприятий, были также вооруженные
поверхности. Но слаженные действия шахтеров «Комсомольской» обеспечили не только погашение задолженности, но и заставили врагов рабочего класса отпустить всех похищенных шахтеров.

Telegram
Из Донецка разгорится пламя
Забастовка на шахте «Комсомольская» 4 года назад

В июне 2020 г. в Антрацитовском районе ЛНР якобы из-за «коронавируса» был введен карантин, который

В приведенном тексте в предложении «слаженные действия шахтёров «Комсомольской» обеспечили не только погашение задолженности, но и заставили врагов рабочего класса отпустить всех похищенных шахтёров» применительно к руководству шахты «Комсомольская» используется метафора (слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака) «враги рабочего класса». С применением указанной метафоры, которая является типичным клише советской пропаганды и демонстрирует идеологическую нагруженность текста, делается акцент на коллективных действиях шахтёров в отношении руководства шахты «Комсомольская», позиционируемых как «враги рабочего класса». Эмоциональная окраска высказывания имеет явный негативный акцент в отношении руководства шахты «Комсомольская» как социальной группы, что может рассматриваться как возбуждение ненависти в отношении последних как социальной группы. При этом, достаточных признаков возбуждения вражды в данном высказывании не усматривается, поскольку адресаты высказывания непосредственно не подводятся к совершению действий, желательных для автора высказывания.

Разчленять вонючих чурок. Срать чуркам в еду. Запускать чурок в солнце. Варить чурок в свином говне. Скидывать чурок в активные вулканы. Ссать чуркам в бензобаки. Кидать чурок в измельчитель. Откручивать чуркам бошки. Сдавать чурок в налоговую. Разрубать чурок пополам. Разбивать кувалдой голову беременным чуркам. Кидать чурок в зыбучие пески. Давить чурок в мусорном компакторе. Растворять чурок в кислоте. Сжигать детей чурок живьём. Проводить негуманные опыты над чурками. Травить чурок в газовой камере.

В приведенном тексте содержатся высказывания в форме утверждений относительно необходимости совершения перечисленных насильственных действий в отношении лиц, названных как «чурки» (этнофолизм, означающий оскорбительное собирательное название жителей Кавказа, Закавказья, Средней Азии). Употребление автором текста применительно к представителям лиц кавказских и среднеазиатских национальностей высказывания «варить в свином г…е», содержащего метафоры на уровне ассоциаций с насильственными

действиями, символизирует жестокость, унижение или уничтожение. Краткие, обрывочные фразы («с…ть в еду», «запускать в солнце») придают тексту импульсивный, агрессивный характер, имитируя устную речь, полную вражды. С учётом изложенного, в тексте может усматриваться унижение возбуждение вражды к представителям лиц кавказских и среднеазиатских национальностей по признаку принадлежности к национальности, поскольку адресаты высказывания подводятся его автором к совершению действий, желательных для последнего. Достаточных признаков призыва к экстремистским действиям в отношении указанной социальной группы в тексте не усматривается, поскольку автором текста не употребляются побудительные выражения к совершению действий, перечисленных в тексте (например, «давайте совершать…», «необходимо совершать» и пр.).

Подводя итог изложенному и руководствуясь предусмотренным ст. 7 УПК РФ требованием конкретности обвинения, предъявляемого в совершении преступления, было бы целесообразным дополнить Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности» критериями разграничения возбуждения ненависти и возбуждения вражды, которые приведены выше.

Список использованных источников

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // base. garant.ru / 12127578 / 1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f // / (дата обращения: 01.04.2026). – Загл. с экрана.

2. Скурлатов, В.С. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: особенности квалификации экстремистской деятельности в теории и правоприменительной практике по статье 282 УК РФ / В.С. Скурлатов //Вопросы российской юстиции. - 2021. - № 11 - С. 471-480.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Принят Государственной Думой 24.05.1996. Одобрен Советом Федерации 05.06.1996 // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // ivo.garant.ru/#/document / 10108000 / paragraph/26654339:0// / (дата обращения: 01.04.2026). – Загл. с экрана.

4. Толковый словарь русского языка в 4 томах (Малый академический словарь) / Под общ. ред. А.П. Евгеньевой // rus-yaz.niv.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // rus-yaz.niv.ru/doc /small-academic-vocabulary/index.htm// / (дата обращения: 01.04.2026). – Загл. с экрана.

5. Осадчий, М.А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ / М.А. Осадчий // Право и безопасность. – 2007. - № 3-4. – с. 21-25.

6. Табанакова, В.И. Характеристика объективной стороны возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого

достоинства / В.И. Табанакова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2025. - № 4 (115) - С. 190-202.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Принят Государственной Думой 22.11.2001. Одобрен Советом Федерации 05.12.2001 // СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12125178/// / (дата обращения: 01.04.2026). – Загл. с экрана.

УДК 343.34

Краснова К. А.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», г. Санкт-Петербург
Кондратюк С. В.
канд. юрид. наук, доцент, доцент департамента публичного права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти

НАКАЗАНИЕ ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС

Аннотация. Изучена судебная практика по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, которая свидетельствует о применении указанной уголовно-правовой нормы в отношении виновных лиц – плательщиков, переводящих денежные средства отдельным лицам и преступным объединениям лиц для осуществления ими террористической деятельности. Проведено сравнительно-правовое исследование уголовно-правовых норм Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии. Делается вывод о том, что различия в культурно-исторических и социальных контекстах обусловливают национальные особенности в определении строгости наказания в зависимости от наличия признаков соучастия.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, финансирование терроризма, предупреждение терроризма, ЕАЭС.

Krasnova K. A., Kondratyuk S. V.

PUNISHMENT FOR FINANCING TERRORISM IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION MEMBER STATES

Annotation. The article examines judicial practice regarding Part 1.1 of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which demonstrates the application of this legal norm to perpetrators (payers) who transfer funds to individuals or criminal associations to facilitate terrorist activities. A comparative legal study of the criminal law norms of Armenia, Belarus, Kazakhstan, and Kyrgyzstan was conducted. The authors conclude that differences in cultural,

historical, and social contexts account for national specificities in determining sentencing severity based on the presence of elements of complicity.

Keywords: terrorism, terrorist activity, terrorist financing, terrorism prevention, EAEU.

Противодействие финансированию терроризма – трудная задача, стоящая перед правоохранительными органами [1]. Напомним, что рассматриваемое преступление относится к подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации.

Следует придать особое значение последним тенденциям в финансировании терроризма, прежде всего, связанных с его осуществлением в цифровом формате, что подробно исследуют в своих новейших трудах: М. В. Вожагов [2], Д. А. Казанцев [3], Д. А. Ракуленко [4], Д. А. Ручкина [5], А. А. Тургаева [6], и многие другие. Не останавливаясь подробно на финансовых аспектах финансирования терроризма и используемых новейших цифровых ресурсах, исследованных в вышеупомянутых работах, обратимся к проблемам квалификации финансирования терроризма и обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» определил в ст. 1 круг деяний, признаваемых террористической деятельностью, включая финансирование террористического акта [7].

В примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ перечисляет круг деяний, охватывающих понятие финансирование терроризма: предоставление средств; сбор средств; оказание финансовых услуг. Как отмечает А.В. Рощупкина, «финансирование терроризма – предоставление, сбор средств или оказание финансовых услуг с пониманием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения преступлений террористического характера, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества, созданных или создаваемых для совершения указанных преступлений» [8, с. 80]. Круг преступлений террористического характера содержится в этом примечании. Так, в одном из судебных решений подчеркивается соответствие легальному определению финансирования терроризма «предоставление денежных средств для обеспечения участников НВФ, совершающих террористические преступления» [9]. При этом совершение террористических преступлений, на финансирование совершения которых направляются денежные средства, возможно и за границей. Например, в другом уголовном деле установлено, что «денежные средства предназначались для обеспечения деятельности участников незаконных организованных групп и незаконных вооруженных формирований, действующих на территории Сирии, а осужденный не был непосредственно знаком с лицами, причастными к организации финансирования терроризма» [10].

Подчеркнем, что в отличие от финансирования экстремистской деятельности, которое на практике осуществляется не персонально какому-то экстремисту или радикальному лидеру, а вполне конкретной организации, имеющей счета в зарубежных банках (чаще всего, в США), финансирование

терроризма может осуществляться путем перевода денежных средств персонально лицу, вовлеченному в террористическую активность. Как следует из содержания вышеназванного примечания, финансирование или материальное обеспечение отдельных лиц – террористов также является уголовно наказуемым.

При этом не имеет значение, имело ли место личное знакомство с террористом, которого финансировало виновное лицо, либо нет. Так, в одном из уголовных дел, установлено, что «осужденный не был непосредственно знаком с лицом, представлявшимся Т. причастность и принадлежность которого к террористической организации и финансированию терроризма … доказана не была» [11].

Примечательно, что для квалификации финансирования терроризма не имеет значение признание получателя средств виновным за совершение хотя бы одного преступления террористического характера. В одном из судебных решений 2025 г. прямо указано, что «отсутствие в материалах дела сведений об осуждении получателей денежных средств за преступления террористической направленности не влияет на данную юридическую оценку», а значение придается установлению субъективного отношения отправителя денежных средств, которое отличается «осознанием того, что предоставляемые им денежные средства предназначены для финансирования деятельности участников террористической организации» [12].

В другом судебном решении подтверждено, что не препятствует осуждению лица за финансирование терроризма «внесение информации о получателе денежных средств в списки лиц, связанных с террористической деятельностью, позднее произведенного денежного перевода» не препятствует осуждению лица за финансирование терроризма, в случае осознания им того, что предоставленные денежные средства «предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из предусмотренных законом деяний террористической направленности» [13].

В этой связи важно подчеркнуть момент окончания преступления. Финансирование терроризма «считается оконченным с момента совершения с осознанием террористической направленности любого из указанных в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ действий, в том числе с момента предоставления денежных средств с осознанием того, что они предназначены для обеспечения незаконного вооруженного формирования, что и установлено по делу» [14]. В этом уголовном деле также нашло подтверждение то, что дальнейшее движение перечисленных денежных средств и отсутствие решения органов следствия о предъявлении их получателю обвинения в преступлении террористической направленности на момент зачисления этих денежных средств на его банковский счет не являются обстоятельствами, влияющими на юридическую оценку действий плательщика – отправителя денежных средств – как финансирования терроризма [14].

На основе анализа судебной практики установлено, что не имеет значение количество совершенных переводов денежных средств, предназначенных для финансирования терроризма. Это может быть: разовый безналичный перевод, периодические платежи равными суммами, оформление подписки на

ежемесячные пожертвования, и т.п. Так, в одном из уголовных дел виновное лицо осуждено за однократное осуществление денежного перевода на банковскую карту лица, включенного «в список лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к терроризму» [15].

Доказательства вины виновных лиц подтверждаются не просто документацией банков о финансовых операциях фигуранта уголовного дела, но и в совокупности с информацией с персональной страницы в социальных сетях осужденного и его мессенджерах (преимущественно Телеграм) об исповедовании осужденным радикальных течений Ислама, его общении с участниками террористической организации и отправки им собранных от других лиц денежных средств на нужды террористической организации и т.п.

Кроме того, при наличии в примечании 2 к ст. 205.1 УК РФ специального основания освобождения от уголовной ответственности, подтверждает вину в форме прямого умысла и то обстоятельство, что лицо путем своевременного сообщения органам власти или иным образом не способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало. Подобное специальное основание содержится также в примечании к ст. 290.1 УК Республики Беларусь (РБ) и ст. 258 УК Республики Казахстан (РК).

Уголовно наказуем и сбор средств, поступаемых в целях финансовой поддержки терроризма. Так, как установлено в другом уголовном деле, осужденному «иное лицо предложило ему оказывать содействие в сборе денежных средства для нужд террористической организации, он решил, что готов выступать в качестве "сборщика" денежных средств, накапливать их на своих банковских картах и карте другого лица, а после пересылать на счета, которые ему будут указаны» [16]. В этом уголовном деле действия так называемого «сборщика» признаны пособничеством в организации финансирования терроризма, которое заключалось в сборе на протяжении почти 9 месяцев и аккумулировании на счетах денежных средств в сумме свыше 3 млн руб., которые впоследствии он «пятьдесят семью безналичными денежными переводами перечислил восемнадцати лицам, фамилии которых ему предоставило иное лицо, для нужд террористической организации». Указанные действия квалифицированы судом по ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 205.1 УК РФ [16]. При этом норма ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ не применяется.

Переходя к анализу наказаний за финансирование терроризма, отметим, что указанное деяние криминализировано во всех уголовных кодексах государств-членов ЕАЭС. Так, соответствующие нормы об ответственности за финансирование террористической деятельности (терроризма) предусмотрены в нормах ст. 290.1 УК РБ и ст. 248 УК РК. В ст. 217.1 УК Республики Армения (РА) ответственность установлена за финансовую помощь, оказанную террористической организации или индивидуальному террористу для совершения террористического акта. В уголовном законе Кыргызской Республики (КР) криминализировано финансирование: террористической деятельности (ст. 253 УК КР); организованных групп и преступных сообществ (ст. 263 УК КР).

Далее рассмотрим уголовно-правовые нормы, в которых криминализировано финансирование террористической деятельности

(терроризма, террористического акта) и сравним основные виды наказаний, предусмотренных в их санкциях.

В нашей стране финансирование терроризма криминализировано в норме ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ в 2017 г. [17], санкция которой отличается большей строгостью, чем санкция применяемой до этого нормы ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. В качестве основных наказаний в действующей редакции уголовного закона указаны лишение свободы продолжительностью от 8-ми до 15-ти лет и пожизненное лишение свободы. Предусмотрено и дополнительное к лишению свободы наказание в виде штрафа, сумма которого может варьироваться от 300 тыс. до 700 тыс. руб. Штраф также может исчисляться в размере заработной платы осужденного лица либо его иного дохода, полученного за период от 2-х до 4-х лет. Здесь сразу отметим, что нам представляется назрела необходимость пересмотра сумм штрафов с учетом того материального ущерба, который причиняется государству, и средств, которые тратятся на восстановление поврежденной в результате террористических атак инфраструктуры [18].

Санкции норм ст. 217.1 УК РА предусматривают одно основное наказание в виде лишения свободы, продолжительность которого варьируется для: ч. 1 – от 3-х до 7-ми лет; ч. 2 – от 8-ми до 12-ти лет. В качестве дополнительного наказания в обеих санкциях предусмотрена возможность конфискации имущества.

Санкции норм ст. 290.1 УК РБ предусматривают одно основное наказание в виде лишения свободы, продолжительность которого варьируется для: ч. 1 – от 8-ми до 12-ти лет; ч. 2 – от 8-ми до 15-ти лет. В качестве дополнительного наказания в обеих санкциях предусмотрена возможность назначения штрафа.

Санкции норм ст. 258 УК РК предусматривают одно основное наказание в виде лишения свободы, продолжительность которого варьируется для: ч. 1 – от 5-ти до 9-ти лет; ч. 2 – от 7-ми до 12-ти лет. В качестве дополнительного наказания в обеих санкциях предусмотрена возможность конфискации имущества.

Санкции норм ст. 253 УК КР предусматривают одно основное наказание в виде лишения свободы, продолжительность которого варьируется для: ч. 1 – от 5-ти до 10-ти лет; ч. 2 – от 10-ми до 15-ти лет. В качестве дополнительного наказания в обеих санкциях предусмотрена возможность конфискации имущества.

Проведенное сравнительно-правовое исследование свидетельствует о включении в законодательство всех государств-членов ЕАЭС в основном совпадающих уголовно-правовых запретов финансировать терроризм. Обобщая изложенное, отметим различия формулировок соответствующих уголовно-правовых запретов, звучащих как финансирование: терроризма – УК РФ, террористического акта – УК РА, террористической деятельности – УК РБ, УК РК, УК КР. В санкциях всех изученных норм присутствует наказание в виде лишения свободы, причем в уголовном законодательстве РА, РБ, РК, КР – это единственно возможное основное наказание, а в УК РФ альтернативно указано наказание в виде пожизненного лишения свободы. В уголовных законах РА, РК, КР дополнительными видами наказания выступает конфискация имущества, а в УК РФ, УК РБ – штраф. В УК РА и УК КР отсутствует

специальное основание освобождения от уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Кобец, П. Н. О необходимости борьбы с основными способами по перемещению денежных средств, используемых для финансирования террористической деятельности // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий : Сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием, Москва, 15–16 января 2022 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "КОНВЕРТ", 2022. – С. 91-93.

2. Вожагов, М. В. Правовые проблемы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма с использованием цифровых валют и цифровых финансовых активов // Право и экономика. – 2025. – № 3(445). – С. 57-62.

3. Казанцев, Д. А. Трансформация механизма противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики (на примере минимизации рисков, связанных с использованием криптовалют) / // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № S2.

4. Ракуленко, Д. А. Противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях развития цифровой экономики // Актуальные исследования. – 2024. – № 9-3(191). – С. 20-22.

5. Ручкина, Д. А. Финансирование терроризма в условиях цифровой экономики: выявление, расследование и предотвращение // Актуальные вопросы науки и образования 2025 : Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 сентября 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 91-96.

6. Тургаева, А. А. Современные подходы к оценке рисков отмывания денег и финансирования терроризма в условиях развития цифровых финансовых активов // Финансы: теория и практика. – 2025. – Т. 29, № 4. – С. 100-111.

7. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

8. Рощупкина, А. В. Роль криптовалют в финансировании терроризма // Российско-азиатский правовой журнал. – 2024. – № 4. – С. 79-83.

9. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2024 № 222-УД24-37-А6 // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

10. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2021 № 222-УД21-34-А6 // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

11. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 09.03.2023 № 222-УД23-7-А6 // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

12. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.2025 №

224-УД25-24-А6 // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

13. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13.03.2025 № 227-УД25-1-А6 // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

14. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2023 № 223-УД22-26-А6 // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

15. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2024 № 222-УД23-67-А6 // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

16. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12.09.2023 № 222-УД23-50-А6 // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

17. Федеральный закон от 29.12.2017 № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // СПС «КонсультантПлюс», 2026.

18. Краснова, К. А. Сотрудничество в сфере борьбы с международным терроризмом // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Международная научно-практическая конференция, приуроченная к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя: сборник научных трудов, Москва, 25 февраля 2022 года. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 469-473.

УДК: 343.91

Носач К. И.
студент I курса магистратуры ФГБОУ ВО «ДГУЮ»
программа - Уголовное право и процесс, криминалистика в правоприменении, г. Донецк
Научный руководитель:
Ковалёва А. А.
преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В докладе рассматриваются современные подходы к реализации государственной молодежной политики Российской Федерации в сфере профилактики экстремизма и терроризма. Анализируются ключевые угрозы, связанные с вовлечением молодежи в деструктивную деятельность, а также основные направления и механизмы противодействия идеологии насилия. Особое внимание уделяется вопросам межведомственного взаимодействия, подготовки профильных специалистов и использования

информационных ресурсов в профилактической работе.

Ключевые слова: молодежная политика, противодействие идеологии терроризма, профилактика экстремизма, национальная безопасность, межведомственное взаимодействие.

Nosach K., Kovaleva A.

COUNTERING THE IDEOLOGY OF EXTREMISM AND TERRORISM AS PART OF THE IMPLEMENTATION OF STATE YOUTH POLICY

Abstract. The report examines modern approaches to the implementation of the state youth policy of the Russian Federation in the field of extremism and terrorism prevention. It analyzes the key threats associated with the involvement of young people in destructive activities, as well as the main directions and mechanisms for countering the ideology of violence. Special attention is paid to issues of interdepartmental cooperation, training of specialized professionals, and the use of information resources in preventive work.

Keywords: youth policy, countering the ideology of terrorism, prevention of extremism, national security, interdepartmental cooperation.

Актуальность темы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде обусловлена возрастающими рисками вовлечения подрастающего поколения в деструктивную деятельность. Согласно информации, представленной Национальным антитеррористическим комитетом, на фоне продолжающейся специальной военной операции и активности международных террористических структур значительно усиливаются риски распространения среди молодежи идей экстремистского и неонацистского характера. В результате этого некоторые молодые люди оказываются втянутыми в противоправные действия [9].

Молодежь в силу возрастных, социально-психологических и мировоззренческих особенностей является одной из наиболее уязвимых категорий населения для воздействия деструктивных идеологий. В связи с этим государственная молодежная политика выступает ключевым инструментом формирования устойчивого мировоззрения, основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, и создания условий для успешной социализации молодых людей. Целью данного доклада является анализ основных направлений и механизмов интеграции антитеррористической и антиэкстремистской деятельности в систему реализации государственной молодежной политики России.

Противодействие идеологии терроризма и экстремизма является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Основным документом, определяющим стратегическое направление действий на данный период, служит Комплексный план по противодействию идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 – 2028 годы. Как сообщалось по итогам Всероссийского семинара-совещания по

межведомственному взаимодействию, прошедшего в Казани, вопросы повышения эффективности реализации данного Плана находятся в центре внимания федеральных и региональных органов власти [1].

В структуре государственной молодежной политики ответственным ведомством выступает Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), которое под эгидой Национального антитеррористического комитета активно участвует в разработке и реализации профилактических мер [1]. Агентство разрабатывает методические рекомендации и информационные материалы, учитывающие современные вызовы и угрозы, направленные на разъяснение сути экстремистских и террористических организаций, правил безопасного поведения в Интернете и методов работы вербовщиков [5].

Анализ оперативной обстановки свидетельствует о сохранении высокой активности деструктивных сил, направленной на молодежь. Согласно сведениям, представленным на заседании Национального антитеррористического комитета в 2025 году, в первые месяцы этого года силовым ведомствам удалось пресечь 47 преступлений террористической направленности, при этом в подготовке большинства из них участвовали несовершеннолетние. За последние три года было задержано свыше 2,5 тысяч молодых людей, оказавшихся под воздействием украинских неонацистских и террористических структур, включая деструктивные сообщества «Колумбайн» и «Маньяки Культ Убийц» (сообщества включены в перечень террористических организаций и запрещены к деятельности на территории Российской Федерации) [9].

На заседании Совета при полномочном представителе Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе в ноябре 2025 года были проанализированы основные источники распространения экстремистских воззрений. Участники определили главные текущие риски и целевые группы, на которые оказывается целенаправленное деструктивное воздействие, в том числе со стороны зарубежных центров [7]. Эти данные подтверждают необходимость постоянного совершенствования профилактической работы с учетом меняющихся тактик вербовщиков.

Эффективность противодействия идеологии экстремизма напрямую зависит от качества межведомственного взаимодействия. С 2 по 5 сентября 2024 года в Казани прошел Всероссийский семинар-совещание «Национальная безопасность», организованный Росмолодежью совместно с Национальным антитеррористическим комитетом. В нем приняли участие 130 представителей органов, отвечающих за реализацию молодежной политики, и сотрудников аппаратов антитеррористических комиссий из 76 регионов Российской Федерации. Участникам представили конкретные ориентиры и рекомендации, направленные на повышение эффективности профилактики терроризма [1].

Важным направлением является научно-методическое обеспечение профилактической деятельности. Примером служит участие ведущих экспертов в профильных конференциях. Так, 20 ноября 2025 года заведующий кафедрой национальной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму РГСУ М.Ю. Зеленков представил доклад «Столпы противодействия экстремизму и терроризму в молодежной среде» на Всероссийской научно-практической

конференции, организованной Центром изучения проблем безопасности РАН. В своем выступлении он раскрыл основные направления противодействия данным асоциальным явлениям в российском обществе [3].

Особое место в системе мер занимает подготовка профильных специалистов. На заседании Национального антитеррористического комитета отмечалось, что одним из ключевых приоритетов является развитие системы подготовки квалифицированных кадров, способных эффективно решать задачи по противодействию распространению идеологии терроризма. Это касается специалистов органов государственной власти, муниципальных структур, а также представителей сфер образования, культуры, спорта, средств массовой информации и педагогического сообщества [9]. Именно они непосредственно работают с молодежью и должны обладать необходимыми компетенциями для выявления и нейтрализации деструктивного влияния.

Реализация государственной молодежной политики в части противодействия идеологии экстремизма и терроризма представляет собой комплексную, многоуровневую систему. Она включает в себя нормативно-правовое регулирование, межведомственную координацию, научно-методическое обеспечение, подготовку кадров и непосредственную работу с молодежью. Существующая система, координируемая Росмолодежью и Национальным антитеррористическим комитетом, демонстрирует способность адаптироваться к новым вызовам, о чем свидетельствуют регулярные семинары-совещания и актуализация методических материалов [1, 5].

Анализ текущей ситуации подтверждает, что угроза вовлечения молодежи в деструктивную деятельность сохраняется и требует постоянного мониторинга и оперативного реагирования [7, 9]. Дальнейшее повышение эффективности профилактической работы видится в усилении практико-ориентированности обучения специалистов, развитии межведомственного взаимодействия на региональном и муниципальном уровнях, а также в активном вовлечении институтов гражданского общества и самой молодежи в создание позитивного контента и формирование устойчивой к деструктивным идеологиям личности.

Список использованных источников

1. Семинар-совещание по межведомственному взаимодействию при профилактике терроризма и экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] // Глава Калмыкии. – 2026. – 19 февраля. – URL: https://glava.region08.ru/ru/akrk/17836-2024-09-25-07-03-57.html (дата обращения: 07.03.2026).

2. ГОСТ Р 7.0.100-2018. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления. – М.: Стандартинформ, 2018. – 124 с.

3. Конференция в Центре проблем безопасности РАН [Электронный ресурс] // ФКБ и ОВП РГСУ. – 2025. – 19 ноября. – URL: https://фкбргсу.рф/конференция-в-центре-проблем-безопас/ (дата обращения: 07.03.2026).

4. ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. – М.: Стандартинформ, 2008. – 22 с.

5. Федеральное агентство по делам молодежи «Росмолодежь» [Электронный ресурс] // Милютинское сельское поселение. – 2025. – 28 марта. – URL: https://milutinskoesp.ru/new/federalnoe-agentstvo-po-delam-molodezhi-rosmolodezh(дата обращения: 07.03.2026).

6. Правила оформления пристатейных списков литературы [Электронный ресурс] // Казанский медицинский журнал. – URL: https://kazanmedjournal.ru/kazanmedj/pages/view/references-guidelines (дата обращения: 07.03.2026).

7. Вместе — против идеологии экстремизма и терроризма [Электронный ресурс] // Администрация Ленинградской области. – 2025. – 27 ноября. – URL: https://lenobl.ru/ru/dlya-smi/news/89212/(дата обращения: 07.03.2026).

8. Как составить библиографическое описание для списка к статье [Электронный ресурс] // Государственный университет "Дубна". – URL: https://lib.uni-dubna.ru/MegaPro_new/WEB/home/Custom/web_help15_recomends_sbs_spst (дата обращения: 07.03.2026).

9. Полномочный представитель принял участие в заседании Национального антитеррористического комитета [Электронный ресурс] // Официальный сайт полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе. – URL: http://sfo.gov.ru/press/novosti/12477/(дата обращения: 07.03.2026).

10. В помощь автору [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – URL: http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/avtoru (дата обращения: 07.03.2026).

УДК 343

Рубцова А. С.
доцент кафедры уголовного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
кандидат юридических наук, доцент

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ: ПРОЯВЛЕНИЕ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Аннотация. Одним из важнейших направлений уголовной политики современного государства должна являться защита общественного сознания от манипулятивных воздействий. Опасные проявления таких манипуляций, являются попытками заместить в сознании молодежи представление о сущности нацизма и фашизма. В статье рассматривается вопрос о непосредственном объекте реабилитации нацизма, некоторые вопросы квалификации. Обосновывается нецелесообразность снижения возраста уголовной ответственности.

Ключевые слова: Уголовная ответственность, реабилитация нацизма,

неонацизм, субъект преступления, общественная опасность, манипулирование сознанием.

Rubtsova A. S.

MANIPULATIVE INFLUENCES ON CONSCIOUSNESS: MANIFESTATION IN EXTREMIST CRIMES

Abstract. One of the most important directions of the criminal policy of a modern state should be the protection of public consciousness from manipulative influences. One of the dangerous manifestations of such manipulations is an attempt to replace the idea of the essence of Nazism and fascism in the minds of young people. The article discusses the question of the direct object of rehabilitation of Nazism, some qualification issues. The inappropriateness of lowering the age of criminal responsibility is substantiated.

Key words: Criminal liability, rehabilitation of Nazism, neo-Nazism, subject of crime, public danger

Согласно Указу Президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» от 18 июня 2024 г. № 529 (далее – Указ № 529) одним из приоритетных направлений научно-технологического развития является укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования.

Социокультурная идентичность в современных условиях есть способ, при помощи которого человек определяет себя через принадлежность к определённой культуре, группе или обществу, которая формируется на основе общего языка, традиций, ценностей, норм поведения, символов и моделей коммуникации. За термином «социокультурная идентичность» стоит не столько логически строгое понятие, сколько феномен, имеющий сложное социально-психологическое содержание и глубокие культурно-исторические корни.

Экстремизм и фальсификация истории тесно связаны. Отсутствие твердых базовых знаний у молодёжи позволяет успешно манипулировать ею, и это одна из острых проблем, связанная с обеспечением национальной безопасности в идеологической сфере. Большинство связывает фальсификацию истории с событиями Великой Отечественной войны, однако проблема лежит значительно глубже.

Методы и формы фальсификации истории и многочисленны, и многообразны. Ныне не редкость манипуляция оценками исторических фактов, которая, проводя сравнение фашизма и коммунизма, ставит целью уравнивать идеологию фашизма и коммунизма. Даже попытки на уровне отдельных государств восхвалять пособников нацизма, очерняя роль Красной Армии, демонстрируют тенденцию грубого искажения фактов. И такие тенденции одно из опасных направлений, на наш взгляд, под целенаправленный пересмотр итогов Второй мировой войны.

Исследование международных актов показало, что на данный момент отсутствует комплексное международно-правовое регулирование вопросов

противодействия распространения и осуществления нацисткой деятельности. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма в той или иной форме хорошо известна зарубежному уголовному законодательству. Применительно к государствам Европы можно говорить о трех основных моделях уголовно-правового запрета реабилитации нацизма:

– норма о реабилитации нацизма самостоятельно закреплена в уголовном законодательстве;

– в государстве принят отдельный закон, посвященный вопросам реабилитации нацизма и криминализирующий деяния такого рода;

– деяния, образующие реабилитацию нацизма, преследуются по уголовно-правовым нормам о преступлениях против конституционных прав и свобод граждан.

При этом в мире есть государства, например Украина и США, которые прямо уклоняются от принятия соответствующих норм, опираясь на нарушение принципа свободы слова.

Поэтому введение в Уголовный кодекс в 2014 году ст. 354^1 было своевременным и обоснованным.

Реабилитация нацизма - это оправдание его репутации, означающее его невиновность и установление несправедливости имевшегося уголовного преследования Международным военным трибуналом в Нюрнберге с 20.11.1945 по 01.10.1946, и незаконности его итоговых решений.

Криминализация того или иного деяния во многом зависит от желания законодателя защитить определенные общественные отношения.

Дискуссию вызывает вопрос, каков же непосредственный объект реабилитация нацизма. Родовым объектом состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 354^1 УК РФ, является мир и безопасность человечества.

Под состоянием мира в научной литературе предлагается понимать именно «состояние международного мира» [1, с.92] – «охраняемые международным правом интересы соблюдения всеобщего мира и правил мирного урегулирования межгосударственных споров», безопасность отдельных государств [2, с.87], их мирное сосуществование и сотрудничество [с.118-120], а также состояние защищенности и отсутствие фактических боевых действий между государствами [4]. Исходя из приведенных позиций, можно сделать вывод, что нацизм и его реабилитация выступает в качестве катализатора начала военных действий.

Состояние безопасности человечества – это защищенность людей как биологических особей [5, с. 77], при этом такое состояние, на наш взгляд, шире по объему, чем состояние международного мира, так как не сводится только к войне и боевым действиям как таковым. Безопасность человечества является абсолютным юридическим благом.

Вопрос о непосредственном объекте рассматриваемого состава преступления так же является дискуссионным. Ряд ученых полагает, что в качестве такого объекта необходимо считать международный мир [6, с. 174], либо международную безопасность [7, с. 53]. Другая точка зрения сводится и вовсе к ошибочному расположению нормы о реабилитации нацизма в

соответствующей главе. Так, исходя из гипотезы о том, что нацизм – это наиболее радикальная форма экстремизма, некоторые ученые полагают, что данная норма должна располагаться в главе о преступлениях против общественной безопасности [8, с.46]. На наш взгляд, такой подход не представляется верным. Можно встретить мнение, что место данного состава в главе «преступления против здоровья населения и общественной нравственности» [9, с.8], что деяния, входящие в объективную сторону реабилитации нацизма никак не посягают на международный мир и международную безопасность [10, с. 87].

На наш взгляд, основной смысл криминализации деяний, закрепленных в части 1 статьи 354^1 УК РФ, состоит не в непосредственной охране неприкосновенности «исторической памяти», а в предотвращении повторения в будущем преступлений, совершенных нацистами, по причине искажения или забвения событий прошлого. Мы видим, что преднамеренное искажение истории может стать своеобразным призывом к развязыванию войны. Основной идей нацизма и нацистов, отрицание и одобрение действий которых наказуемо рассматриваемой нормой, является «расовая гигиена» - очищение от «расово чуждых» элементов [11, с.32], установление господства одной «чистой» расы, что уже является угрозой существования человечества. Формирование в сознании отдельных групп или даже всего общества допустимости подобной идеологии, создает потенциальную угрозу формирования новых национал-социалистических или неонацистских движений, что может найти отклик в других государствах и развязать конфликт мирового масштаба. В современных условиях мы видим, что подобная перспектива не так уж и туманна. Общественная опасность проявлений идеологии нацизма проявляется не только с тезисами о человеконенавистничестве и недопустимости возврата в цивилизованном мире к открытому социальному противостоянию, основанному на пропаганде превосходства и отрицанию общечеловеческих ценностей [12, с.136-162; с. 1068 -1074]. Таким образом, расположение части 1 статьи 354^1 в разделе XII УК РФ обоснованно и целесообразно. Этот подход также используется такими зарубежными государствами, как Армения [13, Электронный ресурс.], Беларусь [14, Электронный ресурс].

Под одобрением преступлений, указанных в приговорах МВТ, понимается заявление, сообщение неопределенному кругу лиц о признании допустимости совершенных нацистами международно-правовых преступлений в годы ВОВ, об их оправдании, одобрении, правильности, заслуживающими поддержки и похвалы, и т.п. В эпоху развития Интернета действия такого рода чаще всего происходят именно в социальных сетях путем размещения подобных публикаций.

Уголовная ответственность не наступает за оценочные суждения, предположения и догадки, а также за мнения о событии, которое не оценено однозначно «позитивно» или «негативно» в истории.

Наиболее сложным для правоприменителя может стать вопрос оценки художественного вымысла в произведении, если в нем содержится информация, которая отличается от традиционного для российского общества

представления роли СССР во Второй мировой войне. Например, в таком направлении как альтернативная история, которое весьма популярно и не редко подается как нон-фикшн. Художественный вымысел не должен искажать достоверно установленные исторические факты, иначе это может расцениваться как манипулирование в политических целях. Обывателю, особенно если он молод, сложно провести грань между вымыслом и правдой – она очень тонка. Таким образом, мы считаем недопустимым умышленное искажение неоднократно установленных исторических фактов, в частности фактов о роли СССР в годы Второй Мировой войны, а также оправдание этих действий наличием творческого художественного умысла у субъекта.

Некоторые авторы предлагали дополнить примечание к статье 354^1 УК РФ: «Действие настоящей статьи не распространяется на проведение научных исторических исследований и представление их результатов, ведение научных дискуссий, если эти действия не связаны с умышленным искажением полученных данных» [15, с.146]. Думается оно совершенно не решит возникающие проблемы. Скорее стоит обратиться к практике, сформировавшейся при применении ст. 205^2 УК РФ. Если автор в произведении изображает героев-нацистов, как положительных, объясняет их поступки как допустимые, пытается убедить читателя в наличии рациональной составляющей в их существовании. Субъектом реабилитации нацизма является любое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста на момент совершения какого-либо из деяний, образующих объективную сторону этих составов преступлений. Встречаются точки зрения о том, что для более эффективного применения ст. 354^1 УК РФ необходимо снизить возраст уголовной ответственности до 14 лет[i] ввиду достижения такими подростками социальной зрелости. На наш взгляд, данные предложения нецелесообразны, в возрасте 14 лет подростки не обладают достаточными знаниями, школьный курс истории не предусматривает изучения Великой Отечественной войны, фактов о ней ранее 10 класса [16, с.1068-1074]. В свою очередь, установление того или иного порога возраста уголовной ответственности прежде всего связано с достижением социальной, эмоциональной, интеллектуальной зрелости, достаточной для осознания ответственности перед обществом. Более эффективной мерой будет проведение воспитательной и просветительской работы среди несовершеннолетних, повышать их историческую и культурную грамотность.

Исходя из проведенного исследования и его результатов, мы пришли к следующим выводам:

Нацизм, как наиболее радикальное проявление фашизма, является самой опасной формой экстремистской деятельности. Мы пришли к выводу о юридической обоснованности криминализации реабилитации нацизма именно как преступления против мира и безопасности человечества.

В российском уголовном праве преступление реабилитации нацизма изначально направлено на причинение вреда общественным отношениям и интересам по обеспечению безопасности всего человечества. В связи с этим, мы считаем верным определить непосредственный объект состава преступления, закрепленного в части 1 статьи 354^1 УК РФ, как общественные отношения по

обеспечению международной безопасности человечества в связи с существующими рисками возрождения идеологии нацизма, как основы конфликтов мирового масштаба.

В настоящее время в УК РФ появился комплекс норм, направленный на борьбу с подобной дезинформацией. Кроме «традиционных» норм, направленных на противодействие распространения ложной информации, эффективной профилактикой противодействию распространения «истерических фейков» могли бы стать ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, предусматривающие ответственность за распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан и распространение заведомо ложной общественно значимой информации. Пресекаются попытки вброса «фейковой» информации о ходе проведения специальной военной операции, в том числе и включением в УК РФ статьи 280.3, несомненно, направленной пресечь попытки манипулирования сознанием населения.

Список использованных источников

1. Суворов В.А. Понимание международного мира как объекта уголовно-правовой охраны (на примере акта международного терроризма) // Преступления против мира: сборник трудов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Б. В. Яцеленко. – Москва. 2019.

2. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2007.

3. Багандова Л.З. Уголовно-правовая оценка ревизии приговоров Нюрнбергского процесса // Нюрнбергский процесс: преступления и правосудие: сборник тезисов научных докладов Всероссийской конференции, посвященной 75-летию окончания работы Нюрнбергского трибунала (Москва, 8 ноября 2021 г.). - Москва, 2021.

4. Преступления против мира и безопасности человечества / Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г.; Под науч. ред.: Наумов А.В. - С.-Пб., 2004

5. Кощин В. Ф. Маршакова Н. Н. Проблемы классификации преступлений против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве // Юридический мир. 2007 № 10.

6. Бадальянц Э.Ю. Реабилитация нацизма: уголовно-правовая характеристика // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. 2014. Выпуск 8.

7. Кибальник А.Г. Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества: монография / А. Г. Кибальник, А. Ю. Иванов. - Москва: Юрлитинформ, 2019.

8. Хлестов О.Н., Прокофьев Н.В. Уроки Нюрнберга // Без срока давности. К 60-летию Нюрнбергского процесса. М., 2006. .

9. Турышев А. А. Реабилитация нацизма в УК РФ // Правовых технологии. 2014. №1.

10. Осипов М.Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере ст. 354^1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Юридическая наука, 2014. №2,

11. Фрай Н. Горство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933-1945. М., 2009.

12. Белинский А.В. «Он снова здесь»: дело национал-социалистического подполья» и угроза правового терроризма в Германии // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. ; Багандова Л.З. Реабилитация нацизма: проблемы теории и правоприменения // Правовые акты и правовые договоры: теоретические и практические проблемы: Сборник статей. — М.: РГУП, 2021.

13. Уголовный кодекс республики Армения [Электронный ресурс] // URL: https://www.legislationline.org/download/id/8989/file/ARM_Criminal%20Code_ru_as%20of%2010%20Jul%202019.pdf

14. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=1257;-50#pos=1257;-50 (дата обращения – 12.03.2022 г.)

15. Игнатенко В.В. Некоторые проблемы законодательной регламентации
реабилитации нацизма // Актуальные проблемы российской правовой политики. Таганрог, 2016.

16. Багандова Л.З. Реабилитация нацизма: проблемы теории и правоприменения // Правовые акты и правовые договоры: теоретические и практические проблемы: Сборник статей. — М.: РГУП, 2021.

УДК 343.85

Тепляшин П. В.
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России, г. Красноярск

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЖЕНИЙ ПАНАМСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ 2008 ГОДА

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы предупреждения преступлений террористической и экстремистской направленности сквозь призму гармонизации российского законодательства с международными антитеррористическими стандартами. Анализируются положения Панамской декларации 2008 года, ее влияние на формирование российской антитеррористической политики в контексте выполнения резолюций ООН. На основе статистических данных 2025 года выявляются проблемные поля (трансграничный характер угроз, конвергенция с иными видами преступности)

и обосновываются прогностические подходы к предупреждению данных деяний. Формулируются криминологические меры, направленные на создание адаптивной системы предупреждения обозначенных посягательств.

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование, международное сотрудничество, Панамская декларация, предупреждение преступлений, финансирование терроризма, экстремизм.

Teplyashin P. V.

PREVENTING TERRORIST AND EXTREMIST CRIMES: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS AND PREDICTIVE APPROACHES IN THE CONTEXT OF THE PROVISIONS OF THE 2008 PANAMA DECLARATION

Annotation. This article examines current issues in preventing terrorist and extremist crimes through the lens of harmonizing Russian legislation with international anti-terrorism standards. It analyzes the provisions of the 2008 Panama Declaration and its impact on shaping Russia's counterterrorism policy in the context of implementing UN resolutions. Using statistical data from 2025, it identifies problem areas (the cross-border nature of threats and convergence with other types of crime) and substantiates predictive approaches to preventing these crimes. Criminological measures are formulated to create an adaptive system for preventing these attacks.

Keywords: criminological forecasting, international cooperation, Panama Declaration, crime prevention, terrorist financing, extremism.

Современная криминологическая наука и правоприменительная практика сталкиваются с необходимостью переосмысления подходов к противодействию терроризму и экстремизму. Сама постановка вопроса о транснациональной природе этих крайне опасных явлений, получившая концептуальное оформление в ряде международных документов рубежа XX-XXI веков – включая Панамскую декларацию 2008 года (далее – Декларация), – сегодня требует не столько ревизии заложенных принципов, сколько оценки их реализуемости в качественно изменившихся условиях. При этом важно заметить, что Панамская декларация, принятая по итогам второй Конференции министров стран Латинской Америки (Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Перу, Сальвадор), стала результатом широкого международного диалога и была ориентирована на выполнение резолюций Совета Безопасности ООН и положений Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Данный международно-правовой документ не имеет для России прямого юридически обязывающего характера, но является частью глобального консенсуса по борьбе с терроризмом. Однако, Российская Федерация учитывает заложенные в Панамской декларации принципы при формировании своей антитеррористической политики, поскольку эти идеи базируются на универсальных резолюциях ООН, которые Россия обязана выполнять. На

данные аспекты указывается в специальных исследованиях [1, с. 93; 2, с. 5]. Таким образом, влияние декларации проявляется в русле общей гармонизации международного и российского антитеррористического законодательства.

Панамская декларация аккумулировала ключевые подходы к борьбе с терроризмом, которые к тому моменту уже были сформулированы во многих документах ООН. Однако её ценность заключается в конкретизации механизмов международного сотрудничества: обмен информацией в режиме реального времени, пресечение финансирования терроризма, защита потерпевших и свидетелей.

Для Российской Федерации, не участвовавшей в подписании Декларации, ее положения имеют опосредованное, но важное значение. Выступая за унификацию антитеррористического законодательства в рамках таких международных организаций как СНГ, ШОС, ОДКБ и БРИКС, Россия объективно ориентируется на те же базовые принципы, которые лежат в основе Панамской декларации: неотвратимость наказания, блокировка финансовых потоков террористов, недопустимость использования убежища для лиц, причастных к террористической деятельности. Эти принципы производны от обязательных для исполнения резолюций Совета Безопасности ООН (в частности, Резолюция 1624 (2005)), что и обеспечивает их имплементацию в российское законодательство.

В контексте изложенных умозаключений целесообразно заметить, что статистические данные о состоянии преступности в России за 2025 года демонстрируют тревожные тенденции, которые актуализируют обращение к международному опыту. Так, наблюдается резкий рост регистрируемых преступлений террористического характера – на 59,4% (зарегистрировано 5920 преступлений), а также преступлений экстремистской направленности – на 30,4% (2241 преступление). Этот всплеск происходит на фоне общего снижения преступности (-7,3%), что указывает на изменение структуры угроз, а не на общий рост криминальной экспансии.

В этой связи первое проблемное поле заключается в высокой латентности и трансграничном характере террористических угроз. Так, из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера в 2025 году 161 совершено за пределами Российской Федерации (+4,5%). Это прямо коррелирует с положениями Панамской декларации, призывающей к координации действий разных государств. Транснациональный характер современного терроризма требует от России не просто национальных мер, а активного участия в международных механизмах розыска, экстрадиции и обмена оперативной информацией.

Второе проблемное поле высвечивает конвергенцию терроризма с иными видами преступности. Рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (+8,4%) и увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений (с 32,3% до 35,5%) фактически усиливают финансовую базу для экстремистской и террористической деятельности. Панамская декларация особо акцентирует внимание на необходимости пресечения финансовых потоков, и Россия в русле общемировых тенденций усиливает роль Росфинмониторинга в отслеживании подозрительных транзакций, которые могут быть связаны с поддержкой

террористических ячеек.

Итак, учет международных стандартов, включая принципы, закрепленные в Панамской декларации, требует внедрения прогностических методов, позволяющих действовать на опережение в деле противодействия совершения преступлений, связанных с террористической и экстремистской деятельностью. И здесь нельзя не заметить, что Россия, гармонизируя свое законодательство с международными нормами, получает доступ к передовым практикам криминологического прогнозирования. Это выражается в следующем. Во-первых, необходимо внедрение систем искусственного интеллекта для мониторинга глобальной сети. Учитывая, что значительная часть экстремистского контента генерируется за пределами юрисдикции Российской Федерации, только международное сотрудничество в рамках соглашений, развивающих идеи Панамской декларации, позволяет оперативно блокировать такие ресурсы. Во-вторых, прогностический подход требует разработки системы индикаторов социальной напряженности на стыке миграционных процессов и экономической нестабильности. В 2025 году рост преступлений, совершенных иностранными гражданами (+6,5%), требует не только усиления контроля, но и профилактической работы, основанной на лучших международных практиках ресоциализации, которые также упоминаются в декларации.

Опираясь на анализ криминологической статистики за 2025 год и учитывая необходимость гармонизации российского законодательства с международными антитеррористическими стандартами, производными от резолюций ООН и нашедшими отражение в Панамской декларации, предлагается следующий комплекс мер:

1) имплементация механизмов «финансовой разведки». Так, в развитие положений Декларации необходимо расширить полномочия Росфинмониторинга по блокировке активов лиц, подозреваемых в связи с террористической деятельностью, даже если сами финансовые операции осуществляются через зарубежные юрисдикции. Это требует заключения двусторонних соглашений об обмене финансовой информацией;

2) создание межведомственных прогностических центров (криминологических кластеров). Это предполагает инициирование на базе регионов с наиболее сложной обстановкой (где зафиксирован рост экстремистских проявлений и террористических деяний) сформировать единые пилотные площадки, объединяющие аналитиков МВД, ФСБ, иных правоохранительных органов, а также экспертов в области цифровых технологий. Задача таких кластеров заключается в выстраивании прогнозов и обосновании мер упреждающего воздействия, тем самым адаптируя международный опыт к российской специфике;

3) упрощение процедур выдачи преступников. Данная мера обуславливает активизацию работы по заключению международных договоров, позволяющих осуществлять экстрадицию лиц, подозреваемых в терроризме, в максимально короткие сроки, без излишних бюрократических процедур;

4) развитие институтов защиты потерпевших и свидетелей, что указывает на необходимость расширения программ государственной защиты участников

процесса. Ведь рост числа тяжких преступлений требует адекватного обеспечения безопасности тех, кто сотрудничает со следствием, особенно в делах, связанных с организованными террористическими организациями.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что терроризм и экстремизм остаются наиболее динамично растущими угрозами. В этих условиях Российская Федерация, следуя своим международным обязательствам перед ООН, объективно учитывает те принципы и подходы, которые были аккумулированы в таких документах, как, например, Панамская декларация. Гармонизация национального законодательства с международными стандартами – это объективная необходимость, позволяющая интегрироваться в глобальную систему безопасности. Предложенные организационные (криминологические) меры направлены на создание гибкой, адаптивной системы предупреждения, способной отвечать на современные вызовы в координации с иностранными государствами и профильными международными структурами.

Список использованных источников

1. Гатауллин З.Ш. Международные акты об уголовном преследовании терроризма // Общество и право. – 2017. – № 4. – С. 93-98.

2. Ильичев И.Е. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий, истоки и современность // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2020. – № 4. – С. 4-12.

СЕКЦИЯ 5

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

УДК 347.962

Бибило В. Н.
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОСУДИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы социально-правового регулирования правосудия в современном обществе. Акцентируется внимание на самостоятельность и независимость судебной власти при рассмотрении юридических конфликтов. В процессе судебной деятельности реализуются социальные нормы, присущие обществу на определенном этапе его исторического развития. Среди них право является основным регулятором. Правовые требования к судьям обеспечивают легитимность судебной власти.

Ключевые слова: судебная власть, право, правосудие, социальные нормы, регулирование, легитимность.

Bibilo V. N.

SOCIAL AND LEGAL REGULATION OF JUSTICE IN MODERN SOCIETY

Abstract. This article examines the socio-legal regulation of justice in modern society. It emphasizes the independence and autonomy of the judiciary in resolving legal disputes. Judicial activity implements social norms inherent to society at a particular stage of its historical development. Among these, law is the primary regulator. Legal requirements for judges ensure the legitimacy of the judiciary.

Keywords: judiciary, law, justice, social norms, regulation, legitimacy.

Человеческое общество представляет собой социальную систему, в рамках которой люди неизбежно взаимодействуют между собой. Крупномасштабные изменения характера их взаимодействия ведут к преобразованиям в обществе. Государство как политическая организация общества наиболее чутко реагирует на эти изменения. Грани государственной власти подвижны и меняются в зависимости от многих факторов, в том числе от конкретной исторической эпохи и политического режима, установившегося в государстве. По своей глубинной природе государство есть особая политическая сила, которая призвана обеспечивать соблюдение прав человека.

В случае их нарушения оно путем реализации судебной власти принуждает к восстановлению его прав.

В отличие от законодательной и исполнительной властей, определяющих перспективы развития государства и политически ответственных за принимаемые решения, судебная власть не ставит перед собой цель предусмотреть и регламентировать будущее. Она имеет дело с конкретным случаем нарушения прав человека. Кроме того, ее роль состоит в том, чтобы приводить в баланс законодательную и исполнительную власти и мешать им выходить за пределы своего предназначения. Это происходит прежде всего через судебные органы конституционного контроля.

Судебной власти как целостному явлению присущи две стороны: политическая и юридическая. Такая дихотомия помогает выявить потенциальные возможности каждой из них. Прежде всего судебную власть необходимо соотносить с законодательной и исполнительной властями. Все они соразмерны, поскольку каждая остается видом государственной власти, составляя один пласт, срез понятия «судебная власть», идущий через поиски общего, что присуще вообще всем видам государственной власти. Поэтому можно сказать, что судебной властью является то, что охватывается ею, т. е. те общественные отношения, природа которых требует реализации судебной власти, та сфера общественных отношений, которые она в состоянии охватить своей юрисдикцией. Только через политическую сторону судебной власти невозможно добиться ее результативности. В дополнение к ней нужна юридическая сторона. Сообща они могут реализовать предназначение судебной власти в целом: рассмотрение и разрешение юридического конфликта.

Каждая система государственных органов является организационным выражением государственной власти. Основополагающий критерий классификации государственных органов – выполняемые ими функции государства. Функцию, связанную с охраной правопорядка, прав и свобод человека, обоснованно именовать точным и емким названием – «правоохранительная функция», которую в той или иной мере осуществляют все государственные органы. Во избежание сомнений, какая из функций присуща соответствующим государственным органам, необходимо их четкое правовое закрепление. В действующем законодательстве сказано, что суды осуществляют правосудие.

Выражением судебной власти является функция правосудия, в ходе реализации которой возникает такое юридическое явление, как компетенция суда. Возложение на суд слишком широкой компетенции приведет к размыванию границ функции правосудия и осуществлению судом компетенции за ее пределами без гарантий, присущих природе правосудия. В свою очередь, слишком узкая компетенция суда оставит функцию правосудия нереализованной. Компетенция суда выражается в деятельности суда как совокупности действий, совершаемых в определенной последовательности, что в конечном счете образует конкретный вид судопроизводства.

Анализ структуры судебной деятельности показывает, что если ее основанием являются сознательно формулируемые задачи, то сами задачи

лежат вне их, в сфере идеалов и ценностей людей. Отсюда следует, что сущность судебной деятельности нельзя понять, не выходя за пределы ее непосредственного процесса, не давая ей внешних очертаний. В связи с этим основными признаками судебной деятельности являются: осознание задач; планирование действий, направленных на решение задач; целеполагание и свободный выбор судьей своих решений; организация действий по осуществлению задач; соотношение поставленных задач и реальных, достигнутых результатов деятельности.

При осуществлении судебной деятельности реализуются различные социальные нормы. В обществе социальные нормы выполняют особое предназначение, выступая как регуляторами социализации личности, так и элементами общественного сознания, отражающимися в индивидуальном сознании судьи и его деятельности. В системе социальных норм правовые нормы являются основным, фундаментальным регулятором деятельности суда и занимают особое место в системе других социальных регуляторов. Наряду с нормами права реализуются идеологические, политические, религиозные, этические, эстетические нормы, т. е. весь комплекс социальных норм, присущих данному обществу и усвоенных его индивидами.

Реализация социальных норм в деятельности судьи в конечном счете предопределяется уровнем его культуры, что составляет личностную характеристику судьи. Его индивидуальное сознание не просто слепок функционирующих в обществе норм, а их активная творческая адаптация к процессу правосудия [1, с. 121–145].

Обратим внимание на нежелательность проявления крайности в выборе вида социального регулирования судебной деятельности. Недостаточная правовая регламентация порождает такое отрицательное последствие, как возможность произвола со стороны суда, чрезмерная – ведет к скованности его инициативы в исследовании обстоятельств дела, что может послужить причиной вынесения незаконного и необоснованного решения. Надлежащее регулирование правосудия характеризуется тем, что в нем органически сочетаются различные виды социальных норм, причем исходными являются правовые нормы, а остальные носят дополнительный характер. Норма права появляется тогда, когда последствием установления определенного правила является ограничение или, наоборот, расширение свободы участников общественных отношений.

В системе социального регулирования право является основополагающим элементом. Как отмечает Х. И. Гаджиев, «право следует рассматривать в качестве социальной науки, живущей в союзе с философией, экономикой, историей, социологией, логикой и политологией, актуальность синтеза которых возрастает в процессе судебной аргументации» [2, с. 38]. Судья, являясь профессиональным субъектом правоотношений, не изолирован от происходящего в обществе. Он представитель определенной социальной группы, получивший от нее качества, которые послужили основой для определения его правового положения, что выражается в таких понятиях, как «правоотношение», «правовая культура» и «правое воспитание». Эти исходные

явления создают целостный, абстрактный образ человека. Длительное время обобщенного понятия для обозначения соединенных воедино качеств индивида не было. И только в XX в. в научном обороте начала утверждаться категория «идентичность». При этом под идентичностью имеют в виду «особый способ связи индивида и общества, основанный на операции отождествления. Человек отождествляет себя, во-первых, с самим собой, признавая последовательность своих поступков, мыслей, чувств, событий своей жизни и тем самым внутренне конструируя себя в качестве целостной личности; во-вторых, что важнее с точки зрения социальности, он отождествляет себя с той социальной общностью, членом которой является, и тем самым дает согласие на подчинение ее нормам и ценностям» [3, с. 4].

В сфере социальных наук «идентичность» становится ключевым термином и, как отмечает И. Л. Честнов, вытесняет традиционное понятие «общественное сознание» или, по крайней мере, сосуществует рядом с ним и становится более популярным, что связано с антропологическим «поворотом» в социогуманитарном знании, произошедшем во второй половине XX в. и который акцентирует внимание на человекомерности социальных явлений. Антропологический поворот означает, что идентичность – это содержательная характеристика личности, необходимое условие существования любой нормативной системы [4, с. 29]. И все же идентичность – это абстрактное, общее понятие, проявляющееся в конкретных идентичностях. Данный аспект наиболее наглядно можно проследить на примере изменения правового статуса судей в Беларуси.

Согласно Кодексу Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. «Судьи всех судов в Республике Беларусь обладают единым статусом и различаются между собой полномочиями» (ст. 66). К кандидату на должность судьи Конституционного Суда Республики Беларусь и судов общей юрисдикции предъявляются соответствующие требования, касающиеся их гражданства, возраста, уровня образования, знания государственных языков, стажа работы по специальности, стажировки, квалификационного экзамена на должность судьи (ст. 73–82). Одним словом, чтобы быть легитимным судьей Республики Беларусь, надо пройти путь легитимации. Заметим, что на различных этапах белорусской государственности к кандидатам на должность судьи предъявлялись различные требования. Так, в соответствии с Положением о судоустройстве БССР от 30 марта 1923 г., народным судьей мог быть всякий неопороченный по суду гражданин или гражданка БССР, имеющие право избирать и быть избранными в Советы, а также имеющие двухгодичный стаж ответственной политической работы (ст. 11) [5, с. 55]. Примерно такие же требования были изложены в Положении о судоустройстве БССР от 31 октября 1925 г. [5, с. 102–103]. В Законе о судоустройстве Белорусской Советской Социалистической Республики от 20 ноября 1959 г. в ст. 16 содержалась довольно лаконичная формулировка о том, что судьей может быть избран каждый гражданин СССР, достигший ко дню выборов 25 лет [5, с. 159].

Правовой статус судей выражается в независимости, несменяемости и неприкосновенности судей. Наличие этих качеств является основой

идентичности судей, но не исключает их сугубо индивидуальных особенностей, которые имеют превалирующее значение, особенно при назначении уголовного наказания.

В современных государствах нагрузка на судей возрастает, что связано с увеличением количества ходатайств и жалоб, судебным контролем за предварительным расследованием, разнообразием проверочных судебных инстанций. Цифровизация правосудия, использование искусственного интеллекта в какой-то мере сделают правосудие максимально доступным, но при этом неизбежны риски. Необходимо учитывать, что главным в деятельности судьи является его независимость при принятии решений. Ввиду того, что при осуществлении правосудия используются различные социальные нормы, искусственный интеллект не способен проявить необходимые для судьи качества, такие как соблюдение морали, человечность, гуманизм, дух закона и в целом руководствоваться соображениями справедливости. В связи с этим он не в состоянии заменить судью. Судья не должен передавать искусственному интеллекту свое свободное усмотрение при осуществлении правосудия. Однако искусственный интеллект способен оказывать судам инструментальные услуги, поиск законодательства, норм права, судебных прецедентов, составление юридических документов, т. е. того, что прямо не касается осуществления судебной власти.

Список использованных источников

1. Бибило В.Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. – Минск: Право и экономика, 2001. – 210 с.
2. Гаджиев Х.И. Роль судебной аргументации в обеспечении устойчивого конституционно-правового развития // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29. – № 8. – С. 34–49.
3. Резников Е.В. Теоретические проблемы правовой идентичности. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. – 199 с.
4. Честнов И.Л. Правовая идентичность: постклассическое измерение // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 28–38.
5. Белорусское законодательство о суде, прокуратуре, адвокатуре и органах охраны общественного порядка (1919–1991) / сост. В.Н. Бибило. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2011. – 464 с.

УДК 343

Галкин М. А.
аспирант кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии

ВОЗМОЖНА ЛИ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА?

Аннотация. В статье анализируется законодательная регламентация права на защиту лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о

преступлении. Автор приходит к выводу о том, несмотря на внесенные в УПК РФ изменения, касающиеся порядка осуществления проверки оснований для возбуждения уголовного дела и расширившие права участников такой проверки, ныне право на защиту для лица, в отношении которого в начальной стадии процесса осуществляются изобличительные действия, не обеспечено.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, участие и полномочия адвоката в стадии возбуждения уголовного дела, начало уголовного преследования, вступление защитника в уголовно-процессуальную деятельность.

Galkin M. A.

IS IT POSSIBLE TO EXERCISE THE RIGHT TO DEFENSE BEFORE A CRIMINAL CASE IS INITIATED?

Annotation. This article analyzes the legislative regulation of the rights of individuals subject to a criminal investigation. The author concludes that, despite amendments and additions to the Russian Criminal Procedure Code regarding the procedure for verifying grounds for initiating a criminal case and expanding the rights of those involved in such investigations, the right to defense for individuals who are clearly subject to incriminating actions during the criminal investigation phase is currently not guaranteed.

Keywords: Verification of a crime report, participation and powers of a lawyer at the stage of initiating a criminal case, initiation of criminal prosecution, entry of a defense attorney into criminal procedural activities.

Если исходить из традиционного понимания уголовно-процессуальной защиты, как «деятельности обвиняемого (подозреваемого) и его защитника, направленной на опровержение обвинения, представление доказательств, оправдывающих или смягчающих ответственность обвиняемого (подозреваемого)» [1, с. 26; 2, с. 145, 198; 3, с. 3; 4, с. 10; 5, с. 81], «обеспечивающей права и законные интересы лиц, подвергаемых уголовному преследованию» [6, с. 19], то право на защиту должно возникать после возбуждения уголовного дела и появления такого участника процесса, как подозреваемый или обвиняемый. Как следствие, на стадии возбуждения уголовного дела, где отсутствуют подозреваемый и, тем более, обвиняемый, более того, где пока нет и самого уголовного дела, не может существовать и реализовываться и право на защиту.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что право на защиту в форме квалифицированной юридической помощи со стороны адвоката, закрепленное в Конституции страны, не привязано к формальному факту наличия у лица статуса подозреваемого или обвиняемого. Данное право должно быть обеспечено каждому лицу, попавшему в орбиту уголовно-процессуальной деятельности, в случае реального ограничения его конституционных прав и свобод, осуществления в его отношении следственных

действий или иных мер, предпринимаемых в целях его изобличения [7], что «право пользоваться помощью адвоката-защитника гарантируется любому лицу, в отношении которого осуществляется деятельность, направленная на выявление фактов и обстоятельств, уличающих его в подготовке или совершении преступления» [8].

Данная теоретико-правовая позиция Конституционного Суда РФ была закреплена и в постановлениях Верховного Суда РФ, указавшего, что «каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы этого лица» [9], что «обеспечение права на защиту выступает в качестве одного из стержневых постулатов уголовного судопроизводства, красной нитью проходящих через все его стадии» [10].

В нормах действующего уголовно-процессуального законодательства также закреплено, что «с момента осуществления следователем (дознавателем) процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», оно имеет право на получение квалифицированной юридической помощи со стороны адвоката (ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ). Часть же ч. 3 ст. 49 УПК РФ уточняет, что такое лицо может получить помощь не просто адвоката, а защитника. Указание в данной норме уголовно-процессуального закона на участие именно защитника в стадии возбуждения дела, на наш взгляд, связано именно с тем, что, регламентируя порядок проверки сообщения о преступлении, УПК РФ допускает возможность осуществления уголовного преследования, а значит и появление права на защиту еще до принятия решения о возбуждении дела.

Но при этом возникает вопрос о том, в каких пределах может быть реализовано данное право в первой стадии российского уголовного процесса. УПК РФ, предусматривая участие адвоката в стадии возбуждения уголовного дела, не регламентирует его права, поэтому неясным является то, могут ли быть эти права такими же, как права адвоката-защитника в стадии предварительного расследования. По мнению многих авторов, процессуальное положение адвоката, «представляющего интересы участника проверки сообщения о преступлении и оказывающего ему квалифицированную юридическую помощь, не могут быть полностью идентичны по объему правам и обязанностям защитника» [11, с. 15: 12, с. 47], так как «право иметь защитника и право получить помощь адвоката имеют различную процессуально-правовую начинку и влекут разные последствия» [13, с. 73].

Другие же авторы полагают, что применительно к ст. 144 УПК РФ понятие «адвокат» тождественно понятию «защитник» [14], и, ссылаясь на п. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, настаивают на том, что адвокат вправе принимать участие в сборе сведений, значимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела [15, с. 114], и что он в целом должен быть наделен всеми правами защитника, участвующего в уголовном судопроизводстве [16, с. 334], что применительно к стадии возбуждения уголовного дела допустимо в полной

мере говорить об обеспечении права на защиту [17, с. 78].

Поведенное нами анкетирование адвокатов, а также опубликованные данные других авторов свидетельствуют о том, что, участвуя в стадии возбуждения уголовного дела и представляя интересы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, адвокаты участвуют в производстве процессуальных действий с участием доверителя (в большинстве случаев - объяснений), заявляют ходатайства в целях обеспечения его прав и законных интересов, знакомятся с материалами проверки сообщения о преступлении, обжалуют незаконные действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении [18, с. 81]. Но при этом все опрошенные нами адвокаты единодушно заявили о существенных трудностях, которые они испытывали при реализации указанных прав в стадии возбуждения уголовного дела. Так, при заявлении ходатайств об ознакомлении с материалами проверки сообщения о преступлении, как правило, следует отказ со стороны следователя (дознавателя) в связи с тем, что УПК РФ не предусматривает такого права адвоката-защитника. Если адвокат самостоятельно собирал какие-либо сведения, имеющие значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, то чаще всего органы предварительного расследования отказывали в их приобщении к материалам проверки, утверждая, что эти сведения получены путем, не предусмотренным УПК РФ. Некоторые из адвокатов говорили об отказе следователей (дознавателей) в рамках доследственной проверки допустить их присутствие при опросе лица, в отношении которого проводилась такая проверка, в силу того, что в законе нет четкого указания на подобное право адвоката.

Таким образом, отсутствие в УПК РФ нормативной регламентации процессуальных прав адвоката, оказывающего квалифицированную юридическую помощь при проверке сообщения о преступлении, является причиной необоснованного ограничения его процессуальных возможностей и существенно затрудняет реализацию права на защиту лицом, в отношении которого фактически осуществляется уголовное преследование.

Кроме того, реализация права на защиту лицами, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении, значительно затруднена и в связи с недостаточной осведомленностью этих лиц о своих правах. Хотя ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, возлагая на следователей (дознавателей) обязанность разъяснять лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, их права, казалось бы, гарантирует возможность осуществления этих прав, но в действительности указанная обязанность органами расследования зачастую не выполняется. По опубликованным данным, около 40 % таких лиц не знают о своем праве на адвоката [19, с. 76]. Подавляющее большинство авторов, занимающихся проблемами стадии возбуждения уголовного дела, единодушно отмечают, что лицо, предположительно причастное к совершению преступления, либо вообще не информируется следователем (дознавателем) о своих правах, либо не обладает необходимыми знаниями о порядке их реализации [17, с. 81; 20].

Таким образом, для эффективной реализации права на защиту лицами, в отношении которых в стадии возбуждения уголовного дела проводится проверка сообщения о преступлении, необходимо внести законодательную определенность в процессуальное положение адвоката, участвующего в такой проверке. Если адвокат оказывает квалифицированную юридическую помощь лицу, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении и которое после возбуждения уголовного дела с большой долей вероятности приобретет статус подозреваемого, адвокат должен быть наделен правами защитника, включая право собирать сведения, подтверждающие наличие или отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела.

Также требуется детализация порядка исполнения обязанности следователя (дознавателя), производящего проверку сообщения о преступлении, по обеспечению реализации прав лица, в отношении которого проводится указанная проверка. Считаем целесообразным дополнить ст. 16 УПК РФ, посвященную обеспечению подозреваемому и обвиняемому права на защиту, положением о том, что данное право также обеспечивается лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, а на следователя (дознавателя) возлагается обязанность разъяснять такому лицу его право защищаться самостоятельно или с помощью адвоката-защитника.

Осуществление в первой стадии российского уголовного процесса изобличительных действий, установление причастности к преступлению лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, безусловно и в полной мере должно влечь появление у него права на защиту. Реализация этого права в рамках доследственной проверки является важнейшей гарантией принятия законного и обоснованного решения о начале производства по уголовному делу. И крайне важно, чтобы юридическая помощь адвоката-защитника таким лицам оказывалась не постфактум - посредством обжалования окончательных решений, которые были приняты на данном этапе уголовного судопроизводства, а путем активного участия адвоката в формировании выводов, заложенных в основание таких решений.

Список использованных источников

1. Цыпкин А. Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский юридич. ин-т им. Д.И. Курского, 1959. 337 с.

2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.

3. Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М.: Юридическая литература, 1982. 174 с.

4. Баев М.О. Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования. М.: Юрлитинформ, 2014. 330 с.

5. Манова Н.С., Сибирцев Г.И. Сущность и цели уголовно-процессуальной защиты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11. (75). С. 78-86.

6. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М.: Юрлитинформ, 2015. 299 с.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Российская газета. 2000. 4 июля.

8. Определении Конституционного Суда РФ от 27.07.2017 № 1419-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 15 статьи 5, частью третьей статьи 46 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (в ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. 1995. 28 декабря.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами законодательства, обеспечивающими право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2015. 10 июля.

11. Ряполова Я. П. Участие адвоката в стадии возбуждения уголовного дела в свете новых изменений уголовно-процессуального закона // Российская юстиция. 2013. № 2. С. 13-19.

12. Васильева О.М. К вопросу об участии адвоката-защитника на стадии возбуждения уголовного дела // Адвокат. 2011. № 5. С. 41-47.

13. Лапатников М.В. Как реализовать право на защиту на этапе проверки сообщения о преступлении // Уголовный процесс. 2018. № 1. С. 73-81.

14. Ершова И.М. Участие адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании на стадии возбуждения уголовного дела. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-advokata-zaschitnika-v-ugolovno-protsessualnom-dokazyvanii-na-stadii-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela/viewer (дата обращения 10.03.2026).

15. Игнатов С.Д., Цигвинцева К.А. Участие адвоката-защитника в стадии возбуждения уголовного дела // Адвокатская практика. 2018. № 2. С. 113-119.

16. Кудник Е. А. Роль адвоката на стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 331-337.

17. Абраменко А. А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела (по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины): дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 233 с.

18. Крысина Н. Р. Квалифицированная юридическая помощь адвоката при проверке сообщения о преступлении // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 4. С. 76-85.

19. Ашлапова А.С. Проблемы обеспечения законности при предоставлении права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. 2024. № 46 (545). С. 75-77.

20. Козлов А. М. Участие адвоката в ходе проверки сообщения о преступлении // URL: https://www. ugpr.ru/article/1321-uchastie-advokata-v-hode-proverki-soobshcheniya-o-prestuplenii?ysclid=mk6mx9qwwf122998776 (дата обращения 10.03.2026).

УДК 347.9

Голобородько В. И.,
преподаватель Ясиноватского филиала
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
г. Ясиноватая
Титов А. Н.
канд. юрид. наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела исследования
проблем экономической безопасности,
ГБУ «Институт экономических исследований»
г. Донецк

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье исследуется понятие адвокатской тайны, а также рассматривается вопрос о возможности ее ограничения в условиях получения адвокатом информации о причастности доверителя к совершению другого преступления.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская тайна, защитник, юридическая помощь, доверитель.

Goloborodko V. I., Titov A. N.

LAWYER-ATTORNEY PRIVILEGES AND ITS LIMITS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. This article examines the concept of attorney-attorney privilege and considers the possibility of limiting it when a lawyer receives information about their client's involvement in another crime.

Keywords: attorney, attorney's secrecy, defense attorney, legal assistance, client.

В самом сердце уголовного судопроизводства, выступая краеугольным камнем защиты прав и обеспечения процессуального равенства сторон, лежит институт адвокатской тайны. Это не просто юридическая норма, а

фундаментальный принцип, гарантирующий доверие между адвокатом и доверителем. Сам факт закрепления в Конституции Российской Федерации (ст. 48) [1] гарантии права каждого на квалифицированную юридическую помощь запускает цепную реакцию, порождая необходимость существования независимой и профессиональной адвокатуры как основного реального механизма реализации этого конституционного права.

Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2] (далее – ФЗ № 63), четко определяет адвоката как высококвалифицированного специалиста в области права, чья основная миссия заключается в оказании всесторонней юридической помощи, направленной на защиту прав и законных интересов доверителя, включая активное участие в судебных процессах в качестве защитника и представителя.

Сущностным ядром правоотношений между адвокатом-защитником и доверителем, обладающим статусом подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, являются доверие и конфиденциальность. Именно на этой основе строится эффективная защита, поскольку адвокату необходимо получить полную и достоверную информацию об обстоятельствах дела для выстраивания адекватной линии защиты, минимизирующей негативные последствия для подзащитного. Адвокатская тайна выступает не просто механизмом, а незыблемым гарантом этой конфиденциальности.

Хотя само понятие «адвокатская тайна» в законодательстве явно не дефинируется, его основополагающие элементы и критерии закреплены в статье 8 ФЗ № 63. Сопоставление и анализ этих фрагментарных норм позволяют сформировать целостное представление о сущности данного института для правоприменительной практики.

На основании этого предложим собирательное понятие адвокатской тайны — это сведения, полученные адвокатом при оказании юридической помощи доверителю, которые не могут являться результатом допроса адвоката, а также проведения в отношении него оперативно-розыскных мероприятий.

Несмотря на нормативно закрепленный, казалось бы, неприкосновенный статус адвокатской тайны в уголовном процессе, реальные случаи ее систематического нарушения не только подрывают доверие к правосудию, но и влекут за собой ряд серьезных последствий. Прежде всего, это касается признания полученных с нарушением тайны доказательств недопустимыми, а также незаконности следственных действий, проведенных в отношении адвоката при условии разглашения конфиденциальной информации, что ставит под сомнение законность всего процесса.

Особую актуальность в контексте современного уголовного процесса приобретает дискуссия о пределах абсолютности адвокатской тайны. Насколько безгранична ее неприкосновенность, и в каких случаях допустимы, а главное – оправданы, ее законные ограничения?

Конфликт интересов достигает своей кульминации, когда адвокат, в процессе оказания защиты по текущему обвинению, получает сведения о том, что его доверитель совершил иное, не связанное с рассматриваемым делом,

преступление, либо готовит его, или продолжает его совершать (например, в случае удержания заложника). Встает предельно сложный морально-правовой вопрос: вправе ли адвокат, нарушив режим адвокатской тайны, сообщить эту информацию правоохранительным органам, преследуя цель пресечения нового преступления и привлечения доверителя к ответственности? Более того, является ли это его правом или же прямой обязанностью?

По этому поводу мнения ученых разделились.

Первая группа специалистов, отстаивая позицию абсолютной неделимости адвокатской тайны, настаивает на ее незыблемости при любых обстоятельствах, игнорируя потенциальные риски для общества (В.Ф. Анисимов [3], О.Г. Зубарева, М.В. Маевская [4], Н.С. Манова [5], В.Ю. Панченко, А.Е. Михалева [6] и др.).

Второй научный лагерь, напротив, призывает к законодательному закреплению конкретных ограничений, возлагая на адвокатов обязанность информировать компетентные органы о сведениях, касающихся готовящихся или уже совершенных преступлений, полученных в рамках профессиональной деятельности (А.Г. Кучерена [7], Ю.С. Пилипенко [8] и др.)

Однако существуют и более тонкие, дифференцированные подходы. И.Л. Петрухин, например, аргументирует, что в ситуациях, когда адвокат получает от своего доверителя информацию о намерении совершить тяжкое или особо тяжкое преступление, и когда существует реальная, действенная возможность предотвратить трагедию (избежать человеческих жертв), сообщать об этом в правоохранительные органы следует, даже в ущерб режиму адвокатской тайны [9, с. 144-145].

Данная позиция представляется нам не только логичной, но и глубоко справедливой. Приоритет сохранения жизни и здоровья человека, наивысших ценностей, охраняемых уголовным законом, неоспоримо превалирует над строгим соблюдением адвокатской тайны в критических ситуациях, угрожающих общественной безопасности.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.04.2026).

2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 09.04.2026).

3. Анисимов В.Ф. Пределы адвокатской тайны // Правовая политика и правовая жизнь. - 2013. - № 3. - С. 64-70.

4. Зубарева О.Г., Маевская М.В. К вопросу об ответственности за нарушение режима адвокатской тайны // Северо-Кавказский юридический

вестник. - 2020. - № 4. - С. 110-116.

5. Манова Н.С. Адвокатская тайна в уголовном судопроизводстве: проблемы обеспечения и реализации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. - 2018. - № 2(42). - С. 203-210.

6. Панченко В.Ю., Михалева А.Е. Правовые средства обеспечения доверия клиента при оказании юридической помощи: возможности и пределы использования // Вестник КрасГАУ 2014. - № 11(98). - С. 243-245.

7. Кучерена А. Г. Адвокатская тайна // Законность. - 2003. - № 2. - С. 47-50.

8. Пилипенко Ю.С. Адвокатская тайна: законодательный, этический, правоприменительный аспекты. – М.: Информ-Право, 2009. - 536 с.

9. Петрухин И.Л. Вам нужен адвокат... – М.: Прогресс : Универс, 1993. – 462 с.

УДК 343.3/.7

Гром Е. А.
ст. преподаватель кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
Донбасского государственного
университета юстиции, г. Донецк
Козачёк Е. С.
ст. преподаватель кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права
Донбасского государственного
университета юстиции, г. Донецк

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа судебных решений по вопросу разграничения смежных составов преступлений по части 4 статьи 111 УК РФ и части 1 статьи 109 УК РФ в рамках установления причинно-следственных связей между деянием и последствиями, а также определения форм вины. Выявлено, что способ, орудие и обстановка имеют важное значение для установления умысла виновного на причинение тяжкого вреда здоровью или получения и подтверждения выводов о причинении смерти по неосторожности по статье 109 УК РФ.

Ключевые слова: умышленное причинение, тяжкий вред здоровью, смерть по неосторожности, переквалификация.

Grom E. A., Kozachok E. S.

QUALIFICATION OF CRIMES INVOLVING CAUSAL DEATH

Abstract. The article presents the results of an analysis of court decisions on

the delineation of related criminal offenses under Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 1 of Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to establish the causal relationship between the act and its consequences, as well as to determine the forms of guilt. It has been revealed that the method, instrument, and environment are important for establishing the perpetrator's intent to cause serious harm to health or to obtain and confirm the conclusion of causing death by negligence under Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: intentional harm, serious bodily injury, and accidental death.

На современном этапе развития российского общества исследователи и правоприменители особое внимание уделяют вопросам совершенствования правовых механизмов квалификации преступлений против жизни и здоровья. Отчасти проблема обусловлена сложностью разграничения смежных составов, затруднениями в установлении причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями, а также противоречиями в определении формы вины при совершении преступлений.

Особое внимание приковано к позициям государственных обвинителей и обоснованиям в судебных решениях, которые легли в основу переквалификации деяния виновного [1; 2; 3], в том числе в порядке апелляционного или кассационного производства. Такая практика, вероятно, свидетельствует о наличии проблемы толкования норм уголовного законодательства правоприменителем, о проблеме несовершенства уголовно-правовых норм или сложности установления объективной и субъективной стороны преступления. В таких условиях тема исследования сохраняет актуальность и является востребованной в сфере следственно-судебной практики.

Целью работы является выявление, описание и обобщение объективных и субъективных признаков составов преступлений, которые ложатся в основу апелляционных жалоб осуждённых лиц и их адвокатов с целью переквалификации содеянного с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ. При этом в судебном заседании происходит изменение обвинительного приговора суда с его переквалификацией либо жалоба не подлежит удовлетворению.

Часть 4 статьи 111 УК РФ устанавливает ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее по неосторожности смерть потерпевшего [4]. Определение признаков тяжкого вреда здоровью, направленности умысла на причинение такого вреда и неосторожности по отношению к наступившим последствиям имеет принципиальное значение для юридической оценки содеянного и отграничения данного преступления от смежных составов, что непосредственно влияет на законность вынесенного решения и справедливость назначаемого наказания.

Важным по каждому уголовному делу является исследование факультативных признаков объективной стороны преступления – обстановки, способа и орудия совершения преступления. Как показывает судебная практика последние два признака являются определяющими в оспариваемых ситуациях

для подтверждения или опровержения предполагаемой формы вины субъекта преступления [5; 6; 7].

Так, указанный состав характеризуется двумя формами вины: прямым или косвенным умыслом по отношению к причинению тяжкого вреда здоровью и неосторожностью в виде легкомыслия или небрежности по отношению к наступлению смерти.

Например, обвинительным приговором Верховного Суда Республики Башкортостан по делу №22-6363/2024 установлено, что о наличии у подсудимой умысла на причинение ФИО8 тяжкого вреда здоровью свидетельствуют [5, с. 4]:

- орудие (предмет, обладающий колюще-режущим свойством);
- способ совершения преступления (нанесение удара ножом в бедро потерпевшей со значительной силой);
- характер телесных повреждений (направление раневого канала расположено спереди назад, несколько сверху-вниз, несколько слева-направо);
- глубина раневого канала (6,5 см);
- локализация полученных потерпевшей телесных повреждений (область левого бедра – место расположения вен и артерий человека).

В связи с чем оснований для переквалификации действий осуждённой на ч. 1 ст. 109 УК РФ суд апелляционной инстанции не усматривает.

Аналогичной позиции придерживается Суворовский районный суд Тульской области по делу №1-108/2024, который устанавливает, что характер повреждений, повлёкших смерть потерпевшей (множественность кровоизлияний, составляющих комплекс черепно-мозговой травмы), способ их нанесения (неоднократные удары в область жизненного важного органа человека – голову), последствия нанесения ударов, с учётом того, что виновный видел, что ФИО9 находится в положении «сидя затылком к стене», в связи с чем предполагал и допускал, что после нанесённых им ударов произойдёт соударение затылка потерпевшей со стеной, не свидетельствуют о неосторожности действий виновного. Напротив, указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что соударение потерпевшей затылочной частью головы о стену охватывалось умыслом подсудимого на причинение тяжкого вреда её здоровью [6, с. 10].

Подобная точка зрения также содержится в апелляционном определении Приморского краевого суда по делу 22-4921/2024, которым установлено, что «о направленности умысла именно на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего свидетельствует выбранный осуждённым в качестве оружия предмет – нож, характер и локализация телесных повреждений, причинённых ФИО6 – удар в левую ногу потерпевшему, где находятся важные дли жизни и здоровья вены и артерии, а длина раневого канала, свидетельствует о силе удара. В результате нанесённого удара ножом, повреждены подколенные артерии и вены левой ноги потерпевшего, что вызвало обильную кровопотерю и впоследствии смерть. Между умышленными действиями виновного и наступившими по неосторожности последствиями в виде смерти потерпевшего ФИО6 имеется прямая причинно-следственная связь» [7, с. 11].

Далее рассмотрим основные позиции судов при вынесении решений по ч. 1 ст. 109 УК РФ. Причинение смерти по неосторожности – это деяние, в результате которого наступает смерть человека, и которое совершено по неосторожности.

В качестве примера способа и обстановки совершения преступления, свидетельствующих о неосторожном поведении виновного, можно привести содержание обвинительного приговора Заволжского районного суда города Ульяновска по делу №1-335/17. Между потерпевшим и подсудимым возник конфликт, в ходе которого последний со значительной силой толкнул потерпевшего, находившегося в состоянии алкогольного опьянения, локтевым сгибом руки в область лица, отчего тот потерял равновесие и с полученным от толчка ускорением, предварительно ударившись о металлический столб, упал из положения стоя на асфальтированную часть дороги, ударившись о неё со значительной силой правой теменно-височной областью головы. В результате действий подсудимого потерпевшему причинена открытая черепно-мозговая травма, квалифицированная как причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни и повлёкшая смерть потерпевшего [8].

Факультативными признаками объективной стороны преступления, свидетельствующими в пользу неосторожной формы вины, в данном случае являются:

- обстановка (конфликт);
- способ (толчок сгибом руки в область лица);
- орудие совершения преступления отсутствует.

Подобная точка зрения содержится в приговоре Елецкого городского суда Липецкой области по делу № 1-320/2024. Суд приходит к выводу, что в сложившейся ситуации имеет место причинение смерти по неосторожности, поскольку Кузнецов В.В., умышленно, применяя насилие, не опасное для жизни и здоровья, нанёс один удар рукой в область носа и верхней губы ФИО2, сидящего на стуле, от которого последний потерял равновесие и упал на твёрдую тупую поверхность пола. Смерть ФИО2 наступила в результате закрытой черепно-мозговой травмы от соударения затылочной частью головы о поверхность приземления при падении с высоты собственного роста вследствие полученного ускорения (инерционного движения) при нанесении удара в область лица. При этом повреждения от самого удара не влекут за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности и расцениваются, как в совокупности, так и каждое в отдельности, как не причинившие вред здоровью человека [9].

Субъективная сторона преступления по ч. 1 ст. 109 УК РФ представлена исключительно неосторожной формой вины – легкомыслием или небрежностью, т.е. у виновного отсутствует любой из видов умысла как на причинение тяжкого вреда здоровью, так и в отношении смерти.

Если же умысел виновного охватывал причинение лёгкого вреда здоровью, а в итоге причинен тяжкий вред, повлёкший смерть потерпевшего, действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений по ст. 115 УК РФ и ч. 1 ст. 109 УК РФ.

Например, отсутствие у подсудимого умысла на причинение тяжких телесных повреждений и смерти потерпевшему усматривает Хабаровский краевой суд по делу №22-420/2025. Судом установлено, что однократное нанесение удара в скуловую область головы потерпевшего привело к кровоподтёку, сыгравшему пусковую роль в разрыве патологически изменённого сосуда основания его головного мозга при отсутствии каких-либо внешних признаков проявления заболевания до травмы. При этом в отдельности ни травма головы, ни заболевание сосудов не явились самостоятельными причинами, достаточными для развития смертельных осложнений [10]. Вместе с тем, оценив все доказательства в совокупности, суд приходит к выводу о совершении подсудимым преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ.

Следует отметить, что преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидит именно возможность, а не неизбежность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение этих последствий (ч. 2 ст. 26 УК РФ).

В свою очередь, при небрежности лицо не предвидит самой возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (ч. 3 ст. 26 УК РФ).

Так, Фрунзенским районным судом в приговоре по делу №1-13/2025 (1-194/2024) отмечено, что нанося удар кулаком в лицо, подсудимый не предвидел возможность наступления общественно-опасных последствий своих действий в виде причинения тяжкого вреда здоровью и как следствие наступление смерти потерпевшего, хотя при должной внимательности и предусмотрительности должен был и мог это предвидеть, поскольку ему было известно о том, что потерпевший находился в состоянии опьянения. Нахождение человека в состоянии алкогольного опьянения, по мнению эксперта, влияет на сохранение равновесия человека, при этом нельзя связывать падение человека от удара только с его силой, поскольку на возможность падения влияет множество факторов, в том числе и состояние опьянения [11, с. 15].

Анализ обвинительных приговоров судов разных инстанций демонстрирует, что субъективная сторона преступления устанавливается и подтверждается совокупностью доказательств, имеющих непосредственное отношение к объективной стороне преступления:

- показаниями виновного, свидетелей о способе совершения преступления, наличии/отсутствии оружия или другого предмета;
- результатами судебно-медицинских экспертиз (далее – СМЭ), описывающими характер причинённых повреждений и их взаимосвязь с наступлением смерти, а также возможность наступления таких травм при обстоятельствах, указанных виновным и т.д.

Так, например, суд расценивает показания виновного о количестве и силе нанесённых им потерпевшему ударов и об отсутствии умысла на причинение тяжких телесных повреждений как недостоверные, вызванные желанием

смягчить свою ответственность, на основании результатов СМЭ, показавших, что образование закрытой черепно-мозговой травмы, повлёкшей смерть ФИО9, при падении с высоты собственного роста исключается ввиду разносторонней локализации повреждений на голове. При возникновении черепно-мозговой травмы ФИО9 была обращена к травмирующим предметам лицом и затылочной областью справа [6, с. 6-9].

В следующем решении суд приходит к выводу, что вопреки утверждениям осуждённого, тяжкий вред здоровью потерпевшей причинен непосредственно от нанесённых им ударов по голове потерпевшей, до, а не в результате падения и удара головой о твёрдые предметы. Об умысле осуждённого на причинение тяжких телесных повреждений свидетельствует также неоднократность нанесения им ударов потерпевшей в область жизненно важных органов – в голову и шею [12, с. 5-6].

Такая же позиция прослеживается в следующем решении суда, согласно которому нанесение не менее двух ударов кулаком в область живота – место расположения жизненно важных органов свидетельствует об умысле виновного на причинение потерпевшей тяжких телесных повреждений [13, с. 4].

Вместе с тем, другой суд придерживается точки зрения, что «само по себе нанесение ударов в область туловища не может свидетельствовать об умышленном характере совершенного деяния, когда подсудимый не желал и не допускал, что в результате его действий могут наступить общественно опасные последствия» [14, с. 8]. В ходе судебного следствия в полной мере нашла своё подтверждение переквалификация с ч.4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ, поскольку виновный, допуская преступную небрежность, не предвидя наступления смерти в результате своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть её, нанёс потерпевшему не менее четырёх ударов ногами в живот, в результате которого последний получил тупую травму живота, повлёкшую его смерть [14, с. 8].

Далее, анализируя объективную сторону преступлений по ч. 4 ст. 111 УК РФ и ч. 1 ст. 109 УК РФ, следует отметить, что важную роль в размежевании указанных составов и установлении субъективной стороны играет наличие/отсутствие у виновного лица оружия или постороннего предмета, применяемого при совершении преступления. Так, однократное или неоднократное нанесение травмирующего воздействия с использованием ножа по делам данной категории, свидетельствует о наличии умысла у виновного на причинение тяжких телесных повреждений [5; 7]. И наоборот, нанесение удара/ударов (ладонью, кулаком, локтем) в лицо, грудь, плечо потерпевшего, в результате которых не причинен вред здоровью или причинен вред, не относящийся к какой-либо степени тяжести, и при этом такие удары придали ускорение падению потерпевшего, могут говорить об отсутствии умысла на причинение тяжких телесных повреждений и наличии неосторожности по отношению к последствиям своего деяния – смерти [3; 8; 9; 11].

Подводя итоги, следует отметить, что факультативные признаки объективной стороны преступления имеют принципиальное значение в

спорных ситуациях при определении формы вины подсудимого. В работе установлено, что само по себе нанесение множественности ударов, в том числе в жизненно важные органы – туловище, голову в способе совершения преступления не является безусловным критерием для установления умысла на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Множественность ударов (два и более), в том числе в жизненно важные органы, фиксируется как обвинительных приговорах по ч. 4 ст. 111 УК РФ, так и по ч. 1 ст. 109 УК РФ. Однако выявлено, что имеет значение для квалификации содеянного и правильного установления субъективной стороны сила удара, повлекшего причинение телесных повреждений или удар-толчок, придавший ускорение телу при падении, и как результат – привевший к смерти потерпевшего по неосторожности.

Также исследованием установлено, что в конфликтных ситуациях в случае причинения вреда жизни и здоровью потерпевшего с применением оружия, постороннего предмета (нож, камень, палка), суды едины во мнении о наличии умысла подсудимого на причинение тяжких телесных повреждений. При этом, дополнительно об умышленной форме вины говорит локализация и характер полученных потерпевшим травм, указанных в заключениях СМЭ.

Отсутствие у виновного оружия или посторонних предметов, нанесение ударов кулаками, ладонями, локтями по потерпевшему может свидетельствовать о причинении смерти по неосторожности.

Дополнительно выявлено, что суды принимают доводы экспертов о том, что нахождение человека в состоянии алкогольного опьянения влияет на сохранение его равновесия при ударе-толчке. Нельзя связывать падение человека от удара только с его силой, поскольку на возможность падения влияет множество факторов, в том числе и состояние опьянения, и скользкая поверхность грунта при гололедице. В данном случае речь идет о причинении смерти по неосторожности.

Список использованных источников

1. Приговор Володарского районного суда Нижегородской области по делу № 1-97/2024 от 30.07.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/83753771/extended (дата обращения: 29.03.2026).

2. Апелляционное определение Московского областного суда по делу № 22-9664/2024 от 05.11.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/86857135/extended (дата обращения: 19.05.2025).

3. Приговор Саровского городского суда Нижегородской области по делу № 1-102/2024 от 18.10.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/83033720/extended (дата обращения: 20.05.2025).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/e7204e825c8e87b5c7be210b06a0cde61cd60a3c/ (дата обращения: 30.03.2026).

5. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан по делу № 22-6363/2024 от 18.12.2024. [Электронный ресурс]. –

URL: https://судебныерешения.рф/87319885/extended (дата обращения: 30.03.2026).

6. Приговор Суворовского районного суда Тульской области по делу № №1-108/2024 от 03.12.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/85559504/extended (дата обращения: 19.05.2025).

7. Апелляционное определение Приморского краевого суда по делу № 22-4921/2024 от 09.10.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/85427428/extended (дата обращения: 30.03.2026).

8. Приговор Заволжского районного суда города Ульяновска по делу №1-335/17 от 15.11.2017. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/LvXsFYuhQGxw/ (дата обращения: 30.03.2026).

9. Приговор Елецкого городского суда Липецкой области по делу №1-320/2024 от 04.12.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/85578599 (дата обращения: 25.05.2025).

10. Приговор Хабаровского краевого суда по делу №22-420/2025 от 20.02.2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/88592134 (дата обращения: 30.03.2026).

11. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владимира по делу № 1-13/2025 (1-194/2024;) от 07.02.2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/85272941/extended (дата обращения: 30.03.2026).

12. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан по делу № 22-4861/2024 от 26.09.2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/85375261/extended (дата обращения: 30.03.2026).

13. Апелляционное определение Московского областного суда по делу № №22-2486/2025 от 04.03.2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/89346694/print (дата обращения: 30.03.2026).

14. Приговор Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга № 1-567/2021 от 26.08.2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://судебныерешения.рф/61078744 (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 343.97

Корчагин А.А.
доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА В ТАКТИКЕ ЗАЩИТЫ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ КАК ЭЛЕМЕНТА ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ

Аннотация. Рассматриваются вопросы применения рекомендаций криминалистической тактики для защиты в ходе предварительного слушания

по уголовному делу. Приведены ситуации предварительного слушания, сформулированы рекомендации их разрешения адвокатом при реализации защиты в суде.

Ключевые слова: криминалистика, тактика, суд, предварительное слушание, судебные ситуации.

Korchagin A.A.

USE OF A SITUATIONAL APPROACH IN DEFENSE TACTICS AT A PRELIMINARY HEARING AS AN ELEMENT OF PREPARING A CASE FOR A COURT HEARING

Abstract. The article discusses the application of forensic tactics recommendations during the preliminary hearing in a criminal case. It outlines the situations of the preliminary hearing and provides recommendations for their resolution by the lawyer during the defense in court.

Keywords: forensic science, tactics, court, preliminary hearing, judicial situations.

В настоящее время ситуационный подход является общепринятым в криминалистической науке. В первую очередь принято говорить о ситуационном подходе на предварительном расследовании, когда ход, направление предварительного расследования определяется складывающимися ситуациями предварительного расследования. Однако, как показывает следственно-судебная практика, изучение следственно-судебной практики, свои ситуации складываются при рассмотрении дел в суде, в-первую очередь, в судебном следствии. Данные ситуации могут, как повторять ситуации предварительного расследования, так и отличаться от них (например, на предварительном следствии обвиняемый свою вину признает полностью, однако в суде отказывается от признания вины, заявляя, что оговорил себя на предварительном следствии в результате якобы оказывавшегося на него давления со стороны правоохранительных органов). Соответственно, практическое значение имеет выделение типовых ситуаций судебного следствия и разработка на этой основе эффективных алгоритмов по их разрешению. Изучение криминалистической литературы показало, что в стало уделяться внимание вопросам использования криминалистических рекомендаций не только для предварительного расследования, но и для судебного разбирательства, то есть криминалистическому обеспечению всего уголовного судопроизводства. Судебное следствие должно изучаться с позиции ситуационного подхода, в частности типовых ситуаций судебного следствия и выработки криминалистических алгоритмов их разрешения. Судебное следствие включает в себя проведение судебных действий следственного характера, результативность проведения которых напрямую зависит от знания тактических приемов их проведения и умения применять их в судебном следствии. При этом следует принимать во внимание ситуации судебного

следствия, которые обуславливаются условиями, при которых оно осуществляется, и информацией на каждом этапе судебного разбирательства [1, с.51].

Ситуации и предварительного следствия, и судебные по-своему специфичны. На предварительном следствии чаще имеет место быть недостаток информации по делу. Основной задачей является познать событие преступления.

Судебные ситуации складываются в суде тогда, когда дело уже передано в суд, рассматривается, обстоятельства преступления по мнению стороны обвинения установлены и главной задачей является всестороннее исследование материалов дела и их правовая оценка [2, с.10].

Тактические приемы могут применяться не только государственным обвинителем, но и защитником при разработке и реализации тактики защиты по конкретному уголовному делу. Помимо судебного следствия судебные ситуации складываются и при предварительном слушании, однако до настоящего времени остаются неразработанными тактические рекомендации для осуществления защиты в ходе его проведения. Указанные ситуации обуславливают от стороны защиты определение соответствующей тактики защиты.

В качестве оснований выделения ситуаций предварительного слушания можно взять указанные в ст.229 УПК РФ. Согласно с ч. 1 ст. 229 УПК РФ предварительное слушание назначается судом по ходатайству стороны и по инициативе самого суда.

Возможна ситуация, когда по согласованию с подзащитным адвокатом заявляется подобное ходатайство, когда адвокат на основании изучения материалов уголовного дела, а также своего участия в проведении следственных действиях полагает, что в ходе предварительного расследования были допущены органами предварительного расследования нарушения уголовно-процессуального закона, что может привести к признанию в ходе предварительного слушания доказательств обвинения недопустимыми.

Перед заявлением подобного ходатайства о проведении предварительного слушания адвокату совместно с его подзащитным следует продумать аргументацию заявленного ходатайства, подобрать наиболее убедительные, по мнению стороны защиты доказательства, подтверждающие допущенные органами предварительного расследования нарушения процессуального законодательства, влекущие по мнению адвоката необходимость признания их недопустимыми доказательствами.

Полагаем, допустимо выделить ситуации, когда предварительное слушание назначается по ходатайству участников стороны обвинения. Чаще всего такими инициаторами могут являться прокурор (государственный обвинитель) или потерпевший. Как показывает изучение следственно-судебной практики, прокуроры или потерпевшие могут заявлять подобные ходатайства, когда желают дополнить материалы уголовного дела новыми доказательствами, которые были получены уже после направления дела в суд. В соответствии с принципами состязательности сторон и принципа равенства сторон,

участвующих в уголовном деле, все вновь представленные в суде доказательства должны быть представлены для их изучения суду и стороне по делу для их изучения и выяснения после этого мнения стороны о возможности приобщения к материалам дела в качестве доказательства. Задача адвоката при этом в том, чтобы дать оценку новым доказательствам с позиции возможного ухудшения положения своего подзащитного и, если таковое может быть, возражать против приобщения их к материалам дела. В случае же удовлетворения ходатайства о приобщении, корректировать тактику защиты с учетом новых полученных сведений.

В случаях, когда инициатива о проведении предварительного слушания по делу исходит от суда, стороне защиты и прежде всего защитнику нужно проанализировать основание предварительного слушания, определить, как это может повлиять на положение подзащитного. Ч.2 ст. 229 УПК РФ указывает, что предварительное слушание проводится: 1) при наличии ходатайства стороны об исключении доказательств; 2) при наличии основания для возвращения уголовного дела прокурору; 3) при наличии основания для приостановления или прекращения уголовного дела; 4) при наличии ходатайства стороны о проведении судебного разбирательства в порядке, предусмотренном ч.5 ст. 247 УПК РФ; 5) для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей; 6) при наличии не вступившего в законную силу приговора, предусматривающего условное осуждение лица, в отношении которого в суд поступило уголовное дело за ранее совершенное им преступление; 7) при наличии основания для выделения уголовного дела; 8) при наличии ходатайства стороны о соединении уголовных дел в случаях, предусмотренных УПК РФ. В зависимости от имеющегося основания, адвокату следует определиться, как это может повлиять на судьбу подзащитного. На основании этого попытаться спрогнозировать возможный ход и результаты этого слушания и заранее спланировать свою тактику защиты по уголовному делу с учетом возможных складывающихся ситуаций.

Предварительное слушание проводится при соблюдении общего порядка подготовки к судебному заседанию (гл.33 УПК РФ), общих условий судебного разбирательства (гл.35 УПК РФ), правил подготовки судебного заседания (гл. 36 УПК РФ, ст.ст.261-272 УПК РФ), решения вопросов подготовки. Проводится закрыто, единолично судьей при участии сторон, которых извещают о месте и времени не менее чем за трое суток до начала. Подсудимый имеет право заявить ходатайство о проведении слушания в его отсутствие. Суд может его удовлетворить.

При этом на суд закон возлагает обязанность создать для обвиняемого все условия для реализации им предоставленных ему Конституцией РФ, а также уголовно-процессуальным законодательством прав. Разрешая заявленное ходатайство, суд должен учесть обстоятельства преступного деяния, данные о личности подсудимого.

Ст. 247 УПК РФ закрепляет, что суд может удовлетворить такое ходатайство при рассмотрении дел о преступлениях небольшой, средней тяжести. При решении о проведении слушания в отсутствие подсудимого,

последнему судом разъясняется содержание и правовые последствия всех принятых судом решений. Это необходимо для обеспечения права на защиту, в том числе для возможности обжалования принятых решений.

При неявке иных лиц, слушание проводится без их участия, но должно быть соблюдено условие их надлежащего извещения о проведении судебного заседания.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепляет порядок рассмотрения ходатайств о признании собранных в ходе предварительного расследования доказательственных данных недопустимыми. Если имеются указанные в ст. 75 УПК РФ условия, таким правом обладает любой участник уголовного дела. В соответствии с установленным законом порядком, ходатайство может быть заявлено в течение семи суток с момента направления дела в суд.

На судью возлагается обязанность оглашения ходатайства, суд обязан выяснить мнение другой стороны и лиц, представляющих ее интересы в суде. Если нет возражений, ходатайство удовлетворяется. При наличии, решение принимается согласно ст.ст. 7 и 235 УПК РФ.

Ситуации слушания при ходатайстве об исключении доказательства, можно разделить на благоприятные, неблагоприятные и нейтральные для защиты. Благоприятной будет ситуация в случае удовлетворения судом ходатайства защиты об исключении доказательства обвинения.

В подобном случае позиция стороны защиты становится более убедительной, можно сказать, что, хотя бы косвенно, подтверждаются доводы защиты о том, что предварительное расследование велось с нарушением норм УПК РФ. Адвокат должен в своем выступлении делать на это акцент, тем самым влиять на мнение судьи относительно качества и объективности проведенного расследования.

По-нашему мнению, является неблагоприятной ситуация при отказе защите в исключении доказательств, также, когда удовлетворяется ходатайство обвинения об исключении доказательства защиты.

В случае отказа в исключении доказательств стороны обвинения, адвокату следует еще раз проанализировать сформированную им совместно с подзащитным позицию, продумать, какие можно попытаться получить дополнительные доказательства в обоснование ее, какие можно заявить в суде ходатайства, еще раз внимательно исследовать доказательства стороны обвинения на предмет выявления возможных процессуальных нарушений при их получении, противоречий, наиболее убедительных контраргументов в их опровержение.

Ситуации предварительного слушания для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ).

При передаче дела вследствие того, что обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление содержат нарушения норм УПК РФ, что делает невозможным постановление приговора либо иного решения, адвокат должен обратить внимание суда на нарушения уголовно-процессуального законодательства, которые допустили в ходе предварительного расследования и имеющиеся в связи с этим нарушения

законных прав его подзащитного. Этим адвокат ставит под сомнение объективность и законность проведенного расследования, пытаясь повлиять на мнение суда относительно качества проведенного расследования. Когда адвокат считает, что в итоговых документах по делу содержатся нарушения процессуального законодательства, адвокат может об этом заявить при заявлении ходатайства о проведении предварительного слушания по этому основанию.

Выявив нарушения в указанных документах, адвокату необходимо еще раз внимательно исследовать все материалы дела, так как, как показывает практика и практический опыт, существует большая вероятность их наличия и в других документах дела. Это тоже может быть использовано адвокатом в интересах подзащитного.

Когда по результатам слушания судом принято решение о передаче дела прокурору вследствие того, что при проведении предварительного слушания было установлено, что копия обвинительного заключения, либо обвинительного акта не была вручена обвиняемому, что нарушило его право на защиту, у защитника появляется возможность для повторного ознакомления с делом, изготовить копии материалов дела.

Также будет дополнительная возможность выявления и других недостатков предварительного расследования, которые защитник мог упустить при первичном ознакомлении с материалами дела.

При возвращении дела, ввиду того, что необходимо будет составить обвинительное заключение или обвинительный акт по делу, уже направленному в суд для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера, адвокат (защитник) имеет возможность обжаловать указанное решение. Одним из способов защиты в подобном случае может быть заявление ходатайства о проведении повторной судебно-психиатрической экспертизы подсудимого для определения его психического здоровья. При заключении о наличии признаков расстройства психики, это будет основанием для принудительных мер медицинского характера.

В случае возвращения в ввиду основания для соединения уголовных дел, адвокат может попробовать опровергнуть это, поскольку соединение дел может влечь для подзащитного более суровую ответственность и наказание. Такая ситуация неблагоприятна для защиты.

Ситуация решения о возвращении ввиду того, что при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные ч.5 ст. 217 УПК РФ, благоприятна для защиты. Появляется возможность заявить в суде о нарушениях прав его подзащитного на предварительном расследовании и его необъективности проведения.

Ситуация возвращения дела в ввиду того, что фактические обстоятельства, отраженные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации совершенного, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния либо в ходе

предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния, негативна для защиты.

В таких условиях адвокат должен направить усилия на получение дополнительных доказательств опровержения оснований квалификации на тяжкий или особо тяжкий состав преступления. Неблагоприятна для защиты ситуация возвращения дела прокурору по причине наступления после направления в суд новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, кроме того, когда ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены, а послужившие основанием для отмены новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются основанием для предъявления подзащитному обвинения в совершении более тяжкого преступления. В подобных случаях задача стороны защиты заключается в попытке получения и предъявления доказательств, опровергающих эти основания.

Ситуация слушания для решения вопроса о рассмотрении дела судом присяжных благоприятна для стороны защиты, когда это заявляется по ее инициативе, защита рассчитывает на вынесение оправдательного вердикта, либо на снисхождение к подсудимому со стороны присяжных.

При ходатайстве о рассмотрении дела судом присяжных со стороны соучастника преступления, складывается неблагоприятная ситуация для обвиняемых и их защитников, возражающих против суда присяжных.

При решении суда о возвращении дела прокурору, защитник должен оценить с точки зрения права эти основания, последствия решения для защиты, далее определить тактику дальнейшей защиты.

В ситуации возврата дела в связи с тем, что имело место быть нарушение процессуального законодательства при подготовке обвинительного заключения, обвинительного акта, следует определить, в чем оно выразилось.

В этом случае возобновляется предварительное расследование, перепредъявляется обвинение, проводится процедура окончания предварительного расследования и передачи дела в суд. Защитник при этом должен осуществлять контроль законности со стороны органов предварительного расследования при составлении нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлении нового обвинения. При этом у стороны защиты появляются дополнительные возможности заявления ходатайств о дополнении предварительного следствия новыми доказательствами стороны защиты, а также заявления ходатайств об исключении доказательств стороны обвинения.

В ситуации проведения слушания так как при ознакомлении с материалами уголовного дела не были разъяснены права, указанные в ст. 217 УПК РФ, адвокату, если он ранее на предварительном следствии не участвовал и был назначен судом, следует разъяснить своему подзащитному содержание указанной статьи, какие последствия для подзащитного будет иметь реализация

им прав, закрепленных ст. 217 УПК РФ. Соответственно адвокат исходя из этого может спрогнозировать дальнейшие возможные ситуации уже судебного разбирательства и заранее в соответствии с ними выстраивать тактику защиты в суде.

При направлении дела для составления обвинительного заключения или обвинительного акта по делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера, для защитника это указывает на то, что в связи с тем, что согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, суд полагает необходимым предъявить обвинение, после чего передать дело в суд для его рассмотрения и решения вопроса о виновности и назначения наказания. Соответственно данная ситуация обуславливает для адвоката необходимость перестроения тактики защиты с позиции уже опровержения обвинения либо смягчения ответственности в зависимости от того, насколько убедительными по мнению адвоката доказательствами причастности и виновности его подзащитного располагает сторона обвинения.

В ситуации передачи прокурору дела по причине того, что возникли новые опасные последствия, что является основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления, адвокат должен тщательно исследовать эти новые обстоятельства и доказательства, их подтверждающие. Соответственно, исходя из этого и после консультации с подзащитным принимать решение о позиции стороны защиты к новому обвинению, возможности его опровержения, получения новых доказательств защиты, либо же о целесообразности признания вины полностью или в части, исходя из характеристики доказательств, подтверждающих наступление новых опасных последствий.

В ситуации возврата дела из-за отмены приговора (гл.49 УПК РФ), ввиду того, что новые или вновь открывшиеся обстоятельства являются основанием для предъявления подзащитному обвинения в совершении более тяжкого преступления, тактика защиты адвокатом может быть аналогична тактике в предыдущей из обозначенных ситуаций при возвращении дела по причине наступления более опасных последствий преступления.

Таким образом, выделение на основании изучения судебной практики ситуаций предварительного слушания, их анализ, классификация, позволяет повышать результативность защиты в суде.

Список использованных источников

1. Гавло В.К. Судебные ситуации по делам о бандитизме и их разрешение в ходе судебного следствия [Электронный ресурс] / В.К. Гавло, В.В. Севрюков // В сборнике : ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ. Гавло В.К. – Барнаул, 2011. – С. 569-578. – Режим доступа: URL: https: // www.elibrary. ru/download/elibrary_20350144_88330819.pdf/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения 19.03.2026).

2. Беспечный О.В. Ситуации предварительного расследования и судебного следствия по делам о причинении тяжкого вреда здоровью

[Электронный ресурс] / О.В. Беспечный, М.А. Неймарк // Правовая мысль в образовании, науке и практике. – 2017. – № 2 (6). – С. 9-11. – Режим доступа : URL : https : // www.elibrary.ru/download/elibrary_32662851_63674752.pdf/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения 19.03.2026).

УДК 343.1

Крапивный Б. Р.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ОПТИМИЗАЦИЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В работе исследуются трудности, возникающие при организации совместной деятельности следователей, оперативных работников, экспертов и специалистов в ходе досудебного производства. Выделены основные препятствия: несовершенство правового регулирования, разобщённость информационных систем, отсутствие единых стандартов коммуникации. Сформулированы предложения по совершенствованию механизмов взаимодействия, включая создание межведомственных цифровых платформ и внедрение постоянных следственно-оперативных групп. Сделан вывод о том, что оптимизация совместной работы напрямую влияет на скорость и качество расследования.

Ключевые слова: следователь, оперативный сотрудник, эксперт, специалист, взаимодействие, оптимизация, уголовное судопроизводство, эффективность расследования.

Krapivnii B. R.

OPTIMIZATION OF INTERDEPARTMENTAL INTERACTION AS A FACTOR OF INCREASING THE EFFICIENCY OF CRIMINAL JUSTICE

Annotation. The paper examines the difficulties that arise in organizing joint activities of investigators, operational officers, experts and specialists during pre-trial proceedings. The main obstacles are identified: imperfect legal regulation, fragmentation of information systems, lack of uniform communication standards. Proposals are formulated to improve interaction mechanisms, including the creation of interdepartmental digital platforms and the introduction of permanent investigative-operational groups. It is concluded that optimizing joint work directly affects the speed and quality of the investigation.

Keywords: investigator, operational officer, expert, specialist, interaction, optimization, criminal justice, investigation efficiency.

Качество досудебного уголовного судопроизводства во многом определяется тем, насколько слаженно действуют разные ведомства на этапе расследования преступлений. Следователь, оперативный сотрудник, эксперт и специалист — каждый из них решает свои задачи, но общая цель у них одна: собрать доказательства, установить все обстоятельства совершённого деяния и передать дело в суд [5, с. 112]. Однако на практике достичь этой цели мешают многочисленные барьеры. Одни из них заложены в самом законодательстве, другие являются следствием устаревших организационных схем, третьи связаны с человеческим фактором.

Почему вопрос налаживания контактов между указанными участниками становится всё более острым? Во-первых, преступность стремительно меняется. Кибератаки, криптовалюты, дистанционное мошенничество — всё это требует от правоохранителей новых навыков и более быстрого обмена информацией [3, с. 44]. Во-вторых, нагрузка на следователей растёт, а сроки следствия жёстко ограничены. Любая задержка в получении данных от оперативников или экспертов может привести к тому, что дело не удастся завершить вовремя. В-третьих, ведомственная разобщённость остаётся хронической проблемой: каждое министерство пользуется своими информационными системами, которые не всегда совместимы друг с другом.

Рассмотрим основные препятствия более подробно. Первое, на что стоит обратить внимание, — это пробелы в правовом регулировании. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ даёт следователю право давать поручения органам дознания (ст. 38 УПК РФ), но не содержит чётких критериев оценки того, насколько качественно эти поручения исполнены. Кроме того, результаты оперативно-розыскной деятельности сами по себе не являются доказательствами — их нужно вводить в процессуальный оборот в порядке, установленном Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд (утв. Приказом МВД РФ № 776, Минобороны РФ № 703, ФСБ РФ № 509 и др.). На практике это нередко приводит к тому, что ценные оперативные данные «застревают» на полпути либо используются с опозданием [7, с. 30].

Несмотря на то, что действующее законодательство допускает проведение экспертных исследований на стадии проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), процессуальный статус и пределы полномочий специалиста на данном этапе всё ещё нуждаются в уточнении, особенно в части оформления его выводов [2, с. 115]. Законодателю следовало бы чётче определить, какие действия вправе совершать специалист до возбуждения дела и какую ответственность он несёт за свои консультации.

Второй круг проблем — организационный. Даже если правовые нормы позволяют взаимодействовать, на деле сотрудники разных ведомств физически находятся в разных зданиях, пользуются разными базами данных и подчиняются разным начальникам. Для того чтобы получить справку из одного

отдела в другой, иногда требуются дни и недели. Особенно остро это ощущается в регионах, где следственные и оперативные подразделения удалены друг от друга на десятки километров.

Показательный пример: следователь направляет запрос о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Оперативник его получает, но не может приступить к работе, потому что у него есть свои плановые задания. Или, наоборот, оперативник добывает важную информацию, но не может передать её следователю в процессуально корректной форме в установленный срок, так как сбор и оформление материалов требует дополнительного времени, не предусмотренного первоначальным поручением [1, с. 57]. В итоге теряются недели, а некоторые следы преступления просто исчезают.

Третий барьер — коммуникативный. Следователи и оперативники нередко говорят на разных профессиональных языках: первые мыслят категориями УПК, вторые — ведомственными инструкциями. Существующая система межведомственных учений и тренингов не всегда в полной мере компенсирует различия в профессиональной терминологии и ведомственных подходах, что требует её дальнейшего совершенствования [6, с. 208]. Эксперты тоже часто остаются «сами по себе»: они получают постановление о назначении экспертизы и работают в изоляции, без оперативной обратной связи со следователем, что снижает качество итогового заключения.

Что можно противопоставить этим проблемам? Предлагается несколько направлений для улучшения ситуации.

Первое направление — правовое. Необходимо уточнить в законе процедуру передачи результатов оперативно-розыскной деятельности следователю, установить конкретные сроки и формы отчётности. Представляется целесообразным на уровне ведомственных актов унифицировать процедуру оценки результатов ОРД. Также стоит более широко использовать возможность специалиста давать письменные консультации на стадии проверки сообщения о преступлении, что прямо не запрещено законом, но требует дополнительной регламентации [8, с. 37].

Второе направление — технологическое. Назрела необходимость в развитии единой межведомственной информационной системы, объединяющей базы данных следственных органов, полиции, экспертных учреждений и прокуратуры. Такая система должна позволять: отправлять поручения и получать результаты в электронном виде с подтверждением о прочтении; вести совместные электронные дела, доступные всем участникам; отслеживать статус исполнения каждого задания в реальном времени. Дополнительным инструментом могла бы стать видеоконференцсвязь для оперативных совещаний, однако это уже выходит за рамки чисто информационной базы.

Третье направление — организационное. Хотя основы взаимодействия следователей и оперативных сотрудников заложены в Инструкции «Об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел РФ при раскрытии и расследовании преступлений» (утв. Приказом МВД России № 280дсп от 26.03.2008), на практике создание постоянных, а не только ситуативных следственно-оперативных групп (СОГ) для работы по

определённым категориям дел (экономика, наркотики, киберпреступления) остаётся перспективным направлением для повышения эффективности. Международный опыт подтверждает, что в странах, где постоянные СОГ являются нормой, сроки расследования сокращаются в среднем на 25–30% [4, с. 208].

Четвёртое направление — образовательное. Представляется важным расширить практику проведения совместных учений и включить в программы повышения квалификации следователей, оперативников и экспертов специальные модули, где они разбирают конкретные уголовные дела, учатся правильно формулировать задания друг для друга и работать в единой информационной среде. Полезно также чаще проводить межведомственные учения на базе полигонов, имитирующих реальные места происшествий.

Подводя итог, можно сказать, что эффективность работы следователя, оперативных сотрудников, экспертов и специалистов — это не сумма индивидуальных усилий, а результат правильно выстроенной системы взаимодействия. Правовые пробелы нужно заполнять, информационные системы — объединять, а людей — учить работать в команде. Только тогда досудебное уголовное судопроизводство станет по-настоящему быстрым и надёжным [5, с. 310].

Предложенные меры, разумеется, не исчерпывают всей глубины проблемы. В дальнейшем предстоит разработать детальные регламенты для каждой категории преступлений, проанализировать зарубежные практики и адаптировать их к российским реалиям. Однако уже сегодня ясно: без кардинального пересмотра подходов к межведомственному взаимодействию любые точечные улучшения будут давать лишь временный эффект.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023). – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 07.04.2026).

2. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд : Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 785, СК России № 27 от 27.09.2013. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 07.04.2026).

3. Об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел РФ при раскрытии и расследовании преступлений : Приказ МВД России № 280дсп от 26.03.2008. – Документ не опубликован официально (гриф «для служебного пользования»).

4. Быков В.М. Актуальные проблемы взаимодействия следователя с органами дознания / В.М. Быков. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2022. – № 2. – С. 28-32.

5. Гаврилов Б.Я. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : монография / Б.Я. Гаврилов. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 328 с. – Текст : непосредственный.

6. Ендольцева А.В. Взаимодействие следователя с органами дознания: проблемы и пути решения / А.В. Ендольцева. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2023. – № 4. – С. 55-59.

7. Исаенко В.Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / В.Н. Исаенко. – Текст : непосредственный // Законность. – 2023. – № 7. – С. 35-39.

8. Косарев С.Ю. Цифровая трансформация предварительного расследования: проблемы межведомственного взаимодействия / С.Ю. Косарев. – Текст : непосредственный // Информационное право. – 2024. – № 1. – С. 42-47.

9. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – Москва : Норма, 2022. – 736 с. – Текст : непосредственный.

10. Шаталов А.С. Криминалистика : курс лекций / А.С. Шаталов. – Москва : Проспект, 2023. – 512 с. – Текст : непосредственный.

11. Lee S.H. Digital evidence and interagency cooperation in Korean criminal procedure / S.H. Lee, J.W. Kim. – Текст : непосредственный // Journal of East Asian Law. – 2023. – Vol. 15. – No. 2. – P. 201-220.

УДК 340.1

Макарницкая Н. С.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Чикулаев Р. В.
д-р. юрид. наук, канд. экон. наук,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ В ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Судебное усмотрение – важное явление правовой системы, привлекающее к себе внимание как фактор оптимизации судебной практики. В статье отражены результаты анализа основных проявлений судебного усмотрения в отечественном правоприменении, обнаружены ключевые проблемные позиции. Обосновывается необходимость более четкого законодательного закрепления базовых критериев, достижение большей

степени единообразия судебной юридической практики с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, новелл процессуального законодательства.

Ключевые слова: судебное усмотрение, правовая система, гибкость, предсказуемость, справедливость, правовая неопределенность.

Makarnitskaya N.S., Chikulaev R.V.

JUDICIAL DISCRETION IN THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Judicial discretion is an important phenomenon in the legal system that draws attention as a factor in optimizing judicial practice. This article reflects the results of an analysis of the main manifestations of judicial discretion in domestic law enforcement, identifying key problematic positions. It argues for the necessity of more clearly legislating fundamental criteria to achieve a greater degree of uniformity in judicial legal practice, taking into account the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the innovations in procedural legislation.

Keywords: judicial discretion, legal system, flexibility, predictability, fairness, legal uncertainty.

Такое правовое явление как судебное усмотрение, закрепленное в особых нормах, дает суду либо судье, самостоятельное право на анализ фактических обстоятельств дел, в рамках действующего законодательства. Д. С. Чукин, высказывает мнение, что: «Судейское усмотрение рассматривается как сложная процедура принятия решения в ситуации неопределенности, в которой задействованы эпистемологические, психологические, логические и моральные механизмы» [7, с. 126]. Исходя из этого, используя судебное усмотрение, можно применять нормы права к ситуациям, которые требуют индивидуального подхода, и восполнять противоречия и некоторые пробелы в законодательстве.

Судебная власть получает определенные права, которые и дают судьям возможность применять законы. Законы должны быть не только четкими, но и гибкими. Равновесие между четкостью и гибкостью достигается, специальными полномочиями судов.

Что касается применения искусственного интеллекта в вопросе судейского усмотрения, то по мнению Е. А. Буглаевой: «Не нарушая фундаментальную основу отправления правосудия – судейское усмотрение, которое подразумевает возможность выбора судьей наиболее подходящего варианта решения по делу, основанного на его внутреннем убеждении, и сможет помочь судье выбрать наилучшую альтернативу из всех возможных, анализируя существующую практику» [2, с. 12]. Мнение Е. А. Буглаевой говорит о том, что судейское усмотрение есть производная от правовых норм.

Механизм применения судебного усмотрения, можно рассматривать как

своеобразный баланс между собственным мнением судьи и рамками закона. Проще говоря, у судьи есть возможность и полномочия выбора правовых последствий, основанных на собственном убеждении и профессиональном опыте, но эти полномочия не безграничны, они заключены в рамки законности, справедливости и обоснованности. Обязательная обоснованность принимаемых судьей решений, возможность их апелляций, относиться к объективным рамкам. А рассмотрение предоставленных доказательств, с учетом правовых норм и индивидуальных фактов, которые относятся к рассматриваемому делу - это субъективные рамки. Одновременное достижение предсказуемости и адаптивности и достигается вышеуказанным взаимодействием.

Главными принципами, которые обеспечивают судейское усмотрение в России, являются конституционные гарантии независимости судей и споры, возникающие между сторонами процесса. Так, статья 120 Конституции Российской Федерации гласит:

«1. Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.

2. Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом».

Обеспечение баланса между правами участников процесса и свободой судейского усмотрения, закрепленный в статье 123 Конституции Российской Федерации, четко определен принципом состязательности. Оценку доказательств и выбор правовых норм и формируют юридические рамки данных положений.

Определяющую роль в установлении границ судебного усмотрения играет Конституционный Суд Российской Федерации. Его постановление от 21 января 2010 г. № 1-п подчеркивает, что дискреционные полномочия судов не должны быть произвольными, а должны соответствовать конституционным принципам, критериям разумности и справедливости. Эта позиция служит ориентиром для судов.

Сравнительный анализ процессуального законодательства выявляет различия в регулировании судебного усмотрения. ГПК РФ предоставляет наиболее широкий спектр дискреционных полномочий (оценка доказательств, аналогия права). УПК РФ устанавливает жесткие рамки (меры пресечения, наказание). АПК РФ занимает промежуточное положение, сочетая регламентацию с гибкостью в экономических спорах.

Законодательная техника в кодексах влияет на реализацию усмотрения. ГПК РФ использует оценочные категории, давая суду свободу толкования. УПК РФ преобладает императивными формулировками. АПК РФ комбинирует детализацию с адаптивностью к экономическим отношениям.

В российском гражданском процессе судьям предоставлены значительные полномочия для самостоятельного принятия решений при отправлении правосудия.

Статья 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации «Обязанность доказывания», дает суду право на оценку доказательств, исходя

из собственного убеждения, полученного в процессе исследования конкретного дела. Это дает судьям возможность самостоятельно определить достоверность представленных доказательств, что закреплено в статье 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. В качестве еще одного примера судейского усмотрения можно привести статью 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации «Распределение судебных расходов между сторонами».

Верховный Суд Российской Федерации, в своих постановлениях, особое внимание уделяет конкретизации критериев разумности и добросовестности ориентиров судейского усмотрения.

Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 от 23.06.2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», подчеркивается необходимость учета требований справедливости, разумности и добросовестности при оценке действий участников процесса.

М. В. Антонов, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» высказывает мнение, что: «Такой диалог означает, что стороны и суд включаются в общественную дискуссию о том, как лучше применять правовые нормы в целом, путем переформулирования данного общего вопроса применительно к обстоятельствам и нормативной основе своего дела» [1, с. 256].

В Российской Федерации, судебное усмотрение в сфере уголовного судопроизводства, подчиняется крайне строгим законодательным ограничениям. Жесткие требования принципа законности, определяют границы действия судебного усмотрения, это является существенным отличием от гражданского и арбитражного процессов. Эти ограничения направлены на максимальную защиту прав личности в ходе расследования преступлений и отправления правосудия. Дискреционные полномочия суда не должны выходить за установленные УПК РФ рамки.

Особое значение судебное усмотрение приобретает в уголовном процессе при избрании мер пресечения и определении вида и размера наказания.

Л. Ю. Грудцына подчеркивает: «Каждое лицо, задержанное или арестованное по уголовному обвинению, должно быть в срочном порядке доставлено к судье или иному должностному лицу, уполномоченному осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в разумный срок или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может быть поставлено в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора [5, с. 92]». При реализации своих дискреционных полномочий суд обязан учитывать как смягчающие обстоятельства, так и индивидуальные особенности дела.

При интерпретации условий соглашений и оценке коммерческих рисков,

судебное усмотрение проявляет себя наиболее отчетливо, в контексте арбитражного судопроизводства. Руководствуясь принципами добросовестности и разумности, что соответствует статье 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации, суды с принятием во внимание специфику деловых отношений, анализируют обстоятельства сделок. Определение степени вины участников споров и экономическое обоснование их поступков судьями, имеет особое значение при разрешении споров, о неисполнении обязательств. Такой подход адаптирует общие правовые нормы к реальным хозяйственным делам.

Одним из примеров реализации дискреционных полномочий, можно назвать применение статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, который касается уменьшения неустойки. Так, судебная арбитражная практика, поддерживая гармоничный баланс между принципом свободы договора и требованием соразмерности, оценивает взаимосвязь между размером неустойки и последствиями нарушения договорных обязательств. В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 17 от 14.03.2014 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» подчеркивается, что «Снижение неустойки возможно лишь при наличии доказательств ее явной несоразмерности». При этом судьи принимают во внимание как экономическую сущность обязательства, так и поведение сторон в процессе его исполнения, что обеспечивает гибкость правоприменения в сфере предпринимательства.

Разнообразие судебных решений при использовании судьями дискреционных полномочий объясняется совокупностью объективных и субъективных факторов. Объективные причины включают неопределенность правовых норм, пробелы в законодательстве и отсутствие единых стандартов толкования. Субъективные же связаны с индивидуальными особенностями судей, их профессиональным опытом, правосознанием и личными убеждениями. Взаимодействие этих факторов приводит к необоснованным расхождениям в судебной практике.

Субъективизм в судебном усмотрении подрывает принципы правовой определенности и предсказуемости правосудия. Как отмечает М. В. Скляренко: «Формально инициированное сторонами апелляционное производство свелось к выборочной ревизии материалов уголовного дела, организованной по личному усмотрению судьи-докладчика» [6, с. 628]. Такие ситуации снижают доверие к судебной системе, создавая впечатление произвольности решений. Длительное сохранение подобной практики дестабилизирует правопорядок и ослабляет авторитет судебной власти.

Основным фактором создания унифицированных критериев судебного усмотрения, есть систематизация правовых позиций, о которых говорит верховный и конституционный суды Российской Федерации. Анализируя практику применения свободы действия в различных категориях дел, можно выявить характерные подходы и снизить вероятность свободного толкования. Методические рекомендации, основанные на изучении решений высших судебных инстанций, помогают приведению к стандарту процесса реализации усмотрения. Основываясь на разъяснениях, пленума Верховного Суда

Российской Федерации и путем систематического пересмотра судебной практики, достигается совершенствование регулятивных норм, которое отражает преобразование общественно-правовой среды.

Путем методологического совершенствования судебного усмотрения можно внедрять технику принятия решений, которые будут ограничивать влияние субъективных факторов. Повышение открытости правоприменения можно достичь путем детализации требований к мотивировочной части судебных актов (решений, постановлений, приговоров и т.д.), содержащих распорядительные выводы, а внедрение цифровых инструментов для оценки идентичности правовых позиций по схожим делам, дает дополнительные гарантии аутентичности судебной практики.

Проведенный анализ указывает на критическую роль судебного усмотрения в правовой системе Российской Федерации. Неотъемлемым инструментом, который позволяет приспособить законодательные предписания к особенным обстоятельствам каждого конкретного дела и есть институт судебного усмотрения.

Разнообразие и сложность бытовых жизненных ситуаций склоняют судей к гибкому и индивидуальному подходу в правоприменении, что указывает на особую важность, судебного усмотрения в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Дуалистическая природа судебного усмотрения выявляется в изучении конституционных норм и процессуальных кодексов. С одной стороны, отсутствие четко определенных границ может создавать предпосылки для субъективных толкований, что подтверждается правовыми позициями высших судебных инстанций, в частности, применительно к практике арбитражных судов, где наблюдается вариативность в реализации дискреционных полномочий. С другой стороны судебное усмотрение предоставляет судьям возможность учитывать специфику обстоятельств дела, восполняя возможные пробелы в законодательстве и корректируя излишнюю категоричность правовых норм.

Проведенное нами исследование высветило критическую проблему в функционировании судебной системы: конфликт между потребностью в адаптивном правоприменении и императивом единообразия судебной практики. Различия в решениях по аналогичным делам, усугубленные недавними изменениями в процессуальном законодательстве, зачастую ведут к непредсказуемости правовых тенденций и ставят под сомнение принцип равенства всех перед законом.

Для преодоления этих трудностей предлагается сосредоточиться на мерах, которые позволят уменьшить роль субъективного фактора, не ущемляя при этом судейскую самостоятельность. Основными векторами развития станут: более активное разъяснение Верховным Судом РФ оценочных понятий для достижения единообразия их толкования, разработка и внедрение стандартов процессуального доказывания, а также создание механизмов, исключающих субъективную оценку доказательств. Реализация этих мер послужит укреплению доверия к правосудию, сохраняя при этом его

способность, реагировать на меняющиеся обстоятельства.

Список использованных источников

1. Антонов М.В. Искусство судить // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – №2. – С. 254–260.
2. Буглаева Е.А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в сфере судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2024. – №1. – С. 10–15.
3. Витрянский В.В. Принципы разумности и добросовестности в судебной практике: анализ тенденций // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11. С. 15–25.
4. Гаприндашвили Р.Т. О некоторых вопросах усмотрения и познания в уголовном процессе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. – 2020. – № 7. – С. 118–120.
5. Грудцына Л.Ю. Практика судебного правотворчества в условиях реформирования судебной системы Российской Федерации // Образование и право. – 2016. – №11. – С. 91–95.
6. Скляренко М.В. Юридическая техника производства в проверочных инстанциях в контексте культурных традиций России // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 625–629.
7. Чукин Д.С. Усмотрение как способ реализации принципа справедливости в праве // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2024. – № 4. – С. 126–136.

УДК 343.131.3

Перенесенко В. Э.
Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Лупандина И. С.
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ПУБЛИЧНОСТЬ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Цифровизация уголовного процесса обострила разрыв между нормами УПК и реалиями электронных доказательств. Отсутствие в законе самостоятельного вида цифровых доказательств и запрет на запись заседаний участниками процесса порождают риски. Новизна статьи в комплексной модели: отмена запрета на аудиозапись, выделение электронных доказательств

в отдельный вид и введение частично закрытого разбирательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гласность, конфиденциальность, электронные доказательства, состязательность.

Peresenenko V. E., Lupandina I. S.

PUBLICITY AND CONFIDENTIALITY IN THE CRIMINAL PROCESS

Annotation. The digitalization of criminal proceedings has exacerbated the gap between the norms of the Criminal Procedure Code and the realities of electronic evidence. The absence in the law of an independent type of digital evidence, along with the prohibition on recording court hearings by the participants in the process, creates significant risks. The novelty of the article lies in a comprehensive model that includes the abolition of the ban on audio recording, the recognition of electronic evidence as a separate evidentiary category, and the introduction of partially closed proceedings.

Keywords: criminal proceedings, publicity, confidentiality, electronic evidence, adversarial nature.

Уголовное судопроизводство заключает в себе противоречие: оно призвано быть открытым и доступным для общественного контроля, что укрепляет доверие граждан к правосудию, но вынуждено охранять информацию, разглашение которой может причинить вред интересам следствия, безопасность участников процесса или их частную жизнь. Как отмечает профессор В. Бозров, «неотъемлемой чертой... является двуединство гласности и тайны» [1]. В условиях цифровизации это противоречие обостряется: технологии создают риски утечки информации [2].

В юридической науке гласность подразумевает открытость судебного заседания для публики и средств массовой информации, возможность свободного получения сведений о ходе и результатах процесса, презумпцию доступности судебных актов. Она – средство общественного контроля за деятельностью суда, также служит гарантией независимости судей [3].

В отличие от гласности, принцип конфиденциальности направлен на создание правовых барьеров для распространения информации, связанной с производством. Его назначение состоит в защите ценностей, более значимых в процессуальной ситуации, чем публичный интерес к открытости, таких как государственная тайна, безопасность участников процесса, неприкосновенность частной жизни и т.д. Конфиденциальность обеспечивается комплексом правовых средств, такими как институт закрытого судебного разбирательства, а на досудебных стадиях – норма о недопустимости разглашения данных предварительного расследования [4]. В современных условиях, с лёгкостью тиражирования и распространения информации, поддержание баланса становится сложной задачей. Конституционный Суд РФ разъяснил, что данные предварительного расследования составляют охраняемую уголовно-

процессуальным и уголовным законами информацию, содержащуюся в материалах дела, распространение которой создаёт реальную или потенциальную опасность причинения ущерба расследованию, нарушения прав и законных интересов участников процесса [5].

Регулирование конфиденциальности в уголовном судопроизводстве РФ, базирующееся на УПК выявляет коллизии и пробелы. Статья 161, закрепляющая недопустимость разглашения данных предварительного расследования, в условиях цифровой среды, характеризующейся лёгкостью копирования и мгновенной трансграничной передачей информации, а также уязвимостью для кибератак и внутренних утечек, видит свой охранительный потенциал существенно ограниченным. Как отмечает судья А.Ю. Сафронов, назрела необходимость закрепления на законодательном уровне возможности представления суду некоторых материалов в режиме ограниченного доступа – через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) для ознакомления только судом [6]. Информация, ставшая известной участнику процесса, может быть мгновенно скопирована и распространена, что требует перехода к созданию технологически обусловленных режимов информационной безопасности

Смежными пробелами выступают устаревшее регулирование получения информации о соединениях между абонентами, а также отсутствие законодательно установленных стандартов для использования личных технических средств сотрудниками правоохранительных органов, дополняя затруднённым механизмом на получение разрешения. Статья 164 УПК РФ содержит общие правила. Поэтому представители правоохранительных органов используют личные технические средства. Остаётся возможность неправомерного и неконтролируемого владельцем устройства доступа к хранящейся на нем информации [7]. Устаревшее регулирование между абонентами предусмотрено статьёй 186.1 УПК РФ. Норма, не менявшаяся с 2013 года, не учитывает современные реалии коммуникаций.

Проникновение цифровых технологий трансформирует подходы к обеспечению конфиденциальности, причём влияние технологий проявляется в контексте процессуальных режимов – открытого и закрытого судебного заседания. В открытом судебном заседании, где действует презумпция гласности, цифровые технологии фиксации должны усиливать общественный контроль и гарантии сторон, однако запрет на производство аудио- и видеозаписи участниками процесса без разрешения суда создаёт коллизию, поскольку ограничивает возможности сторон, прежде всего защиты, по эффективному закреплению и анализу хода разбирательства. В закрытом судебном заседании технологии представляют собой вызов конфиденциальности, поскольку риски несанкционированной цифровой записи, её копирования и распространения делают меры охраны недостаточными, требуя внедрения технических средств подавления сигналов и специальных протоколов кибербезопасности. Отдельным пробелом является правовой статус электронных доказательств, которые не выделяются в самостоятельный вид, а относятся к иным документам, что игнорирует

специфическую природу цифровой информации, а отсутствие в законе чётких правил их изъятия, исследования и хранения создаёт риски незаконного получения, фальсификации, признания недопустимыми, что подрывает конфиденциальность правосудия.

В прошлом году был подписан закон, который признал обязательность отнесения фотоматериалов, а также материалов видео- и звукозаписи к доказательствам по делу об административном правонарушении [8]. Эти положения распространяются исключительно на административный процесс, тогда как в гражданском процессе вопрос о признании аудиоматериалов допустимым доказательством всё еще остается на усмотрении суда. Складывающаяся практика противоречива. Чаще всего суды отказываются принимать аудиозаписи в качестве доказательств, ссылаясь на то, что их достоверность нельзя проверить. Например, истец представил звуковые файлы, записанные на обычном компакт-диске. Суд отметил, что фонограмма получена не путём записи информации от первоисточника, а переписана с иного носителя, верность такой копии не может быть проверена. Аудиозапись была признана недопустимым доказательством [9].

Ряд судов заняли запретительную позицию. Так, Третий арбитражный апелляционный суд указал на отсутствие связи содержания записи с предметом спора [10]. Тверской областной суд признал скрытую фиксацию нарушением права на тайну частной жизни, а Арбитражный суд Нижегородской области вывел из этого обязанность уведомлять собеседника [11; 12]. Противоположный, разрешительный подход продемонстрировал Верховный Суд Республики Карелия, допустив запись, сделанную без согласия собеседника [13]. Консолидирующую позицию выразил Верховный Суд РФ, установив, что аудиозапись, произведённая участником разговора и касающаяся существа спорных отношений, является допустимым доказательством, даже если выполнена без предупреждения [14].

Несмотря на это, в сфере гражданского судопроизводства сформировалась относительно либеральная доктрина, инициированная позициями Верховного Суда Российской Федерации. Отправной точкой стало Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, в котором была сформулирована возможность использования скрытой аудиозаписи в качестве допустимого доказательства [15]. Верховный Суд установил два ключевых критерия легализации подобных материалов. Запись должна быть произведена самим участником зафиксированной коммуникации. Содержание записи должно непосредственно касаться обстоятельств спорных правоотношений, а не затрагивать сведения, составляющие интимную или семейную тайну [16]. Этот подход санкционировал феномен «бытового доказывания», признав, что в условиях неформальных или доверительных отношений, часто лишённых надлежащего документального оформления, техническая фиксация может стать единственным средством защиты. Развитие позиция получила в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, где указано, что согласие лица на запись не является условием её допустимости. В гражданском процессе акцент сместился с формального запрета на оценку

судом относимости, достоверности и доброкачественности материалов [17].

Совершенно иную, запретительную систему демонстрирует уголовное судопроизводство, где вопрос о самостоятельной фиксации упирается в жёсткую централизацию и регламентацию доказательственной деятельности. Норма статьи 164 УПК РФ, возлагающая на следователя обязанность предупреждать участников о применении технических средств, трактуется правоохранительными органами и судами как устанавливающая монопольное право государственного обвинителя на решение вопроса о любой фиксации. Пример – дело адвоката Г. Галстян, в котором следователь и Краснодарский гарнизонный военный суд, отказали защитнику в ведении аудиозаписи допроса, квалифицировав её уведомление как ходатайство, требующее разрешения [18]. Суд заключил, что ни УПК РФ, ни Закон об адвокатуре не предоставляют защитнику полномочий самостоятельно применять средства фиксации. Статья 53 УПК РФ гарантирует защитнику право использовать любые не запрещённые законом средства и способы защиты. Обычный диктофон к таковым не относится, а его использование направлено на обеспечение принципа состязательности, проверку протоколов и предотвращение возможных нарушений.

Апогеем криминализации технологической фиксации стало возбуждение в 2025 году уголовного дела по части 1 статьи 137 УК РФ против адвоката Романа Попова, обвинённого в записи закрытого судебного заседания и передаче её материалов доверителю [19]. Прецедент знаменует эскалацию: если в открытом заседании спор идёт о праве на фиксацию, то в закрытом её осуществление переводится в плоскость уголовно наказуемого деяния. Однако даже в этом случае возникают вопросы о соразмерности правовой оценки. Передача записи законному представителю обвиняемого, выступающему также и доверителем адвоката, формально может рассматриваться как разглашение данных следствия, но по своей сути является элементом реализации права на защиту клиента. Подобное уголовное преследование выполняет не только карательную, но и устрашающую функцию, формируя «эффект сдерживания» для всей адвокатской профессии.

Сравнительно-правовой анализ регулирования технологий фиксации в иных правовых системах позволяет выявить тенденции. В США баланс регулируется системой прецедентов, где право на публичный суд не является абсолютным, широко применяются судебные приказы, запрещающие распространение информации, а материалы, полученные частными лицами допустимы при отсутствии нарушения запретов. Примечательной особенностью является развитая практика использования электронных средств в судопроизводстве, включая системы электронной подачи документов (CM/ECF) и, в ряде юрисдикций, разрешённую аудио- и видеотрансляцию заседаний. Однако решение о допуске записи остаётся на усмотрение суда. В России с 2017 года действует ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Документ усовершенствовал порядок трансляции заседаний и опубликования решений.

Великобритания демонстрирует более сдержанный подход к гласности,

основанный на жёстком законодательстве о неуважении к суду, с акцентом на защиту беспристрастности суда. Однако в британской системе традиционно сильна защита частной жизни, что находит отражение в активном применении законодательства о защите данных и запрете на публикацию информации, позволяющей установить личность некоторых участников процесса.

Германия предлагает модель, основанную на детальном законодательном регулировании, приоритете принципа непосредственности и широких полномочиях суда по поддержанию порядка, при строгом применении законодательства о защите персональных данных. Международные стандарты, выработанные Европейским Судом по правам человека, формируют общий ориентир, требуя, чтобы любые ограничения гласности были предусмотрены законом и были соразмерными. Сравнительный анализ позволяет выделить потенциально адаптируемые элементы для российской системы, включая детализацию критериев судебного усмотрения, интеграцию принципов защиты данных в уголовно-процессуальное регулирование и переход от запретительной модели в отношении фиксации к регулируемой, где право защиты на ведение записи признаётся в качестве состязательности.

Выявленные системные противоречия требуют комплексной модернизации УПК РФ с последующим разъяснением Верховного Суда РФ, целью которой является создание гибкого, технологически нейтрального и соразмерного правового режима, обеспечивающего баланс эффективности правосудия, состязательности и защиты прав личности. Необходима реформа правил фиксации судебных разбирательств, а именно отмена общего запрета на аудиозапись открытого заседания, предусмотренного частью 5 статьи 241 УПК РФ, с введением дифференцированного режима: участники судопроизводства должны быть наделены правом на ведение аудиозаписи для служебных целей без специального разрешения суда, тогда как для иных лиц, включая средства массовой информации, возможность фиксации может предоставляться на основании мотивированного судебного решения. При этом Пленуму Верховного Суда РФ надлежит разъяснить, что под «служебными целями» понимается использование записи исключительно для подготовки процессуальных документов и обжалования судебных актов, а её публичное распространение квалифицируется как злоупотребление правом. Одновременно требуется уточнение правового режима цифровых доказательств, поскольку их отнесение к «иным документам» в соответствии со статьёй 84 УПК РФ игнорирует природу такой информации. В связи с этим целесообразно выделить электронные доказательства в самостоятельный вид в главе 10 УПК РФ; соответствующие критерии допустимости и методика оценки требуют закрепления в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Необходима оптимизация процедуры закрытых судебных заседаний, поскольку бинарный выбор между полной открытостью и полной закрытостью зачастую оказывается избыточным. Следует ввести институт частично закрытого разбирательства, позволяющего суду ограничить доступ к тем эпизодам, которые содержат охраняемую законом тайну. Пленуму Верховного Суда РФ надлежит дать рекомендации по выбору оптимальной степени закрытости разбирательства, по

применению технических средств фиксации, что позволит обеспечить разумный баланс между публичностью правосудия и необходимостью сохранения конфиденциальности.

Уголовное судопроизводство Российской Федерации находится в состоянии трансформации, обусловленной противоречием между процессуальными гарантиями и воздействием цифровых технологий. Традиционная правовая модель демонстрирует системную несостоятельность перед лицом цифровой среды, что выражается в нормативных коллизиях, архаичном подходе к электронным доказательствам, выявленной межотраслевой диспропорции и криминализации самостоятельной фиксации. Императивом является модернизация, направленная на формирование нейтрального и сбалансированного правового режима через закрепление презумпции права сторон на аудиозапись открытого процесса, создание адекватного процессуального режима для электронных доказательств и внедрение модели частичной закрытости разбирательства. Такой подход позволит преодолеть кризис регулирования, трансформировав технологии в действенный инструмент для укрепления гарантий справедливого правосудия, повышения объективности доказывания и обеспечения подлинного равенства сторон.

Список использованных источников

1. Бозров, В. Гласность и тайна в уголовном судопроизводстве / В. Бозров. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2002. – № 2 (февраль). – С. 30.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.04.2026).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» : ред. от 09.12.2025. – Текст : электронный // ГАРАНТ : [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/61238048/ (дата обращения: 14.03.2026).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ : ред. от 29.12.2025 (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.03.2026).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации». – Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188836/ (дата обращения: 01.04.2026).

6. Сафронов, А. Ю. Обеспечение полноты представляемых суду материалов в уголовном процессе в условиях конкуренции гласности, тайны следствия и состязательности / А. Ю. Сафронов. – Текст : электронный // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 6 (175). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-polnoty-predstavlyaemyh-sudu-materialov-v-ugolovnom-protsesse-v-usloviyah-konkurentsii-glasnosti-tayny-sledstviya-i (дата обращения: 14.03.2026).

7. Раменская, В. С. Цифровизация уголовного процесса России: тенденции и ближайшие перспективы / В. С. Раменская. – Текст : электронный // Теоретические и прикладные проблемы правового регулирования экономической деятельности в цифровой среде : сборник материалов конференции. – Екатеринбург, 2024. – С. 1045–1048. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/142861/1/978-5-91256-730-8_243.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

8. Федеральный закон от 26.04.2016 № 114-ФЗ «О внесении изменения в статью 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части обязательности отнесения материалов фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи к доказательствам по делу об административном правонарушении». – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40728 (дата обращения: 01.04.2026).

9. Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 15 сентября 2016 г. по делу № 33-15582/2016. – Текст : электронный // ГАРАНТ : [сайт]. – URL: http://base.garant.ru/143481978/ (дата обращения: 02.04.2026).

10. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 31 марта 2016 г. № 03АП-1037/16. – Текст : электронный // ГАРАНТ : [сайт]. – URL: http://base.garant.ru/61238048/ (дата обращения: 15.03.2026).

11. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : (с изменениями и дополнениями). – Текст : электронный // ГАРАНТ : [сайт]. – URL: https://base.garant.ru/12148555/#block_98 (дата обращения: 15.03.2026).

12. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 27 февраля 2015 г. по делу № А43-32610/2014. – Текст : электронный // ГАРАНТ : [сайт]. – URL: http://base.garant.ru/88059725/ (дата обращения: 14.03.2026).

13. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Карелия от 12 августа 2016 г. по делу № 33-3239/2016. – Текст : электронный // ГАРАНТ : [сайт]. – URL: http://base.garant.ru/143696894/ (дата обращения: 04.04.2026).

14. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 декабря 2016 г. № 35-КГ16-18. – Текст : электронный // ГАРАНТ : [сайт]. – URL: http://base.garant.ru/71579524/ (дата обращения: 02.04.2026).

15. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6

декабря 2016 г. № 35-КГ16-18. – Текст : электронный // ГАРАНТ : [сайт]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71479524/ (дата обращения: 04.04.2026).

16. Кожич, И. С. Аудио и видеозаписи как средство доказывания в гражданском процессе / И. С. Кожич, В. Н. Рогачева. – Текст : электронный // Научный лидер. – 2022. – № 24 (69), июнь. – URL: https://scilead.ru/article/2542-audio-i-videozapisi-kak-sredstvo-dokazivaniya (дата обращения: 04.04.2026).

17. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : от 14.11.2002 № 138-ФЗ : ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 18 ноября. – № 46. – Ст. 4532. – Текст : непосредственный.

18. Адвокат борется за право использовать диктофон : сайт признан иностранным агентом. – 2020. – 1 августа. – Текст : электронный // Адвокатская улица : [сайт]. – URL: https://advstreet.ru/article/advokat-boretsya-za-pravo-ispolzovat-diktofon/ (дата обращения: 15.03.2026).

19. В Ростовской области возбуждено уголовное дело в отношении адвоката Романа Попова из-за аудиозаписи закрытого судебного заседания. – Текст : электронный // ВКонтакте : [сайт]. – URL: https://vk.com/wall-42591457_30630 (дата обращения: 14.03.2026).

СЕКЦИЯ 6
НОВАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

УДК 343.13

Ахундов Ш. М.
магистрант 2-го курса
Института магистратуры и организации экспертной деятельности
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Гапотченко Г. Н.
канд. юрид наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

РЕАБИЛИТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

Аннотация. В представленной работе проводится всесторонний анализ

правового института реабилитации применительно к российскому уголовному судопроизводству. Исследуются юридические предпосылки возникновения права на восстановление нарушенных прав, а также алгоритм компенсации ущерба, спровоцированного неправомерными действиями органов дознания, следствия и судебных инстанций. Автором выявляются системные правоприменительные сложности, касающиеся определения персонального круга лиц, подлежащих реабилитации, и действенного механизма возвращения их правового статуса. Формулируются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в сегменте обеспечения рассматриваемого права.

Ключевые слова: реабилитация, притязание на реабилитацию, компенсация ущерба, уголовный процесс, противоправное уголовное преследование, реабилитируемое лицо, восстановление правового статуса.

Akhundov S. M., Gapotchenko G.N.

REHABILITATION PROCEDURES WITHIN THE MODERN CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper provides a comprehensive analysis of the legal institution of rehabilitation in relation to Russian criminal proceedings. The author examines the legal prerequisites for the emergence of the right to restoration of violated rights, as well as the algorithm for compensating damage caused by unlawful actions of inquiry, investigation and judicial authorities. Current law enforcement difficulties concerning the identification of the personal circle of persons subject to rehabilitation and the effective mechanism for restoring their legal status are identified. Proposals are formulated to improve criminal procedure legislation in the segment of ensuring the right under consideration.

Keywords: rehabilitation, claim for rehabilitation, compensation for harm, criminal procedure, illegal criminal prosecution, rehabilitated person, restoration of legal status.

Институт реабилитации, функционирующий в системе уголовного судопроизводства РФ, выступает в роли одного из ключевых правовых механизмов, гарантирующих реализацию конституционного предписания о возмещении государством вреда, причиненного незаконными актами (или бездействием) публичных органов. Как верно подчеркивается в доктринальных источниках, наличие эффективной реабилитационной процедуры служит неотъемлемым атрибутом правового государства, подтверждающим верховенство прав и свобод личности [1, с. 45]. Несмотря на достаточно подробную регламентацию положений главы 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), правоприменительная деятельность в сфере реабилитации сопряжена с рядом сложностей теоретического и прикладного характера, нуждающихся в научном переосмыслении в условиях современных реалий.

Официальное толкование понятия «реабилитация» содержится в п. 34 ст. 5 УПК РФ, где под ним понимается упорядоченная процедура по восстановлению прав и свобод лица, в отношении которого уголовное преследование осуществлялось незаконно либо необоснованно, а также по компенсации нанесенного ему ущерба. Перечень субъектов, обладающих правом на реабилитацию, зафиксирован в ч. 2 ст. 133 УПК РФ. В их число включены: оправданный; гражданин, уголовное преследование которого прекращено по реабилитирующим мотивам (отсутствие события или состава деяния, непричастность и т.д.); лица, незаконно подвергнутые принудительным мерам медицинского характера, а также иные категории [2].

Обобщение материалов правоприменительной практики позволяет выделить одну из ключевых проблем: следователи и дознаватели нередко выносят решения о прекращении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям (к примеру, вследствие деятельного раскаяния либо примирения сторон), даже когда присутствуют сомнения в причастности лица к инкриминируемому деянию. Подобная практика фактически лишает гражданина законной возможности требовать реабилитации. Как следствие, лицо, формально не признанное виновным, утрачивает шанс на получение компенсации морального и имущественного вреда, понесенного из-за уголовного преследования [3, с. 112]. В связи с этим представляется востребованным формирование разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно приоритетного применения реабилитирующих оснований для прекращения дела при наличии к тому фактических предпосылок.

Особого анализа заслуживает процедура возмещения имущественного вреда. По смыслу ст. 135 УПК РФ, она охватывает компенсацию утраченного заработка, пенсионных выплат, пособий, стоимости поврежденного либо утраченного имущества, а также прочих расходов. Однако в практической плоскости возникают серьезные затруднения при доказывании размера неполученной выгоды, поскольку уголовно-процессуальный закон не предлагает четкого алгоритма ее исчисления. Дополнительную сложность представляет вопрос о возмещении вреда, причиненного юридическим лицам: несмотря на отсутствие прямой отсылки в главе 18 УПК РФ, по смыслу ст. 53 Конституции РФ они также вправе претендовать на соответствующую компенсацию [4, с. 28].

Что касается компенсации морального вреда, ст. 136 УПК РФ предусматривает такие формы, как официальное принесение извинений прокурором и денежное возмещение. Вместе с тем практика демонстрирует, что суммы, взыскиваемые в рамках гражданского судопроизводства, зачастую носят символический характер и не отражают реальной глубины нравственных страданий, пережитых реабилитированным. Целесообразно закрепить в УПК РФ минимальные критерии для определения величины компенсации морального вреда, учитывающие тяжесть предъявленного обвинения, продолжительность содержания под стражей и прочие обстоятельства.

Другой актуальной проблемой выступает излишняя длительность процесса восстановления прав реабилитированных. Нередко лица, оправданные

судом либо освобожденные от уголовного преследования, вынуждены обращаться в суд в порядке искового производства для разрешения вопросов, которые должны решаться на стадии исполнения приговора. Это противоречит принципу процессуальной экономии и принципу своевременной защиты нарушенных прав. В связи с этим предлагается расширить полномочия суда, постановившего оправдательный приговор, в части самостоятельного исчисления размера возмещения вреда без передачи соответствующего вопроса в гражданский процесс (за исключением спорных ситуаций) [5, с. 201].

Сравнительно-правовой анализ с законодательными подходами зарубежных стран (например, Германии и Франции) свидетельствует, что российская реабилитационная модель обладает как несомненными плюсами (широкий перечень реабилитирующих оснований), так и минусами. Так, в зарубежных правопорядках нередко функционируют специализированные фонды либо административные органы, оперативно компенсирующие ущерб от незаконного преследования, тогда как в России реабилитируемое лицо вынуждено проходить продолжительные судебные инстанции, заново доказывая противоправность действий следственных органов [6].

В завершение следует констатировать, что институт реабилитации в современном уголовном процессе РФ продолжает свое развитие, однако сохраняет проблемные зоны с точки зрения эффективности правоприменения. В целях повышения эффективности правового механизма реабилитации и обеспечения полноты восстановления нарушенных прав лиц, незаконно подвергнутых уголовному преследованию, представляется обоснованным реализовать следующие направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства:

- нормативно закрепить приоритет реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (предусмотренных п. 1, 2, 5, 6 ч. 1 ст. 24 и п. 1, 4–6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) перед иными, не реабилитирующими основаниями, что исключит возможность ограничения права на возмещение вреда при наличии сомнений в виновности лица;

- разработать и ввести в действие унифицированную методику расчёта упущенной выгоды, причинённой незаконным уголовным преследованием, а также установить минимальные критерии (базовые ставки) определения размера компенсации морального вреда в зависимости от тяжести инкриминируемого деяния, длительности применения мер процессуального принуждения и иных значимых обстоятельств.

- оптимизировать процедуру возмещения вреда путём возложения на суд, вынесший оправдательный приговор (либо на специально уполномоченный государственный орган), обязанности по исчислению, подлежащей взысканию суммы одновременно с разрешением вопроса о виновности, без последующей передачи данного вопроса в отдельное исковое производство (за исключением возникновения спора о размере).

- инициировать внесение изменений в главу 18 УПК РФ, норм, прямо предусматривающих право юридических лиц на реабилитацию и возмещение вреда, причинённого незаконной уголовно-процессуальной деятельностью, с

учётом правовой позиции Конституционного Суда РФ и корреспонденции с нормами ст. 53 Конституции РФ.

Реализация предложенных мер будет содействовать восстановлению социальной справедливости и повышению уровня доверия граждан к российской судебной системе.

Список использованных источников

1. Божьев В.П. Реабилитация в уголовном судопроизводстве: проблемы и перспективы // Российский следователь. – 2020. – № 4. – С. 44-48.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

3. Ковтун Н.Н. Институт реабилитации в уголовном процессе России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 256 с.

4. Лазарева В.А. Право на реабилитацию: проблемы теории и практики // Журнал российского права. – 2022. – № 3. – С. 25-35.

5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. – 8-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 752 с.

6. Романов А.Е. Зарубежный опыт возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым уголовному преследованию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-vozmescheniya-vreda-litsam-nezakonno-podvergnutym-ugolovnomu-presledovaniyu (дата обращения: 01.04.2026).

УДК 355.241

Велеяснев И. Г.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Гапотченко Г. Н.
канд. юрид наук, доцент, доцент кафедры
уголовно-процессуального права и криминалистики
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ПРОБЛЕМЫ НЕКАЧЕСТВЕННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема некачественного раскрытия преступлений прошлых лет, предварительное следствие по которым было приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Исходя из анализа

уголовного законодательства и научной литературы в статье, были исследованы и обозначены причины возникновения рассматриваемой проблемы, и представлены пути их решения.

Ключевые слова: преступность, нераскрытые преступления, криминалистика, законность, расследование преступлений, преступления прошлых лет.

Velyasnev I. G., Gapotchenko G. N.

PROBLEMS OF INADEQUATE INVESTIGATION OF UNCLOSED CRIMES FROM THE PAST

Annotation. This article discusses the problem of poor-quality investigation of crimes committed in previous years, the preliminary investigation of which was suspended due to the failure to identify the person to be charged. Based on an analysis of criminal legislation and scientific literature, the article explores and identifies the causes of this problem and presents possible solutions.

Keywords: crime, unsolved crimes, forensic science, legality, crime investigation, crimes of the past.

Актуальность выбранной темы исследовательской работы связана с одной из острых проблем, стоящей перед учеными-криминалистами и практическими работниками правоохранительных органов, - проблемой раскрытия и расследования преступлений прошлых лет, предварительное следствие по которым было приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [4].

Проблема некачественного расследования, проявляющаяся в неполноте следственных действий и недостаточной координации между правоохранительными органами, обусловлена сохраняющейся проблемой нераскрытых преступлений прошлых лет, которые оказывают негативное влияние на общественное доверие к правоохранительной системе и создают ощущение безнаказанности. Анализ причин и факторов, приведших к подобным недостаткам в прошлом, а также разработка рекомендаций по совершенствованию организации расследования и межведомственного взаимодействия, представляется важным для повышения эффективности раскрываемости преступлений, восстановления справедливости и укрепления правопорядка в настоящем.

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования методических рекомендаций и практических пособий для следователей и оперативных сотрудников, направленных на повышение качества расследования преступлений, особенно нераскрытых прошлых лет. Полученные выводы могут способствовать оптимизации межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, улучшению обмена информацией и координации действий при расследовании сложных

преступлений.

Проведя исследование, мы солидарны с рядом специалистов и выделили следующую проблему, препятствующую быстрому и полному расследованию уголовных дел, позволяющему привлечь виновных лиц к уголовной ответственности – проблема некачественного расследования, выраженного в неполноте расследования, а также в отсутствии должного взаимодействия между правоохранительными органами.

Под некачественно проведенным расследованием преступлений прошлых лет следует понимать неполноту расследования и отсутствие должного взаимодействия между подразделениями, осуществляющими предварительное расследование и подразделениями, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Рассматриваемая проблема проявляется в разнообразных формах действий и бездействия со стороны должностных лиц. В качестве примера можно привести игнорирование постановлений следователей относительно розыска определенных лиц. В ряде случаев розыскные дела не возбуждаются, в других ситуациях розыск фактически не проводится либо осуществляется номинально [3, с. 29].

Обращая внимание на проблему недостаточного уровня взаимодействия и предлагая возможный способ ее решения, следует отметить, что установление тесного контакта с органами дознания, прежде всего с подразделениями уголовного розыска, а также с экспертами является основным направлением раскрытия преступлений прошлых лет. С данным утверждением сложно не согласиться, однако следует принимать во внимание, что взаимодействие не должно ограничиваться исключительно указанными структурами, поскольку в данном процессе активно участвуют участковые уполномоченные полиции, инспектора подразделения по делам несовершеннолетних, наряды патрульно-постовой и дорожно-патрульной служб, вневедомственной охраны и другие.

Требуется обеспечение эффективного и скоординированного сотрудничества между подразделениями уголовного розыска и следственными органами, а также иными службами и подразделениями системы внутренних дел, обладающими полномочиями по ведению оперативно-розыскной деятельности (службы экономической безопасности и противодействия коррупции, службы по борьбе с экстремизмом и другие), информационными структурами МВД России (Главный информационно-аналитический центр МВД России и Информационный центр УМВД по субъектам РФ), а также оперативными структурами прочих правоохранительных ведомств, уполномоченных проводить оперативно-розыскную деятельность на территории Российской Федерации (Федеральной службы безопасности, Федеральной таможенной службы, Федеральной службы исполнения наказаний).

В. И. Пискарев в ходе изысканий путей разрешения указанной проблемы указывает на целесообразность использования системного подхода, подразумевая, что преодоление проблемы нераскрытых преступлений прошлых лет представляется возможным исключительно посредством консолидации

усилий правоохранительных органов [2, с. 10].

По мнению Е. Н. Волынкина, совершенствование организационных основ оперативно-розыскной деятельности позволит повысить эффективность взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов, а использование всего спектра доступных сил, средств и методов обеспечит решение данной проблемы [1, с. 156]. Скоординированная деятельность сотрудников правоохранительных органов, проявление должной настойчивости и трудолюбия, глубокое владение тактикой и методикой раскрытия преступлений также способствуют преодолению указанной проблемы.

Следует согласиться с подобными суждениями, поскольку четко выстроенная система взаимоотношений между органами предварительного следствия и другими правоохранительными органами и их ведомственными подразделениями, а также строго регламентированный и алгоритмизированный порядок их действий обеспечат более высокий уровень раскрываемости как преступлений прошлых лет, так и текущих. В данных обстоятельствах необходимо направить усилия на обеспечение слаженной командной работы между указанными правоохранительными органами. Совершенствование организационно-управленческой деятельности в этом направлении на всех уровнях повысит результативность решения обозначенной проблемы.

В настоящее время в Следственном комитете РФ подобные аналитические группы созданы, но в МВД России, далеко не во всех субъектах РФ сформированы оперативно-розыскные подразделения по раскрытию преступлений прошлых лет.

Решение данной проблемы видится в необходимости издания нового приказа МВД РФ «О создании в субъектах РФ оперативно-розыскных подразделений МВД по раскрытию преступлений прошлых лет».

Таким образом, создание специализированных оперативно-розыскных подразделений в каждом субъекте РФ, закрепленных приказом МВД РФ, представляется обоснованным решением проблемы некачественного расследования преступлений прошлых лет, поскольку позволит сконцентрировать ресурсы, экспертизу и опыт именно на этой категории дел. Такие подразделения, обладая доступом к архивным материалам, современным технологиям (включая возможности генеалогического анализа и работы с цифровыми данными) и налаженным каналам взаимодействия с другими правоохранительными органами, смогут эффективно проводить повторные расследования, выявлять новые обстоятельства и доказательства, а также обеспечивать более качественное взаимодействие между различными ведомствами.

Важно, чтобы в состав этих подразделений входили не только опытные оперативные сотрудники, но и квалифицированные следователи, криминалисты и аналитики, способные комплексно подходить к решению сложных задач.

Это, в конечном итоге, повысит раскрываемость данной категории преступлений, восстановит справедливость для пострадавших и укрепит доверие общества к правоохранительной системе. Кроме того, систематическая работа таких подразделений позволит выявить системные ошибки в

расследованиях прошлых лет и разработать меры по их предотвращению в будущем.

Список использованных источников

1. Волынкин, Е. Н. О некоторых мерах по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы / Е. Н. Волынкин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 4(86). – С. 154-159.

2. Пискарев В.И. Повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений прошлых лет - важная задача следственных органов // Предварительное следствие. - М.: Следств. комитет при прокуратуре РФ, 2009, № 4 (6). - С. 6-12

3. Сучков, А. И. Особенности раскрытия преступлений прошлых лет / А. И. Сучков, А. В. Сафронова // Современная наука. – 2021. – № 1. – С. 28-30.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 14.02.2026).

УДК 343.13

Гапотченко Г. Н.
канд. юрид наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИ И ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается отдельные вопросы процессуальной регламентации приостановления предварительного следствия в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Автором отмечаются отдельные проблемы указанной деятельности и обосновываются предложения по её усовершенствованию.

Ключевые слова: временное тяжёлое заболевание, досудебное производство, приостановление предварительного следствия, подозреваемый, обвиняемый, уголовно-процессуальный кодекс.

Gapotchenko G. N.

ACTUAL ISSUES OF REGULATION OF SUSPENSION OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article discusses certain issues of procedural regulation of the suspension of preliminary investigation in the criminal proceedings of the Russian

Federation. The author highlights certain problems of this activity and substantiates proposals for its improvement.

Keywords: temporary serious illness, pre-trial proceedings, suspension of preliminary investigation, suspect, accused, criminal procedure code.

Уголовное судопроизводство Российской Федерации постоянно развивается, совершенствуется, изменяется и дополняется.

Основанием для таких изменений являются как научные исследования учёных-процессуалистов, так и общественно-политическая обстановка в обществе в соответствующий период времени.

Эффективность нововведений уголовного судопроизводства напрямую зависит от юридически грамотной формулировки норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и их сбалансированности между собой. От этого также зависит их единообразное понимание и применение всеми субъектами, которые принимают участие в конкретном уголовном деле.

Следует отметить, что отдельные номы действующего УПК РФ во многом базируются на нормах предыдущего УПК Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Республики (далее – УПК РСФСР), который был принят 27 октября 1960 г. и утратил силу с 1 июля 2002 г. [1].

Отдельные новации в УПК РФ имеют чисто практическое значение. Так, в соответствии с п. 9) ст. 5 УПК РФ на законодательном уровне установлен начальный момент досудебного уголовного судопроизводства, а следовательно, всего уголовного процесса, – «с момента получения сообщения о преступлении» [2]. Данная новация разрешила споры между процессуалистами по данному вопросу, которые длились на протяжении нескольких десятилетий.

Некоторые другие новации, которые были заимствованы в УПК РФ из норм УПК РСФСР были изменены как в смысловом плане, так и по своему юридическому смыслу.

По нашему мнению, это в полной мере относится к процессуальной регламентации приостановления предварительного следствия в уголовном процессе.

Изменены были как основания для приостановления предварительного следствия, так и процессуальный порядок приостановления предварительного следствия.

В уголовном процессе под приостановлением предварительного следствия понимается временный перерыв в производстве следственных действий по уголовному делу, в связи с невозможностью участия в них обвиняемого по различным причинам, которые указаны в УПК РФ.

Исследуем их более детально.

Вопрос первый. Основания приостановление предварительного следствия.

В соответствии с ч. 1 ст. 195 предыдущего УПК РСФСР таких оснований для приостановления предварительного следствия было три:

1) в случае, когда обвиняемый скрылся от следствия или суда или когда

по иным причинам не установлено его местопребывание;

2) в случае психического или иного тяжкого заболевания обвиняемого, удостоверенного врачом, работающим в медицинском учреждении;

3) в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Таким образом, приостановление предварительного следствия по уголовному делу было возможно только в отношении одного субъекта уголовного процесса – обвиняемого.

При наличии и установлении по уголовному делу лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, первичным действием было именно привлечение его в качестве обвиняемого, а уже вторичным, – действия, предусмотренные УПК по приостановлению предварительного следствия. То есть, предварительное следствие можно было приостановить только после вынесения следователем соответствующего мотивированного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

В соответствии с ч. 1 ст. 208 действующего УПК РФ предварительное следствие приостанавливается при наличии одного из следующих оснований:

«1) лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено;

2) подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам;

3) место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует;

3.1) призыв подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также прохождение ими военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

4) временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях».

Как видно, законодатель добавил в УПК ещё несколько оснований.

Следует указать, что п. 3.1 был введён в указанную статью в соответствии с Федеральным законом от 23.02.2024 г. № 64-ФЗ, то есть уже после начала Специальной военной операции (далее – СВО).

Полагаем, что данная новация законодателем изложена и регламентирована не полно, не корректно и не конкретно.

Во-первых, данной нормой можно определить только дату приостановления предварительного следствия – это дата призыва на военную службу или дата заключения контракта.

Во-вторых, данная норма не устанавливает конечный срок приостановления предварительного следствия, а также на содержит оснований для возобновления предварительного следствия по такому уголовному делу.

В-третьих, данная норма не регламентирует дальнейшие действия по приостановленному по данному основанию предварительного следствия в случае, например, получения тяжёлого ранения или гибели подозреваемого или обвиняемого.

Служба по защите интересов и граждан Российской Федерации, безусловно, является важной и необходимой миссией, но в уголовно-процессуальном аспекте, считаем, что изложенный выше п. 3.1 ст. 208 УПК является основанием не для приостановления предварительного расследования, а для прекращения уголовного преследования в отношении такого лица по основаниям и в порядке, изложенном ст. 28.2 УПК РФ, которая так и называется

«Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время».

Данной нормой действующий УПК РФ был дополнен в соответствии с тем же Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ, что и ч. 3.1 ст.208 УПК РФ, о чём мы указали ранее.

Налицо явное несоответствие норм п. 3.1 ст. 208 УПК РФ и ст. 28. 2 этого же УПК.

Более того, п.3. 1) ст.208 УПК РФ является юридически не сбалансированным с другими нормами этого же УПК РФ. Обоснованием такого вывода является то, что предварительное следствие приостанавливается в отношении обвиняемого или подозреваемого. В любом случае, и статус обвиняемого, и статус подозреваемого означает, что в отношении их уже избрана одна из предусмотренных ст. 98 этого же УПК РФ мер пресечения, о чем он письменно уведомлён.

Оформление всех документов, необходимых обвиняемому (подозреваемому) для прохождения воинской службы либо для заключения контракта о прохождении воинской службы осуществляется на протяжении определённого периода времени, но явно не одного дня. В случае нарушения обвиняемым (подозреваемым) избранной меры пресечения, в соответствии со ст. 110 УПК РФ она может быть изменена на более строгую.

Вопрос об избранной в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения, который заключил контракт на прохождение воинской службы, в ст. 208 УРК РФ не отражен, и дальнейшее действие избранной меры пресечения (например, уже в период прохождения обвиняемым воинской службы) не регламентировано.

Вопрос второй. Субъекты, в отношении которых может быть приостановлено предварительного следствие.

Как следует, из приведенного выше анализа норм УПК РСФСР, предварительное следствие могло быть приостановлено только в отношении обвиняемого. Считаем такую позицию законодателя правильной и

обоснованной, так как статус обвиняемого не ограничен во времени, и не изменяется даже в случае объявления обвиняемого в розыск.

В соответствии со ст. 208 УПК РФ предварительное следствие может быть приостановлено как в отношении обвиняемого, так и подозреваемого.

Внесение подозреваемого в перечень субъектов, в отношении которых может быть приостановлено предварительное следствие, законодатель внёс противоречия с другими нормами этого же УПК РФ.

Так, в соответствии с ч. 1 ст.100 УПК РФ лицо может пребывать в статусе подозреваемого до 10 суток, после чего ему должно быть предъявлено обвинение. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, то избранная мера пресечения отменяется, а подозреваемый теряет свой таковой процессуальный статус.

Как это сочетается в тех случаях, когда подозреваемый скрылся от следствия и его место нахождения не установлено в срок свыше 10 суток, нормами ст. 208 УПК РФ не регламентировано и не раскрывается.

Вопрос третий. Процессуальный порядок приостановления следствия.

В соответствии со ст. 195 УПК РСФСР предварительное следствие приостанавливалось мотивированным постановлением следователя.

Такой же порядок законодатель сохранил в ч. 2 ст. 208 УПК РФ.

Вместе с тем, в ч. 4 ст. 208 УПК РФ законодатель внёс новшество, логику и основания которого понять сложно.

Речь идёт о том, что «предварительное следствие по основаниям, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено; а также когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия, либо место его нахождения не установлено по иным причинам, приостанавливается лишь по истечении его срока». Сложно понять логику авторов такой трактовки, поскольку, если истекли сроки предварительного следствия, то и приостанавливать нечего.

В начале своего исследования мы указывали, что приостановление предварительного следствия означает временный перерыв в производстве следственных действий по уголовному делу, в связи с невозможностью участия в них обвиняемого по различным причинам, которые указаны в УПК РФ.

Буквальное понимание редакции ч. 4 ст. 208 УПК РФ, которая изложена в утвердительной и безальтернативной форме, даёт основания сделать вывод о том, что, даже в случае, когда следственные действия по уголовному делу не проводятся, то предварительное следствие всё равно не приостанавливается до окончания его срока, а если лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого будет установлено по уголовному делу после истечения срока предварительного следствия, то срок предварительного следствия необходимо будет продлевать для выполнения следственных и процессуальных действий, которые необходимо выполнить для окончания расследования?

Явно не рациональное использование срока предварительного следствия и работы следователя.

По нашему мнению, совершенно нет никаких законных оснований для запрета приостановления предварительного следствия по п. 1 ст. 208 УПК РФ

после того, как по уголовному делу выполнены все необходимые и возможные следственные действия, возможные в отсутствие подозреваемого или обвиняемого.

Кроме того, по нашему мнению, в случае приостановления предварительного следствия по уголовному делу по п. 1 ст. 208 УПК РФ, срок предварительного следствия, установленный ст. 162 УПК РФ, также должен приостанавливаться на время приостановления предварительного следствия, и возобновляться, соответственно в случае возобновления предварительного следствия, что необходимо прямо указать в ст. 208 УПК РФ.

Также, учитывая то, что в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 211 УПК РФ предварительное следствие может быть возобновлено на основании постановления следователя после того, как возникла необходимость в проведении следственных действий, которые могут осуществляться без участия подозреваемого или обвиняемого, считаем, что установленное ч. 4 ст. 208 УПК РФ категорическое ограничение о приостановлении предварительного следствия по п. 1 и п. 2 этой же статьи, должно быть отменено, а ч. 4 ст. 208 УПК РФ дополнена текстом в следующей редакции:

– «при наличии соответствующих оснований, максимальное количество приостановлений и возобновлений предварительного следствия по уголовному делу не ограничено».

Таким образом, в срок предварительного следствия по уголовному делу войдут только те даты, в которые проводились следственные и процессуальные действия, что исключит волокиту и «холостой простой» сроков предварительного следствия по уголовному делу.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что изложенные в ст. 208 УПК РФ основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия требуют дополнительного научного исследования, изменения и корректировки с учётом иных норм этого же УПК РФ, о чём мы указали ранее.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. Основной Федеральный закон, регламентирующий производство по уголовным делам (ред. от 29.12.2001 с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002 г.) (утратил силу). Электронный ресурс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275_/ (дата обращения: 13.03.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.02.2026). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 / (дата обращения 13.03.2026).

УДК 343.2

Гапотченко Г. Н.
канд. юрид наук, доцент, доцент кафедры

уголовно-процессуального права и криминалистики
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

О МЕРАХ ПО МИНИМИЗАЦИИ УГРОЗ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАДАНИЮ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КУРАТОРОВ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается отдельные вопросы по минимизации угроз совершения преступлений на территории Российской Федерации по заданию так называемых кураторов. Автором отмечаются отдельные проблемы по вопросам минимизации указанных преступлений и обосновываются предложения по их разрешению.

Ключевые слова: куратор, мошенники, несовершеннолетние, преступление, телефонное мошенничество, убийство, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, хулиганство.

Gapotchenko G. N.

ON MEASURES TO MINIMIZE THE THREAT OF CRIMES COMMITTED BY THE SO-CALLED CURATORS

Annotation. This article discusses certain issues related to minimizing the threat of committing crimes on the territory of the Russian Federation on behalf of the so-called curators. The author highlights specific problems related to minimizing these crimes and provides suggestions for their resolution.

Keywords: curator, fraudsters, minors, crime, phone fraud, murder, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, hooliganism.

В период проведения Специальной Военной Операции (далее – СВО) на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, отдельных районах Запорожской и Херсонской областей, значительно увеличилось как число совершаемых преступлений, так и способы их совершения.

Не является секретом то, что отдельные тяжкие преступления совершаются по заданию так называемых кураторов, которые, как правило, действуют с территории других государств, используя при этом для вовлечения в совершение указанных преступлений современные технические средства коммуникации а также различные способы воздействия на их потенциальных исполнителей (шантаж, обман, обещание материального вознаграждения, внушение, угрозы и др.).

В качестве примеров совершения подобных преступлений, которые известны из открытых источников практически всем жителям России, можно привести:

– террористический акт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года, в результате которого 145 человек были убиты, и 551 получили ранения;

– взрыв банкомата 15-ти летним школьником в Москве 19 марта 2026 года;

– убийство 20-ти летним футболистом Д. Секачем предпринимательницы;

– попытка забить насмерть молотком пенсионерку молодой девушкой;

– покушение на убийство в Москве на первого заместителя начальника ГРУ Министерства Обороны РФ генерала В. Алексеева, и другие.

Кроме указанных выше преступлений террористического характера, в последнее время возросло количество преступлений по завладению денежными средствами и имуществом граждан РФ с использованием мошеннических средств так называемыми «телефонными мошенниками».

Наиболее известным и резонансным преступлением данной категории, по нашему мнению, является завладение мошенническим путём пятикомнатной квартирой народной артистки РФ Л. Долиной в центре Москвы стоимостью 112 миллионов рублей и её денежными средствами в размере 68 миллионов рублей в августе 2024 года.

Как пояснила сама Л. Долина уже после совершения данного преступления, она была уверена, что действует по заданию сотрудника специальных служб, который давал ей указания в телефонном режиме [1].

О подобных преступлениях сообщается в открытых криминальных новостях практически ежедневно.

Мы привели примеры только наиболее известных и резонансных преступлений, из общего бесчисленного количества подобных.

Анализ «географии» совершения указанных выше преступлений показывает, что они совершаются практически на всей территории Российской Федерации, – от Калининграда до Камчатки.

Возрастной анализ личностей исполнителей указанных выше преступлений показывает, что он достаточно широк, – от несовершеннолетних (как в приведенном выше примере о взрыве банкомата), до граждан пенсионного возраста (покушение на генерала В. Алексеева).

Возрастной анализ известных личностей потерпевших от таких преступлений также крайне широк, - от несовершеннолетних до лиц пенсионного возраста.

По способу вовлечения граждан в исполнение указанных преступлений можно объединить то, что практически все они были совершены под дистанционным (удаленным) влиянием иных лиц (так называемых кураторов), посредством действий телефонного характера, как правило, с территории иного государства. При этом исполнителей преступлений убеждали в том, что они действуют по заданию специальных служб, или силовых структур (МВД, ФСБ. Прокуратура) Российской Федерации.

Приведенные выше примеры позволяют объединить совершённые преступления в одну общую группу, – «преступления террористического и имущественного характера, совершенные под дистанционным (удаленным)

влиянием иных лиц (так называемых кураторов), посредством действий телефонного (или иного технического) характера, как правило, с территории иных государств».

Исследуя причины роста указанных выше преступлений, следует согласиться с мнением руководителя первого контрольно-следственного отдела ГСУ СКР по Москве Е. Панкова, который, считает, что все телефонные мошенники действуют по одной схеме. Они внушают людям, что их ожидает суровое наказание и предлагают «сотрудничать со следствием» – выступать в качестве якобы внештатных агентов в интересах государства, а на самом деле ставят перед ними преступные задачи. Кроме того, отметил Е. Панков, до этого умысел мошенников был направлен на хищение, а теперь они стали ещё и убивать».

Адвокат Московской коллегии адвокатов А. Пивоваров считает, что «рост преступлений, совершённых по указке «кураторов», связан с эволюцией телефонного мошенничества – если раньше целью было только получение денег, то сейчас злоумышленники стараются управлять поведением жертвы на протяжении долгого времени, чтобы задействовать её в более сложных схемах».

Адвокат по уголовным делам В. Полякова отмечает, что «подростков, как правило, вовлекают в криминальные схемы через соцсети, мессенджеры и онлайн-игры, Молодым людям обещают, что они смогут заработать «легкие деньги», практически ничего не делая».

Ещё одна из разновидностей мошеннических схем – получение «секретного задания» от куратора, при невыполнении которого якобы наступят негативные последствия для жертвы. Подросток верит в эту легенду и взрывает банкоматы, устраивает обстрел в школе и др.».

Часто в преступную схему вовлекают детей из неблагополучных, бедных семей, где могут присутствовать насилие, отсутствовать забота со стороны родителей, отметила адвокат по уголовным делам Т. Пашккевич [2].

Нельзя не согласиться с приведенными мнениями.

Многие из задержанных исполнителей подобных преступлений, в своих публичных интервью центральным федеральным телевизионным каналам в свободной форме излагали в мельчайших подробностях хронологию своих преступных действий, и осознавали возможные тяжкие последствия их совершения что свидетельствует о прямом умысле на их совершение.

Что же можно противопоставить совершению указанных подобных преступлений, или минимизировать угрозу их совершения?

Клинический психолог Е. Кандыбина утверждает, что классические методы мошенничества сейчас широко известны, поэтому манипуляции переходят на новый уровень – человека вынуждают совершить уголовно наказуемый поступок, чтобы закрепить контроль над ним. Чтобы отвлечь подростка от влияния мошенников, Е. Кандыбина советует родителями выстроить доверительные отношения с ним.

Кроме того, в научной литературе и других открытых источниках, по данному вопросу высказываются самые различные предложения:

– установить на телефон специальное приложение с бесплатным определителем номера, которое поможет выявить и заблокировать мошеннические и спам-звонки по телефону ив мессенджерах;

– не отвечать на незнакомые номера входящих звонков;

– ужесточит уголовную ответственность за преступления, которые совершаются под влиянием мошенников, и другое.

По нашему мнению, указанные предложения не решат изложенные проблемы.

Считаем возможным предложить кардинально радикальные способы, которые в своей совокупности, по нашему мнению, могут минимизировать указанные угрозы:

– оперативно-розыскные мероприятия, проводимые специальными службами РФ, в соответствии с Законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», направленные на выявление и пресечение готовящихся по заданию «так называемых кураторов» готовящихся преступлений на территории РФ:

– меры социально-профилактического характера;

– меры воспитательного характера;

– меры уголовного и уголовно-процессуального характера.

К мерам социально-профилактического характера, по нашему мнению, следует отнести широкую разъяснительную работу на уровне федеральных средств массовой информации, о телефонном мошенничестве на примере конкретных выявленных совершённых или предотвращённых преступлений, а также разъяснение действующего законодательства РФ и санкций, которые наступают за совершение подобного рода преступлений.

К мерам воспитательного характера, по нашему мнению, следует отнести изучение с начальных классов средней школы обучение по разъяснению опасности общественной опасности и возможных тяжких последствий совершения этих преступлений, в том числе по заданию так называемых кураторов, и об уголовной ответственности за совершение подобных преступлений.

Необходимо отметить, что при написании данной статьи, нами было установлено, что в средних школах ДНР учебная дисциплина «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ) изучается в 8-11 классах, но тем по защите себя и других от указанных ранее мошеннических преступлений, в рамках ОБЖ нет.

К мерам уголовного и уголовно-процессуального характера, считаем возможным внесение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ) и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) определённые изменения и дополнения.

Полагаем возможным дополнить ст. 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» отдельной частью следующего содержания:

«Лицо, получившее задание от так называемых кураторов на совершение преступления, освобождается от уголовной ответственности в

случае добровольного сообщения об этом готовящемся преступлении в любой ближайший правоохранительный орган на территории Российской Федерации».

Предлагаем дополнить ст. 24 УПК РФ «Основания отказа в возбуждении уголовного дела» отдельной частью следующего содержания:

«При наличии письменного заявления гражданина (гражданки) о вовлечении его (её) в совершение преступления по заданию так называемых кураторов, если такое заявление сделано ими до совершения указанного преступления».

Полагаем, что указанные предложения не решат проблему в целом, но значительно минимизируют её.

Отдельные граждане, зная о таких позициях в действующем законодательстве, возможно, сами откажутся от совершения преступления по заданию кураторов, а полученные от них сведения о готовящемся преступлении станут законным поводом для проведения процессуальной проверки в соответствии со 144 УПК РФ и принятии итогового процессуального решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела.

Список использованных источников

1. Ответила на звонок и лишилась роскошной квартиры за 112 миллионов: как Лариса Долина стала жертвой мошенников. Электронный ресурс. URL:https://dzen.ru/a/ZsSuHK1Ten4XKAhW (дата обращения 31.03.2026 г.)

2. Мошенники заставляют убивать: как россиян втягивают в преступления. URL: https://dzen.ru/a/acugi_uy3weocbkr(дата обращения 31.03.2026 г.)

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред.20.02.2026) Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/2ba2a1c7f4543c624328bd19c1c703a7056a3b2f/ (Дата обращения 31.03.2026 г.)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.03.2026). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 / (дата обращения 13.03.2026).

УДК 343.13

Гусев Н. И.
магистрант 1-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Гапотченко Г. Н.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
уголовно-процессуального права и криминалистики

федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Статья анализирует эволюцию и современные проблемы реализации принципа состязательности в российском уголовном процессе. Выявляются системные дисбалансы и доминирование обвинительной функции. Предлагаются меры оптимизации: введение следственных судей, усиление гарантий защиты.

Ключевые слова: принцип состязательности, уголовный процесс, равенство сторон, доказательства, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, следственный судья, судебная реформа.

Gusev N. I., Gapotchenko G. N.

THE ADVERSARIAL PRINCIPLE AS A MEANS OF OVERCOMING PROSECUTORIAL BIAS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article analyzes the evolution and current problems of implementing the principle of adversarial proceedings in the Russian criminal process. Systemic imbalances are identified and the dominance of the prosecutorial function. Optimization measures are proposed: introducing investigative judges, strengthening defense guarantees.

Keywords: Principle of adversariness, Criminal procedure, Equality of the parties, Evidence, Prosecution and defense, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Investigating judge, Judicial reform.

Состязательность в уголовном процессе — это принцип, который не дает судебной машине скатиться в «обвинительный конвейер». Происхождение принципа состязательности в уголовном процессе восходит к Древнему Риму. Публичные уголовные разбирательства и процедуры того периода опирались на состязательный механизм: обвинение и обвиняемый или его защитник имели равные процессуальные права представлять доказательства, судья выносил решение после выслушивания сторон, не вмешиваясь в доказывание. Суть осталась та же: обе стороны получают одинаковые процессуальные возможности и шанс быть услышанными по-настоящему. Не просто рассказать свою историю, но и проверить доводы оппонента, предъявить свои доказательства и обосновать позицию так, чтобы суд слушал внимательно.

Международные демократические стандарты подчёркивают: никакое дело, особенно там, где на кону свобода человека, не может считаться справедливым

без настоящего процессуального паритета.

В эпоху Судебных уставов 1864 года стороны только-только попробовали действовать как реальные противники в равных условиях, но до современной модели было ещё далеко.

Новый этап пришёл в уголовное судопроизводство Российской Федерации с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ), когда на законодательном уровне было задекларировано, что обвинение больше не может доминировать автоматически [1].

Современный этап развития отечественного судопроизводства интересен именно попыткой соединить старую российскую традицию с лучшими мировыми практиками.

Это, по сути, отказ от судьи-«молчаливого арбитра» в пользу активного балансировщика процесса. Именно на обеспечении равных условий сегодня фокусируют внимание законодатели почти всех стран с развитой судебной системой.

За последние десятилетия российское национальное законодательство стало гораздо более совершенным, например, ключевыми новеллами, которые были внедрены в законодательство, стали:

- введение института досудебного соглашения о сотрудничестве, закрепленного в главе 40.1 УПК РФ;

- расширение прав защитника на стадии предварительного расследования расширение прав защитника на стадии предварительного расследования, что отражено в статье 53 УПК РФ;

- порядок рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции, изложенный в ст. 389.13 УПК РФ и другие.

Всё это должно было снизить перевес в пользу обвинения. Также, наиболее заметны здесь стали новые правила допустимости доказательств, изложенные в статье 75 УПК РФ: всё чаще по ходатайству защиты суды исключают из уголовных дел материалы, добытые с нарушением предусмотренного законом процессуального порядка. Это создает условия для более активной позиции защиты в ходатайствах о признании доказательств недопустимыми, что было отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 51 от 2017 года «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства» [2].

Однако разрыв между буквальным применением норм закона и реальным положением вещей никуда не делся: права обвинения подробно прописаны и фактически защищены куда сильнее, чем практические инструменты защиты. Один из свежих примеров технологических изменений - цифровизация уголовного процесса и институт электронного уголовного дела.

Теоретически это шаг в сторону максимальной прозрачности: все участники процесса должны видеть материалы расследования одновременно, из любой точки страны. На практике же часто всё упирается в технические сбои или человеческий фактор: формально у защиты есть «доступ», а реально без одобрения следователя никакая папка никуда не уйдёт.

Несмотря на прогрессивные законодательные изменения, эмпирические исследования выявляют системные дисбалансы в реализации состязательности. Главной проблемой остаётся совмещение следователем функций уголовного преследования и процессуального контроля.

Эта диспропорция создаёт конфликт интересов, когда лицо, формирующее обвинение, одновременно оценивает его обоснованность. Асимметрия доказательственных возможностей проявляется в ограниченном доступе защиты к материалам оперативно-розыскных мероприятий и ведомственным инструкциям, регламентирующим методы расследования.

В открытых источниках указано, что 68% апелляционных определений судов за период 2023- 2025 годов, защита была лишена возможности эффективно оспаривать доказательства, собранные в рамках ОРД.

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) отмечал такие казусы обхода принципа состязательности. Например, по делу «Коршунова против России» (№ 38971/06) суд указал на нарушение принципа равенства сторон из-за отказа в допуске эксперта защиты к материалам дела [3].

Судебная практика демонстрирует и иные противоречия: доминирование обвинительного уклона (74% оправдательных приговоров в 2023 г. отменены судами апелляционной инстанции), формальное отношение к ходатайствам защиты (удовлетворяются лишь 23% по данным Судебного департамента ВС РФ), и ограниченное использование судом права на истребование доказательств в пользу подсудимого ст. 86 УПК РФ. Эти тенденции подрывают доверие к судебной системе в целом, порождая восприятие суда как «продолжение обвинения» [4].

Статистические данные подтверждают повседневную практику:

- оправдательные приговоры либо отменяются чаще в том же 2023 году больше двух третей были отменены на стадии апелляции, либо выносятся судами крайне неохотно;
- только около четверти ходатайств защиты анализируются всерьёз;
- крайне редко суд сам требует доказательства ради объективности расследования.

Чтобы эта ситуация начала по-настоящему меняться, а без этого нормального доверия граждан к правосудию добиться невозможно, нужно действовать системно и последовательно:

По нашему мнению, следует:

- во-первых, разделить функций следователя путем создания института следственных судей, основанного на французской модели. Эти судьи должны быть наделены полномочиями принимать решения о мерах пресечения, проводить обыски и оценивать законность собранных доказательств. Считаем, что следственный судья должен стать первым фильтром любых силовых действий: санкционировать обыски или аресты, проверять легитимность добытых доказательств и др.;
- во-вторых, думаем, что необходимо наделить сторону защиты правом на назначение альтернативных экспертиз за счет государства в случае наличия процессуальных сомнений в материалах уголовного дела.

И ещё один немаловажный штрих совершенствование профессиональной подготовки судей и адвокатов.

Полагаем, что следует внедрить в образовательные программы тренинги, посвященные когнитивным искажениям, таким как подтверждение и авторитетность, а также методикам нейтрального ведения процесса.

Рекомендуем также ввести обязательную сертификацию следователей по курсам этики состязательного процесса, с акцентом на презумпцию невиновности. Уже сейчас можно внедрять обязательную сертификацию этики состязательного процесса для следователей, как это делают несколько штатов США.

Финальный акцент, по нашему мнению, стоит делать не столько на расширении числа формальных прав стороны защиты, а на чётких критериях «разумной состязательности» через отдельные разъяснения Верховного Суда:

- какими стандартами доказывания пользоваться обеим сторонам уголовного судопроизводства;

- как реагировать на попытки манипулирования процедурами со стороны обвинения.

Также следует создавать систему, которая объединит честные институции, современные технологии и кадровое развитие. Только тогда, по нашему мнению, состязательность уголовного судопроизводства станет не декором для отчётов, а живым инструментом независимого суда и гарантом того самого справедливого правосудия, которое ждет общество.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.02.2026). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 / (дата обращения 15.03.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 : (ред. от 9 декабря 2025 г.). - Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/ (дата обращения: 15.03.2026).

3. Дело «Коршунов против Российской Федерации» (Жалоба № 38971/06. Постановление Европейского суда по правам человека. Страсбург, 26 октября 2007 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/902118833 (дата обращения: 15.03.2026).

4. Статистика о работе судов общей юрисдикции в 2023 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/news/252643/ (дата обращения: 15.03.2026).

УДК 343.13

Момот В. Э.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Гапотченко Г. Н.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
уголовно-процессуального права и криминалистики
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы судебного контроля как гарантии защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования. Особое внимание уделяется процедурам избрания мер пресечения, санкционирования обыска в жилище и иных следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан.

Ключевые слова: судебный контроль, предварительное расследование, меры пресечения, обыск в жилище, конституционные права, УПК РФ.

Momot V. E., Gapotchenko G. N.

JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF SUBJECTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Annotation. The article discusses issues related to the criminal policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption. Attention is focused on the fact that anti-corruption legislation has been undergoing changes and improvement since the 90s to the present. The article also addresses the issue of the implementation of the criminal policy of the Russian Federation in practice.

Keywords: anti-corruption policy, criminal policy, regulatory legal act, state anti-corruption measures, corruption.

В условиях реформирования правовой системы Российской Федерации вопрос обеспечения баланса между публичными интересами уголовного преследования и частными интересами личности приобретает особую остроту. Предварительное расследование – это стадия, на которой права граждан

подвергаются наиболее интенсивному воздействию со стороны государства. В этом контексте судебная защита выступает не просто как правовой институт, а как фундаментальная гарантия реализации положений ст. 2 и 46 Конституции РФ [1].

Судебный контроль на досудебных стадиях призван пресекать злоупотребления властью, обеспечивать законность и обоснованность процессуальных решений, связанных с ограничением прав на свободу, личную неприкосновенность и тайну частной жизни.

Наиболее жестким инструментом уголовно-процессуального принуждения является мера пресечения в виде заключения под стражу. Статистика последних лет показывает, что, несмотря на гуманизацию законодательства, следственные органы по-прежнему часто прибегают к этой мере.

Судебная защита здесь реализуется через проверку двух групп оснований:

– процессуальные основания (наличие данных о том, что лицо может скрыться, продолжить преступную деятельность или угрожать свидетелям);

– обоснованность подозрения (суд обязан убедиться в наличии «prima facie» (на первый взгляд) доказательств причастности лица к инкриминируемому деянию.

Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, отсутствие в постановлении суда конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих необходимость изоляции, является основанием для отмены решения [4]. Суд должен рассматривать альтернативные меры (домашний арест, залог, запрет определенных действий) как приоритетные, если они способны обеспечить цели правосудия.

Жилище является пространством, где личность обладает максимальной степенью приватности. Проведение обыска в нем без согласия проживающих лиц допускается исключительно на основании судебного решения (ст. 165 УПК РФ).

Статья 25 Конституции РФ провозглашает неприкосновенность жилища. Судебный порядок получения разрешения на обыск является ключевым механизмом защиты частной жизни граждан от необоснованного вторжения.

Судебный контроль в данном аспекте выполняет роль «превентивного фильтра». Судья обязан оценить:

– достаточность доказательств того, что в жилом помещении могут находиться орудия преступления или предметы, имеющие значение для дела;

– конкретизацию объекта поиска (недопустимость «разведывательных» обысков с целью поиска чего-либо незаконного в целом).

Особую категорию составляют случаи, не терпящие отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). В таких ситуациях судебная защита носит последующий характер.

Отмечается, что эффективность такого контроля ниже превентивного, так как вмешательство в права уже произошло [3, с. 110].

Вместе с тем, признание судом обыска незаконным влечет за собой

признание всех изъятых предметов недопустимыми доказательствами, что является мощным дисциплинирующим фактором для следствия.

Конституционные права ограничиваются не только при обысках. К числу действий, требующих судебной санкции, относятся:

– выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках;
– наложение ареста на почтово-телеграфные отправления;
– контроль и запись переговоров (КЗП);
– получение информации о соединениях между абонентами.

Судебная защита в данных случаях направлена на защиту информационного суверенитета личности. Суд оценивает наличие реальной необходимости в получении доступа к частной переписке или телефонным звонкам граждан. При этом особое внимание уделяется соблюдению сроков, так как доступ к информации подобного характера не может быть постоянным и должен быть жестко ограничен периодом времени, необходимым для достижения целей расследования.

Несмотря на то, что законодательство предусматривает соответствующие механизмы, на практике наблюдается ряд системных проблем.

Во-первых, это сохраняющийся «обвинительный уклон», проявляющийся в том, что суды в большинстве случаев (свыше 90%) удовлетворяют ходатайства следователей [6, с. 48].

Во-вторых, это недостаточная активность защитников на стадии санкционирования следственных действий, что часто обусловлено ограниченным доступом адвокатов к материалам, представляемым в суд и прилагаемым к ходатайству. В целях усиления судебной защиты нами предлагается:

– расширить перечень материалов, которые следователь обязан представить в суд для обоснования ходатайства;
– ввести обязательное участие адвоката при рассмотрении судом любых ходатайств, ограничивающих конституционные права, вне независимости от желания подозреваемого;
– развивать институт «следственных судей», специализирующихся исключительно на вопросах судебного контроля.

Таким образом, судебная защита прав субъектов уголовного процесса на стадии предварительного расследования представляет собой ключевой элемент системы правосудия. Эффективность данной защиты напрямую зависит от степени вовлеченности суда при изучении фактических обстоятельств дела, выходящей за рамки формальной проверки представленных документов. Лишь независимый и беспристрастный судебный контроль способен преобразовать уголовный процесс в механизм установления истины со строгим соблюдением прав человека.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mnqg7zeld9564107742 (дата обращения: 08.04.2026).

2. Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник / С. Б. Россинский. – Москва: Эксмо, 2024. – 736 с.

3. Безруков С.С. Оценочные понятия в уголовно-процессуальном праве / С. С. Безруков. – Омск: Омская академия МВД России, 2022. – 198 с.

4. О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий и залога: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/?ysclid=mnqfzfz22h337222637 (дата обращения: 08.04.2026).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=mnqgc82kdw20311464 (дата обращения: 08.04.2026).

6. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: учебное пособие / Н. А. Колоколов. – 2-е изд. – Москва: Юрайт, 2023. – 215 с.

УДК: 343.131

Мошкина Н. В.
Преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Павлова В. И.
Курсант 4 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА РАЗУМНЫХ СРОКОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, посвященные изучению разумных сроков уголовного судопроизводства и проблемные аспекты правоприменительной деятельности, в контексте процессуальной деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Особое внимание уделяется процессуальной значимости рассматриваемого принципа уголовного судопроизводства и последствия несоблюдения указанных сроков.

Ключевые слова: разумный срок, уголовный процесс, принципы уголовно-процессуального законодательства, критерии разумного срока.

Moshkina N. V., Pavlova V. I.

THE IMPORTANCE OF THE PRINCIPLE OF REASONABLE TIMES FOR ENSURING PERSONAL RIGHTS AND FREEDOMS AND THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The article discusses issues related to the study of reasonable time limits for criminal proceedings and problematic aspects of law enforcement in the context of the procedural activities of employees of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation. Special attention is paid to the procedural significance of the principle of criminal proceedings under consideration and the consequences of non-compliance with these time limits.

Keywords: reasonable time, criminal proceedings, principles of criminal procedure legislation, and criteria for a reasonable time.

В Российской Федерации права и свободы человека являются незыблемыми, определяя смысл, содержание и применение законов, а также деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, что закреплено в Конституции и подтверждается всей системой правовых норм, в связи с чем соблюдение принципов уголовного судопроизводства является обязательным для всех субъектов правоприменения, обеспечивая не только законность, но и справедливость правосудия. Среди всех принципов уголовного-судопроизводства, исчерпывающий перечень которых обозначен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. По смыслу текста закона, закрепленного в части 1,2 ст. 6.1 УПК РФ: «Уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок» и «Уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок» [3], мы приходим к выводу, что сущность рассматриваемого нами принципа состоит в требовании к уполномоченным должностным лицам осуществлять уголовное преследование и в разрешении уголовных дел в сроки, достаточные для эффективного достижения целей судопроизводства, но не превышающие разумно необходимый период, способный причинить необоснованные издержки или ущерб участникам процесса.

При этом некоторые авторы трактуют принцип разумных сроков уголовного судопроизводства как «фундаментальную процессуальную гарантию, обеспечивающую право личности на правовую определенность и защиту от необоснованного временного ограничения прав и свобод со стороны государства» [4, С. 158], что в свою очередь в данном контексте подразумевает, что разумный срок выступает как мера допустимого обременения участника процесса, при которой период нахождения лица в состоянии правовой неопределенности строго ограничен объективной необходимостью

установления истины, что исключает превращение уголовного преследования в инструмент бессрочного психологического давления или социального исключения и материализует конституционную обязанность государства по защите достоинства и личной неприкосновенности человека. Длительное нахождение лица под следствием, даже без вынесения приговора, уже само по себе становится формой публичного порицания и создает социальное, психологическое и даже материальное бремя, что в свою очередь нарушает не только рассматриваемый нами принцип уголовного судопроизводства, но и иной принцип как презумпция невиновности [1, С. 215]. Кроме того, чрезмерная продолжительность процесса может стать причиной нарушения права на свободу и личную неприкосновенность, если лицо находится под стражей, а также существенно влияет на его репутацию, трудовую деятельность, семейные отношения, причиняя невосполнимый ущерб до вынесения окончательного решения. Для потерпевших же затягивание процесса означает отсрочку в получении правосудия, возмещении причиненного ущерба, а также восстановлении нарушенных прав, что подрывает их доверие к системе правосудия и препятствует достижению чувства справедливости.

Оперативность и своевременность являются неотъемлемыми атрибутами эффективной правоохранительной деятельности. С течением времени снижается качество и доступность доказательной базы, следы преступления утрачиваются, показания свидетелей и потерпевших становятся менее точными и детализированными. Затягивание процесса приводит к накоплению нерассмотренных дел, перегрузке судебной системы и следственных органов, что, в свою очередь, негативно сказывается на качестве расследования и рассмотрения последующих дел, формируя замкнутый круг неэффективности [1, С. 218]. Отсутствие своевременного правосудия девальвирует превентивную функцию уголовного закона, поскольку затяжной процесс утрачивает оперативность карательного воздействия и не способствует формированию устойчивого представления о неотвратимости наказания.

Таким образом, обеспечение разумных сроков является не просто формальным требованием, а жизненно важным элементом, гарантирующим достоверность устанавливаемых фактов, оптимальное использование государственных ресурсов, поддержание высокого уровня общественного доверия к правосудию и, как следствие, легитимность всей системы уголовного судопроизводства. Соблюдение этого принципа выступает индикатором зрелости правовой системы и её способности обеспечивать верховенство закона и справедливости.

Список использованных источников

1. Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: Материалы XI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей: сборник научных статей, Саратов, 26 апреля 2018 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2018. – 304 с.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования от 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

4. Юридическая наука в контексте глобальных вызовов : Молодежный научный форум г. Киров, 22 апреля 2022 года : сборник материалов, Киров, 22 апреля 2022 года / Волго-Вятский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». – Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Аверс», 2022. – 919 с.

УДК 343.13

Поздняков А. А.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Гапотченко Г. Н.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
уголовно-процессуального права и криминалистики
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ЛИЦОМ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ст. 174.1 УК РФ)

Аннотация. В статье на основе анализа судебной статистики и правоприменительной практики 2023–2025 гг. исследуются актуальные проблемы доказывания по уголовным делам о легализации (отмывании) денежных средств, предусмотренной ст. 174.1 УК РФ. Автором выявлены ключевые трудности разграничения «использования» и «легализации» преступных доходов, проблемы доказывания специальной цели и умысла, а также процессуальные ограничения при изъятии электронных носителей информации. Сформулированы предложения по совершенствованию постановления Пленума Верховного Суда РФ № 32 и изменению редакции ст.

174.1 УК РФ.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, ст. 174.1 УК РФ, доказывание, предикатное преступление, электронные доказательства, судебная практика.

A.A. Pozdnyakov, G.N. Gapotchenko

PROBLEMS OF PROOF IN CRIMINAL CASES OF LEGALIZATION OF INCOME ACQUIRED BY A PERSON AS A RESULT OF COMMITTING A CRIME (ARTICLE 174.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. Based on the analysis of judicial statistics and law enforcement practice of 2023–2025, the article examines the current problems of proof in criminal cases of money laundering under Art. 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author identifies key difficulties in distinguishing between “use” and “legalization” of criminal proceeds, problems of proving special purpose and intent, as well as procedural restrictions on the seizure of electronic media. Proposals are formulated to improve the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 32 and to amend the wording of Art. 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: money laundering, Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, proof, predicate crime, electronic evidence, judicial practice.

Институт легализации (отмывания) доходов, приобретенных преступным путем, занимает особое место в системе уголовно-правового противодействия экономической преступности. Специфика ст. 174.1 УК РФ заключается в том, что субъектом преступления выступает лицо, которое легализует имущество, добытое им же в результате совершения так называемого предикатного преступления [1, с. 94].

Анализ правоприменительной практики последних лет свидетельствует о наличии системных проблем доказывания по данной категории дел. По данным ГИАЦ МВД России, в 2023 г. сумма легализованных денежных средств составила 39,5 млрд рублей [2, с. 162]. При этом, согласно статистике Судебного департамента при ВС РФ, доля оправдательных приговоров и прекращенных дел по ст. 174.1 УК РФ остается аномально высокой для российской судебной системы, достигая 31% [4]. Указанное обстоятельство подтверждается и региональной практикой: так, прокуратура Саратовской области в 2025 г. отмечала единичные факты направления дел данной категории в суд, что косвенно свидетельствует о сложностях доказывания [10].

Цель настоящей работы – выявить ключевые проблемы доказывания по делам о легализации (ст. 174.1 УК РФ) и предложить пути их законодательного и правоприменительного разрешения.

1. Проблема разграничения «использования» и «легализации» преступных доходов

Центральной проблемой квалификации по ст. 174.1 УК РФ выступает отсутствие четких критериев отграничения собственно легализации (отмывания) от обычного (бытового) использования преступно полученного имущества. Как справедливо отмечается в научной литературе, «эволюция преступных схем значительно опережает следственные возможности» [1, с. 93].

Судебная практика кассационных судов общей юрисдикции демонстрирует устойчивый подход: для признания деяния легализацией необходимо доказать наличие цели придания правомерного вида владению имуществом. Так, Третий кассационный суд общей юрисдикции в Обзоре судебной практики за IV квартал 2022 г. отменил приговор по ч. 4 ст. 174.1 УК РФ в связи с отсутствием доказательств того, что заключение договоров аренды недвижимости, полученной мошенническим путем, осуществлялось именно с целью маскировки связи имущества с преступным источником, а не для извлечения прибыли [8].

В другом деле, связанном с легализацией доходов от сбыта наркотических средств, Первый кассационный суд прекратил уголовное преследование по ст. 174.1 УК РФ, указав, что обвинением не установлено, от каких конкретно преступлений получена криптовалюта, впоследствии конвертированная в рубли [7].

Особую остроту проблема приобретает в связи с тенденцией квалификации по ст. 174.1 УК РФ действий лиц, совершивших налоговые преступления. Как отмечается в аналитических материалах, после прекращения налогового преследования (в связи с уплатой недоимки) органы следствия нередко пытаются «удержать» обвинение в легализации, что ведет к необоснованному уголовному преследованию [6; 9].

Анализ указанных судебных актов позволяет сформулировать следующий вывод: простое потребление преступных доходов (приобретение продуктов питания, товаров повседневного спроса, оплата услуг) не образует состава легализации. Легализация начинается там, где лицо использует институты финансовой системы, фиктивные договоры или участие третьих лиц для внедрения «грязных» денег в легальный экономический оборот.

2. Проблемы доказывания умысла и специальной цели

Второй ключевой проблемой выступает доказывание субъективной стороны преступления. Как обоснованно указывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32, для наличия состава преступления обязательна цель – придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом [3].

Однако на практике следователи зачастую ограничиваются констатацией факта совершения финансовой операции с преступно полученными средствами, не собирая доказательств направленности умысла именно на «отмывание». В результате суды вынуждены возвращать дела прокурору либо выносить оправдательные приговоры.

Показательным примером является кассационное определение по делу И., где суд указал: «выводы суда о том, что осужденный заключил договоры аренды с целью маскировки связи легализуемого имущества с преступным

источником его происхождения, объективными доказательствами подтверждены не были» [8].

3. Проблемы изъятия электронных носителей информации

Расследование преступлений, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ, невозможно без работы с цифровой информацией: банковскими выписками, перепиской в мессенджерах, данными криптовалютных кошельков. Однако ст. 164.1 УПК РФ устанавливает существенные ограничения на изъятие электронных носителей по делам об экономических преступлениях.

Как отмечают исследователи, «при расследовании дел о легализации преступных доходов следователь обязан быть компетентным при осуществлении каждого процессуального действия, особенно такого сложного как обыск» [2, с. 164]. Невозможность оперативного изъятия смартфонов и компьютеров без судебного решения или назначения экспертизы позволяет подозреваемым уничтожить улики.

4. Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения:

1. Дополнение постановления Пленума Верховного Суда РФ № 32.

Предлагается дополнить п. 10 постановления следующим разъяснением:

«Разъяснить судам, что под финансовыми операциями и сделками, совершенными с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем, следует понимать только такие действия, которые объективно способны ввести в заблуждение третьих лиц относительно законности происхождения такого имущества либо направлены на сокрытие его связи с преступным источником. Использование указанных средств для удовлетворения личных, бытовых или потребительских нужд не может рассматриваться как легализация, если эти действия не сопряжены с использованием институтов финансовой системы, фиктивных договоров или участием третьих лиц».

2. Изменение редакции ст. 174.1 УК РФ.

В целях конкретизации признаков состава преступления предлагается изложить диспозицию ч. 1 ст. 174.1 УК РФ в следующей редакции:

«1. Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления, с использованием банковской системы, институтов корпоративного права, цифровых финансовых активов или трансграничных переводов, с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом...»

3. Совершенствование ст. 164.1 УПК РФ.

Предлагается дополнить ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ положением, допускающим изъятие электронных носителей без судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства, с обязательным участием специалиста и

последующим копированием информации для владельца.

Подводя итог, следует отметить, что высокий процент оправдательных приговоров и прекращения дел по ст. 174.1 УК РФ обусловлен не ошибками правоприменителей, а фундаментальными проблемами законодательной техники и недостаточной определенностью признаков состава преступления. Предложенные изменения позволят отграничить действительно общественно опасные деяния по легализации преступных доходов от бытового использования таких доходов и повысить эффективность уголовного преследования.

Список использованных источников

1. Гончаров А.В. Актуальные вопросы расследования легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 1. С. 93–99.

2. Планирование и организация обыска, выемки, осмотра документов при расследовании дел о легализации денежных средств, полученных в результате контрабанды лесоматериалов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4. С. 161–170.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 12.03.2026).

5. Новосибирский областной суд. Приговор по делу о легализации имущества, приобретенного в результате мошенничества (ст. 174.1 УК РФ) // Объединенная пресс-служба судов общей юрисдикции Новосибирской области. 30.04.2025.

6. Послабления по налоговым проступкам отменяются: как уклонение от налогов стало отмыванием денег [Электронный ресурс] // Клерк.ру. 13.11.2025. – URL: https://www.klerk.ru (дата обращения: 12.03.2026).

7. Росфинмониторинг выявил легализацию доходов от наркотиков на ₽10 млрд [Электронный ресурс] // РБК. 15.03.2025. – URL: https://www.rbc.ru (дата обращения: 12.03.2026).

8. Снизилось общее число уголовных дел, поступающих в суды различных инстанций // Адвокатская газета. 13.05.2025.

9. Риск уголовного преследования за «легализацию» в дополнение к налоговым составам [Электронный ресурс] // Забейда и партнеры. 11.03.2025. – URL: https://zabeyda.r u (дата обращения: 12.03.2026).

10. Прокуратура Саратовской области. О результатах работы в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ. 06.05.2025. – URL:

https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 12.03.2026).

УДК 343.11

Солтанович А. В.
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск
Пиштук А. И.
аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОИЗВОДСТВА В КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся некоторых аспектов производства в кассационной инстанции в уголовном процессе Республики Беларусь. Анализируются основания и порядок возвращения кассационного протеста и кассационной жалобы без рассмотрения. Заключается вывод о неравном положении участников уголовного процесса, имеющих право на подачу кассационной жалобы, и лиц, уполномоченных приносить кассационный протест.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное решение, пересмотр, кассационная инстанция, кассационный протест, кассационная жалоба.

Saltanovich A. V., Pirshtuk A. I.

ON SOME ISSUES OF PROCEEDINGS IN THE CASSATION COURT IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Annotation. This article examines issues related to certain aspects of cassation proceedings in criminal proceedings in the Republic of Belarus. It analyzes the grounds and procedures for returning a cassation appeal and cassation complaint without consideration. It concludes that the status of participants in criminal proceedings entitled to file a cassation appeal is unequal to that of those authorized to file a cassation appeal.

Keywords: criminal proceedings, judicial decision, review, cassation instance, cassation protest, cassation appeal.

Законом Республики Беларусь от 20 июля 2022 года № 199-З «Об изменении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» в уголовный процесс введена стадия кассационного производства. Как отмечается, она предназначена для решения задач уголовного процесса, окончательной проверки правильности установления фактических обстоятельств дела и оценки доказательств судом апелляционной инстанции,

обеспечения баланса в полномочиях проверочных судебных инстанций, исключения дублирования их функций [1, с. 27].

Официальной предпосылкой возрождения данной стадии уголовного процесса можно считать, с определенными оговорками, положение Концепции судебно-правовой реформы, утвержденной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 года № 1611-XII, предусматривающее право как на апелляционное, так и на кассационное обжалование судебных решений.

Участники уголовного процесса, имеющие право на обращение в суд кассационной инстанции, перечислены в ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (далее – УПК). Так, в соответствии с ч. 1 ст. 405 УПК осужденный, оправданный, их защитники и законные представители, представитель умершего обвиняемого, защитник и законный представитель лица, к которому применены принудительные меры безопасности и лечения, а также потерпевший, частный обвинитель и (или) их представители вправе обжаловать в кассационном порядке приговор, определение, постановление суда, вступившие в законную силу. Кассационный протест вправе приносить: Председатель Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральный прокурор или их заместители – на приговоры, определения, постановления любого суда Республики Беларусь; председатели областных, Минского городского судов, прокуроры областей, города Минска в пределах своей компетенции – на приговоры, определения, постановления районных (городских) судов и (или) апелляционные определения судебных коллегий по уголовным делам соответственно областных, Минского городского судов (ч. 3 ст. 405 УПК). Исключение составляет обстоятельство, если приносится кассационный протест на вступившие в законную силу оправдательный приговор либо определение, постановление суда о прекращении производства по уголовному делу, а также на обвинительный приговор, определение, постановление суда по основаниям, которые могут повлечь ухудшение положения осужденного. Такой кассационный протест вправе принести Генеральный прокурор или его заместители, прокуроры областей, города Минска в пределах своей компетенции (ч. 4 ст. 405 УПК).

Как и кассационный протест, так и кассационная жалоба в соответствии со ст. 405 УПК подаются непосредственно в суд кассационной инстанции. Они могут быть возвращены без рассмотрения по единым основаниям, что вполне логично, четко указанным в ст. 410 УПК. Как справедливо отмечается, недостаточность аргументации, немотивированность доводов, свидетельствующих о допущенных судами нарушениях, не могут служить основанием для возвращения жалобы, протеста [2, с. 470]. Однако в отличие от кассационного протеста кассационная жалоба при отсутствии препятствий, указанных в ст. 410 УПК, не ведет к обязательному пересмотру уголовного дела судом кассационной инстанции, так как уголовно-процессуальный закон предусматривает предварительное изучение жалобы судьей Верховного Суда либо председателем областного, Минского городского судов на предмет

наличия или отсутствия оснований к истребованию дела. Что понимается под последними в законе не раскрывается, а регламентируются лишь основания к отмене или изменению судебного решения (ст. 417-3 УПК).

Неравное положение участников процесса, имеющих право на подачу кассационной жалобы, и лиц, которыми приносится кассационный протест, усматривается не только применительно к последствиям обращения в кассационную инстанцию. Так, следует констатировать различные подходы законодателя к временным рамкам отзыва жалобы и протеста; дачу прокурором по протесту Председателя Верховного Суда Республики Беларусь или его заместителей, председателей областного, Минского городского судов заключения, а другими участниками процесса – объяснений и др. Такое положение может иметь место при производстве в надзорной инстанции, которая, как отмечается, имеет резервное значение и используется, когда неприменимы или исчерпаны все ординарные (обычные) средства судебной защиты [3, с. 42].

Представляется, что производство в кассационной инстанции в уголовном процессе нельзя рассматривать, по крайней мере сегодня, как исключительную стадию процесса, о чем свидетельствует судебная практика. Так, в 2024 году в порядке кассационного производства пересмотрены судебные решения по 540 уголовным делам в отношении 607 лиц, что составило 73 % от общего количества дел, рассмотренных судами кассационной инстанции [4, с. 28].

Список использованных источников

1. Парамонова, Е. О кассационном производстве в уголовном процессе Республики Беларусь / Е. Парамонова // Законность и правопорядок. – 2023. – № 2. С 25-30.

2. Уголовный процесс : учеб. пособие / Л.Л. Зайцева [и др.] ; под ред. Л.Л. Зайцевой, В.И. Самарина. – Минск : БГУ, 2023. – 591 с. – (Совершенствование магистерской программы по уголовной юстиции).

3. Самарин, В.И. Трансформация механизма пересмотра судебного решения по уголовному делу в Республике Беларусь: надзорное производство / В.И. Самарин // Юстиция Беларуси . – 2023. – № 6. С. 42-48.

4. Игликова, А. Участие прокуроров в кассационном и надзорном производстве / А. Игликова // Законность и правопорядок. – 2025. – № 1. С. 27-30.

УДК 343.91

Хоминская О. С.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Гапотченко Г. Н.
канд. юрид наук, доцент, доцент кафедры

уголовно-процессуального права и криминалистики
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются значимость и механизмы обеспечения права на защиту в уголовном судопроизводстве. Анализируется нормативная база, практика применения и проблемы реализации данного права. Особое внимание уделяется ограничениям и гарантиям, предоставляемым участникам процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, право на защиту, разбирательство, обвиняемый, защита.

O.S Khominskai, G.N. Gapotchenko

ENSURING THE RIGHT TO DEFENSE IN MODERN CRIMINAL PROCEDURE

Annotation. The paper examines the importance and mechanisms for ensuring the right to defense in criminal proceedings. The regulatory framework, practice of application, and challenges in implementing this right are analyzed. Particular attention is paid to restrictions and guarantees provided to process participants.

Keywords: criminal process, right to defense, lawyer, legal guarantees, procedural restrictions.

Право на защиту является одним из основных принципов уголовного процесса, закрепленным как в национальном законодательстве, так и в международных правовых актах. Это право считается важнейшим механизмом обеспечения справедливого правосудия и защиты прав личности в условиях уголовного преследования. Его реализация имеет непосредственное влияние на качество правосудия и уровень защиты прав личности в условиях уголовного преследования.

Конституция Российской Федерации в статье 48 закрепляет право каждого на квалифицированную юридическую помощь [1]. Данный документ уточняет и развивает положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, который регламентирует порядок реализации права на защиту на всех этапах уголовного судопроизводства.

В соответствии со ст. 49 УПК РФ право на защиту возникает в тот момент, когда лицо переходит в категорию подозреваемого или обвиняемого. Обвиняемым считается лицо с момента издания постановления о его привлечении к ответственности либо вынесения обвинительного

постановления [11, с. 90]. Участие защитника в деле допускается с того времени, когда вынесено постановление о возбуждении уголовного производства в отношении конкретного гражданина (п. 5 ст. 49 УПК РФ) [2]. Право на защиту включает в себя:

1. Право знать, в чем обвиняется (ст. 47 УПК РФ);
2. Право давать показания или отказаться от дачи показаний (ч. 1 ст. 46 УПК РФ);
3. Право иметь защитника с момента, когда у лица возникает статус подозреваемого или обвиняемого (ст. 49 УПК РФ);
4. Право получать квалифицированную юридическую помощь – это гарантировано в ст. 48 Конституции Российской Федерации и в ст. 50 УПК РФ.
5. Право на обжалование действий и решений должностных лиц правоохранительных и судебных органов (ст. 123 Конституции РФ, ст. 125 УПК РФ).

Несмотря на развитую нормативную базу, реализация права на защиту сталкивается с рядом проблем:

1. Проблема своевременности предоставления квалифицированной юридической помощи.

Согласно п. 3 ст. 49 УПК РФ защита обязана присутствовать в тех уголовных делах, где предусмотрено наказание свыше 15 лет лишения свободы, пожизненное заключение или смертная казнь, а также в процессах, связанных с преступлениями, совершёнными несовершеннолетними. Однако в практике назначение защитника может задерживаться, что ставит под угрозу право обвиняемого на квалифицированную юридическую помощь[10, с.13].

2. Проблема качества юридической помощи, предоставляемой адвокатами по назначению.

Анализ судебной практики показывает, что нередко адвокаты по назначению предоставляют формальную юридическую помощь, не вникая в существо дела. Это связано с низким уровнем оплаты труда адвокатов по назначению и отсутствием эффективных механизмов контроля за качеством их работы.

3. Ограничения доступа защитника к материалам дела.

Доступ защитника к материалам уголовного дела ограничен законом (ст. 53 УПК РФ). Однако практика допускает незаконные ограничения доступа, что нарушает право обвиняемого на защиту. Эта проблема особо актуальна для подозреваемых, содержащихся под стражей, которые имеют ограниченные возможности для контакта с защитником [7, с.89].

4. Проблема конфиденциальности общения с защитником.

Статья 53 УПК РФ предусматривает, что свидания защитника с подозреваемым или обвиняемым являются конфиденциальными. Однако на практике следственные органы могут ограничивать конфиденциальность свиданий, что нарушает право обвиняемого на защиту [8, с.88].

Международно-правовые источники, гарантирующие право на защиту:

Первый источник – Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее - ЕКПЧ), статья 6 [3]. В ней закреплено, что каждый

человек имеет право на справедливое, публичное разбирательство в разумные сроки независимым и беспристрастным судом, а также на защиту в ходе такого процесса.

Второй источник – Международный пакт о гражданских и политических правах. Статья 14. Пакта фиксирует, что каждому лицу предоставляется право на юридическую защиту, что является неотъемлемой частью гарантий справедливого судопроизводства.

Третий пункт – Основные принципы, принятые VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Эти принципы задают стандарты оказания квалифицированной юридической помощи, определяя роль юристов в обеспечении прав обвиняемых и подозреваемых.

Наконец, Постановление Европейского суда по правам человека в деле «Имбрас против Литвы» подчеркнуло, что право на защиту должно обеспечиваться на всех стадиях уголовного процесса – от предварительного следствия до судового разбирательства.

Анализ судебной практики подчеркивает важность и сложности реализации права на защиту:

– Конституционный Суд России в своём постановлении № 11-П от 27 июня 2000 г. отметил, что право на защиту, зафиксированное в ст. 48 Конституции РФ, входит в число фундаментальных прав, которые формируют содержание основных принципов уголовного судопроизводства [6].

– Верховный Суд РФ в Постановлении от 30.03.2021 № 10 обратил внимание на необходимость «обеспечения права на защиту с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица» [5].

– Конституционные суды субъектов РФ также неоднократно излагали толкование конституционных положений о праве на защиту.

Право на защиту является одним из ключевых принципов уголовного процесса, однако его реализация на практике сталкивается с рядом проблем. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего как законодательные изменения, так и совершенствование правоприменительной практики. Вместе тем, действующее законодательство предъявляет Государство для создания условий, необходимых для реализации прав обвиняемого на защиту.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. - М.: Известия, 1993. - 30 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. - М.: Официальное издание, 2001. - 220 с.

3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950). - 1950. - 45 с.

4. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ. - М.: Тапринт, 2002. - 132 с.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.03.2021 № 10 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». - М.: Юрайт-Пресс, 2021. - 40 с.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке соответствия Конституции Российской Федерации статьи 220.1 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина Р.О. Пучкова». - М.: Консультативная пресса, 2000. - 25 с.
7. Александров А.С., Александрова О.А. Уголовное судопроизводство в деятельности правоохранительных органов. - М.: Проспект, 2023. - 358 с.
8. Калиновский, К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (статья 49). - М.: Юрайт-Пресс, 2020. - 264 с.
9. Когор, А.В. Общие положения о праве на защиту. - Панк, 2023. - 293 с.
10. Рябцева Е.В. Право на защиту в уголовном процессе. - М.: НОРМА, 2023. - 224 с.
11. Савицкий, В.М. Основы правовой регламентации в уголовном модельные предъявления защитника. - Харьков: Харьковская правовая школа, 2021. - 256 с.

УДК 343.13

Шахова И. Д.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Гапотченко Г.Н.
канд. юрид наук, доцент, доцент кафедры
уголовно-процессуального права и криминалистики
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних. Рассматриваются особенности доказывания, привлечения педагогов и психологов, а также гарантии процессуальной защиты подростков. Автор анализирует ограничения при избрании мер пресечения и роль участия адвоката. В работе подчеркивается необходимость особого подхода к данной категории дел для обеспечения ресоциализации личности, а также предлагаются пути совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: Несовершеннолетние; уголовный процесс; подозреваемый; обвиняемый; УПК РФ; процессуальные гарантии; предварительное следствие; судебное разбирательство; меры пресечения; правосудие.

I. D. Shakhova, G.N. Gapotchenko

FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS INVOLVING MINORS: CURRENT ISSUES AND SOLUTIONS

Annotation. This article analyzes the specifics of criminal proceedings in cases involving minors. It examines the peculiarities of evidence collection, the involvement of teachers and psychologists, and the guarantees of procedural protection for adolescents. The author analyzes the restrictions on the application of preventive measures and the role of defense counsel. The work emphasizes the need for a special approach to this category of cases to ensure the resocialization of the individual and proposes ways to improve the current legislation.

Keywords: Minors; criminal proceedings; suspect; accused; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; procedural guarantees; preliminary investigation; trial; preventive measures; justice.

Уголовный процесс с участием несовершеннолетних обладает целым рядом специфических особенностей, обусловленных необходимостью защиты прав данной возрастной категории. При работе с такими лицами крайне важно применять дифференцированный, индивидуальный подход. Это продиктовано тем, что в подростковом возрасте личность находится в стадии формирования и зачастую еще не полностью развита. В связи с этим ключевыми задачами при работе с несовершеннолетними правонарушителями являются их перевоспитание и успешная ресоциализация. Вовлечение в уголовное судопроизводство лица, чья дееспособность ограничена законом и чья личность еще не сложилась, неизбежно накладывает свой отпечаток на весь ход уголовного процесса.

Согласно российскому законодательству, несовершеннолетним признается лицо, не достигшее 18-летнего возраста. При этом важным нюансом является определение момента наступления уголовной ответственности: лицо считается достигшим соответствующего возраста не в сам день рождения, а по его прошествии, то есть с 00:00 следующих суток.

Порядок рассмотрения уголовных дел данной категории регламентируется главой 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Хотя производство по таким делам проходит в общем порядке, оно содержит ряд значимых изъятий. Таким образом, несмотря на отсутствие особого, полностью обособленного процесса для подростков, количество процессуальных особенностей (изъятий) в этой сфере достаточно велико.

Прежде всего следует подчеркнуть, что в рамках предварительного следствия и судебного разбирательства по делам о преступлениях,

совершенных несовершеннолетними, круг подлежащих доказыванию обстоятельств значительно расширяется. Помимо общих требований ст. 73 УПК РФ, необходимо устанавливать дополнительные факты, предусмотренные ст. 421 УПК РФ, к которым относятся: точная дата рождения подростка; условия его жизни и воспитания; уровень психологического развития, а также индивидуальные особенности личности и роль лиц, имеющих влияние на несовершеннолетнего. Ниже мы подробнее остановимся на каждом из этих пунктов.

Указанные особенности касаются и тех случаев, когда несовершеннолетние выступают в процессе в качестве свидетелей или потерпевших [1]. Статья 191 УПК РФ содержит алгоритм проведения допросов, очных ставок, процедур опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетних [2].

Если возраст участника следственных действий не достиг 16 лет, участие педагога или психолога в процессе обязательно. Для подростков старше этого возраста привлечение данных специалистов является правом, а не обязанностью следователя. В случае отказа от присутствия психолога или педагога, когда их участие было обязательным, полученные свидетельские показания признаются недопустимыми доказательствами. Также установлены жесткие временные регламенты для следственных действий с участием несовершеннолетних, включая обязательные перерывы. Примечательно, что такие свидетели и потерпевшие не несут уголовной ответственности за дачу ложных показаний или отказ от дачи показаний.

Как разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», при определении возраста следует исходить из того, что лицо считается достигшим соответствующего возраста в день, следующий за днем рождения. Если точная дата рождения не установлена документально, днем рождения считается последний день года, который определили эксперты, а при установлении возраста «числом лет» суд опирается на минимальный возраст, определенный заключением экспертов [3].

Вопросы критериев оценки условий жизни и воспитания несовершеннолетнего детально не детализированы в УПК, однако в научной среде данные факторы включают такие аспекты, как условия проживания, семейная атмосфера, личностные характеристики родителей и их методы воспитания, а также авторитет, которым пользуется ребенок в учебном заведении. Уровень развития психики подростка исследуется для того, чтобы удостовериться, осознавал ли он в полной мере фактическую сторону и опасные последствия своих поступков, а также мог ли он контролировать свое поведение. Наличие у подростка психического расстройства, которое не лишает его вменяемости, учитывается судом как смягчающее обстоятельство и может являться поводом для применения принудительных медицинских мер.

При рассмотрении дел о преступлениях, совершенных группой с участием взрослых, крайне важно выявить степень негативного влияния

последних на несовершеннолетнего. Уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, совершившего деяние в соучастии с совершеннолетним, подлежит выделению в отдельное производство на основании п. 2 ч. 1 ст. 154 УПК РФ [2]. Такой подход позволяет оградить подростка от пагубного воздействия взрослых соучастников и создать более благоприятные условия для взаимодействия с правоохранительными органами и судом [4].

Одной из ключевых процессуальных гарантий является участие защитника по делам о преступлениях несовершеннолетних, что прямо закреплено п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ. Расследование без участия адвоката невозможно; при этом подросток не вправе отказаться от защитника, но может ходатайствовать о его замене. Адвокат привлекается к участию в деле либо по договору с законными представителями несовершеннолетнего, либо назначается в принудительном порядке органами предварительного следствия или судом [5].

Специфическая организация следственных и процессуальных действий в отношении подростков, преступивших закон, проявляется на всех этапах уголовно-правовых отношений. Уникальные требования и процедуры сопровождают процесс с момента проведения первичной доследственной проверки и заканчиваются только в финальной стадии судопроизводства.

В судебную инстанцию дела данной категории поступают обычно в двух форматах:

1) В стандартном режиме — с подготовленным обвинительным актом или заключением;

2) В формате дел, которые были прекращены на стадии предварительного следствия, но направлены судье для применения принудительных воспитательных мер.

Важно отметить, что законодательство не предусматривает для несовершеннолетних возможности рассмотрения дела в особом порядке (при полном признании вины). Часть 2 ст. 420 УПК РФ четко регламентирует, что процессы по делам подростков ведутся в общем порядке, с учетом специфических дополнений, прописанных в 50-й главе УПК РФ. На текущий момент несовершеннолетние лишены права на использование упрощенного судебного производства, что представляется логически оправданным [6].

Существуют строгие правила при избрании мер пресечения для подростков. Арест (заключение под стражу) допустим исключительно в исключительных ситуациях и на минимально возможный срок. Более того, для лиц младше 16 лет, подозреваемых или обвиняемых в преступлениях небольшой или средней тяжести, изоляция от общества вовсе запрещена. Данный запрет крайне важен для защиты психического здоровья юного правонарушителя, ведь пребывание в местах заключения, где преобладает криминальная субкультура, способно губительно сказаться на формировании личности подростка и деформировать его ценностные ориентиры, навязывая асоциальные установки [7].

Помимо этого, согласно требованиям ст. 423 УПК РФ, при определении меры пресечения следственные органы и суд в обязательном порядке должны

рассмотреть вопрос о возможности передачи подростка под присмотр родителей, опекунов или иных лиц, обладающих достаточным доверием общества [2].

Пленум Верховного Суда РФ подчеркивает необходимость передачи дел с участием несовершеннолетних наиболее квалифицированным и опытным судьям. Такая государственная политика направлена на минимизацию психологической травматизации ребенка и содействие его исправлению.

Ряд экспертов выделяет проблему отсутствия в УПК жестких предписаний о тотальной конфиденциальности информации касательно уголовного дела подростка. Разумным шагом представляется проведение закрытых судебных слушаний; это оградило бы подростка от избыточного давления со стороны социума и уберегло бы его психику от чрезмерного внимания общественности [8].

Практическая реализация описанных процессуальных особенностей принесла свои плоды: так, в 2022 году уровень подростковой преступности снизился на 4,4% в сравнении с предыдущим годом, что подтверждает результативность данных мер [9]. Тем не менее, отдельные правовые механизмы требуют совершенствования, включая вопрос о предоставлении несовершеннолетним права на согласительный (особый) порядок судебного разбирательства.

Список использованных источников

1. Нобель А. Р., Пупышева С. Ю., Смирнова У. С. Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Мир науки и мысли. 2023. - №4. — С. 102-106.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. От 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2024) // СПС «Консультант Плюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. От 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «Консультант Плюс».

4. Лагуткина Н. Б. Особенности судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2021. - №1 (193). — С. 161-163.

5. Шулепова, Е. С. Особенности участия адвоката в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Е. С. Шулепова // Моя профессиональная карьера. 2023. Т. 1, № 47. — С. 229-235.

6. Шиплюк В. А. Реализация несовершеннолетним обвиняемым права на рассмотрение уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ // Криминалистъ. 2010. - № 2 (7). — С. 46-49.

7. Леонова К.И., Диденко В.И. Особенности производства предварительного расследования в отношении несовершеннолетних // ППД. 2018. №4. — С. 74-78.

8. Панченко, С. А. Юридические особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / С. А. Панченко, Д. А. Фельдшеров // Цифровое общество: научные инициативы и новые вызовы: сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции, Москва, 14 февраля 2024 года. — Москва: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «центр развития образования и науки», 2024. — С. 56-62.

9. Статистические сведения о состоянии преступности в 2022 году.: Пресс-центр МВД России. [Электронный ресурс] – режим доступа: https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2022-godu/

СЕКЦИЯ 7

НОВАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА И ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН УГОЛОВНОГО БЛОКА

УДК 343.91

Бабешко Н. В.
магистрант 2-го курса магистратуры
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
Научный руководитель:
Собин Д. В.
канд. юрид. наук, заведующий кафедрой
уголовного и уголовно-исполнительного права
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк

НОВАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА И ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН УГОЛОВНОГО БЛОКА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, методологических трансформаций подчёркивается беспрецедентными изменениями в уголовно-

правовой сфере 2019-2023 годов, включая реформы по противодействию киберпреступности и коррупционным схемам транснационального характера. Законодательные новации, ужесточающие ответственность за организованную преступность, требуют от правоприменителей не столько знания нормативных текстов, сколько способности к оперативному анализу многомерных криминальных систем. В этих условиях образовательные методики, основанные на пассивной рецепции информации, утрачивают свою эффективность, создавая потребность в педагогических решениях, ориентированных на моделирование реальных правовых коллизий.

Ключевые слова: новации, трансформация, преподавание, уголовный блок.

Bebeshko N. V., Sobin D. V.

INNOVATIONS IN THE METHODOLOGY OF SCIENTIFIC CREATIVITY AND TEACHING OF CRIMINAL DISCIPLINES

Abstract. The article discusses issues of methodological transformations, emphasizing the unprecedented changes in the criminal law sphere in 2019-2023, including reforms aimed at combating cybercrime and transnational corruption schemes. The legislative innovations that increase the responsibility for organized crime require law enforcement agencies to possess not only knowledge of legal texts but also the ability to analyze multidimensional criminal systems. In these conditions, educational methods based on passive reception of information lose their effectiveness, creating a need for pedagogical solutions that focus on simulating real legal conflicts.

Keywords: innovations, transformation, teaching, and the criminal block.

В современной образовательной практике дисциплин уголовного блока сохраняется доминирование догматических подходов, ориентированных преимущественно на репродуктивное усвоение нормативного материала. Основной акцент делается на механическом запоминании положений Уголовного кодекса и сопутствующих подзаконных актов без глубокого анализа их системных взаимосвязей. «Однако учебный процесс за последние полвека мало изменился. В организации учебного процесса превалируют традиционные формы обучения: лекции, семинарские занятия, в рамках которых невозможно сформировать и отработать профессиональные навыки юриста (прокурора, адвоката, следователя) [1, с.161]». Такой подход формирует у студентов поверхностное понимание правовых институтов. Превалирование лекционно-семинарского формата ограничивает возможности развития профессионального правосознания и аналитических компетенций. Отсутствие системной работы с правоприменительной практикой приводит к разрыву между теоретическими знаниями и навыками их практической реализации. Выпускники испытывают трудности при квалификации составов преступлений

и процедурном оформлении процессуальных решений. Это свидетельствует о недостаточной эффективности традиционных методик в подготовке к реальной профессиональной деятельности.

Практико-ориентированные образовательные технологии занимают маргинальное положение в учебных программах уголовно-правовых дисциплин. Кейс-стади, ролевые игры и симуляции судебных процессов применяются эпизодически, преимущественно в рамках факультативных курсов. Отсутствие системного внедрения активных методов обучения препятствует формированию навыков криминалистического мышления и коммуникативных компетенций. Студенты лишаются возможности отрабатывать тактику допроса или аргументацию в условиях, приближенных к профессиональной реальности. Ограниченное применение интерактивных форматов обусловлено как ресурсными факторами (нехватка учебного времени, материально-технического обеспечения), так и методическим консерватизмом. Многие преподаватели сохраняют приверженность классическим дидактическим моделям, недооценивая потенциал ситуационного обучения. Это приводит к воспроизводству традиционной схемы, где оценка знаний сводится к проверке запоминания нормативных положений, а не способности их творческого применения в нестандартных правовых ситуациях.

Основной акцент делается на механическом запоминании положений Уголовного кодекса и сопутствующих подзаконных актов без глубокого анализа их системных взаимосвязей. «Однако учебный процесс за последние полвека мало изменился. В организации учебного процесса превалируют традиционные формы обучения: лекции, семинарские занятия, в рамках которых невозможно сформировать и отработать профессиональные навыки юриста (прокурора, адвоката, следователя) [2, с.161]».

Ценный материал для работы со студентами-юристами представляют художественные фильмы правового содержания, в которых в центре повествования находятся студенты-юристы (фильмы, содержащие полезный материал об особенностях учебы в юридических вузах в других странах) или профессиональные юристы, занимающиеся ежедневной работой [5, с.96]».

Таким образом, проведённый критический анализ традиционных методологий преподавания дисциплин уголовного блока выявил их системные ограничения, прежде всего в развитии аналитических и креативных компетенций у обучающихся. Преобладание догматических подходов, ориентированных на механическое запоминание нормативных положений, создаёт существенные пробелы в подготовке специалистов. Обнаруженные дефициты подтверждают императивную необходимость глубокой трансформации образовательных парадигм в юридической сфере.

Эмпирическое обоснование подтвердило эффективность междисциплинарных подходов, интегрирующих криминологические, психологические и социологические аспекты в образовательный процесс. Использование интерактивных методик, включая анализ кейсов и моделирование этических дилемм, продемонстрировало значительное превосходство над традиционными методами. Эти новации стимулируют

формирование практико-ориентированных навыков и способствуют развитию инновационного правового мышления.

Список использованных источников

1. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для вузов. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 388 с.
2. Бронзино Л.Ю., Гребнева В.Е. Коллизии правового сознания российского студенчества: кризисный разрыв морального и правового // Вестник РУДН, серия социология. — 2013. — №3. — С. 51–55.
3. Дмитриев Д.Б. Современные интенции к пересмотру методологических основ уголовного права как отрасли права // Уголовно-исполнительное право. — 2024. — №4. — С. 642–650.
4. Егорышев С.В. Социологический анализ эффективности социального взаимодействия правоохранительных органов с гражданским обществом и населением на уровне региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — №5. — С. 184–187.
5. Кузнецова Ю.А. Дидактический потенциал видеофильмов для развития критического мышления у студентов на занятиях по английскому языку // Ярославский педагогический вестник. — 2023. — №2. — С. 93–100.
6. Кузнецова Л.В., Осинцева Л.М. Кейс-метод обучения при формировании универсальных компетенций обучающихся в образовательных организациях системы МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2019. — №3. — С. 188–196.

УДК 343.91

Дмитриевский В. С.
старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Института философии и права Новосибирского государственного университета

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН, СВЯЗАННЫХ С ВЫЯВЛЕНИЕМ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, посвященные оптимизации методики преподавания дисциплин, связанных с выявлением и расследованиям преступлений в сфере экономической деятельности посредством возможного использования в учебном процессе открытых доступных информационных систем сервисов применяемых, как правило, для оценки рисков и обеспечению экономической безопасности самими субъектами предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: методика преподавания специальных уголовно-правовых дисциплин, междисциплинарные компетенции, установление фактических бенефициаров, анализ коррупционных рисков, алгоритмизация

доступа к анализу бухгалтерской отчетности – балансу предприятия, отчету о движении денежных средств, отчету о финансовых результатах, отчету об изменениях капитала, отчету о целевом использовании средств.

Dmitrievscky V. S.

MODERN APPROACHES AND BASIC PRINCIPLES OF TEACHING DISCIPLINES RELATED TO THE DETECTION OF CERTAIN TYPES OF CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITIES

Annotation. The article discusses issues related to optimizing the methodology of teaching disciplines related to the identification and investigation of crimes in the field of economic activity through the possible use of open and accessible information systems and services in the educational process, which are typically used for risk assessment and economic security by business entities themselves.

Key words: methodology for teaching special criminal law disciplines, interdisciplinary competencies, identification of actual beneficiaries, analysis of corruption risks, and algorithmic access to the analysis of accounting statements, including the balance sheet, cash flow statement, profit and loss statement, changes in capital statement, and statement of intended use of funds.

Потребность в формировании современных методик преподавания дисциплин, связанных с выявлением экономических (особенно связанных с хищениями в сфере государственных закупок), очевидно, приобретает все большую актуальность.

Сама специфика преподавания данного рода предметов, заключается, главным образом, в тех формах обучения, которые преследуют цель привития обучающимся определенных умений и навыков, и развития их субъективных качеств [1].

Существующая правоприменительная практика отчетливо свидетельствует о необходимости дополнительного акцента указанного образовательного процесса, именно на механизмах совершения экономических преступлений, как правило, «легендируемых» преступными группами под экономические отношения, якобы имевших место между субъектами хозяйствования (различными организациями, созданными в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью, осуществляющих преступную деятельность под прикрытием различных видов гражданско-правовых договоров).

Соответственно, нельзя не согласиться, что деятельность по раскрытию и расследованию указанных преступлений требует осмысленного и обоснованного применения разработанных криминалистикой средств, приемов и методов. Отдельной проблемой в данном аспекте выступает применение в обучении инновационных технических средств, опередивших практический запрос [2].

В качестве доказательства данного утверждения, полагаем, уместно привести пример расследования уголовного дела в отношении бенефициарного владельца ПАО Банк «Югра» Алексея Хотина, председателя правления банка Дмитрия Шиляева, президента кредитного учреждения Алексея Нефедова и директора филиала в Москве Нины Черновой, которые были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ (растрата, совершенная организованной группой, в особо крупном размере). В ходе судебного разбирательства было установлено, что в 2014 году в Москве Хотин с целью хищения имущества ПАО Банк «Югра» создал и возглавил организованную группу, в состав которой вовлек Шиляева, Нефедова и Чернову, назначив их на руководящие должности в названном кредитном учреждении. Так, с 2014 года по 2017 год указанные лица похитили у банка 23,6 миллиарда рублей. Для этого они выдавали заведомо невозвратные кредиты подконтрольным Хотину компаниям – ООО «КапСтрой», ООО «Восток» и ООО «Мултановское» [3].

Общий финансовый микроэкономический анализ вышеуказанных подставных компаний, с использованием открытых доступных информационных систем сервисов (применяемых, как правило, для оценки рисков и обеспечению экономической безопасности самими субъектами предпринимательской деятельности), позволяет полностью максимально полно и достоверно установить преступную экономическую схему совершенного вышеуказанного хищения (фактически, механизм совершения преступления), без привлечения каких-либо дополнительных ресурсов. Использование указанных доступных информационных сервисов, на занятиях, позволяет получать онлайн доступ к криминалистически значимой информации (с соответствующими попутными разъяснениями), необходимыми для выявления полного перечня использованных в схеме юридических лиц, посредством установления аффилированности всех компаний, задействованных в совершении экономического преступления (включая выявление скрытых связей между компаниями); поиск фактических бенефициаров, анализ коррупционных рисков; мониторинг изменений (включая структуру владения); участие в государственных закупках; а самое главное, получение доступа к анализу бухгалтерской отчетности (баланс предприятия, отчет о движении денежных средств, отчет о финансовых результатах, отчет об изменениях капитала, отчет о целевом использовании средств), что позволяет выявить динамику «оттока» и «притока» капитала, и, соответственно, роль этой организации в общей преступной экономической схеме. Более того, очевидной является необходимость использования в учебном процессе информацию официальных баз данных соответствующих государственных учреждений (ФНС, Росстат, ФССП, Арбитражного судопроизводства, а также ФАС и Федерального казначейства – в рамках осуществленных государственных закупок, и многих других). Вышеуказанные сервисы, как правило, агрегируют указанную информацию более чем из 40 официальных баз данных, что также упрощает ее использование в выявлении некоторых экономических преступлений, и, соответственно, применения в учебном процессе.

Освещенные в средствах массовой информации резонансные уголовные дела (в том числе связанные с масштабными хищениями денежных средств в рамках осуществления государственных закупок), могут свидетельствовать о нереализованной необходимости формирования у правоохранителей, в ходе их обучения, специальных междисциплинарных компетенций, позволяющих методично, в короткие сроки, выявлять, и полностью документировать совершение преступлений указанной категории, прежде всего еще на стадии его приготовления (фактически превентировать).

Повторим свою позицию – нельзя не согласиться с мнением ряда видных ученых криминалистов, утверждающих, что существует явный дефицит предложений по совершенствованию образовательного процесса в части криминалистической и междисциплинарной подготовки по расследованию преступлений экономической и коррупционной направленности. Очевидно, давно назрела потребность особой методологии и организации образовательной деятельности на развитие специальных профессионально-личностных качеств будущих сотрудников правоохранительных органов, деятельность которых будет напрямую связана с выявлением данной категории преступлений, высокого латентного характера. Указанное возможно исключительно при условии интегрированной подготовки, нацеленной на решение будущих профессиональных задач в условиях высокого тактического риска всех возможных принимаемых оперативных и процессуальных решений [4].

Вышеуказанное уголовное дело красноречиво свидетельствуют об актуальности указанной потребности (прежде всего, в части превенции преступлений данной категории). Так, при финансовом анализе псевдозаемщика – ООО «Мултановское», легко установить сумму (6,2 миллиарда рублей), а также цепочку дальнейшего движения похищенных из банка денежных средств и других юридических лиц, задействованных в схеме (помимо аффилированности, это также можно выявить посредством анализа исковых требований в рамках арбитражных дел № А40-241677/2018 от 12.10.2018 на 19,2 миллиардов рублей, и № А40-177098/2018 от 31.07.2018 на 13,7 миллиардов рублей, которые также находятся в открытом доступе) [5].

Полагаем, что при формировании у правоохранителей (на стадии обучения) нужных профессиональных компетенций и алгоритмизированного системного процесса выявления и расследования преступлений указанной категории, с большой долей вероятности, ущерб (как было указано выше) можно было бы предотвратить еще на стадии приготовления данных видов преступлений. В рамках вышеприведенного расследования, прежде всего, посредством проведения общей криминалистической проверки аффилированности компаний, используемых в другой преступной экономической схеме, а именно компаний «Русь Ойл», «Юкатекс Югра», «Нэм Ойл» и др. Это, в свою очередь, позволило бы избежать нанесенного преступниками дополнительного ущерба, в размере 60 миллиардов рублей (с задействованием в новой преступной экономической схеме уже более 700 коммерческих организаций) [6].

Специфика расследования экономических преступлений заключается в том, что ход процессуального документирования (а также тактика проведения определенных следственных действий), зависит исключительно от выявления (на стадии финансово-экономического анализа) всей совокупности задействованных коммерческих структур, а также характера их товарно-денежных потоков. И только после формирования соответствующих знаний, связанных с выявлением всей экономической схемы совершенного преступления, в образовательном процессе должны излагаться особенности оперативного выявления и доказывания на стадии предварительного следствия, желательно с использованием материалов соответствующих уголовных дел, что соответственно автоматически делает понятным логику и ход расследования (в вышеуказанном случае, дела 01-0001/2024, УИД 77RS0007-02-2021-002773-87) [7].

Только в этом случае (с включением вышеуказанного в образовательный процесс), существующие методики преподавания дисциплин указанной категории (отчасти и существующие частные криминалистические методики их выявления и расследования), на наш взгляд, будут носить системный характер.

Можно утверждать, что основной целью образовательного процесса в данном случае должно стать формирование самостоятельно мыслящего специалиста, реально и объективно способного самостоятельно полностью выявить весь механизм совершения данного вида преступлений – преступную финансово-экономическую схему хищения (как правило, маскируемую под гражданско-правовые отношения между контролируемыми субъектами хозяйствования), с последующим использованием сформированных алгоритмизированных навыков принятия тех или иных служебных решений на всех этапах его выявления, и документирования.

Повторим, именно поэтому образовательный процесс по выявлению и расследованию экономических и коррупционных преступлений, мы (условно) повторно предлагаем разделить на 3 основных блока (с формированием соответствующих навыков и практикоориентированных компетенций):

1. Методика и системные навыки аналитического выявления всей преступной схемы совершения экономического (коррупционного) преступления (в том числе с использованием информации из открытых источников), с алгоритмизацией процессов фактического моделирования псевдоэкономических отношений, между задействованными в преступной схеме юридическими и физическими лицами (включая организации, зарегистрированные на подставных лиц), и использования существующих аудиторских методик выявления и сопоставления всех видов аффилированности (по руководству, учредителям, адресу, организациям юридического сопровождения и т.п.);

2. Особенности оперативного (как основного) и последующего процессуально документирования всей установленной, на первом аналитическом этапе, преступной схемы совершения экономического (коррупционного) преступления, исходя из направленности основных целей

документирования, всех ключевых элементов составов преступлений, исходя из первоначальной уголовно-правовой квалификации действий ее участников;

3. Особенности назначения и проведения всех видов судебных экспертиз, что очевидно необходимо для понимания принципов формирования стратегически обусловленной последовательности оперативно-розыскных и следственных действий, направленных на определение полного перечня и «добывания» необходимых источников криминалистически и процессуально значимой информации, для последующей их передачи эксперту, а также перечень и направленность содержания основных вопросов, которые ставятся перед ним.

Подчеркиваем, что именно в такой последовательности и совокупности, по нашей оценке, и необходимо осуществлять подготовку будущих специалистов в данной сфере. При этом, формирование специальных компетенций, в обязательном порядке, должно подкрепляться криминалистическим анализом аналогичной криминалистической и правоприминетильной практики (на примере вышеуказанного выявления многомиллиардных хищений), по уже расследованным уголовным делам с формированием целостного понимания полного перечня всех служебных задач на каждом из вышеуказанных этапов, и с соответствующими навыками их решения (в том числе, при полном изменении обстановки совершения указанных преступлений).

Полагаем, что формирование подобной целостной парадигмы восприятия сложного латентного преступления, и соответствующих методик его выявления и расследования, при подготовке будущих специалистов, может позволить исключить ущербную, на наш взгляд, практику разделения ее по сферам и специализациям (аудитор, системный аналитик, оперуполномоченный, ревизор, следователь, инспектор, эксперт / специалист, государственный обвинитель и т.п.), а наоборот сформирует целостное понимание всех необходимых служебных задач и действий, необходимых (в исключительной своей совокупности) для эффективного выявления и расследования экономических преступлений, вне зависимости от будущей занимаемой должности обучаемого.

Список использованных источников

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики // издательство М: Юрист, 2001 год

2. Кремлев М.В., Левина И.Л. Условия реализации принципа наглядности на примере преподавания дисциплины (модуля) «Криминалистика» // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2021. – № 4. – С. 23–32.

3. Вынесен обвинительный приговор по уголовному делу о хищении 23,6 млрд рублей у ПАО Банк «Югра» [Электронный ресурс]: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e470694/ (дата обращения 10.04.2026 года)

4. Журавлев С.Ю. Инновационные технологии криминалистического образования как фактор совершенствования практики расследования

преступлений // Научно-методический журнал «Криминалистика: вчера, сегодня, завтра» - 2017 год

5. Картотека электронного правосудия [Электронный ресурс]: https://kad.arbitr.ru/Card/daad2145-0038-4351-90c2-001860b0f08c (дата обращения 10.04.2026 года)

6. Около 700 компаний вовлечены в преступную схему экс-владельца банка «Югра» [Электронный ресурс]: https://tass.ru/proisshestviya/25265957 (дата обращения 10.04.2026 года)

7. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы [Электронный ресурс]: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/

cases/criminal/details/d6a94ca0-7341-11eb-9cb2-3779f86264ac?participant=Хотин (дата обращения 10.04.2026 года)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово…… 3

Секция 1. Современное состояние и проблемы уголовно-правовой политики……4

Авдеев В. А., Авдеева О. А.
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ.....4

Белостоцкая Е. В., Косяк Е. Л.
ДАЧА ВЗЯТКИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ……10

Винокуров С. И.
О СООТНОШЕНИИ И РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ…….....14

Горбовская К. И., Гапотченко Г. Н.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГЕНОЦИДУ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ……21

Гудима К. Н.
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ……....28

Козина О. А., Пестова Д. Д.
КРИПТОВАЛЮТА КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ……34

Кирьянович Д. В.
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРИПТОВАЛЮТЫ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРИЗНАНИЯ ПРЕДМЕТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИМУЩЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТЬЮ……39

Кузнецов Д. С.
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АГРЕССИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ……....47

Лукоянова Е. Ю., Косяк Е. Л.
КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ РАЗБОЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ……..…53

Максимов А. Г.
ПОРЯДОК ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЕ РФ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ…….57

Мамона Т. М., Канивец И. В., Лащенко К. А.
МАСКИРОВКА СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОД ГУМАНИТАРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ: АНАЛИЗ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ И ВЫЗОВОВ ДЛЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА……..…….61

Мамона Т. М., Ковбасистый П. И.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА……..…..67

Мамона Т. М., Швец В. А.

ПРОБЛЕМАТИКА МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОМУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СРЕДСТВ СВЯЗИ……..……72

Мироненко Д. С., Собин Д. В.
ОБЪЕКТ САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ…….……79

Мироненко С. Ю.
СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ О ЗАКОНАХ И ОБЫЧАЯХ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ……..….86

Никуленко А. В., Смирнов М. А.
ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ: НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА ИЛИ ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ……92

Павлов А. С.
ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ОТМЕНЫ УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ТЯЖКИХ НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ……..……97

Петрашова О. И.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АКТУЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ……104

Пономаренко Е.В.
ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ В НОРМАХ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СКЛОНЕНИЕ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ (СТ. 230 УК РФ)……...110

Проводина Е. В.
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ……..……..115

Пронина С. К.
К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ КОНФИСКАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ……...……..119

Рулевская Д. А. , Мошкина Н. В.
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН ПРИ ПРИМЕНЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОСТИ МЕЖДУ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ СЛЕДСТВИЯ И ЗАЩИТОЙ ЛИЧНОСТИ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ……123

Серпилин Р. А., Савченко А. А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЯНИЙ……...…….129

Синельникова А. С., Савченко А. А.
ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ……....136

Сипягин Н. А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ОСОБЫЕ ПЕРИОДЫ……..…..144

Тесля А.И.
ПРОБЛЕМЫ МЕХАНИЗМА КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПРИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И ПРЕВЫШЕНИЯ ЕЕ ПРЕДЕЛОВ……..…….148

Титов А. Н.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……...153

Секция 2. Особенности реализации норм уголовно-исполнительного права……159

Королева Е. В.
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛЕЗНЫХ РАБОТ КАК КЛЮЧЕВОГО СРЕДСТВА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ…….....……...159

Смирнов Л. Б.
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МНОГОМЕРНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЖИМА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ……..166

Секция 3. Личность преступника и жертвы преступления в современном обществе. Детерминанты преступности……172

Жээналиева А.О.
ЭВТАНАЗИЯ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ НЕТ……172

Перенесенко В. Э., Катюха А. Я.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА……..178

Кравченко И. О.
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПНИКА……185

Секция 4. Предупреждение преступлений, связанных с террористической и экстремистской деятельностью……190

Дегтерев А. А.
КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВА……..190

Косяк Е. Л., Боговая О. Ф.
ВОЗБУЖДЕНИЕ ВРАЖДЫ И НЕНАВИСТИ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ И ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ……..195

Краснова К. А., Кондратюк С. В.
НАКАЗАНИЕ ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС……..201

Носач К. И., Ковалёва А. А.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ……207

Рубцова А. С.
МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЗНАНИЕ: ПРОЯВЛЕНИЕ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ……211

Тепляшин П. В.
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЖЕНИЙ ПАНАМСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ 2008 ГОДА……..217

Секция 5. Обеспечение эффективности уголовного правосудия……....221

Бибило В. Н.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОСУДИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ…….221

Галкин М. А.
ВОЗМОЖНА ЛИ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА?.....226

Голобородько В.И., Титов А.Н.
АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ…….231

Гром Е. А., Козачёк Е. С.
КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ…….234

Корчагин А.А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА В ТАКТИКЕ ЗАЩИТЫ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ КАК ЭЛЕМЕНТА ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ……..242

Крапивный Б. Р.
ОПТИМИЗАЦИЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА…….249

Макарницкая Н.С., Чикулаев Р.В.
СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ В ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……...…254

Перенесенко В. Э., Лупандина И. С.
ПУБЛИЧНОСТЬ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ……260

Секция 6. Новации в уголовном процессе…….268

Ахундов Ш. М., Гапотченко Г. Н.
РЕАБИЛИТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ……268

Велеяснев И. Г., Гапотченко Г. Н.
ПРОБЛЕМЫ НЕКАЧЕСТВЕННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ…….272

Гапотченко Г. Н.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИ И ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……276

Гапотченко Г. Н.
О МЕРАХ ПО МИНИМИЗАЦИИ УГРОЗ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАДАНИЮ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ КУРАТОРОВ……281

Гусев Н. И., Гапотченко Г. Н.
ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ…….286

Момот В. Э., Гапотченко Г. Н.
СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ…….290

Мошкина Н. В., Павлова В. И.
ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА РАЗУМНЫХ СРОКОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА……..294

Поздняков А. А., Гапотченко Г. Н.
ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ЛИЦОМ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ст. 174.1 УК РФ)…….297

Солтанович А. В., Пирштук А. И.
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОИЗВОДСТВА В КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ……301

Хоминская О. С., Гапотченко Г. Н.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ……304

Шахова И. Д., Гапотченко Г. Н.
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ……308

Секция 7. Новации методологии научного творчества и преподавания дисциплин уголовного блока……..313

Бабешко Н. В., Собин Д. В. 309
НОВАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА И ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН УГОЛОВНОГО БЛОКА…… ……313

Дмитриевский В. С.
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН, СВЯЗАННЫХ С ВЫЯВЛЕНИЕМ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ…….316

Научное издание
Коллектив авторов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Сборник статей по материалам
VI международной научно-практической конференции
Статьи представлены в авторской редакции